

М.И. Стеблин-Каменский

**ИЗ ЗАПИСНЫХ
КНИЖЕК**

(1958—1981)

М.И.Стеблин-Каменский

**ИЗ
ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК
(1958–1981)**

Дневники. Письма.
Проза. Стихи

«Европейский Дом»
Санкт-Петербург
2009

М.И.Стеблин-Каменский. Из записных книжек. (1958–1981). Дневники. Письма. Проза. Стихи – Издательство «Европейский Дом» – Санкт-Петербург – 2009 – 346 с., вклейки.

В серии вышли:

И.М.Дьяконов. Книга воспоминаний. 1995. 768 стр.

М.Б.Рабинович. Воспоминания долгой жизни. 1996. 368 стр.

И.И.Толстой. Дневник. 1906–1916. XIV+730 стр.

А.Н.Болдырев. Осадная Запись. (Блокадный дневник). 1998. 368 стр.

В.А.Мануйлов. Записки счастливого человека. 1999. 448 стр.

А.Г.Маньков. Дневники 30-х годов. 2001. 320 стр.

Редакционный совет серии:

Б.В.Ананьич

А.К.Байбурин

К.И.Поздняков

Б.В.Фирсов

А.А.Фурсенко

Составитель:

Ю.А.Клейнер

Подготовлено к печати:

Ю.А.Клейнером

О.С.Стеблин-Каменской

И.М.Стеблин-Каменским

*Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 08-04-16121д*

На 4-й стороне обложки: академик И.М. Стеблин-Каменский (слева)
и доктор филологических наук Ю.А. Клейнер

ISBN 978-5-8015-0231-1

© *О.С.Стеблин-Каменская*, 2009

© *И.М.Стеблин-Каменский*, 2009

© В.П. Берков, 2009

© А.Я.Гуревич, 2009

© Ю.А.Клейнер, 2009

© А.С.Либерман, 2009

© Helgi Haraldsson, 2009

© Издательство «Европейский Дом», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Ю.А. Клейнер. Предисловие	7
И.М. Стеблин-Каменский. Об отце	12
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ. ДНЕВНИКИ	19
Из моих записных книжек. (публикация О.С. и И.М. Стеблин-Каменских)	20
ПРОЗА. СТИХИ	125
Дракон (<i>предисловие Д.С. Лихачева</i>) *	126
Экзамен у Л.В. Щербы *	135
На «коне золотая грива» в страну саг *	138
Стоит ли возвращаться с того света? *	158
Блокадная поэма (<i>публикация И.М. Стеблин-Каменского</i>)	167
ПИСЬМА	169
Блокадные письма (<i>публикация И.М. Стеблин-Каменского</i>	170
Три блокадных открытки	181
Арону Яковлевичу Гуревичу. 1960–70-е годы. (<i>предисловие А.Я. Гуревича, публикация и комментарии А.Я. Гуревича и Е.А. Гуревич</i>) *	182
Хельги Харальдссону (<i>предисловие Хельги Харальдссона, комментарии Хельги Харальдссона и Ю.А. Клейнера</i>)	242
И.М. Стеблин-Каменскому (<i>публикация И.М. Стеблин-Каменского</i>)	270
ОТРЫВКИ ИЗ «Воейковского дневника»	275
ПРИЛОЖЕНИЯ	299
В.П. Берков. Так говорил Михаил Иванович... ..	300
И.М. Стеблин-Каменский. Апрельская ночь в гостинице «Сага». Пьеса	306
А.С. Либерман. Из воспоминаний *	309
Указатель имен (Ю.А. Клейнер)	332

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сентябре 2003 г. в Петербурге отмечалось столетие Михаила Ивановича Стеблин-Каменского (11/IX/1903–17/IX/1981), выдающегося филолога, переводчика, основателя Кафедры скандинавской филологии Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета, признанного главу российской скандинавистики. Этой дате была посвящена прошедшая в Петербурге конференция, участие в которой приняли ученики и коллеги М.И., естественно, из Петербурга, а также и из других городов России и Зарубежья, в котором одни оказались, эмигрировав из СССР, другие — вследствие распада страны, третьи, просто уехав на работу в зарубежные университеты. Их судьбы — отражение российской истории, начиная с того времени, в котором жил Михаил Иванович, и перемен, которые произошли уже без него. Перемены эти происходили и в науке, в том, числе в скандинавистике, одним из создателей которой он был. В ней также появлялись новые течения и новые имена — рядом с ним или где-то в стороне. Но его места не занял никто. Никогда, даже в самые худшие времена, еще при жизни М.И. оно странным образом не зависело от обстоятельств и событий, на которые очень внимательно, но как будто со стороны смотрел этот красивый и загадочный человек. Неизменным осталось и отношение к М.И. его учеников и коллег — лингвистов, литературоведов, историков, переводчиков, которые хранят память о нем, с тем, чтобы передать ее далее своим коллегам и ученикам.

Памяти М.И. Стеблин-Каменского были посвящены «Материалы» Конференции¹ и два сборника статей². Однако главным событием, связанным со столетием ученого был выход в свет «Трудов по филологии»³, куда

---

¹ Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. 10–12 сентября 2003 г. СПб: Наука: 325–329.

² *Philologica Scandinavica*. Сборник статей к 100-летию со дня рождения М.И. Стеблин-Каменского. СПб: Филологический факультет, 2003; Слово в перспективе литературной эволюции. К 100-летию М.И. Стеблин-Каменского. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 161–172.

³ *М.И. Стеблин-Каменский*. Труды по филологии. СПб: Филологический факультет, 2003.

вошли основные его работы, а также полная библиография публикаций и очерк научного творчества, написанный его учеником, ныне профессором Университета штата Миннесота (США) Анатолием Симоновичем Либерманом. Вместе с двумя книгами, переизданными незадолго до того⁴, «Труды» составили полное собрание научного наследия М.И. Стеблин-Каменского. Но не полное собрание его сочинений.

М.И. Стеблин-Каменский принадлежал к поколению людей, для которых словесность была естественной формой самовыражения. Многие писали стихи, изначально предназначая их лишь для узкого круга друзей, а возможно, и только для себя. Обычным делом были дневники, в которых собственное видение мира можно было противопоставить газетной «объективности», и путевые заметки, где с помощью слов можно было описать то, что не фиксирует фотопленка. Они также не были рассчитаны на широкую аудиторию. Наконец, живой литературной формой, по крайней мере, для тех, кто обладал чувством стиля и ответственности за написанное, оставался эпистолярный жанр, тогда еще не соперничавший с интернетом. Рассчитывали ли на публикацию стихов, дневников, писем их авторы? Вряд ли все они могли бы однозначно ответить на этот вопрос. Все же, некоторые писали письма «под копирку», после кого-то оставались, готовые к изданию тексты, к которым иногда прилагалась записка: «Сжечь после моей смерти».

Все, что М.И. Стеблин-Каменский не собирался предавать гласности, он уничтожил сам. В частности, стихи. Исключение составляет «Блокадная поэма», подаренная автором его другу А.Н. Болдыреву и сохранившаяся в бумагах последнего. Не стремясь к простому увеличению списка печатных трудов, М.И. Стеблин-Каменский весьма бережно относился ко всему им написанному. Поэтому еще при жизни своей он постарался опубликовать все, что считал достойным публикации. Из этого в настоящий сборник попал рассказ М.И. о его первой поездке в Исландию («На "Коне Золотая грива" — в страну саг»), а также новелла «Стоит ли возвращаться с того света?», являющаяся последней главой книги «Мир саги», где в оригинальной и остроумной форме излагается сформулированная М.И. Стеблин-Каменским «Теория неосознанного авторства» (в древней и средневековой словесности). Издатели посчитали, что это — вполне самостоятельное произведение, представляющее интерес для аудитории, которая не ограничивается скандинавистами или специалистами по истории литературы.

---

⁴ В Издательстве УРСС: «Древнеисландский язык» (первое изд.: М., 1955. 286 с.; вышло три тиража; переиздание продолжается), «Грамматика норвежского языка» (первое изд.: М.-Л., 1957. 242 с.)

Рассказ «Дракон» был написан в 1943 г. В 1970е г. он был предложен для включения в «Блокадную книгу»⁵, но был отвергнут (очевидно, как слишком правдивый и откровенный для того времени). Здесь рассказ «Дракон» печатается по журнальному изданию («Нева» 1989 г., № 1) вместе с предпосланным ему предисловием Д.С. Лихачёва, с которым М.И. Стеблин-Каменский был дружен на протяжении многих лет, хотя в последние годы несколько иронически относился к его общественной деятельности (о чём и пишет в своих заметках).

Публикация другого рассказа, «Экзамен у Щербы», в принципе, не была невозможной и при жизни автора, но пришлось бы убрать абзац о конфликте с неким советским чиновником. Дело, конечно, не в том, что М.И. так уж дорожил этим абзацем; скорее наоборот: сам рассказ, видимо, не был важен для него настолько, чтобы, ради публикации, угождать цензуре.

Как и «Дракон», рассказ «Экзамен у Щербы» читался родными и друзьями М.И. Стеблин-Каменского при его жизни, поэтому публикация⁶, а также перепечатка его в настоящем издании вряд ли противоречат воле автора.

То же относится и к «Записным книжкам», точнее выдержкам из записных книжек, которые сам автор отобрал для публикации незадолго до своей скоропостижной кончины 17 сентября 1981 г., а также выдержкам из «Воейковского дневника», изначально создававшегося как «литература для детей и внуков».

Традиции «семейного чтения» (точнее, «домашних спектаклей») принадлежит и публикуемая в Приложении пьеса «Апрельская ночь в гостинице "Сага"», написанная И.М. Стеблин-Каменским к 76-летию М.И. Стеблин-Каменского. По этой пьесе внуки М.И., Маша (Мария Ивановна) и Миша (Михаил Иванович) поставили спектакль, куклы для которого были изготовлены Н.М. Стеблин-Каменской и О.Н. Стеблин-Каменской.

В Приложении публикуются и вступительная статья к сборнику «Спорное в языкознании»⁷, написанная А.С. Либерманом по просьбе М.И. Стеблин-Каменского, но не принятая Издательством ЛГУ⁸.

Из эпистолярного наследия М.И. Стеблин-Каменского, в целом не очень значительного, были отобраны письма, которые по мнению адресатов и издателей, во-первых, могут быть обнародованы и, во-вторых, являются документами, проливающими свет на определенную эпоху

⁵ А.М. Адамович. Д.А. Гранин. «Блокадная книга». Л.: Лениздат, 1979. В исправленном и дополненном виде публикуется только с 1989 г.

⁶ Опубликовано в: Язык и речевая деятельность. Т. 1. 2003. С. 194–196.

⁷ М. И. Стеблин-Каменский. Спорное в языкознании. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1974.

⁸ Опубликовано в: Язык и речевая деятельность. Т. 5. 2003. С. 180–181 в разделе, посвященном столетию М.И. Стеблин-Каменского.

или проблему. В первую очередь это, конечно, «Блокадные письма», в чем-то, естественно, перекликающиеся с рассказами других людей, переживших Ленинградскую блокаду, и, в то же время, отличающиеся от них, так же, как «Блокадная поэма» отличается от стихов других поэтов-блокадников.

Письма к А.Я. Гуревичу⁹ — также своеобразной документ эпохи, иной, но тоже весьма непростой, характеризующейся непростыми же отношениями, как профессиональными, так и человеческими.

Отдельный интерес представляют письма исландскому слависту, тогда еще аспиранту Хельги Харальдссону, похожие и на путевые заметки в «Записных книжках», и на устные рассказы М.И. о поездках и на его лекции в Дома ученых, обычно собиравшие значительную аудиторию. С Хельги М.И. связывали особые отношения. И деловые и дружеские, это были, кроме того, отношения с человеком, живущим «там», на Западе, и самим своим существованием свидетельствовавшим о реальности «того мира». Людям, не заставшим время, в котором жил М.И., трудно представить себе, как много значили эти отношения для тех, кто тяготился ограничениями, налагаемыми тогдашней жизнью. Не обязательно экономическими или даже политическими ограничениями. (К какой категории можно отнести «нежелательность» переписки с коллегой или другом на Западе¹⁰ или запрет на поездки, если цель их — поговорить на языке, который знаешь и любишь?) Ограничения испытывали все. Тем не менее, одни относились к категории «невыездных», чем, естественно, тяготились, другие были «выездными» и, как правило, гордились этим. М.И. не попадал ни в одну из этих категорий: при возможности ему отказывали в поездке, но при необходимости пускали, впрочем, не всегда. Когда же пускали, М.И. не гордился тем, что он — «выездной», т.е. привилегированный, но радовался свободе, пусть временной и иллюзорной. Это и отличало его от привилегированных, но не свободных и не стремящихся к свободе сограждан.

В последний раз М.И. Стеблин-Каменского не выпустили в 1975 г., в Англию. Тогда его избрали почетным доктором Кембриджского университета. Но в мае того же года эмигрировал А.С. Либерман, который был аспирантом М.И. ровно за десять лет до того. «Теперь у М.И. будут неприятности,» — сказал кто-то. А кто-то услышал.

Филологам некоторое ощущение свободы давали иностранные языки. И опять же, сегодня трудно представить себе условия, в которых они

---

⁹ Первая публикация писем: Язык и речевая деятельность. Т. 5. 2003. С. 141–179, в разделе, посвященном столетию М.И. Стеблин-Каменского.

¹⁰ Поскольку письма проходили цензуру, они шли долго и не всегда достигали адресата. Был, однако, период в жизни М.И., когда все письма к нему и от него приходили быстро и аккуратно. Оказалось, цензор — бывший студент скандинавской кафедры ЛГУ. *Nihil humanum...*

изучались — без лингафонных курсов, по устаревшим или безграмотным учебникам, почти без общения с носителями языка. В случае исландского «почти» — скорее преувеличение, поскольку исландцы крайне редко приезжали в Ленинград. Но приезжая, обязательно бывали в доме М.И. Стеблин-Каменского и хоть ненадолго становились его учителями.

О том, как знал исландский язык М.И. Стеблин-Каменский, можно, среди прочего, судить и по его письмам Хельги Харальдссону, которые воспроизводятся здесь, частью факсимильно¹¹.

Эпистолярный раздел книги завершают письма к И.М. Стеблин-Каменскому, как бы смыкающиеся с его очерком «Об отце» и дополняющие его.

Все письма приводятся в том виде, в каком они были переданы издателям адресатами.

Портрет М.И. Стеблин-Каменского остался бы неоконченным без «нескольких штрихов», которые добавляют к нему «анекдоты» (в первоначальном смысле этого слова) в пересказе В.П. Беркова, который близко общался с М.И. Стеблин-Каменским на протяжении 35 лет.

Своего рода комментарием является «Указатель имен». Цель последнего — дать минимальные сведения о людях, упоминаемых в книге, и одновременно о круге общения и интересах М.И. Стеблин-Каменского.

В составлении примечаний к текстам и комментировании «Указателя» существенную помощь издателям оказали К.М. Азадовский, Л.Ю. Брауде, М.С. Глинка, Т.Н. Джаксон, А.В. Дубасова, Б.С. Жаров, П.А. Клубков, А.В. Лавров, А.С. Либерман, А.Н. Ливанова, И.М. Михайлова, К.А. и Г.А. Морген, С.И. Неделяева-Степонавичене, Е.П. Ренне, Ю.В. Рябухина, С.П. Самострелова-Смирницкая, В. Урусова и Хельги Харальдссон. Кроме того, С.И. Неделяева-Степонавичене дала ряд ценных советов, касающихся перевода писем, написанных по-исландски, а Хельги Харальдссон прочел готовый перевод.

Всем им издатели приносят свою искреннюю благодарность.

Ю.А. Клейнер

---

¹¹ Ср. также: «Он сидит в кресле-качалке и говорит — очень свободно и с удовольствием. Особенно о сагах. Исландский у него очень хороший. Я говорю лучше, но не о сагах. Их он знает гораздо лучше меня.» (из рассказа Ингюнн Аусдисардоухтир, студентки из Рейкьявика, бывавшей у М.И. в 1975 г.).

ОБ ОТЦЕ

Мой отец, Михаил Иванович, родился в Петербурге 29 августа (11 сентября) 1903 года и был младшим ребёнком среди шестерых братьев и сестёр — детей юрисконсульта Морского министерства, Ивана Егоровича С.-К., и Натальи Николаевны, урождённой Гонецкой, дочери известного генерала, воевавшего на Кавказе и усмирявшего Польшу, члена Государственного Совета (изображён на известной картине Репина; его письма с Кавказской войны опубликованы в 8 номере журнала «Звезда» за 2003 г.). Поженились они в 1890 г., когда прадед мой, Егор Павлович С.-К., состоял в должности Виленского гражданского губернатора, а Николай Степанович Гонецкий был генерал-губернатором Виленского военного округа. Согласно семейному преданию, Наталья Николаевна устала рожать, и какая-то бабка-знахарка дала ей заветную бутылочку, чтобы она пила эти капли и больше не беременела. От этой-то бутылочки и родился будто бы мой отец.

Фамилия наша появляется на Полтавщине в середине XVIII столетия, имеет казацко-польское происхождение. Краткая редакция поколенной росписи Стеблин-Каменских опубликована мною в соавторстве с генеалогом А.А.Шумковым в Дворянском календаре (Справочная родословная книга российского дворянства. Тетрадь 5, СПб., 1998, с.101 — 108), а полная генеалогия и поколенная роспись издана отдельной книгой: В.В.Коротенко, И.М.Стеблин-Каменский, А.А.Шумков. Стеблин-Каменские (Стеблинские, Стеблин-Каминские). Опыт историко-генеалогического исследования. СПб., 2005, 312 стр. Считаю своим предком природного польского шляхтича Ивана Станиславовича Каминского, в 1690 г. во время войн перешедшего в Малороссию и породнившегося с семьёй Стеблина или Стеблинских, Стеблин-Каменские приняли герб Каминских — «Доленга»: стрела внутри подковы. По семейной легенде, девиз герба: «Верны как кони, быстры как стрелы». Среди наших предков были священники, учителя, военные, моряки, юристы. Со второй половины XIX века многие Стеблин-Каменские служили в

Петербурге. Среди наиболее заметных представителей нашего рода (помимо уже названного Виленского губернатора Егора Павловича, ранее бывшего директором знаменитого Лицея в Нежине) упомяну еще революционера-народника Ростислава Андреевича С.-К., приговорённого к каторжным работам, автора записок о Якутском крае, застрелившегося в Иркутске в 1894 г., и двоюродного брата отца, морского офицера Ивана Георгиевича С.-К., принявшего после революции священнический сан, настоятеля храма Святой Троицы на Стремянной улице в Петрограде (взорван в 1966 г.), заключенного Соловецкого лагеря (опубликованы его письма из тюрем и лагерей), расстрелянного в Воронеже 2 августа 1930 г., причисленного ныне к лику святых в числе новомучеников и исповедников Российских, за веру пострадавших (память 2-го августа по новому стилю).

В детстве отец получил хорошее домашнее воспитание, заключавшееся, в частности, во владении французским языком, позднее английским и немецким. Будучи младшим ребёнком в семье, он был окружён заботой старших сестёр, о которых вспоминал с большой нежностью. Лето семья проводила в имении Чижово Духовщинского уезда Смоленской губернии или под Вильно, в имении Бьюцишки Гедройцкой волости Виленского уезда и губернии.

До революции отец учился в реальном училище, позднее он жалел, что не в гимназии, где изучали древние языки. В революционные годы, спасаясь от голода в Петрограде, семья частично перебралась через Смоленск на Украину, где пришлось работать «за харчи». Там в 1919 году умер его отец, мой дед Иван Егорович. Сестра Наталья, боец-доброволец Женского батальона уехала с мужем-офицером в эмиграцию во Францию, туда же вскоре последовал через африканскую Бизерту и старший брат Иван, штурманский офицер минной эскадры Черноморского флота. Младший же Михаил вступил в 1920 г. в комсомол, был секретарём Константиноградского (Красноградского Полтавской губернии) уездного бюро комсомола, в качестве красноармейца участвовал в Гражданской войне. Позднее отец вспоминал, что воевал против банд Махно, вооруженный, как он шутил, какой-то старинной берданкой, которой опасался пользоваться, боясь, что она разорвётся у него в руках.

Вернувшись в 1922 г. в Петроград, он поступил на этнографическо-лингвистическое отделение Филологического факультета Петроградского университета. По наивности полагая, что комсомол нужен только во время войны, он вышел из комсомола — и был немедленно изгнан из университета при очередной так называемой чистке, в том числе, разумеется, и за дворянское происхождение. Его

однокашник и друг юности, будущий академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, тогда остался в университете, но потом его выслали на Соловки за участие в студенческом кружке.

Долгое время отец был безработным, давал уроки английского языка, работал по договорам в издательствах, участвовал в составлении словарей. В частности, известные «Русско-английский словарь» и «Англо-русский словарь» Боянуса и Мюллера (1930) написал в значительной части мой отец, как становится ясным и из словарного предисловия «От составителей» (он упоминается первым, а не по алфавиту), и из огромной кипы материалов к словарю, хранившейся у нас на старой квартире на антресолях, но при очередном переезде потом выкинутой за ненадобностью.

В это время отец подружился с гостившим в России англичанином, Дагласом Гарманом, насколько я понял по его воспоминаниям и некоторым намёкам, был влюблён в его жену. Сохранились стихи и изданная в 1927 г. книга: Douglas Garman. The Jaded Hero.

Отец рассказывал, что Гарман намеревался либо стать великим поэтом, либо никем. По-видимому, произошло последнее. Отец тоже писал стихи, но впоследствии уничтожил всё, кроме версий одного блокадного четверостишия (публикуется в настоящем издании).

Позднее отец служил корректором и техническим редактором в Издательстве Академии наук (куда поступил и Дмитрий Сергеевич, есть издания, в которых отец числится техническим редактором, а Лихачев — корректором и наоборот). По словам отца, именно то, что он не имел постоянного места работы, и спасло его от неминуемых репрессий и высылки 30-х годов, которым подверглись многие родственники и знакомые.

В 1934 г. отец женился на моей матери Ольге Сергеевне, урождённой Шидловской, закончившей Географический факультет Университета и работавшей картографом. Родители матери, представители старинного дворянского рода Шидловских, были расстреляны в Балаклаве 31 декабря 1921 г. Дед, Сергей Александрович, был офицером, бабушка, Ольга Павловна (урожд. Тыртова), по рассказам, бросилась к мужу и была расстреляна вместе с ним (это были известные крымские зверства большевички Розалии Землячки).

В 1939 г., по настоянию жены, после рождения моей старшей сестры, отец экстерном закончил курс Филологического факультета Ленинградского государственного университета и получил диплом с отличием по специальности лингвист-германист. Воспоминания об этом напряженном периоде его жизни есть в рассказе «Как я сдавал экзамен у Щербы» (публикуется в настоящем издании). Преподавал английский язык в Политехническом институте, осенью 1941 г. всту-

пил в народное ополчение, но вскоре был демобилизован по состоянию здоровья (врождённый порок сердца).

Всю блокаду отец провёл в городе (моя мать — картограф служила на Ленинградском фронте, в том числе на Невском пятачке). Отец был ответственным по хранению Архива Института литературы (Пушкинского Дома). В блокадное время отец подружился с коллегами-хранителями академических учреждений и библиотек, известными ленинградскими филологами, востоковедом-иранистом Александром Николаевичем Болдыревым (оставившем замечательный блокадный дневник, изданный в этой же серии: «Осадная Запись». СПб., 1998), литературоведом Виктором Андрониковичем Мануйловым (его воспоминания тоже изданы в этой серии: «Записки счастливого человека». СПб., 1999) и писателем, автором исторических повестей и романов, знатоком русской культуры и геральдики Владиславом Михайловичем Глинкой (две книги о нём — «Хранитель» изданы его племянником Михаилом Сергеевичем Глинкой: СПб., 2003; 2006). Во время блокады отец написал рассказ «Дракон» (публикуется в настоящем издании). Вспоминая о блокаде, он рассказывал, что самым страшным для него были не обстрелы, а валявшиеся везде мертвецы.

Блокадная дружба продолжалась и после войны, друзья регулярно собирались, встречи эти бывали у нас дома, назывались «мальчишниками», проходили за закрытыми дверями, никому больше присутствовать не разрешалось, мама, принеся выпивку и закуску, всегда удалялась. На этих «мальчишниках», помимо обычных мужских тем, обсуждалась, конечно, и «политика», высмеивалась советская (как теперь говорят, «совковая») жизнь, — и от отца, и от А.Н. Болдырева я неоднократно слышал, что они считают себя «внутренними эмигрантами». Отчётливо помню, что, придя из школы в день смерти Сталина (о чём мне сообщили в школьном мужском туалете), слышал, как отец сказал: «Наконец-то эта сволочь подохла». Помню, что в детстве отец развлекал меня бесконечными историями о тиране-злодее Сосо Кучашвали, которые были, видимо, его версией «Краткого курса ВКП(б)». Членом компартии из четверых друзей стал только В.А. Мануйлов — они сами уговорили его вступить, чтобы занять какие-то должности или достичь побыстрее неких степеней.

В 1943 г. отец закончил кандидатскую диссертацию о древнеанглийской поэзии и успешно защитил её заочно (как это имели право делать соискатели, находившиеся во фронтовых условиях и в приравненных к ним блокадных) в Ташкенте, куда были эвакуированы сотрудники Пушкинского Дома. Оппонентами выступали будущие

академики В.М.Жирмунский и В.Ф.Шишмарёв. Рассказывали, что во время защиты началась гроза, сверкнула молния, прогремел гром, окна распахнулись, и все решили, что это явился сам диссертант.

Все эти и многие последующие годы отец скрывал, что у него есть родственники за границей. Во всех анкетах отрицал, что имеет таких, и действительно не поддерживал с сестрой и братом никаких отношений, не знал, где они живут и живы ли вообще. Его вызывали в «Большой Дом», допрашивали, видимо, пытались вербовать, но он, как говорил, прикидывался простофилей-интеллигентом. В конце 60-х годов нас разыскала в Ленинграде племянница отца, дочка Наталии Ивановны, и отец, когда вышел на пенсию, по её приглашению несколько раз бывал во Франции (о чём пишет в записных книжках). Тогда выяснилось, что старший брат Иван, работавший в Париже таксистом, во время войны завербовался переводчиком германского вермахта, служил на Восточном фронте и застрелился в августе 1944 г. под Смоленском. Сохранилось несколько тетрадей его фронтовых дневников, в одной из которых описано посещение сожженного родового имения Чижово, вспоминаются катания с братьями на плотах.

После войны отец поступил в докторантуру Пушкинского Дома, а также начал преподавать на Филологическом факультете, сначала доцентом Кафедры германской филологии, а затем, занявшись, в основном самостоятельно, скандинавскими языками (в первую очередь, древнеисландским) и защитив в 1948 г. докторскую диссертацию «Поэзия скальдов», стал профессором и с 1950 г. — заведующим Кафедрой германской филологии. С 1948 по 1960 г. и с 1966 по 1973 г. по совместительству был научным сотрудником Института языкознания Академии наук. В эти годы были изданы фундаментальная «История скандинавских языков» (М.-Л., 1953. 340 с.), «Древнеисландский язык» (М., 1955. 286 с.), «Грамматика норвежского языка» (М.-Л., 1957. 242 с.), опубликованы переводы исландских саг («Исландские саги». М., 1956). В 1958 г. М.И.Стеблин-Каменский основал первую в СССР Кафедру скандинавской филологии и заведовал ею лет двадцать. Тогда же он впервые побывал в Исландии и вообще начал выезжать за границу на разные конференции, хотя многократно вынужден был отказываться от всевозможных заманчивых приглашений (не по своей вине, разумеется).

Регулярных дневников отец не вёл, но в поездках и путешествиях, а он предпочитал летом путешествовать и наотрез отказывался заводить дачу (и стал проводить лето на одном месте — в Пушкинских горах, позже в Павловске — уже только в последние годы жизни), всегда делал заметки для памяти. Из этих путевых заметок и

отрывочных записей в записных книжках им и были составлены, а мамой перепечатаны эти выдержки. Незадолго до смерти он привёл в порядок весь свой архив, распределив какие-то материалы хранить до публикации (если еще не изданы). В оставленном им завещании он просил сразу же после смерти закрыть ему лицо и не устраивать никаких панихид. Он всегда возмущался ритуалом гражданских панихид, говорил, что потом покойники снятся ему по ночам, смеялся над любителями надгробных речей, сводящимся, по его наблюдениям, в основном к тому, что выступающие говорят о самих себе и своих заслугах перед покойным коллегой (или же о том, что покойный сразу заметил, какой выступающий гениальный учёный). К поминкам, впрочем, относился он более терпимо, хотя и считал их обычаем деревенским.

Зимой по субботам и воскресеньям отец выезжал за город кататься на лыжах, и я, реже моя сестра, сопровождали его. С середины 50-х до начала 70-х годов мы снимали комнату в пригородном посёлке Воейково за Колтушами, где местность довольно холмистая. Приезжали в субботу под вечер, шли на лыжах в ближайший лес, возвратясь, топили печку, варили картошку, ели ее с селёдкой в горчичном соусе и запивали хозяйским молоком (когда я вырос, иногда и водкой). Отец особенно ликовал, когда во время прогулок удавалось увидеть лосей. В какие-то годы это случалось довольно часто, почти каждый раз как мы приезжали в Воейково. Всё, что случалось и сочинялось, записывалось в специальный «Воейковский дневник».

Некоторые заметки «Из моих записных книжек» могут показаться несколько «устаревшими» с точки зрения нашего нынешнего мироощущения во времена всеобщей «освобождённости» почти ото всего. Нельзя, однако, забывать, что отбирались они самим автором из записей иногда пятидесятилетней давности без всякой надежды быть опубликованными в то время, когда о «перестройке» еще и не предполагали, а потому позволяют лучше понять, чем мы жили, что думали, о чём даже говорили и что записывали в дневниках...

И.М.Стеблин-Каменский
Апрель 2007

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

ИЗ МОИХ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК*

Жизнь моя — тоненькая ниточка из мгновений. Из них только очень малая часть сохранилась в памяти, большая часть растаяла. А смерть тоже будет только одним из таких мгновений, и оно ничем не будет отличаться от предыдущих, если я не буду знать, что оно последнее. А вряд ли это можно знать. Так я думал, попав в больницу с инфарктом в октябре 1977 г.

Восторг оттого, что я снова дома после кошмара больницы, сопровождался каким-то щемящим чувством. Я ли это вернулся? А что если в зеркале не будет отражения?

В последние годы я столько раз умирал, то есть думал, что умираю, когда спазма схватывала грудь во время приступа, а потом оживал, что даже как-то перестал верить в то, что я когда-нибудь умру.

Оживать, конечно, очень приятно: таким все кажется милым и уютным. Но есть и какая-то досада, вроде как если бы пришел на экзамен, а он не состоялся.

Если «все в себе вмещает человек» (Гумилев)¹, если «я» всеобъемлюще и бесконечно, а оно, несомненно, всеобъемлюще и бесконечно, то, конечно, нельзя себе представить смерть своего «я». Ведь если нет загробной жизни, то смерть моего «я» — это смерть всего

---

* Подготовка текста О.С. и И.М. Стеблин-Каменских. Примечания Ю.А. Клейнера.

¹ Из стихотворения Н.С. Гумилева «Фра Беато Анджелико» (1912 г.):

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

мира! Другим словами, если все в себе вмещает человек, то должна быть загробная жизнь.

Но ее нет.

Как странно все же, что «я», то есть всеобъемлющее и бесконечное, может быть занято тем, на какой трамвай сесть, не надеть ли свитер, не пойти ли в уборную, не выпить ли еще стакан чая и т.д. и т.п. Странно тоже, что всеобъемлющее и бесконечное может помещаться вот в этом щуплом теле...

Если «я» — это весь мир, то, конечно, единственное, что реально существует, — это мое «я», а весь мир — только иллюзия.

Но если всякое «я» — это весь мир, то вероятнее, что реально существует именно весь мир, а «я» — это только иллюзия.

В «Дневнике писателя» (1876 г., стр.349-352, 418-428 и 430-433) Достоевский в сущности проповедует самоубийство. Его суждение: если нет бессмертия души, то остается только покончить с собой; следовательно, оно есть. Или: бессмертие души есть, так как если бы его не было, то надо было бы покончить с собой. Таким образом, единственный довод в пользу того, что бессмертие души есть, это то, что хочется, чтобы оно было. Но если это единственный довод в пользу того, что оно есть, то очевидно, что его нет, и, следовательно, человеку ничего не остается кроме самоубийства. Очевидно также, что Достоевскому страстно хотелось верить в бессмертие души, он заставлял себя верить в него. Но верил ли? Вряд ли.

Все это также есть и в «Бесах» (Кириллов), и в «Братьях Карамазовых» (Иван Карамазов).

Просыпаясь и вспоминая, что снилось, обнаруживаешь в своих снах пласты разных «я», разные постоянно повторяющиеся сны (то есть разные типы творчества, разные порождающие грамматики?). Одно из этих «я», которое постоянно появляется в моих снах, — автор бесконечного романа, который исподволь записывается в толстую тетрадку в одну линейку и в клеенчатой обложке, но никогда не кончается. Другое «я» моих снов не может сдать экзамен за университет и боится, что об этом узнают в университете, где я профессор. Третье «я» никуда не берут на работу, и оно, поэтому должно покончить с собой.

Но ведь и, когда бодрствуешь, обнаруживаешь в себе разные «я»: «я», сочиняющее научные работы, «я», выступающее на заседаниях, «я», беседующее с друзьями (и даже с разными друзьями — разные «я»!).

Так что, конечно, вполне возможным было сочетание скальдического творчества (то есть «я», сочиняющего скальдические стихи) с эддическим творчеством (то есть «я», не расчленяющего исполнения и сочинения стихов) в одном и том же человеке.

В сновидении предшествующий и последующий моменты могут сосуществовать, один и тот же пункт времени может повторяться и может находиться одновременно в двух разных пунктах пространства. Другими словами, время и пространство во сне совсем не те, что на яву. Значит ли это, что и личность во сне совсем не то, что на яву? Конечно, ведь «я» во сне может быть одновременно и не «я» и может раздваиваться. Но как описать увиденное во сне? Ведь нельзя вернуться в сон, даже только что увиденный, и рассказывать о нем, даже самому себе, невозможно не приближать его к тому, что видел наяву, то есть выдумывать его.

Пережиточно «архаическая типичность» (или совпадение особи с видом) есть в животных, как их стихийно представляет себе человек. Вот почему животные как личности удобны в сатире! (Яху у Свифта, Холстомер у Толстого, персонажи Рейнеке-Лиса и т.п.).

Возможно, что животные тем и импонируют современному человеку, что он вчитывает в них это совпадение особи с видом, которое вместе с тем — невыделенность из природы, то есть возможность укрыться в лоне чего-то большего, чем особь.

Когда я в 1972 г. жил в Лионе, я любил ходить гулять с собачкой моих хозяев. Она была ласковой, послушной, и звали ее Пусси. Выйдя на прогулку, она с восторгом обнюхивала все, что ей попадалось на пути — землю, траву, камни, кустарники и т.д. — и носилась как угорелая. Что она находила своим носом? — спрашивал я себя. Наверно, что-то страшно интересное, гораздо более интересное, чем туристские объекты могут быть интересны туристу.

Целесообразно ли было возникновение «я» с точки зрения наилучшего функционирования организма? Ведь вот человека, то есть

носителя «я», можно отучить от того, чтобы пользоваться ногами (автомобиль) или даже мозгами (компьютер), между тем собаку (а у ней, видимо, нет «я») нельзя отучить от того, чтобы ей хотелось бегать и обнюхивать мир.

Наверное, можно было бы объяснить тотемизм как явление закономерное на определенной стадии развития личностного самосознания. Ведь то, что тотемизм явление универсальное, или стадийно-глобальное, общепризнано. Но почему-то никто, насколько мне удастся выяснить, не связывал тотемизм с определенной стадией развития личностного самосознания.

Лежащее в основе тотемизма представление о сверх естественном родстве определенного животного (тотема) с родовым коллективом, то есть отождествление отдельного животного с коллективом, можно было бы, наверно, вывести из отождествления особи с видом, которое, по словам этнографов обычно имеет место в восприятии дикого животного дикарем-охотником, в сочетании с невыделенностью личности из коллектива, то есть отождествление коллектива с личностью, и представления, что дикие животные такие же личности как люди. Ведь все это явно связано!

Но позднейшие осознания народа как личности (ср. *Fjallkona*^a, *Íslendingurinn*^b, *mörlandi*^c и т.п.)² совершенно другого происхождения, конечно. Они либо художественный образ (как *Fjallkona*), либо родовое употребление понятия (как *Íslendingurinn*), либо обозначение чужого коллектива, в котором индивидуумы не различимы (как *mörlandi*). В последнем случае это обычно обозначение «извне» и при том обозначение уничижительное.

Называя свое чувство каким-либо словом, например, говоря «люблю», всегда в большей или меньшей степени находятся во власти иллюзии: это слово якобы так же относится к тому, что им хотят выразить, как, например, слово «карбюратор» относится к продукту серийного

---

² *Fjallkona* 'горная дева', хозяйка гор — упоминается в стихотворении Эгерта Оулафссона (Egert Ólafsson; 1726 - 68) «Наваждение» ("Ófsjónir"; 1752) «Древняя ледяная земля» ("Eldgamlá Ísafold" (Бьярни Тораренсена (Bjarni Thorarensen; 1786-1841). Символ Исландии. В национальный праздник (17 июня) в крупных городах Исландии и за ее пределами какая-то известная женщина (часто популярная актриса) наряжается Фьятльконой и выступает с чтением патриотические стихов и т.п. *Íslendingurinn* — 'исландец' (родовое понятие), *mörlandi* — ироническое название исландца.

производства, который так называется. На самом деле слово «любовь» примерно так же относится к чувствам, которые им хотят выразить, как слово «человек» относится к индивидуальному «я» человека.

Говоря, «мысль изреченная есть ложь» Тютчев имел в виду, конечно, не мысль, а чувство. Это очевидно из всего контекста стихотворения («Как сердцу выразить себя? И т.д.). Да и чувство, выраженное словами, и в известном смысле уже мысль, а не чувство!

Мысль всегда можно полностью выразить словами, а чувство — нельзя, всегда останется невыраженным то индивидуальное, то не общее, что присуще всякому чувству.

А как же в поэзии? Разве в поэзии невозможно выражение чувства. По-видимому, в поэзии выражение чувства потому и возможно. Что индивидуальное получает там обобщенное выражение. Но в чем специфика этого обобщенного выражения?

Возникновение бионики, науки, исследующей использование в технике биологических моделей, свидетельствует о том, что такое использование биологических моделей все в большей мере становится актуальным. Вместе с тем модели эти всегда оказываются гораздо совершеннее подражающей им техники (глаз гораздо совершеннее фотоаппарата, летающее насекомое — летной машины, эхолокационные устройства у летучих мышей и дельфинов — соответствующих технических устройств и, конечно, человек — робота), и механизмы этих моделей, как правило, остаются до конца непонятными или даже совсем непонятными (как непонятны навигационный механизм перелетных птиц или механизм биологических часов и т.п., см. В. Мартека. Бионика. М., 1967).

Между тем, по-видимому, гуманитарные науки развиваются в направлении, противоположном тому, в котором развивается техника. Ведь стремление свести объект исследования к схемам, формулам, матрицам, характерное для структурализма, направления, господствующего в гуманитарных науках, в большей или меньшей степени подразумевает трактовку человека как своего рода робота. В технике живой организм служит образцом для машины, притом образцом недостижимым. Между тем в гуманитарных науках стремятся в человеке вскрыть робота, машину, упрощенной моделью которой послужил человек.

Мой внук Мишка интересуется только винтиками, магнитами, проволочками и тому подобным, и что-то мастерит из всего этого.

Видимо, так все мальчишки в его возрасте. Не означает ли в таком случае развитие техники в наше время, то есть так называемая техническая революция, что человечество впадает в детство?

Однако большое преимущество мишкиных машин перед настоящими то, что они не работают, то есть не дымят, не отравляют, не калечат и т.д.

В области знания, самой важной для всякого отдельного человека, а именно — знания того, как жить, как вести себя в жизни, как устраивать свою личную жизнь, как налаживать отношения с другими людьми и т.д., не было никакого прогресса на протяжении человеческой истории.

Наоборот! Был регресс. В давние времена собрания правил житейской мудрости, такие как «Речи Высокого» в «Эдде», гномическая поэзия у разных народов, средневековые «зеркала» и т.п. были равноправными литературными жанрами, занимали в литературе почетное место. В новое время им пришли на смену произведения, не претендующие ни на то, что они литература, ни на то, что они наука, и касающиеся только самого внешнего в поведении человека (этикета и т.п.), вроде, например, книги *Mixing in Society. A Complete Manual of Manners, by the Right Hon the Countess of +++++, London and New York, 1872*, или как-то мной прочитанной жалкой книжонки о «советском этикете».

Казалось бы, что в самом важном для всякого отдельного человека он должен опираться на опыт человечества, сведенный в систему, то есть в науку. А между тем в действительности все самое важное в своей личной жизни всякий отдельный человек должен решать так, как будто у человечества не было никакого опыта в этой области. Почему житейская мудрость потеряла свое почетное место в литературе, но и не стала наукой? Не проявление ли это того, что человек как живой организм становится все менее приспособленным к окружающей среде?

Если действительно, как утверждает Леви-Стросс (*L'origine des manières de table*³, Paris, 1968, стр.419), вместо того, чтобы защищать внутреннюю чистоту субъекта от нечистоты существ и вещей, хорошие манеры служат у дикарей тому, чтобы защищать чистоту существ и вещей от нечистоты субъекта, то ведь это очевидно, след-

---

³ «Происхождение этикета стола» (фр.).

ствии того, что раньше субъект в меньшей степени выделял себя из мира, и в таком случае нельзя ли обнаружить проявления того, что развитие морали вообще заключалось в усилении ее человекоцентричности?

Можно обнаружить следы того, что первоначально понятия «хороший» и «знатный», «хороший» и «богатый», «хороший» и «знаменитый» и т.п., то есть понятия о внутренне присущем человеку и о присущем ему только в силу тех или иных социальных условий или условностей, не были четко дифференцированы. По мере того как эти понятия дифференцировались, появилось и представление о внутренне присущем человеку как истинно ценном, и о присущем ему только в силу социальных условий или условностей, как только условно ценном. Вместе с тем, однако, формы снобизма свести к такой подмене? И не к тому же ли сводится определение снобизма, которое ему дал Теккерей в книге *The Book of Snobs (he who meanly admires mean things is a snob)*⁴.

Одно из последствий того, что литература разошлась с наукой о литературе (как результат общего разделения науки и художественной литературы) — это то, что, тогда как в литературе новые художественные произведения не отменяют старые (Гомер или Шекспир и в наше время остаются Гомером и Шекспиром), в литературоведении всякая новая работа, как бы бездарна она ни была, если она покрывает тему старой в какой-то мере отменяет ее, как бы эта старая ни была талантлива. Так, романтическое литературоведение — объект насмешек (например, «это — романтизм» — говорят с насмешкой современные саговеды о попытках увидеть в сагах что-то большее, чем конгломерат заимствований или христианские притчи). Между тем оно было, вероятно, лучше современного литературоведения, хотя бы тем, что меньше отличалось от художественной литературы, меньше претендовало на научность.

«Мир саги» едва ли лучшая из моих работ (несмотря на то, что опубликовано 30 с лишним рецензий на нее, она переводилась на разные языки, и о ней много говорилось на последних международ-

---

⁴ «Книга снобов». «Тот, кто низменно восхищается низменными вещами — сноб» (англ.).

ных конференциях по сагам), ибо основное, что я сказал в этой книге, а именно, что авторы исландских родовых саг считали свои произведения правдой, — очевидная истина. Мимоходом кое-кто (например, Э.О.Свейнссон) высказывал эту истину и до меня. Но никому не приходило в голову сделать такой общий вопрос, как вера авторов саг в их правдивость, темой целой книги. В саговедении было принято (и до сих пор принято) в работах о сагах ставить только сугубо частные вопросы, и в последнее время особенно такие, на которые можно ответить цифрой (сравни бесчисленные работы Халльберга со статистическими подсчетами) или даже просто матрицей (сравни анекдотическую работу Херманна Паульссона *Death in Autumn*, BONIS⁵ 1973, Copenhagen, 1974, стр. 7–39).

Вероятно, то, что я говорю в моих работах о сущности поэзии скальдов как типе творчества тоже — очевидная истина. Никому до сих пор не приходило в голову подумать о сущности поэзии скальдов просто потому, что в скальдологии принято было толковать отдельные скальдические стихи, а не ставить общие вопросы.

Мне кажется, что моя лучшая работа «Апология смеха». Но в ней нет ни эрудиции, ни объема. Она только статья. Поэтому, в то время как антиисторический вздор об «амбивалентности смеха», нагородженный Бахтиным в его талантливейшей книге о Рабле, взят на вооружение древниками и медиевистами, моей статьи никто и не заметил. Вот так и всегда в науке. *Homo Ludens*⁶ Хейзинги — знаменитая книга без конца издавалась, переведена на многие языки. А между тем в основе ее — пустая, вздорная идея. Но эта идея проведена через всю книгу, разработана на огромном материале. Несостоятельность концепции Хейзинги убедительно вскрыта уже в предисловии к тому изданию книги, которым я пользовался. Но что такое предисловие по сравнению с книгой? Я даже не помню автора этого предисловия. Так и Леви-Стросс. Если бы он не протащил свою вздорную концепцию мифа через тома своих *Mythologiques*⁷, расцветив ее новой терминологией и огромным материалом, то никто бы ее не заметил, и она не сыграла бы никакой роли в науке.

---

⁵ Pálsson H. *Death in Autumn. Tragic Elements in Early Icelandic Fiction* // BONIS 1973. Odense, 1974. P. 7–39. BONIS — Bibliography of Old Norse-Icelandic Studies — библиографический справочник по древнескандинавской литературе; издается в Копенгагене с 1963 г.

⁶ «Человек играющий». Русский перевод книги Хейзинги (1938), вышел только в 1992 г.

⁷ «Мифологические».

Солью анекдотов, которые рассказывались в больничной палате, где я лежал, то есть тем, что должно было рассмешить, всегда были только непристойные слова, которые употреблялись при рассказывании этих анекдотов, а не осмеяние чего-нибудь. В неинтеллигентной или малоинтеллигентной среде (в палате лежали в основном рабочие или представители профессий, не требующих особой квалификации) очевидно, до сих пор понятен только тот архаический вид комизма, который я в моей «Апологии смеха» называю «ненаправленным смехом» и который в наше время в чистом виде представлен только искусством клоуна.

Архаический комизм, как я его понимаю, ближе к тому, что вызывает смех в жизни, чем комизм в литературе нового времени, ибо как архаический комизм, так и то, что вызывает смех в жизни, не может быть осмеянием. Все же различие между архаическим комизмом и тем, что вызывает смех в жизни, велико: первый умышлен, второй — нет (иначе оно было бы искусством).

Амбивалентность есть не в архаическом смехе (как думал Бахтин и вслед за ним все прельщенные его абсолютно антиисторической концепцией истории смеха — Лихачев, Гуревич и т.д.), а в формах смеха, появившихся только в новое время, — в юморе, то есть осмеянии с целью выразить сочувствие, одобрение и т.п., и в иронии, одобрении с целью осмеяния.

Отличный пример «ненаправленного смеха» в условиях еще не развившегося направленного смеха есть в «Саге о Карле Великом и его витязях» (В. 3, стр. 737–767)⁸. Ни Карл, ни его перы, явно не осмеиваются, а только смешат, как клоуны, причем Бог помогает Карлу поставить Гугона в смешное (вернее — смешашщее) положение.

Почему, когда женщина входит в вагон трамвая или автобуса или троллейбуса, в который она еле успела вскочить или бежала, чтобы поспеть в него, она непременно улыбается? Что выражает эта улыбка?

⁸ “*Karlanagneis saga or kappa hans*”.

ка? Насмешку над собой? Иронию? Торжество? И почему эта улыбка свойственна только женщинам? Для меня это такая же загадка как то, что, если женщина в купальном костюме стоит, то непременно подбоченившись. Мужчина в купальном костюме может стоять и в другой позе.

Возможно, что древнеисландская литература, как я о ней рассказываю в моих книжках, в значительной степени придумана мной. Но разве то же самое нельзя сказать и о всякой истории прошлого, в которой проявляются мировоззрение автора, его вкусы, взгляды, симпатии и т.д.? В «значительной степени» ... А не возможна ли и целиком вымышленная история литературы какой-то вымышленной страны? Вот бы написать такую историю! Как бы в такой истории можно было выразить свою концепцию развития литературы! И вот бы высмеять в такой истории, как из патриотических или политических побуждений явная подделка (вроде «Слова о полку Игореве») выдается за оригинальный средневековый памятник, а занудная и бездарная писанина (вроде «Что делать» Чернышевского) за художественное произведение.

В эпоху записи эддических песней существовало скальдическое искусство, то есть осознанное авторство, и скальды подчас сочиняли и в эддических размерах. Поэтому, не могли ли эддические песни уже при записи быть приняты за продукты осознанного авторства, то есть за фиксированные тексты? Другими словами, не могла ли иллюзия, во власти которой находятся все современные исследователи (эддические песни — это якобы авторские произведения), существовать и в древности?

Возможно ли неосознанное авторство? Одно из доказательств того, что оно возможно, — сновидения. Ведь в них комбинирование элементов действительности подчиняется законам, еще более причудливым, чем те, которым подчиняется художественное творчество, и в то же время сознание совершенно не участвует в этом комбинировании элементов.

Неосознанность авторства вовсе не исключает индивидуального авторства. В устной традиции она дает даже больше возможности

для его проявления (интонация, мимика, голос и т.д.). Но неосознанность авторства исключает возможность самоутверждения посредством авторства, то есть выпендривания (видимо, скальдическая гипертрофия формы именно такое выпендривание!). И, что самое важное, делает невозможными страдания, обусловленные сознанием своей неполноценности как автора. Вероятно, почти для всякого современного писателя было бы благодеянием, если бы он перестал сознавать себя автором и тем самым избавился от сознания своей бездарности, второсортности и т.п. Другое дело — ученый. Тот, как бы он ни был бездарен и туп, может быть лучшим специалистом в своей узкой области. И даже, чем он бездарнее и тупее, тем ему легче стать таким специалистом.

У авторов, не осознававших своего авторства, такое же преимущество перед авторами, его осознающими, как у автора, не знающего о своем таланте, перед автором, исполненным сознанием своего таланта (которого у него, может быть, и нет!).

В «Круге Земном», как и в других сагах, особенно живо, то есть с дословным приведением реплик и разных деталей, рассказывается о том, что произошло непосредственно перед какой-нибудь крупной битвой. Такие «предбитвия» есть, например, в рассказах о битвах при Фитъяре (I, стр. 182–185), в Хьёрунгаваге (I, стр. 278–279), при Свельде (I, стр. 353–355), при Веей (III, стр. 381)⁹. Не в том ли здесь дело, что в таких «предбитвах» всего меньше истории и всего больше вымысла? Ведь не могли же люди запоминать дословно то, что только после битвы приобретало смысл, становилось крылатым словом. Другими словами, оно должно было быть придуманным после битвы. Вместе с тем, наверно, именно в «предбитвах» всего легче обнаружить и некоторый фольклорный трафарет.

Изображение действительности в «Илиаде» и «Одиссее» так же относится к попыткам историков описать ту действительность, которую эти поэмы отражали, то есть к анализу экономических, социальных и политических отношений той эпохи с оговорками «наука не располагает...», «письменные источники не позволяют, ...» и т.п.,

---

⁹ Имеется в виду издание: *Heimskringla*. Bl. 1–3. Reykjavik, 1948–1951. С этого издания делался русский перевод: *Снорри Стурлусон. «Круг Земной»*.

как изображение цветка — пусть с искажением контуров и красок и наложением его на другие цветы — относится к химическому анализу какого-то (но не обязательно этого) цветка.

Прочитав «Ни дня без строчки» Олеси. Как странно! Выходит, что в его памяти вся его прошлая жизнь — это мимолетные впечатления, причем только такие, которые ему удастся описать стилистически оригинально (с оригинальной метафорой и т.д.).

«Зависть» Олеси — это фейерверк изысканнейших живописных штрихов и оригинальнейших метафор, который так же относится к содержанию этого произведения, то есть чему-то совершенно ходульному о «людях нового и старого мира», как превосходно сшитый пиджак относится к плечикам, на которые он повешен. Содержание не только оторвано от формы, но и низведено на положение чего-то чисто служебного, бессодержательного. Не в этом ли тупик, в который зашло творчество Олеси?

Когда читаешь дневники и записные книжки Блока, то понятными становятся реальные корни трагизма в его лирике. С одной стороны, невозможность испытывать физическое влечение к той, в кого он влюблен (его отношение к жене как к «Прекрасной даме», равнодушие к ее изменам, и, видимо, такое же платоническое отношение к Волоховой и Дальмас). С другой стороны, физическое влечение, страсть, в сочетании с отвращением (его отношения с проститутками, его слова «сладкое отвращение к половому акту», «нельзя соединяться с очень красивой женщиной, надо избирать для этого только дурных собой» и т.п.). Это сексуальное раздвоение, этот глубокий разлад в сексуальной жизни явно граничит с раздвоением личности и психической болезнью. Поэтому двойник у Блока — не модная тема, а реальность. В его отношении к жене, которую он, несомненно, нежно любил, трагизм усугублялся еще его знанием того, что та была просто плохим человеком (его «Записные книжки», стр. 166). Бертран в «Розе и кресте» — это, конечно, лирический герой, совпадающий с автором. Но вместе с тем понятно и то, почему проститутка играет в поэзии Блока не меньшую роль, чем прекрасная дама. Его героини всегда, если не прекрасные дамы, то проститутки (Фаина, незнакомка, Катька). Кстати, героиня в «Двенадцати» вовсе не революция, а Катька.

Свой разлад в сексуальной жизни Блок переносил в плоскость своего отношения к России, революции и миру вообще. «Грешить бесстыдно, непробудно и т.д.», то есть Россия отвратительная, хамская оказывается ему «всех краев дороже». Да и любовь к России как к «Чушке, которая съела своего поросенка», или «тройке, которая его задавит», или к революции, как к темной губительной стихии — это все то же перенесение своего разлада в сексуальной сфере в плоскость своего отношения к миру.

Но отсюда отнюдь не следует, конечно, что в поэзии Блока нет глубины и силы. Наоборот!

Но смехотворны попытки сделать его «певцом революции» и т.п.

О людях науки трудно сказать что-нибудь лучшее слов Мольера:

*Un sot savant est plus sot,
Qu'un sot ignorant¹⁰.*

По-русски это примерно: дурак доктор наук глупее дурака кандидата наук, а дурак кандидат наук глупее дурака без степени. Иначе это можно сформулировать так: глупость обычно становится более заметной в человеке, после того как он приобретет ученую степень, особенно докторскую.

Фонологический конгресс в Праге в сентябре 1967 года. Мой первый международный научный конгресс. 375 докладов! Или около этого. Правда, секционные доклады только по 10 минут (световой сигнал предупреждает подмигиванием, что время истекает). Но поэтому читают торопясь, монотонно, и, так как большинство читает не на своем родном языке, часто не понять, какой это язык, даже если его знаешь. А синхронный перевод коряв, плохо слышен, нередко совсем прекращается, и переводчица говорит:

— Не поняла!

Посмотришь в тезисы, что такое? Докладчик уже опубликовал то, что докладывает, и даже не раз.

Все же стоит ездить на международные конгрессы. Столько неожиданностей! Автор авторитетных обобщающих работ оказывается карикатурным толстяком — капиталистом с плакатов времен граж-

---

¹⁰ «О, коль ученый глуп, — скажу наверняка,
Что он куда глупей простого дурака!»

(Ж.-Б. Мольер. «Ученые женщины». IV, 3).

данской войны. Не хватает только цилиндра! Автор очень дельных статей оказывается стилигой, который смехотворно выпендривается. Автор работ, сыгравших важную роль в развитии науки, оказывается плюгавым большеголовым человечком с дурашным видом.

А как содержательны разговоры в кулуарах!

— А, это Вы! Как же, я читал Ваши работы. Но я думал, что Вы моложе (старше). Ну, будем встречаться, будем встречаться!

Но, конечно, бывают и более содержательные разговоры. Поговоришь с иным ученым, автором множества работ на разнообразные темы, и видишь: у него ничего за душой кроме желания показать свою эрудицию и боязни не поспеть за Якобсоном, Мартине или другими модными королями науки.

Но бывает наоборот. Поговоришь с иным ученым и видишь: он прекрасно понимает, что стремление показать свою эрудицию и опубликовать как можно больше работ смешно, и что модные короли науки, как правило — голые короли.

Весь день с небольшими перерывами моросит (и так почти все девять дней пребывания в Праге). Очки заплывают каплями дождя. Карта города, которую держишь в руке, мокнет. Трудно найти на ней нужную улицу. Сбиваешься с пути и не знаешь, где находишься. Какие-то путанные улочки в старом городе. А между тем, когда приближается время боя часов, невольно стараешься снова оказаться у ратуши, где уже собралась толпа зевак иностранцев, чтобы посмотреть, как во время боя часов оживают апостолы, красавица и смерть с песочными часами.

Переходишь через Карлов Мост в *Mala Strana*. Статуи на мосту совершенно черные. Свернув влево, оказываешься в странном городе. Редкие прохожие. Облупившиеся фасады заброшенных барочных дворцов. Темные воды протока Чертовка. Много плакучих ив. Силуэты готических башен на пасмурном небе. Позеленевшие черепичные крыши. Низкие аркады вдоль улиц. Пустынные площади с тенистыми деревьями посередине. Пустынные закоулки и тупики с рядами задрипанных домов. Узкие мрачные дворики, видные в глубине подворотен. Вдруг посередине улицы возникает дряхлая старушка в старомодной шляпе. Оглядываешься — другая старушка. Снова оглядываешься, но старушка за спиной уже исчезла. Видимо, ушла в какую-то потайную дверь.

Кровать в номере гостиницы у стадиона на Страчове низкая, а подушка — плоская. Лежишь, как на полу. А перина огромная, как гора, и невыносимо жаркая.

Ночью воет водопад, и дождевые капли стучат в окно. Плохо спится. Снятся вселение в уже занятую квартиру, чьи-то похороны и какие-то старушки.

Обычно в физиономию города вписывается его обитатель (говорят — парижанка, ленинградец и т.п.). Не так в Праге. Обитатель ее не вписывается в нее. Он сам по себе, а город сам по себе. Тяжеловесная пышность огромных казенных зданий конца XIX в. в стиле позднего возрождения — это, конечно, немецкая Прага. Спросишь прохожего по-русски (а он в Праге усиленно преподается, как нас заверяли) — не понимает. Спросишь:

— *Vielleicht sprechen Sie Deutsch?*¹¹

Отвечает:

— *Aber natürlich!*¹²

Но, как говорят, *Prager Deutsch*¹³ — не настоящий немецкий язык, а его призрак. Немецкая Прага вообще призрак. Ведь обитатель Праги — чех!

Есть еще еврейская Прага — средневековая синагога (она почему-то называется «Староновая»), ратуша в бывшем гетто, старое еврейское кладбище, где похоронены раби Лёв, создатель Голема (ожившей глиняной фигурки, своего рода гомункулуса), и предки Оппенгеймера, создателя атомной бомбы. Но еврейской Праги уже нет. Она тоже призрак.

На автобусе в Карловы Вары. Вдоль дороги шеренги фруктовых деревьев — яблонь, груш, слив. Кое-где в поле торчат шести хмелевых плантаций. В одной из деревень (или поселков из вилл?), в которой мы останавливаемся, на доме полустертая надпись: *Gasthaus unter den Stern*. Там же огромная двухэтажная солодоварня. Очень вкусно чешское пиво!

Местами вдоль дороги хвойный лес. В нем все деревья одного возраста и никакого подлеска. Много сыроежек, иногда огромных, и горькуш.

Останавливаемся у шлагбаума, ждем поезда. Он появляется справа. За паровозом — маленькие товарные вагоны. А сзади поезда — другой паровоз. Оба паровоза пускают густой угольный дым.

---

¹¹ Вы случайно не говорите по-немецки (нем.).

¹² Конечно, говорю (нем.).

¹³ Пражский немецкий (нем.).

Карловы Вары. Улица по дну глубокой ложбины между гор, покрытых лесом. Справа — ряд неоренессансных и необарочных домов с очень узкими фасадами. Над домами лиственный лес по крутому склону. Слева — речушка в каменных берегах. За ней тоже крутой склон.

“*Wir sprechen Deutsch*”¹⁴ читаешь на дверях многих магазинов.

Гид, претендующий на остроумие, рассказывает:

— Он (Гете) любил ее как девушку, а она его как дипломата.

Советует покупать «воду из тринадцатого источника», то есть Бехеровский ликер, и все покупают его. Пью его в автобусе на обратном пути в Прагу, и пейзаж, видный из окна автобуса, становится необыкновенно романтическим: зеленые холмы, красные черепичные крыши, синие дали. Примысливается амазонка в голубом с мечтательным взглядом.

А сосед мой по автобусу, крупный советский специалист по английской фонетике, все время спит, а когда просыпается, то изрекает (как он обычно делает во время завтраков, обедов и ужинов) что-нибудь вроде:

— Рубленое мясо менее калорийно, чем не рубленое.

Глинка принимает свою «Реку жизни»¹⁵ за мемуары, то есть свои правдивые воспоминания. Между тем эти его «мемуары» как две капли воды похожи на его исторические романы: такие же характеры, ситуации и коллизии, та же обстоятельность в деталях, в первую очередь — военного быта.

Но и могло ли быть иначе? Ведь и мемуары, и роман — это словесное изображение действительности, то есть изображение теми средствами, которыми владеет автор. Естественно, что в своих мемуарах автор применяет те же средства изображения действительности, то есть ее олитературивания, что и в своих романах. Вымысел ли «Река жизни» Глинки? Конечно! Совершенно такой же, как его исторические романы. Ведь и в них только фамилии и факты биографии — историчны, а речи персонажей, их мимика, их переживания и детали быта — вымысел.

---

¹⁴ Здесь говорят по-немецки (нем.).

¹⁵ «Река жизни» — повесть В.М. Глинки. При жизни автора не издавалась. В сокращенном виде под названием «Кавалерийские курсы» вошла в книгу: «В.М.Глинка. Воспоминания. Архивы. Письма». СПб: Издательство Гос. Эрмитажа и ООО «Издательство АРС», 2006 г.

Все воспоминания, мемуары, путевые заметки и т.п. — вымысел! Ведь в памяти остаются только клочки пережитого или виденного, и эти клочки хранятся в памяти, не переведенные в слова, то есть не обработанные литературно. Но литературная обработка неизбежно подразумевает вымысел! Отличие романов от мемуаров только в том, что авторы первых понимают, что их произведение — вымысел, тогда как авторы вторых не понимают этого (и это обычно связано с тем, что у авторов романов может быть литературный талант, а у авторов мемуаров его может и не быть).

Нашел у себя в столе пакет мыла, который я захватил с умывальника в гостинице в Оденсе как сувенир. Запах этого мыла сразу же заставил меня очень живо вспомнить то чувство веселого волнения, которое я испытывал все время, когда был в Оденсе.

Почему можно вспомнить чувство не иначе, как через посредство какого-нибудь ощущения — запаха, вкуса, цвета, звука? Не потому ли что чувство всегда расплывается во времени, не собрано в каком-либо одном его пункте, то есть, так сказать, не «точечно», тогда как ощущения, наоборот, как правило, «точечны», а ярко всплыть в памяти может только то, что «точечно»?

Во время одного из моих поездок через Копенгаген из Исландии я ночевал в *Bahns Hotel*, гостинице, расположенной в той части города, где улицы узкие и много ничем не примечательных старых домов, доживающих свой век. Дом Банс отеля едва ли сохранил свой первоначальный облик. Однако все оконные рамы в нем с мелким переплетом, как было в XVIII в.

В вестибюле гостиницы я взял со стола брошюру, в которой рассказывается история дома с XVIII в. Когда-то в нем была кофейная, в которой собирались поэты и литераторы, позднее в нем жил сновник, у которого собирался высший свет столицы, еще позднее в доме обосновалось студенческое общество, и только в начале нашего века хозяином дома стал виноторговец Бан (*Bahn*), который и основал гостиницу *Bahns Hotel*.

Дежурный ввел меня в длинный темный номер с высоким потолком и мелким переплетом в единственном окне и, сделав широкий жест рукой и поклонившись, сказал:

— Я надеюсь, что Вы будете довольны, сударь!

Наверное, так вводили своих постояльцев в номера гостиничные слуги в XVIII веке.

В гостинице *Bahns Hotel* на двери туалета была дощечка в форме сердца, и на ней под изображением полумесяца, какой-то летящей фигуры (ангела?) и звезды было четверостишие. В прозаическом переводе оно гласило: «У человека есть возможности бесчисленных радостей, но самая благородная из них — мочь, когда хочется». Под четверостишием стояла подпись «Кумбель» (псевдоним одного современного датского поэта)¹⁶.

Когда я первый раз был проездом в Копенгагене, мой друг Торндаль взялся проводить меня в Вальбю, предместье Копенгагена к Йону Хельгасону, исландскому ученому и поэту, живущему в Копенгагене. По дороге мы заходили в кафетерий. Там Торндаль нечаянно опрокидывает свой поднос и беспомощно показывает на него бфетчице. Та с любезной улыбкой бросается ему на помощь.

Выйдя из кафетерия, мы идем на центральный вокзал, садимся на электричку и ходим на третьей остановке. Копенгаген протянулся на огромное пространство, так что мы все еще в Копенгагене. Шофер стоящего у станции такси, увидев, что мы направляемся к нему, выскакивает из машины, открывает нам дверцу, подсаживает нас и, когда мы уселись, оправляет отпахнувшиеся полы на наших пальто. Затем он садится на свое место, и мы едем.

В Копенгагене очень принято только для того, чтобы воспользоваться туалетом, заходить в ресторан, кафе или магазин или даже звонить в частную квартиру.

Улла, молодая словоохотливая дама, секретарша общества «Дания-СССР», рассказала мне, что одной нашей комсомольской делегации, которую обильно угостили отличным датским пивом, объяснили, что если у них возникнет надобность в туалете, они могут обратиться в любую частную квартиру. Надобность такая возникла, и они позвонили в какую-то квартиру. В квартире этой жил один датский генерал. Жена генерала провела их, куда они просили. Видя ее любезность и решив, что она очень рада их приходу, они дали ей понять, что не плохо бы еще выпить чего-нибудь и не сбегает ли она за чем-нибудь, и поощрительно похлопали ее по мягкому месту. Тут появился генерал и с интересом наблюдал эту сцену. В конце концов

---

¹⁶ Пит Хейн.

комсомольцев удалось как-то извлечь из генеральской квартиры. По словам Уллы, генерал потом сказал ей:

— О! Это был самый веселый день в моей жизни!

Русское хамство подчас принимается в цивилизованных странах за своеобразный эксцентричный юмор. По-видимому, Хрущев понимал это. Во всяком случае, он умел использовать это.

Королевский сад в Копенгагене я видел в первый раз безоблачным майским утром. Великолепная липовая аллея, ведущая к памятнику Андерсену, была пустынна. Тюльпановые деревья цвели огромными лилово-белыми цветами, цвели каштаны и яблони. Пели какие-то птички. Утки бродили по газону. За деревьями виднелись пышные розово-коричневые башни замка Росенборг. А привратница сада, полная пожилая дама, сидевшая в удобном кресле у входа, курила огромную сигару. Оказывается, в Дании пожилые дамы любят курить сигары.

Когда я бывал в Копенгагене, я больше всего любил бродить по его паркам. Огромные развесистые буки с покрытыми зеленой плесенью стволами. Мощные дубы, стоящие одиноко на полянах с газоном мягким как бархат. Пруды, в которых плавают лебеди, гуси, утки и какие-то диковинные птицы. Огромные плакучие ивы, свешивающиеся в пруды. Скамейки и столы всегда только из некрашеного дерева или из камня. Нигде ничего металлического или крашеного, нигде никаких плакатов или надписей, никаких асфальтированных дорожек, никаких заборов или оград, кроме живых изгородей или низеньких оград из жердинок, с которых не снята древесная кора. Даже на детских площадках основной аттракцион — стволы корявых деревьев. Всюду искусное подражание девственной природе.

Парки, конечно, самое национальное в Копенгагене. Ведь датская природа и вне города — это природа оприроденная (*natura naturata*), а не, как Исландия, природа природствующая (*natura naturans*).

Когда выезжаешь из Копенгагена на северо-запад, то как будто все время едешь по парку. На фасадах домиков, утопающих в садах, идиллические названия вроде «Мир», «Хижина», «Бельведер» и т.п. Дальше — буковые рощи, озера, луга. Сам рельеф местности необыкновенно мягок.

Похоже на парк и на Копенгагенской Ривьере. Полоска песка вдоль берега совсем узкая. Волн, видимо, не бывает. Тенистые деревья стоят подчас в нескольких метрах от воды.

Остров Фюн, по которому меня много возили на машине, — это сплошь парк. Масса живых изгородей, масса аллей, вокруг всякого жилья много деревьев, большая часть Фюна слегка всхолмлена, как будто нарочно для того, чтобы придать местности живописность. А буковые рощи? Если в раю был лес, то это, конечно, была буковая роща. Идилличность придают пейзажу также старинные крестьянские дома с фахверком и соломенными крышами, поросшими мхом. Таких домов очень много на Фюне. Я раньше думал, что в современной Дании (их всегда увидишь на иллюстрациях к сказкам Андерсена) — это декорации или подделки. Но оказалось, что они все построены не позже начала XIX века (позднее стало невыгодно строить такие дома). Во всех этих домах живут. Они комфортабельно обставлены внутри. Мне приходилось бывать в таких домах и даже ночевать в одном из них — у моего друга Эстербю, датского слависта, считающего себя прямым потомком знаменитого датского лингвиста Расмуса Раска.

Перед датскими крестьянскими домами всегда только газон, цветники и декоративные деревья — туя, голубая ель и т.п. Огород и фруктовые деревья обычно спрятаны за домом. И, конечно, вокруг усадеб никогда нет заборов.

Когда я однажды ранним майским утром подошел к открытому окну моего номера в гостинице «Космополит», расположенной на Новой Площади Короля, одной из центральных площадей Копенгагена, я увидел, как по площади шла веселая компания — девушки и несколько парней. Возможно, это были гимназисты, праздновавшие ночью окончание гимназии. Девушка шла, грациозно приподняв обеими руками юбку и выделывая какие-то па, а парни весело махали мне руками, как бы говоря:

— Идите веселиться с нами!

В Тиволи, знаменитом копенгагенском увеселительном саду, о котором копенгагенцы с гордостью говорят, что по разнообразию аттракционов и размаху он единственный в мире, я побывал в майский воскресный вечер. Разноцветные огни светились на крышах каких-то пагод и павильонов, мерцали сквозь листву, отражались в прудах. Отовсюду доносилась музыка. Ее заглушали вскрики фокусников на открытых эстрадах, взвизги катающихся на американских горах и каруселях. Всюду столики, стойки, палатки. Всюду толпа, и толпа веселая, но отнюдь не буйная, а даже скорее чинная.

Но всего больше меня поразило, что аттракционы, которые, казалось бы, предназначены для детей, в Тиволи пользуются у взрослых не меньшей популярностью, чем у детей. По главной аллее проезжает без рельс игрушечный поезд, в котором больше взрослых, чем детей. На игрушечное шествие королевской гвардии, сопровождающей карету, в которой мальчик и девочка изображают короля и королевы, смотрят взрослые, а не дети. Никто не стыдится веселиться по-детски, и никто не стыдится своего вкуса к игрушечному.

Комментируя все это веселье, мой друг датчанин говорит:

— Да, мы живем хорошо! (*vi har det godt*). И, наклоняя к моему уху, добавляет шепотом:

— Без коммунизма!

Много игрушечного в Оденсе, родине Андерсена. Там через парк протекает малюсенькая речка — Оденсо, но по ней ходит настоящий пароходик, и в ней сделан водопадик. Нигде я не видел столько игрушечных магазинов, как в Оденсе.

В Дании всюду веет духом сказок Андерсена, но особенно в Оденсе, его родине.

Когда на вокзале в Оденсе покупал билет в Орхус, молодая и миловидная кассирша вдруг с ласковой улыбкой спросила меня, сколько мне лет. Я был несколько огорошен, но вскоре сообразил, что кассирша, очевидно, — добрая фея, которая хочет вернуть мне молодость, и мое предположение подтвердилось, когда она отодвинула мне назад добрую половину моих денег, полагая, очевидно, что омоложенному мне понадобится больше денег.

Но оказывается, как я потом узнал, в Дании всем достигшим определенного возраста (60 лет?) полагается значительная скидка при проезде по железной дороге.

Однажды, бродя по Оденсе в поисках живописных уголков, я увидел узкий проулок, отходящий от улицы, по которой я шел, и круто загибающийся куда-то. Я остановился, не решаясь свернуть в проулок. Может быть, это тупик или ход в частное владение? Вдруг я увидел, что какой-то хромой старичок остановился метрах в пятидесяти от меня и, видимо, прочтя мои мысли (как это делают добрые волшебники), знаками дает мне понять:

— Идите, идите в этот проулок, можно, Вы не пожалеете!
Я послушался совета доброго волшебника и не пожалел об этом.
В проулке был ряд прелестных старых домишек.

В Оденсе мне пришлось раз пойти в полицию. У меня была просрочена виза, и надо было ее продлить. Я шел в полицию, робея, вдруг меня заподозрят в чем-нибудь нехорошем, будут выяснять мою личность, задержат впредь до выяснения и т. п.?

Пожилая дама с рукодельем в руках, сидевшая в отделении полиции, посмотрела на меня добродушно из-под очков и сказала, что, да, конечно, но надо подождать начальника. Ну, думаю, он-то уж наверно цербер. Но вдруг появляется какой-то интеллигент с мечтательным и отрешенным от мира выражением лица.

— О, да, конечно! — говорит он и сразу же вписывает мне в паспорт что нужно, явно обрадованный тому, что ему представился случай сделать доброе дело. Он, видимо, только и ждал такого случая.

Скорый поезд из Оденсе в Копенгаген отошел на рассвете. Солнце только вставало, когда поезд въехал на паром, который повез его через Большой Бельт. Я поднялся на верхнюю палубу, чтобы полюбоваться восходом. Было ясно и ветрено. Пунцовое солнце поднималось прямо из моря.

Так как я еще не завтракал, я зашел в кафетерий. Пожилой буфетчик, видя, что я не сумел разместить на подносе все, что я взял — кофе, бутерброд, вилку, ножик и т.д., — стал помогать мне, приговаривая ласково:

— Так у нас будет система, так нам будет удобно.

«У нас», «нам» — я привык к тому, что так говорят только детям («сейчас мы будем кушать кашку», «у нас, кажется, мокрые штанишки»).

Когда наша маленькая делегация из трех человек возвращалась из Исландии, в Копенгагене у нас была пересадка. Самолет прибыл в Каструп, аэропорт Копенгагена, под вечер, а советский самолет из Каструпа в Москву отправлялся только на следующее утро.

Нам меняют наши паспорта на квитанции, дающие право на выход в город без датской визы, и отвозят в гостиницу «Флювербу», расположенную неподалеку. Дежурный администратор — пожилая дама с высокой старомодной прической — дает нам ключи от наших

номеров и спрашивает нас, когда нас надо разбудить. Узнав, когда отправляется наш самолет, она убеждает нас встать позднее:

— Нет, нет, вы можете поспать подольше, ведь вы, наверно, устали с дороги. Я скажу, чтобы вас разбудили немного позднее, вы, конечно, успеете!

Потом она провожает нас на лифте на второй этаж и показывает, где наши номера.

Утром нас будят в назначенный ею час, и мы идем пешком в аэропорт, мимо заброшенной железнодорожной станции с заржавелыми рельсами, по аллее между двумя идеально подстриженными живыми изгородями, мимо белых домов с высокими черепичными крышами и садов, в которых на деревьях масса яблок и груш, и вскоре оказываемся у аэропорта. Как только мы входим через самооткрывающуюся дверь в здание, к нам подходит сотрудник аэропорта и показывает, куда нам надо обратиться, чтобы получить назад наши паспорта.

Увы, советский самолет, как всегда, запаздывает, и нам придется еще долго ждать.

Когда мы летели из Москвы в Исландию, Каструпский аэропорт был первым, что мы увидели вне Советского Союза. Нас тогда все занимало в огромном зале ожидания: и то, что по всему залу расставлены прилавки, на которых выставлены самые разнообразные товары; и то, что продавщицы благодарят и улыбаются вам не только, если вы что-нибудь купили, но и если вы долго выбирали, все перетрагали и ничего не купили; и то, что всюду лежат красивые туристские и прочие проспекты, которые можно присваивать себе; и то, что в буфете такое множество сортов бутербродов, и все они так красиво оформлены; и то, что в туалете автомат подает каждому чистое полотенце для вытирания рук; и то, что у всех пожилых пассажиров вид профессоров; и то, что, выходя из зала, все оставляют портфели и прочие ручные вещи прямо на диване без всякого присмотра.

Но теперь все это нам не внове. Скучая, мы стоим на огороженной перилами площадке перед зданием аэропорта. Вокруг все абсолютно плоско и ничего не видно кроме нескольких развесистых деревьев и черепичных крыш вдали.

Но вот нам объявляют, что мы можем получить в буфете обед. За обедом к нам подсаживается наш соотечественник — видный московский психолог, возвращающийся из Парижа с какого-то съезда. Развалясь в удобном кресле и небрежно отодвинув от себя бульон со спаржей, он покровительственно поучает нас:

— Нет, Исландия — это провинция. Я советую Вам поехать в Париж. Слушайте, непременно поезжайте в Париж, только в Париж, это же совершенно необходимо!

Но, наконец, объявляют "Afgang til Moskva", и вместе с нашей новоявленной мадам Курдюковой¹⁷ мы торопимся на наш запоздавший ТУ-104А.

Однажды в Копенгагене поздно вечером я подошел к переходу через прямую широкую улицу, в то время как горел красный свет для пешеходов. Ни вправо, ни влево по улице не было видно никакого транспорта, тем не менее, у перехода стояло двое-трое и терпеливо дожидалось зеленого света. Я, конечно, сразу же пошел через улицу. Дожидавшиеся зеленого света посмотрели на меня с удивлением.

Я, впрочем, переходил в Копенгагене под красный свет и тогда, когда видел приближающийся транспорт, так как знал, что это совершенно безопасно: машины и даже автобусы останавливаются как вкопанные, когда их шоферы видят сумасшедшего, переходящего улицу под красный свет.

Раз, однако, меня увидел в такой момент полицейский. Он укоризненно покачал головой, показывая палочкой на красный свет и, подойдя ко мне ближе и узнав, что я иностранец, сказал мягко:

— Надо учиться (*man må lære*)!

В новелле шведского писателя Сёдерберга «Кристиан и Фредерик» одна датская дама говорит своему соседу по столу, шведу:

— Скажите, неужели это правда, что в вашей стране одного университетского профессора приговорили к тюремному заключению за богохульство?

Когда ее сосед выражает сомнение в том, что это могло произойти в Швеции, дама продолжает:

— Нет, ничего подобного не могло бы случиться у нас! И прежде всего потому, что ни одному датскому профессору никогда не пришлось бы в голову богохульствовать в публичном выступлении!

Благонравность, которую все время замечаешь в датчанах, стоит в противоречии, казалось бы, с тем, что, по-видимому, нигде в мире не увидишь порнографии, равной по откровенности тому, что в Копенгагене выставляется в витринах и показывается в фильмах.

---

¹⁷ «Мадам Курдюкова» — героиня пародийной поэмы И.П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже».

Порнографические магазины есть не только на центральной улице Копенгагена. Рядом с центральным вокзалом есть длинная улица — Истедгаде, на которой порнографические магазины следуют один за другим на всем ее протяжении, и многие из них специализированные (групповой секс, животный секс, детский секс, гомо-секс и т.д.).

Датские ученые утверждают, однако, что результатом отмены всякой цензуры в данной области были падение интереса к порнографии и уменьшение количества преступлений (в той мере, в какой жестокость и насилие — следствие сексуальных запретов).

Есть такой педагогический принцип: ребенку, благонавному по натуре, не надо ничего запрещать, он все равно не станет распущенным. Действительно, по-видимому, порнографические магазины в Копенгагене посещаются в основном не датчанами, а иностранцами. Когда я во время одного моего пребывания в Копенгагене жил в советском посольстве, его первый секретарь в первый же вечер повез меня смотреть порнографические магазины как самое замечательное, что есть в Дании. Я рассказал ему, что в Дании есть также единственные в своем роде музей викингских кораблей в Роскиле, экспериментальный археологический центр в Лайре и викингский лагерь в Трелеборге, и он охотно свозил меня туда на своей машине. В наших посольствах встречаются люди с проблесками интеллигентности.

В порнографических магазинах, в которые мне потом случалось заходить, обычно не только не бывало посетителей, но не было и продавца (когда посетитель входит в такой магазин, то продавец, чтобы не смущать посетителя, обычно удаляется во внутреннее помещение).

По-видимому, рассчитан в основном на иностранцев и знаменитый Ньюхаун, набережная одного из копенгагенских каналов, на которой в живописных старых домах помещаются портовые кабачки под соблазнительными названиями «Техас», «Манхеттен», «Гонконг», «Вест», «Ковбойская пивная» и т.п., а также кабинеты татуировщиков и разные сомнительные заведения, в том числе порнографический универмаг.

Туристская группа советских писателей, с которой я был два дня в Копенгагене по дороге в Норвегию, сразу же по приезде ринулась в Ньюхаун. Дело было вечером. У первого же кабачка стояла полицейская машина, толпа заполняла тротуар, из дверей кабачков слышен был пьяный гам и дикая музыка. Наш руководитель, адмирал, исполненный сознанием своей доблести и считавший своим долгом

оборонять членов нашей группы, писателей, от тлетворного влияния запада, скомандовал немедленное отступление из Ньюхауна.

Это не помешало, конечно, членам нашей группы позднее и уже поодиночке просочиться туда.

В кабачках Ньюхауна все как в настоящих портовых кабачках — пьяные, проститутки, драки, свистки полицейских. Но иногда кажется, не нарочно ли это? Не инсценировано ли все это с целью удовлетворить вкус иностранных туристов к кабацкой романтике?

В Ньюхауне (но не на той стороне канала, где портовые кабачки, а на противоположной) есть дом, где одно время жил Андерсен. Первый и третий этажи этого дома заняты сейчас конторами каких-то табачных фирм. Я спросил у двух парней, стоящих у соседнего дома, что сейчас в квартире, где жил Андерсен. Но они не могли понять, кто такой Андерсен. Тут я сообразил, что Андерсенов в Дании несметное количество и что тот, кого мы называем просто Андерсеном, для датчан не просто Андерсен, а Хо Сэ (Ханс Кристиан) Андерсен. Поняв, что речь идет о Хо Сэ Андерсене, парни восторженно закивали головой. Но как выяснилось к их глубокому смущению, они не знали, что Хо Сэ Андерсен жил в соседнем доме — не замечали мемориальной доски.

Едва ли у какого-нибудь народа есть произведения, которые в такой степени отражали бы характер своего народа, как сказки Андерсена отражают национальный характер датчан. Андерсен настолько жив в Дании и, особенно в Оденсе, что я не удивился бы, увидев его там воочию.

Однажды я сидел с одним моим знакомым датским ученым в ресторане «Под липой», самом популярном ресторане в Оденсе. Он рядом с домиком, где жил Андерсен, и он в таком же старинном домике, и в нем мебель времен Андерсена, керосиновые лампы и свечи, а на стенах портреты Андерсена. Вдруг мой знакомый крикнул:

— Андерсен!

Я был готов к появлению живого Андерсена. Но, к моему разочарованию, появился всего лишь один из официантов ресторана. Их принято звать по фамилии, и фамилия этого официанта была Андерсен.

Копенгагенские гиды обычно предупреждают туристов, что в Ньюхаун ходить опасно и что там «бьют шведов». Говорится это, чтобы придать интерес Ньюхауну, конечно. А то, что там «бьют шведов», просто легенда, отзвук датско-шведских войн XVI–XVII веков.

Эти старые счеты между датчанами и шведами давно забыты, и у современных датчан, как и в современной датской литературе, невозможно обнаружить никаких следов неприязни к шведам, как, впрочем, и к каким-либо другим нациям.

Нет поэтому у современных датчан и обычной оборотной стороны такой неприязни — склонности к утверждению своего превосходства над другими нациями, к восхвалению каких-то своих замечательных национальных черт. То, что датчанин говорит о датчанах как нации, всего чаще шутки по поводу того, что датчане любят хорошо покушать. Так, в датском варианте анекдота о том, как представители разных наций пишут сочинение о слонах, датчанин пишет «Сто блюд из слона» или что-нибудь в этом роде.

Из статьи шведского литературоведа Кнута Анлунда «Национальные самохарактеристики в скандинавской литературе» (*Scandinavica*, 10, 1971, № 2, стр. 86–102) очевидно, что дело не всегда обстояло так. В эпоху датского великодержавия (XII–XIII века) в Дании восхвалялись храбрость и величие датского народа, и этот датский патриотизм достиг кульминационного пункта в знаменитых «Деяниях датчан» Саксона Грамматика. В дальнейшем самовосхваление пошло в датской литературе на спад. Хольберг в своем «Описании Дании и Норвегии» (1729 г.) говорит только, что датчане «вместо того, чтобы как почти все другие нации высоко ценить самих себя и смотреть на других через плечо, охотно восхваляют других», а также, что они «во всем — середина». По-видимому, именно в XVIII веке, когда Дания уже давно перестала быть великой державой, она, наконец приобрела культурную самостоятельность, и тогда же сложилась та самохарактеристика, которая характерна для датчан. «Ни одна из скандинавских стран не может соперничать с Данией в самокритичности» — так заключает Анлунд свой обзор национальных самохарактеристик в скандинавских литературах.

Высокая самооценка народа, приписывание своему народу тех или иных высоких качеств, обычно (всегда?) имеет своей почвой агрессивную великодержавность и связанное с ним презрение к другим народам. Но на самых низких ступенях культурного развития эти качества — храбрость, физическая сила и т.п., на более высоких — те или иные душевные качества — широта души, всечеловечность, духовность и тому подобные красивые фикции. Если патриотизм — это такое самовосхваление, то что хорошего в патриотизме?

Прочитав статью Лихачева «О русском». Неужели не очевидно, что своеобразие народа — в памятниках той эпохи, когда он еще только складывался и его история была у него впереди? Неужели не очевиден тот странный отпечаток, который 63 года советского тоталитаризма наложили на русский народ? И неужели не очевидно, что сам этот тоталитаризм проявление «русского»? Говорят о последствиях крепостничества. Но ведь крепостными были только крестьяне, и крепостное право — далекое прошлое, а советскими гражданами было три поколения всего населения СССР.

Откуда у Достоевского в «Дневнике писателя» взялся «русский» как истинный христианин и всечеловек, которому суждено обновить мир? Ведь (как видно из того же «Дневника писателя», в частности) Достоевский прекрасно понимал, что патриархальные добродетели, если и существовали раньше в русском народе (до освобождения крестьян или, в марксистских терминах, до того как капиталистические отношения стали бурно развиваться), быстро исчезают, и ясно видел, что угрожает русскому обществу в будущем — неслыханный деспотизм и моря крови, то есть ГУЛАГ в той или иной форме. Не случайно Достоевский в своих произведениях никогда и не изображал народа, то есть крестьянство или пролетариат, если не считать мужика Марья (но ведь те, если и крестьяне, то в исключительных условиях!). Не случайно и то, что самые «идеальные» герои Достоевского — князь Мышкин и Алеша Карамазов — совсем не из народа.

Русский народ в мировоззрении (не в произведениях!) Достоевского — это, в сущности конструкт, лишенный какой-либо реальной основы и, вероятно, возникший просто из страстной потребности верить в какой-то идеал, то есть нечто недостижимое, да и несуществующее. Или это у Достоевского считающаяся идеализацией прошлого безумная мечта о том, чтобы история обратилась вспять и Россию миновал ГУЛАГ?

«Русский» у Лихачева, хотя и повторяет кое в чем Достоевского, но, увы, основа тут, как и у художника Ильи Глазунова, просто желание потрафить одновременно и начальству, и моде.

Еще когда я первый раз был за границей, в Исландии, меня поразило, что там, оказывается, машина уступает дорогу пешеходу, а не на-

оборот. Движение в Исландии было тогда левое, и, забывая это, я, переходя улицу, часто вдруг обнаруживал, что не с той стороны, с которой я жду, на меня мчится машина. Я в ужасе отскакиваю назад, ожидая, что водитель сейчас обругает меня, но вместо этого он мгновенно останавливает машину и показывает рукой: проходите, я подожду.

Во всех зарубежных городах, где мне приходилось потом побывать, я наблюдал то же самое: машина всегда уступает дорогу пешеходу, независимо от того, есть ли переход в данном месте или нет. Почему же, однако, у нас водитель никогда не уступает дорогу пешеходу и даже на зебре заставляет его бежать или отскакивать назад? Потому, что у нас другие правила уличного движения? Нет, конечно. Наконец меня осенило. Все дело в русском национальном характере и в его самой основной черте: неуважении к человеку и тем самым и к самому себе, конечно. А из неуважения к себе и другая основная черта русского национального характера — низкопоклонство по отношению к вышестоящим, подхалимство.

Стыдно быть русским. Не только стыдно, но и неудобно, если подумать о том, скольким народам есть за что ненавидеть русских — чехам, венграм, полякам, эстонцам, латышам, литовцам, татарам, евреям, афганцам, финнам и т.д. и т.п.

Не проявляется ли национальный характер лучше всего в отношении среднего представителя нации к незнакомому человеку? Не следует ли, прежде всего здесь искать «русское» и соответственно «датское», «исландское», «английское», «норвежское», «итальянское», «французское» и т.д.?

На вокзальной площади в Новосибирске, где я был в 1960 г. проездом на Телецкое озеро, я искал, кого бы спросить, где остановка нужного мне автобуса. Увидев милиционера, который стоял спиной ко мне неподалеку и, видимо, ничем не был занят, я подошел к нему и сказал:

— Товарищ милиционер!

Я не продолжал, предполагая, что он повернется ко мне и тогда я скажу, что мне нужно от него. Но он не поворачивался.

— Ну, давай, давай! — услышал я, наконец, и понял, что это он, видимо, предлагает мне высказаться. И я сказал ему, что мне нуж-

но, и он, насколько помнится, ответил мне что-то, но так и не повернулся ко мне лицом и продолжал стоять ко мне спиной и щелкать семечки.

Вот — русское.

А вот исландское:

В один из первых дней моего первого пребывания в Рейкьявике, мне понадобилось в почтамт. Я выхожу из гостиницы и хочу спросить у кого-нибудь, как пройти к почтамту. На ближайшем углу стоят два мальчугана и разговаривают друг с другом. Оба без шапок, белобрысые и румяные. Я обращаюсь к ним и спрашиваю по-исландски, как пройти к почтамту. Один из мальчуганов поворачивается ко мне спиной, роняет через плечо какую-то лаконичную фразу и направляется прочь от меня. Я напрягаю свои знания исландского языка и вдруг соображаю, что сказанное им значит примерно «топай за мной». И я иду за ним, и он ведет меня за два квартала, показывает здание почтамта и возвращается назад к своему товарищу.

Другой раз меня подобным же образом провела девочка, которую звали Хельга. Я спросил, как ее зовут. Сами исландцы в таких случаях не вступают в разговор и не задают вопросов.

А вот английское:

Когда я первый раз летел в Исландию, то в Ренфру, аэропорту около Глазго, нам объявили, что ввиду шторма над Атлантикой самолет не полетит дальше до утра и что пассажирам подыскивают помещение на ночь. Нам предлагают пройти пока в ресторан, где нас накормят. Ресторан похож на ангар: огромное полукруглое окно, перила, лестницы. Официант в черном фраке быстро, молча и с очень независимым видом подает мне рагу, салат, булочку, пирожное, кусочек масла и сырок. Наливая мне кофе, он говорит:

— Белый, сэръ?

Он говорит это, не склоняясь надо мной, и с таким достоинством, что я невольно принимаю его слова за выражение превосходства надо мной, и в первый момент мне приходит в голову нелепая мысль: уж не выражает ли он сомнение в том, что я белый, а не какой-нибудь там азиат или африканец. Но тут я спохватываюсь и соображаю, что он, очевидно, просто спрашивает меня, какой я предпочитаю кофе — белый, то есть с молоком, или черный, и я поспешно отвечаю:

— Да, белый, пожалуйста!

А вот французское:

Во время моего первого пребывания в Париже мне понадобилось проехать несколько остановок на автобусе. Я подал знак, чтобы автобус остановился (это была остановка по требованию), и бросился к нему, но не мог обнаружить входной двери. Так я метался сбоку автобуса, пока мне не подали знак изнутри него, чтобы я зашел сзади. Оказалось, что вход в автобус там. Я взял билет и попросил кондуктора сказать, когда будет нужная мне остановка. Кондуктор обещал непременно сделать это, и его улыбка говорила: «Помилуйте, как бы я мог не исполнить просьбу такого симпатичного месье как Вы?»

Эту улыбку я потом постоянно видел на устах французов и француженок, с которыми мне приходилось иметь дело. Мне особенно запомнилась улыбка молодого веселого бакалейщика (*épiciier*), который приезжал два раза в неделю со своим фургоном в деревню, где я жил во время моего второго пребывания во Франции. За каждую покупку у него он сердечно благодарил и так артистически улыбался, что, когда я был объектом его улыбки, я невольно спрашивал себя: чем я ему так понравился? Неужели я действительно вызываю такое расположение к себе у людей, совершенно незнакомых со мной? И мне даже хотелось посмотретья в зеркало...

Но что касается кондуктора парижского автобуса, то, насколько мне помнится, он все же не сдержал своего обещания.

Мое первое утро в Париже. Вот я просыпаюсь на огромной двух (или трех?) спальном кровати, прислоненной изголовьем к середине стены, обнаруживаю, что под головой у меня не подушка, а валик в наволочке (*traversin!*). Подушки (на случай, если валика окажется мало?) я обнаружил потом в шкафу. Я встаю и подхожу к окну и обнаруживаю, что оно не окно, а дверь с балюстрадой, то есть окно до полу (это, видимо, и есть то, что англичане называют *French window*). Я открываю дверь. Номер мой на восьмом этаже. Несмотря на начало июля, на улице прохладно, особенно по сравнению с жарой, которая была в Москве, когда я оттуда вылетал. Небо ясное, как бывает наутро после дождя. Я жадно оглядываю горизонт. Вдали налево я различаю малюсенький силуэт Эйфелевой башни, а прямо, над крышей какого-то *Collège Saint-Louis*, расположенного по ту сторону улицы, — малюсенький силуэт купола церкви *Sacré* на Мон-мартре. Подо мной — улица Вожирар, еще пустынная, и через дом

направо — ее угол со знаменитым Бульваром Сен-Мишель, или Бульмишем, центральной артерией Латинского квартала. Я поспешно собираюсь и выхожу из номера. В коридоре на моем этаже пожилая женщина в белом переднике говорит мне:

— *Bonjour, monsieur!*¹⁸— и она улыбается мне так, как будто я ее родной племянник, которого она десять лет не видала. Возвращаясь через минуту за чем-то в номер, я нечаянно наступаю ногой на поднос с утренним кофе (*petit déjeuner!*), поставленным на пол в коридоре, давлю чашку вдребезги, разбрызгиваю кофе и с ужасом ожидаю последствий. Но тут появляется та же пожилая женщина в белом переднике, улыбается мне так, как будто наступить на поднос, поставленный ею на пол, было очень мило с моей стороны, и бросается стирать салфеткой брызги кофе с моих брюк, восклицая:

— *Oh, monsieur, ce n'est pas grave!*¹⁹

Я спускаюсь вниз, отдаю ключ от номера дежурному, красавцу с бачками, который произносит *chambre* как «чамбр» (южно-французское произношение?). Тот любезно улыбается, принимая от меня ключ, и я выхожу на улицу. Боже мой! Я в Париже!

Вдоль Бульмиша по обеим сторонам у каждого из бесчисленных кафе в несколько рядов стоят столики и стулья. Сидя за столиком лицом к улице, можно смотреть на прохожих. Надо сказать гарсону «*une bière*», и он приносит бокал пива, ставит его на круглую подставку и кладет рядом чек. Уходя, на этот чек надо положить деньги. Но сидеть можно сколько угодно. И как не посидеть? Перед глазами разворачивается единственный в своем роде балет, персонажи которого — парижская студенческая молодежь. Все очень небрежно одеты. Как будто всякий накинул на себя первое, что попало под руку. Однако подчас угадывается и какой-то расчет на живописный эффект. Вот у какого-то длинноволосого юноши что-то яркое обернуто вокруг пояса. А вот кто-то просто завернулся в одеяло. Однако на одеяле большая яркая заплата. Вот идут двое, обнявшись, и на ходу непринужденно целуются — девушка в широком темном свитере, задрипанных брюках, с растрепанными волосами и в шлепанцах на босу ногу, а юноша в какой-то совершенно задрипанной куртке.

А если пройтись по бульвару, то можно увидеть сидящих с рюкзаками, видимо, только что приехавших из провинции. Другие иг-

¹⁸ Здравствуйте, месье! (фр.).

¹⁹ О, месье, это пустяк! (фр.)

рают на гитаре и поют, сидя на тротуаре, и рядом лежит шапка для пожертвований. Иные рисуют на тротуаре, тоже с шапкой.

Странно увидеть здесь нарядно одетую женщину. Не проститутка ли? Или, может быть, советская туристка, которая, приехав в Париж, сочла своим долгом одеться понаряднее? (Как профессорша из нашей группы, страшно польщенная тем, что ее какой-то парень с мотоциклом пригласил поужинать, то есть принял за проститутку).

В последний день моего первого пребывания в Париже — 14 июля 1968 г. — я поехал в десятом часу вечера к *palais Chaillot*¹ смотреть на фейерверк, устраиваемый перед Эйфелевой башней по случаю французского национального праздника, дня взятия Бастилии. В толпе, собравшейся там, были и молодежь, и пожилые люди, и женщины с детьми, и даже монахини. Толпа стояла довольно плотно, так как с одной стороны ее подпирала площадь Трокадэро, где шел поток машин, и где полицейские сдерживали толпу, а с другой — барьер и спуск вниз к Сене. Однако никакой толкотни, давки или ругани не было и в помине. Напротив, со всех сторон только и слышались учтивые “*pardon, monsieur!*” и “*pardon, madame!*”!

Что касается фейерверка, то по сравнению с ним наши так называемые «салюты» с их казенным однообразием и полным отсутствием какой-либо выдумки кажутся просто жалкими. Он продолжался минут сорок, и в продолжение этого времени в небе появлялись все новые и новые разноцветные огненные каскады, столбы, солнца, зонты, змеи, дожди искр и тому подобное. Особенно эффектно были многоступенчатые ракеты; каждая их ступень давала взрыв нового цвета и вида, и так до одиннадцати раз. Толпа восторженно считала эти взрывы — *un! deux! trois!* и т.д., и аплодировала. Ничего подобного этому фейерверку я никогда не видел.

Оттуда я поехал на другой конец города в переполненном метро, машинально разглядывая расклеенные на стенах и сводах станций рекламы и наиболее частую среди них — изображение голого зада ребенка, сидящего на рулоне туалетной бумаги с надписью: “*Lotus, papier hygiénique*”.

Пройдя сквозь толпу на Ратушной площади, где играл эстрадный оркестр и шли танцы, я перешел через Сену в Латинский квартал и сразу же понял, что студенты в день национального праздника развлекаются по-своему.

Уже в самом начале Бульмиша, у моста через Сену, стояли темно-синие полицейские машины и рядом с ними полицейские с дубинками,

---

¹ Дворец Шайо (фр.).

щитами и в шлемах. Я и раньше видел на Сорбонне свеженамалеванные анархистские лозунги вроде *“Enragés de tous les pays unissez-vous”*, *“La culture c’est l’inversion de la vie”*, *“Professeurs, vous nous faites vieillir”*, *“On crevera les organisateurs d’ennui”*²⁰. Но никаких уличных беспорядков я до этого в Париже не видел.

Дальше, по всему бульвару, стоят наряды полиции. Группы молодежи, видимо, студентов, задирают полицию, бросают петарды, скандируют лозунги, поют что-то. Но когда полицейские двигаются в их сторону с дубинками и щитами, разбегаются, прячутся в переулки и подъезды. Издали я вижу, как полицейский бросает (или делает вид, что бросает?) что-то в студентов. По всему бульвару дымно, и глаза слезятся, так что здесь, вероятно, бросали шашки со слезоточивым газом.

Как это ни странно, однако, все это нисколько не нарушает обычной жизни бульвара. За столиками вдоль тротуара сидят, пьют пиво, смотрят. Прохожие проходят по бульвару. Видимо, и студенты, и полицейские понимают, что это не участники представления, а только его невольные зрители. Так и я прохожу между нарядами полиции и демонстрантами, размышляя о том, что уличные сцены в балете «Пламя Парижа», возможно, не так уж далеки от того, что происходило на улицах Парижа во время великой французской революции.

Однако на следующий день в газетах сообщалось, что накануне вечером в Латинском квартале 22 человека было ранено.

От города, в котором побываешь, всего больше остаются в памяти не его знаменитые памятники — соборы или дворцы или замки — и не цельное впечатление — строгая величественность этого города, его таинственная мрачность, его живописная уютность, — а какие-то случайные впечатления. Так, от Парижа мне всего больше запомнилось, как я однажды под вечер сидел один в Люксембургском саду и смотрел на бьющий фонтан и пышные матовые облака, громогласящие на небе. Народу в саду было мало. Платные стулья вокруг фонтана были все пустые. Дети катались на осликах. Парочка, развалясь на скамейке, нежно целовалась. На теннисном корте стройная девушка в белом подавала мяч. Пахло олеандровым цветом. Потемневшие старые статуи величаво выделялись на фоне развесистых каштанов. Когда я смотрю на статуи в саду, мне всегда вспоминаются строки Вагинова:

²⁰ «Озлобленные всех стран, соединяйтесь!», «Культура — это извращение жизни», «Профессора, из-за вас мы старимся», «Долой организаторов скуки!» (фр.).

Часы на Люксембургском дворце мелодично пробили шесть и потом так-же мелодично били каждые четверть часа. А в бассейне фонтана плавал детский кораблик с парусом.

Французская улыбка и, в частности, так называемая «коммерческая улыбка», то есть улыбка, которой всякий продавец обязан улыбнуться покупателю, это, конечно, верх артистизма, черта, которую я находил и во многом другом у французов, отнюдь не только во французском искусстве.

Однажды во время моего второго пребывания в Париже я был участником увеселительной поездки, предпринятой французской семьей (муж, жена, сын, мать мужа, его сестра, ее муж, их сын и дочь) на двух машинах в городок *Pierrefonds*, знаменитый своим средневековым замком (то есть тем, что по-французски называется "*château-fort*" в отличие от просто "*château*"). Замок этот постоянно используется при съемках кинофильмов, в которых правдоподобие полностью вытеснено так популярной во Франции романтикой «плаща и шпаги».

Путь лежал через городок *Senlis*²². Но остановка в нем была чрезвычайно краткой. Ни часовня XI века (используемая как гараж), около которой были поставлены машины, ни расположенный рядом готический собор, не привлекли никакого внимания участников поездки. Средневековые здания во Франции — это вообще такая обыденщина, что никто не обращает на них внимания. Я еле успел вбежать в собор, где в это время шла служба, как меня позвали садиться в машину.

Дальше путь лежал через Компьеньский лес. Хотя стоял январь, снега не было, и был ясный солнечный день. Лес оказался сказочно красочным: мощные стволы буков были нежно-зелеными от покрывающей их плесени или, иногда, темно-зелеными от обвивающего их плюща, а вся земля под ними была ярко-рыжая от опавших листьев. Но лес тоже не привлек ничьего внимания. Старый буковый лес — это тоже обыденщина во Франции.

Но вот показались башни знаменитого замка, и я уже предвкушал, как я буду влезать на его стены, лазать по всем его закоулкам и стараться представить себе, как все это выглядело в Средние Века. Но не тут-то было. Уже настала половина первого — время, когда

²¹ «Козлиная песнь» (1927–28).

²² Санлис (фр.).

вся Франция готовится к гастрономическому священнодействию, которое называется *déjeuner* (нельзя перевести это слово ни как «завтрак», ни как «обед», так как *déjeuner* совершенно не похоже ни на то, ни на другое). Поэтому вместо того, чтобы отправиться прямо к замку, начались поиски *auberge*, то есть ресторана, где могло бы произойти это священнодействие.

Найти подходящую *auberge* было не так легко: где было слишком дорого, где — слишкомлюдно, где — холодно (французы любят, чтобы зимой в помещении было очень тепло), где — просто неудобно. Наконец подходящая *auberge* была найдена за городом, в лесу. На ее крыше вертелись крылья ветряной мельницы, а внутри помещения топился камин, и на стенах висели рогатые олени головы (обычная имитация убранства охотничьего домика при замке).

Как только вся компания расположилась за длинным столом, все начали, перебивая друг друга, говорить, и в продолжении всего *déjeuner* не прекращался веселый оживленный разговор. Поспеть за говорящими было абсолютно невозможно. Тема все время менялась. То шла речь о том, какой стиль мебели более моден — *régence* или *Louis quinze*²³, то о каких-то знакомых или родственниках, то о какой-то популярной певице, то о нашумевшем фильме и т.д. и т.п. Как французы умеют болтать! Как непринужденно, весело и вместе с тем уважительно к своим собеседникам! Мне доставляло прямо эстетическое наслаждение слушать эту, в сущности, совершенно пустую болтовню.

Выбрать *aperitif* не представляло труда, так как *aperitif* это всегда, как я уже знал, слабое сладкое вино типа вермута (*martini, cinsano, americano, ambassadeur* и т.п.), и выбирать тут, собственно, нечего. Жерар, француз, у которого я тогда гостил, спросил меня однажды в воскресенье перед *déjeuner* или *dîner*, что я хочу как *aperitif* (*aperitif* пьют не только не больше одной рюмки, но и не обязательно каждый день). Я наивно сказал, что не отказался бы от рюмки коньяка. Жерар был страшно удивлен.

— Но ведь коньяк это алкоголь (*alcool*)! — сказал он.

Оказалось, что в его представлении рюмочку коньяка (с кусочком сахара или с кофе), ликера или водки, то есть того, что во Франции называется *alcool* в отличие от вина (оно, как считают французы, не *alcool*), можно выпить только как *digestif*, а не как *aperitif*, то есть только после *déjeuner* или *dîner*, но, впрочем, тоже не обязательно. Странное исключение составляет виски. Как меня уверял Жерар, виски можно пить как *aperitif*, хотя оно *alcool*.

²³ Регентство, Людовик XV (фр.).

Из напитков только сухое вино (пусть самое простое красное вино) — обязательный элемент той гастрономической симфонии, которую представляет собой *déjeuner. Un demi du vin ordinaire*²⁴ обычно входит в стоимость самого дешевого *déjeuner* так же, как хлеб. Сухое красное вино обязательный элемент даже *déjeuner* французского нищего. Но, возможно, конечно, и согласование сорта вина с подаваемым блюдом (красное — к мясу, белое — к рыбе, другое красное к сыру и т.д.), и такое согласование обычно имеет место на званых обедах, банкетах и т.п.

Я не помню, какие были поданы *hors-d'oeuvre*, то есть холодные закуски, вероятно, какие-нибудь *crudités variées*, то есть различные маринованные овощи, или *charcuteries variées*, то есть различные колбасные изделия. Я не помню также, какая была *entrée*, то есть первое горячее блюдо. Обычно это какое-нибудь рыбное блюдо. Но так как русские эквиваленты французских названий рыб мне, как правило, бывали неизвестны, я знал из чего *entrée*, только если оно было из чего-нибудь совсем необычного. Так, в *Restaurant Provençal* в Ниме, где я был в 1972 г., *entrée* было из лягушек (четыре лягушечьих ляжки в сухарях и масле), а в ресторане *Saint-Louis* в Эг-Морте, где я был тогда же, оно было из каких-то оранжевых улиток (мидий?), от которых пахло морем.

На второе горячее (*pièce de résistance*) я выбрал блюдо, название которого мне почему-то показалось наиболее красивым — *filet de sanglier grand veneur*²⁵. Впрочем, конечно, в меню было немало и других красивых названий, и другие блюда были, наверное, не менее вкусны, чем мой кабан с яблоками и каштанами. Великая вещь — красивое название! Неслучайно во всем мире в ресторанных меню такое большое место занимают французские названия блюд.

Французы умеют красиво сказать и о том, в чем нет ничего аппетитного. В уборной в квартире Жерара на стене висела небольшая поэма (приписываемая Жорж Санд), в которой говорилось об «Урне», «струе чистой волны», «амфоре», «алтаре» и «могиле», но смысл поэмы был просто пожеланием, чтобы посетители уборной, испражнившись, спускали машинку и закрывали крышку унитаза.

Не помню, какое было *entremets* (то есть то, что по-русски могло бы быть названо «гарниром», если бы оно не подавалось как отдельное блюдо). Кажется, это был какой-то зеленый салат, то ли из *endives* (вид цикория?), то ли из корней одуванчиков, но возможно,

²⁴ Маленькая бутылка столового вина.

²⁵ Мясо кабана в охотничьем соусе.

что это была просто картошка (поджаренная так, как ее умеют жарить только во Франции).

Затем, как полагается, были поданы сыры — такой же обязательный элемент *déjeuner*, как вино. В этот раз, как я запомнил, было подано семь сортов сыра, что не так уж много, учитывая, что, как известно, во Франции есть 380 сортов сыра, не считая различных *луртов*²⁶, то есть кефиров (их подают вместе с сырами). Десерт и фрукты были представлены свежей малиной с мороженым. *Digestif*, то есть какой-нибудь *alcool* — коньяк с кофе или ликер и т.п., — как возможное завершение *déjeuner*, отсутствовал, так что после того, как все встали из-за стола и хозяин ресторана поблагодарил гостей (во Франции после еды всегда благодарит хозяин гостя, а не наоборот), открылась наконец возможность отправиться в замок.

Осмотр замка был то, что называется *visite guidée*, то есть довольно поспешное проследование по помещениям замка в сопровождении гида, пожилого француза в форме, полагающейся для гидов, который нараспев произносил что-то заученное им наизусть и совершенно неинтересное, не давая возможности ни задать какой-либо вопрос, ни остановиться, чтобы получше рассмотреть что-либо. Впрочем, как во всех французских средневековых замках, реставрированных в XIX веке, в этом замке внутри все было так прилизано, что не производило впечатления подлинно средневекового. Выпуская из замка, гид стал у двери с заискивающей улыбкой, ожидая чаевых (хотя при входе было заплачено за билеты).

Я рассчитывал, что хоть когда мы выйдем из замка, я смогу обойти его вокруг, чтобы, наконец, насмотреться на его мощные стены и башни во всех аспектах и со всех возможных точек зрения. Но не тут-то было. Кто-то подал идею зайти в *crêperie* (блинную?), обнаруженную совсем неподалеку от замка. И вот мы все снова сидим за длинным столом в помещении, где горит камин, и по стенам висят рогатые олени головы, и снова идет веселый и оживленный разговор, в котором все принимают участие, и нам подают на горячих тарелках *crêpes flambées d'armagnac* — большие блины, которые тут же при нас за прилавком поджариваются, поливаются чем-то спиртным и поджигаются, и мы запиваем их сидром.

---

* Фр. *Yaiourth* или *yogourt*. Хотя слово *йогурт* отмечалось всеми словарями тех лет, в СССР оно было практически неизвестно, равно как и продукт, который выпускался в течение какого-то времени, но, в отличие от кефира и простокваши, спросом по-видимому не пользовался.

Когда мы вышли из *crêperie*, уже стемнело. Пора было возвращаться домой, в Париж.

А дома, как и по всей Франции, в половине восьмого или немного позднее должно было начаться гастрономическое священнодействие, совершенно аналогичное *déjeuner* по своей структуре, то есть по количеству блюд, но называемое не *déjeuner*, а *dîner*.

Французское меню — строгая последовательность блюд в сочетании с разнообразием, их пышные названия — всегда напоминало мне регулярность и пышность садов Ленотра, самого прекрасного из всего, что я видел во Франции. Закрыв глаза, я могу представить себе сады Версаля, но описать их я не могу.

Когда во время моего второго пребывания во Франции я жил в Маликорне, маленькой деревне на северной окраине Бургундии, я очень много гулял. В основном я ходил по дорогам, соединяющим Маликорн с окрестными деревнями — *Saint Denis*, *Saint Martin*, *Marcha Béton*, *Champignelle*, *Grandchamp*²⁷ — и заходил во все эти деревни. Все дороги, по которым я ходил, были мощеные. Но движение на них было ничтожное, а пешеходов вообще не встречалось.

Был конец декабря — начало января. Но снега на земле не было. Ночью бывали заморозки, и тогда утром на земле лежал иней. Иногда сыпалась снежная крупа, крутилась по дороге, и даль скрывалась в сизой мгле. Но снег сразу оттаивал. А в начале января стало теплеть, и на солнце, если оно выглядывало, бывало совсем тепло. Запахло размокшей землей, по небу понеслись легкие облачка, вороны закаркали по-весеннему, и на деревьях стали надуваться почки. Зимы тут, по-видимому, вообще не бывает, казалось мне: поздняя осень прямо переходит в раннюю весну.

Гуляя тогда по окрестностям Маликорна, я понял, что палитра природы всего богаче именно поздней осенью и ранней весной (а всего беднее поздней весной и летом, когда все зеленое, и зимой, когда все белое). Впрочем, разных оттенков зеленого было немало в полях (озимые посевы) и лесах (плющ, обвивающий стволы деревьев, лишайник и плесень на деревьях). Но преобладали разные оттенки бурого, рыжего и лилового (вспаханные поля, сухая трава, сухие листья, молодые побеги, стоящие нимбом над деревьями). Небо же большей частью было бледно-серое, жемчужное.

---

²⁷ Сен-Дени, Сен-Мартен, Марша Бетон, Шампиньелль, Граншан (*фр.*)

Почти вдоль всех дорог стоят яблони. На ветвях у них большие светло-серые шары — кусты омелы. Много яблок валяется на земле. На горизонте все время виден лес. Часто он рядом с дорогой, и тогда обычно читаешь надпись «Охота запрещена». Оказывается, здесь много дичи. Гуляя, я вспугивал фазанов, которые поднимались с земли со странным курлыканием. Встречались белки. Раз мне перебежала дорогу куница. Иногда слышны были выстрелы охотников.

За оградой из проволоки, по которой пущен ток, пасутся овцы. Они какие-то странные, огромные. Но людей нигде не видно. Поэтому если нужно спросить дорогу, приходится заходить на ближайшую ферму. Издали фермы кажутся совершенно безлюдными. Они обычно расположены в некотором отдалении от дороги. Громоздкие сараи с несимметрично расположенными малюсенькими оконцами и железными скобами в стенах производят впечатление декораций к постановке фильма из эпохи Столетней войны.

Войдя в жилой дом фермы, попадаешь в большую низкую комнату с кирпичным полом. Посредине — стол, покрытый клеенкой, и печка, она же — плита. Печка все время топится (в спальнях, то есть других комнатах, нет печек, туда берут кирпичи, нагретые на плите). По стене — холодильник, стиральная машина, допотопный комод или буфет. На полу — горшки с фикусом или геранью. На стенах — календари. На одной ферме я насчитал их семь штук (их распространяют бесплатно в качестве рекламы разные фирмы и учреждения). Обычно кроме календарей и фикусов нет ничего для красоты.

Я заходил и в деревни. В них такие же одно— или двухэтажные каменные дома, как и в городах, в которых я бывал. От городков они отличаются только тем, что в них меньше жителей. А на деревни в русском смысле этого слова они непохожи еще и тем, что живут в них не сельские хозяева (те живут на фермах), а в основном различные ремесленники, а также пенсионеры и рантье. А есть дома обитаемые, видимо, только летом. На улицах пустынно. Редкие прохожие.

В центре деревни всегда церковь, обычно с толстыми стенами, контрфорсами и конусообразной вышкой-колокольней. В деревнях покрупнее на центральной площади обычно обелиск со списками уроженцев деревни, погибших в войны 1870–1871, 1914–1918 и 1939–1945 годов. Магазинов немного. Всего чаще это *épicerie* (бакалейная?). Она есть даже в Маликоне, где всего полсотни жителей. Магазины в деревнях, в сущности, не нужны, так как фургоны разных торговых фирм развозят любые товары по всем деревням и фермам. Но в каждой деревне, как бы она ни была мала, обязательно есть бистро (*épicerie* нередко при бистро).

В бистро — стойка с батареей бутылок и длинные деревянные столы. Кирпичный пол. В противоположность парижским ресторанам, где на стенах обязательны предметы старого крестьянского быта — корыто, прялка, сабо, связки кукурузы и т.п. — здесь, как и на фермах, обычное украшение календари и фикусы.

Хозяйка бистро всегда приветлива и словоохотлива и, как мне показалось, у нее всегда курчавые черные волосы и нос с горбинкой. Поразительно, как много ей (да, наверно, и многим другим жителям деревни) известно о том, что произошло в данной деревне и ее окрестностях давным-давно!

Оказывается, в лесу, на опушке которого я не раз отдыхал, во времена Наполеона фермеры повесили грабивших их наполеоновских солдат, и этот лес с тех пор называется «лесом повешенных» (*forêt des pendus*); а каменная плита с датой 1848 г. и какими-то полустершимися стихами, которую я обнаружил в одном лесу, называется «Родник Ирен» (*fontaine d'Irène*), потому что ее поставил в память своей дочери Ирен местный сеньор, барон и пэр Франции, у родника, где он любил сидеть, предаваясь печали по своей дочери; а заброшенная лесная дорога, по которой я любил гулять — это «бычья дорога» (*chemin aux beufs*), некогда большая дорога, по которой гоняли быков из Бургундии в Париж, а каменные плиты, кое-где лежащие на этой дороге, след того, что еще раньше она была римской дорогой; а название *Malicorne* (оно впервые упоминается в какой-то хронике еще в XI веке!) происходит от мельницы, которая была там некогда (примитивная водяная мельница, так же как примитивная общественная прачечная — резервуар речной воды под навесом у реки — есть и теперь в Маликорне); а замок (*château fort*) в Маликорне был разрушен англичанами во время Столетней войны (ямы, рвы и груды камней, видные рядом с церковью, — его остатки). Но известны имена ряда средневековых сеньоров Маликорна; а наиболее пышный и красивый из четырех «шато», обнаруженных мной в радиусе моих прогулок — *Château de Grandchamp* — это подлинный ренессансный «шато» (во Франции много их имитаций).

А что знает житель русской деревни о том, что происходило в ней или ее окрестностях полвека тому назад? Почти ничего, наверно. А о более давних временах? Как правило, ничего, конечно.

Выпив в бистро *un calva*, то есть рюмочку кальвадоса (спиртные напитки продаются в бистро микроскопическими порциями) и обогащенный теми или иными историческими сведениями, я отправляюсь дальше. Изредка мне встречаются машины. Пешеходы — никогда. Но если машина попутная, то она обычно останавливается, и меня спрашивают:

— *Vous allez loin?*²⁸

Или:

— *Je peux vous emmener quelque part?*²⁹

И когда спрашивающий, к своему глубокому удивлению, узнает, что я просто гуляю, он, ища объяснения тому, что ему, видимо, представляется странным, говорит что-нибудь вроде:

— *A oui? Il fait beau!*³⁰

Только раз я встретил гуляющую компанию. Был субботний вечер. Я шел по дороге и увидел, как из фермы, расположенной в стороне от дороги, вывалилась толпа молодежи и с веселыми песнями пошла к дороге. Выйдя на дорогу и став шеренгой, они стали догонять меня (я уже миновал ферму). Не догоняют ли они меня с целью как-нибудь подшутить надо мной? Ведь они, наверно, пьяные... Все же, боясь выдать свой испуг, я не прибавляю шагу. Вскоре они нагнали меня. Но, вопреки моему ожиданию, ничего не произошло.

— *Bonjour, monsieur!*³¹ — сказали они все очень приветливо и любезно, и пошли чинно, шеренгой, дальше, не оглядываясь на меня.

Петер, толстый добродушный немец, который в декабре 1969 г. возил нас на своей машине по разным прелестным старым городам и городкам центральной Франции, не раз говаривал, что у них, то есть в ФРГ, дороги лучше (с нашей точки зрения, надо было бы сказать «еще лучше», так как все дороги во Франции отличные), автострад больше, и дома лучше, и живут богаче. Но как-то раз он признался:

— Вот уйду на пенсию, куплю себе домик во Франции...

В чем обаяние Франции? Почему она *la belle France*³² не только для французов, но и для тех, кто приезжает в нее из других стран, в частности, и для немцев? Это обаяние — результат той роли, которую французская культура, ее литература и искусства сыграли в жизни других народов Европы? А то, что для меня Франция полна очарования, может быть, кроме того, еще *la voix du sang*, «голос крови» (у меня были французы предки)?

А ведь есть в среднем французе совсем не обаятельное и даже скорее смешное. И это, прежде всего — культ Наполеона. Средний француз обожает его, с этим сталкиваешься на каждом шагу.

²⁸ Далеко собрались? (фр.)

²⁹ Вас подвезти куда-нибудь? (фр.)

³⁰ Ах вот как! Погода хорошая. (фр.)

³¹ Здравствуйте, месье. (фр.)

³² Прекрасная Франция (фр.)

Как-то раз в разговоре с Жераром я упомянул по какому-то поводу о неудаче, которую Наполеон потерпел в России. Но оказалось, что французы не имеют никакого представления об этой неудаче. Они считают, что Бородино было победой Наполеона. В Ларуссе говорится о Кутузове: «русский генерал, побежденный под Москвой-рекой (*général russe vaincu à la Moscova*). Неудача? Какая неудача? Наполеон никогда никем не был побежден и никогда ни перед кем не отступал. Москва? Он ушел оттуда сам, просто ему стало там холодно.

Как подобает богатому народу, французы экономны, и нередко — до смешного.

Французы не выбрасывают обмылков, какими бы маленькими эти обмылки ни были, они складывают их в пенопластовый мешочек (*mousette*) и потом используют его как мочалку. Во Франции масса цветов во все времена года. Тем не менее, широко используются бумажные цветы как украшение. Это практичнее и дешевле. В квартире Жерара, в которой я жил в Лионе, в комнате для гостей, где была моя постель, стояла голубая ваза с розовыми бумажными цветами, другая такая же всегда стояла на столике в передней. Отправить простое письмо стоит — 60 сантимов. Но можно отправить его по уменьшенной цене (*prix réduit*), это будет стоить 40 сантимов. Оно тогда пойдет во вторую очередь и, может быть, будет доставлено на несколько часов позднее. Но вы экономите 20 сантимов (меньше копейки!). В одной общественной уборной я обнаружил кабины за 60 и за 40 сантимов. Опять-таки возможность сэкономить 20 сантимов! И так далее.

Я никогда не встречал у французов неприязни к русским. Ее нет, возможно, именно потому, что средний француз не имеет ни малейшего понятия о том, что в России Наполеон потерпел неудачу. Россия? О, отличная страна! Икра, самовары, балалайки — отличная страна.

Но я часто наблюдал у французов неприязнь к англичанам. Ее корни? Едва ли они средневековые. Правда, во Франции, где сохранилось такое множество средневековых памятников, немало и таких, которые напоминают о столетней войне между Францией и Англией. В деревне Маликорн, совсем недалеко от дома, где я жил, видны были какие-то развалины — ямы, груды камней, рвы. Как я узнал от содержательницы местного бистро, это развалины замка, захваченного в 1359 году англичанами, которые потом сидели в нем целый год, опустошая окрестности и совершая грабительские набеги на соседние города, и ушли из замка только после мира в Бретиньи (унизительного для Франции), предварительно предав огню замок и всю деревню.

Едва ли неприязнь французов к англичанам объясняется и тем многовековым морским соперничеством, последним актом которого французы считают трагедию в Мерс-эль-Кебире, где английские корабли в упор расстреляли французский флот, пустив его ко дну вместе с командой (англичане утверждают, что не хотели, чтобы французский флот достался немцам).

Но вот что, вероятно, важнее. Англичан ненавидел Наполеон, а также де Голль, тоже очень популярный во Франции (в Англии де Голль чувствовал себя бедным родственником и никогда не мог простить это англичанам). Наверно, играет роль и то, что, поскольку англичанам свойственно относиться с юмором не только к себе, но и к своим соседям, в глазах англичан, в силу давнишней традиции, француз — это, в сущности, комический персонаж, и французам это, вероятно, известно.

Между тем, если уж говорить начистоту, средний француз втайне убежден в том, что настоящий человек — это только француз и притом француз мужского пола. Ибо, как сказал Наполеон и как закреплено в его кодексе, до сих пор действующем, женщина не равня мужчине, она его собственность, и ее надо содержать в строгости. Это англичане говорят "*ladies and gentlemen*" (как и по-русски раньше говорили «дамы и господа»), французы говорят "*messieurs et mesdames*". Наполеоновское отношение к женщине дает о себе знать во Франции в очень многом. Затруднение разводов и запрещение аборт — одно из проявлений его. Когда я был последний раз во Франции (в 1972 году), там происходил процесс, который привлек большое внимание общественности. Шестнадцатилетняя девушка забеременела, будучи изнасилована проходимцем, только что выпущенным из тюрьмы. У матери девушки не было денег, чтобы повезти ее для аборта в Лондон или Женеву, как обычно делается, и она повела дочь к *faiseuse d'anges* (подпольной повитухе). Однако проходимец донес, чтобы подлизаться к полиции (он был снова посажен за воровство). Все три женщины были привлечены к суду. Толпа женщин у здания суда скандировала «Мы все делали аборт, судите всех нас!» Девушку оправдали как несовершеннолетнюю, но обе другие женщины были осуждены.

Существует легенда, что француженки не отличаются добродетельностью. Она основана на впечатлении иностранцев от тех увеселительных заведений, которые и существуют специально для иностранцев и абсолютно не отражают французские нравы. Согласно статистическим данным, опубликованным в последние десятилетия и собранным с полной гарантией их объективности, во Франции только 10 процентов женщин хоть раз изменяли своим мужьям,

тогда как в других странах эта цифра значительно выше, так, в США она — 30 процентов.

Во Франции проституция преследуется по закону. Однако, как стало ясно во время грандиозных процессов о проксенетизме (сводничестве), которые происходили тоже, когда я был в последний раз во Франции, законы о проституции служат интересам тех, кто наживается на тайной проституции, то есть интересам мужчин — владельцев гостиниц и прочих заведений, используемых как дома свиданий. Выяснилось, что в одном Лионе (а я как раз жил тогда в Лионе) есть 400 тайных публичных домов, замаскированных в основном как гостиницы. Огромные, миллиардные доходы от этих заведений идут, как выяснилось, в карман разных почтенных деятелей, в основном высших или бывших чинов полиции нравов (то есть того учреждения, которое должно бороться с проституцией). Замешанными оказались даже один депутат парламента и какой-то мэр. Все они были, конечно, поклонниками Наполеона и его взгляда на женщин. Известно, что даже уличных проституток их любовники заставляют отдавать свой заработок.

Тогда же в Лионе произошла демонстрация проституток. Она, впрочем, была сразу же разогнана полицией нравов. Проститутки требовали признания их налогоплательщицами, со всеми вытекающими отсюда правами и прекращения облав на них, лишаящих их единственного доступного для них заработка, на который они могли бы, в частности, содержать своих детей (у многих из них есть дети).

Существование женской проституции, несомненно, — одно из проявлений морального превосходства женщин над мужчинами. Ведь женская проституция подразумевает развратность (или, точнее, склонность к психической импотенции) мужчин, а не женщин. Вот если бы существовала мужская проституция... Но спрос на нее слишком мал, поскольку психическая импотенция в гораздо меньшей степени свойственна женщинам, нежели мужчинам. Бедным мужчинам приходится, поэтому, продавать себя на других поприщах, например, вступая в правящую политическую партию, то есть, продавая не свое тело, а свою душу.

Прочитав «Крейцерову сонату». Мерзкое произведение! Правда, очень хорошо изображено нравственное уродство героя (неспособность испытывать никакого чувства кроме отвращения к женщине, с которой живешь как с женщиной, то есть психическая импотенция), но отвратительна ярость, с которой автор старается доказать, что это уродство — не уродство, что в нем виновата социальная среда, сама женщина и даже музыка! Вероятно, ни в одном произведении Толстого не проглядывает так явно автор — злобный ханжа, ярый

женоненавистник, психический импотент и, сам того не зная, гомосексуалист, вероятно.

Однажды, когда я обедал в московском Доме ученых в обществе моих коллег, речь зашла о гомосексуализме какого-то писателя. Рассчитывая огорошить моих ученых коллег, я сказал, что вот ведь и Лев Толстой был, вероятно, гомосексуалистом.

— Как же, об этом много писали за границей, — сразу же сказал один из моих собеседников. Впрочем, он был из того очень распространенного типа ученых, которые скорее соврнут, чем признаются в том, что они чего-то не знали. Я тоже не решился выдать своего незнания того, что о гомосексуализме Толстого много писали.

Почему во время путешествия испытываешь восторг? Потому, что путешествие — это своего рода превращение времени в пространство, материализация времени, то есть чудо? Но восторг этот сильнее, конечно, если путешествуешь по стране, в которую давно мечтал поехать, и он еще сильнее, если для того, чтобы поехать в нее, надо было претерпеть бездну унижений — так называемые «собеседования» в партбюро, парткоме, райкоме, цека и т.д., так называемое «оформление», то есть представление кучи бумажек, одна другой глупее и бессмысленнее, и, наконец, томительное ожидание, которое нередко в самую последнюю минуту оказывается тщетным.

Всю жизнь я мечтал о том, что хорошо было бы написать практическое руководство к жизни, которое вместе с тем было бы высокой литературой. Конечно, оно должно было быть ироническим. Мне казалось, что такое ироническое практическое руководство могло бы осветить в человеке многое, что до сих пор не было достаточно освещено.

В «Снобах» (романе в отрывках, написанном мной в 1931–1932 годах) есть такое ироническое практическое руководство — правила высказывания своих суждений о музыке. Ненаписанным осталось руководство по охмурению особ противоположного пола (то есть их влюблению в себя). Когда я несколько раз побывал за границей и не раз выступал с рассказами о моих поездках за границу, я носился с планом руководства по написанию путевых заметок. Но ведь руководство по написанию таких путевых заметок, которые могли бы быть опубликованы у нас, все рано никогда не было бы опубликовано.

✧

Познавательный смысл путешествия, в сущности, иллюзия. Памятники искусства и архитектуры, знаменитые виды и т.п. на репродукциях или в кино обычно не хуже, чем в натуре, а очень часто и лучше. Культура? Но ведь ее можно гораздо лучше понять по книгам. Быт? Но так ли уж интересно получить подробные сведения о том, когда люди обедают или ложатся спать, что едят и пьют и т.д.? Красоты природы? Но ведь они обычно оказываются конструктом, а не реальностью.

Если и стоит путешествовать, то только ради того восторга, который испытываешь, когда путешествуешь, то есть ради того глупого чувства, которое можно выразить словами: «Вот я действительно здесь! Вот я действительно вижу все это собственными глазами! Как приятно будет потом рассказывать, что я все это видел собственными глазами» и т.п.

✧

Главное, что заставляет рассказывать о путешествии, — это желание выразить восторг, испытанный во время путешествия. Но так как выразить его непосредственно невозможно, то его трансформируют в восторг перед увиденным. Но что можно рассказать об этом увиденном? Ведь запоминается только ничтожно малая часть из того, что попадает в поле зрения во время путешествия, и эта ничтожно малая часть в значительной степени предопределена тем, что человек знал раньше.

А в рассказе советского гражданина, который путешествовал за границей, неизбежно еще и хвастовство. И хотя он старается дать понять, что не видит никакой заслуги в том, что ему «довелось побывать» там-то, чувство своего превосходства перед теми, кому не «довелось побывать» там-то, все равно так и прет из него, тем более что, как он прекрасно знает, большинство завидует не столько тому, что ему «довелось побывать» там-то, сколько тому, что он, наверно, привез оттуда кучу всякого ценного барахла, которого у нас нет.

✧

Все же большое удовольствие перечитывать свои старые путевые записи и конспекты своих устных рассказов о поездках и придумывать свою Норвегию, Югославию, Прагу, Флоренцию и т.д., потому что ведь всякое выражение словами своего воспоминания — придумывание.

✧

За 25 минут до отхода «Балтики», плывущей в Лондон с заходом в Хельсинки, Стокгольм и Копенгаген, машины начинают сотрясать

корабль. Я стою на палубе, исполненный волнения и восторга. Начинается мое первое путешествие в Норвегию. На палубе пусто. Раздаются свистки, звонки, гудки, возгласы, плеск воды, и мне кажется, что на фоне тихой майской ночи происходит какое-то торжественное представление. Наконец корабль плавно отходит от пристани, и огни на берегу так же плавно движутся в обратном направлении.

Вдруг ко мне подходит незнакомец, берет меня за талию и предлагает пойти в бар.

— Там, знаете ли, на купоны, которые мы получили в Интуристе, можно купить мартини, джин, виски и прочее.

И мы идем в бар, и мой спутник учит меня, какие заморские напитки надо пить и рассказывает мне о жизни за рубежом и, в частности, о Швеции, где он не раз бывал, и о развращенности шведской молодежи. С восторгом он рассказывает мне, как недавно в Скансене

— Это такой парк-музей в Стокгольме, — поясняет он мне, — был там три раза — скучища! Так вот в Скансене недавно одна девица разделась сначала до пояса, а потом догола и при собравшейся публике отдалась три раза подряд трем парням, лежа на капоте своей машины.

Мой спутник, как выясняется, известный советский писатель (в нашей небольшой туристской группе большинство — писатели), прославившийся тем, что в своем автобиографическом романе он особенно далеко пошел в подхалимстве по отношению к Сталину. Теперь он пишет детективные романы. Действие в них, вероятно, заключается в том, что советский агент, умный, целомудренный и совершенно непьющий, посрамляет иностранного агента, глупого, развратного и сильно пьющего. Впрочем, я не читал ни одного его произведения.

На следующее утро обнаруживается, что на борту «Балтики» вообще сплошная Европа. Не только есть бар, где продаются иностранные напитки и сигареты, но и всюду белоснежная чистота, команда и офицеры любезно здороваются с каждым пассажиром, встречаясь с ним утром, в столовой на столах вода со льдом и крахмальные салфетки, меню роскошное и разнообразное, всюду надписи только на английском языке, а в уборных (есть не только *W.C. ladies* и *W.C. gents*, но *W.C. children*) настолько чисто, что даже как-то неловко ими пользоваться.

В Хельсинки появилось много новых пассажиров, в особенности девушек. Они стоят на палубе, нарядные, в коротких широких юбках, с букетами цветов в целлофане. Провожающие бросают им снизу серпантин, цветы. Запах гвоздики разносится по всему пароходу.

После отхода из Хельсинки в салоне и баре становится людно. Финские девушки исполняют финские песни под управлением английского учителя музыки. Эстонский певец, едущий в Швецию, поет русские песни. Начинаются танцы. На диванах и за столиками разговор идет на английском, русском, шведском, немецком. На русском говорят преимущественно о мартини, джине и финских девушках. Выясняется, что они едут в Лондон наниматься в домработницы. Относительно одной из них удается установить также, что она изучала психологию, читала Достоевского и что ее идеал князь Мышкин. «Мужественность банальна», говорит она. Но автор патриотических шпионских романов, который все знает, уверяет, что девушки эти едут «работать проститутками» и уже на пароходе ищут клиентов.

А на палубе свежо. Вечереет. Море стало совсем гладким. Чайки висят над пароходом, садятся на воду. Белесое море сливается с небом, и где-то посредине — встречный пароход, и под ним его опрокинутое отражение. Вставляясь в рамку широкого пролета в борту или широкого открытого окна, море вдруг становится картиной, которая в то же время трехмерна.

Стокгольм. Между ставшей у пристани «Балтики» и кораблем с надписью “*Swedish Chicago Line*” плавают два лебедя.

Голубые трамваи и желтые или красные автобусы.

Узкие улочки и узкие фасады в два-три окна под барочными щипцами в старом городе. Он так с иголки реставрирован, что, по-видимому, единственное подлинное в нем — размер проулков между домами.

Пышные имитации старины в Статсхюсет. Девушка сидит около него на ступеньках у воды, сняв обувь и подставив лицо солнцу.

Настоящей стариной показалась мне только Фьелльгатан, заолустная улочка с домами XVIII века на Южной Стороне.

Витрины, к которым все липнут и от которых вскоре начинает тошнить.

Швед с «бабочкой» на шее и в фетровой шляпе продает гвоздику в целлофане. Из грудного кармана его пиджака торчит белый платочек. Девочки-подростки с подведенными глазами.

Карл XII показывает рукой на восток.

Часовые у королевского дворца, похожего на наш Мраморный, с автоматами и в стальных шлемах.

В сквере неподалеку от него на скамейках несколько мужчин. Кто-то из моих спутников-писателей их усиленно фотографирует. Могут сойти за безработных.

На следующее утро после стоянки в Стокгольме опять ясно и тихо. Вздремнул на солнце в шезлонге. Страстей забвенья! В бинокль видны белые дома на шведском берегу, деревья, маяк. Эланд? По палубе прыгает какая-то птичка. Синичка, что ли. Говорят, она живет на «Балтике». Как она не упорхнет за борт? «Морская тишь и счастливое плавание» (есть такая концертная увертюра у Мендельсона).

Слушая музыку, спрашиваешь себя, не преобразование ли она бесконечности и бесформенности времени в нечто конечное и оформленное? Во всяком случае, она его своего рода материализация.

Представление, что для Осло характерна старомодность, сложилось у меня вероятно потому, что в норвежской столице всего заметнее здания второй половины XIX века, то есть архитектура скорее старомодная, чем старая. Но вторая половина XIX века это вместе с тем эпоха расцвета норвежской литературы, эпоха Ибсена и Бьёрнсона, эпоха, во многом определившая стиль норвежской культурной жизни вообще. Впрочем, конечно, сыграло роль и то, что в среде ослоской интеллигенции принято иронизировать над провинциальностью и старомодностью их города.

Но раз проникшись представлением, что для Осло характерна старомодность, я находил ее всюду. Что-то старомодное я чувствовал в гостиничном номере, в котором я тогда жил. Допотопное кресло с высокой спинкой было такое глубокое, что я боялся в него садиться. На картине плыл по бурному морю с надутыми парусами корабль прошлого века. Деревянные панели на стенах напоминали мне панели в купе наших устаревших вагонов Международного общества.

В открытое окно была видна только глухая стена. Но с раннего утра снизу со двора доносились голоса. Слов нельзя было разобрать, но тем больше выделялся характерный напев ослоской интонации. А каждые четверть часа где-то в городе мелодично звонили часы.

Стояла жаркая майская погода. В садах пышно цвели яблоня, груши, миндаль. Мне казалось, я никогда не видел такого обилия цветущих плодов. Кое-где зацвела сирень. На цветочном базаре у собора продавалась масса цветочных саженцев, а также ландышей, роз и других цветов.

Но разгар весны всего больше чувствовался в Дворцовом парке. Через него проходит много народу, но, несмотря на это он как-то

мало похож на городской парк. Он весь по пригоркам, в нем извилистые дорожки, много берез, в нем поют какие-то лесные птицы и даже есть лесной аромат. В середине парка королевский дворец, строгое здание классического стиля, а перед дворцом два гвардейца часовые. В Стокгольме у таких гвардейцев часовых современные металлические шлемы и автоматы. В Копенгагене они в своих огромных мохнатых шапках похожи на игрушечных солдатиков. Норвежские гвардейцы в их киверах со свисающей кистью и мундирах с эполетами не современны, но и не игрушечны, они старомодны.

Никто в нашей туристской группе, в сущности, не знал никаких иностранных языков. Да и зачем их знать? Ведь есть переводчики. Один из членов нашей группы — известный писатель — даже написал несколько толстых книг о странах, в которых он побывал, не зная их языка.

Все же иногда не худо знать хоть какой-нибудь иностранный язык. Во время нашего пребывания в Осло одна гражданка из нашей группы пыталась объяснить в гостинице, что ей очень хочется холодной воды. Но она не знала, как будет «вода» ни на одном иностранном языке. Она знала только, как по-немецки «холодный» и «чай». Всякий норвежец хоть немного, да понимает немецкий. В конце концов, ей принесли стакан холодной воды, положив в него горсть сухого чая. Взяли две кроны.

Хуже получается, если переводчица не знает языка той страны, в которую она ездит переводчицей. Однажды в Италии я отворил дверь, на которой было написано *signori* — надпись, обычная на дверях в мужскую уборную. Но из-за двери на меня бешено заорала расположившаяся там наша переводчица. Она не знала, что *signori* — множественное от *signore*, тогда как множественное от *signora* — *signore* (как и было написано на соседней двери). Впрочем, квалификация нашей «переводчицы» определялась, конечно, не ее знанием итальянского языка, а данными более необходимыми в том, кто сопровождает советских туристов в капиталистической стране.

В Осло в гостях у маститой ученой дамы меня встречает в передней ее муж — высокий и худощавый старик, похожий на норвежского короля Хокона седьмого. Он в черном костюме, и уголок белого платка точит из его нагрудного кармана. Потом в продолжение всего вечера он кротно молчит и только изредка что-то мягко острит по

поводу своей ученой супруги. Сразу же, в гостиной, хозяйка предлагает рюмку хереса.

Просторные комнаты, высокие потолки. Много книг. По стенам картины норвежских художников. На столе в столовой зажжены две высокие красные свечи. За столом — шесть человек, из них трое дам. Вероятно, не случайно столько же свечей и столько же человек (из них трое — дамы) было, когда меня принимал другой маститый норвежский ученый.

Самый маститый из гостей поднимает свой бокал и просит у меня разрешения сказать мне «скол» (*skål*). Все поднимают бокалы и говорят «скол!».

Лососина и куропатка в Норвегии отменны.

Встав из-за стола, каждый говорит хозяйке «Спасибо за кушанье» (*Takk for maten*) и пожимает ей руку. Потом в гостиной подается кофе и ликер.

Дама рунолог с кокетливой улыбкой просит меня откровенно сказать ей мое мнение о ее последней работе. Она дает понять, что считает ее лишь шалостью светской дамы. Вообще же разговор идет, конечно, о разных мелочах норвежского языка. Хозяйка, крупнейший специалист по норвежским диалектам, уверяет, в частности, что она знала женщину, которая, переехав из северной Норвегии в южную, тем самым приобрела акцент, характерный для средней Норвегии. Правда, может быть, я не понял: зубной протез несколько мешает хозяйке говорить внятно. Разговор идет также о том, насколько в Швеции в академической среде больше чопорности, чем в Норвегии. В Швеции профессора сидят за столом в порядке, в котором они стали профессорами, иногда всю жизнь рядом со своим смертельным врагом, и слово «Вы» считается там слишком фамильярным. Но тут же хозяйка говорит мне:

— Не угодно ли профессору еще?

Вспоминают о так называемой проблеме шведской молодежи, о том, что эта молодежь — реакция против чопорности старшего поколения? — попирает все приличия. Но при этом не упоминают, что, если верить некоторым нашумевшим произведениям современной норвежской литературы (романы *Mykle*), молодежь в Норвегии — проявление свойственного норвежцам максимализма? — далеко отстаивают за собой шведскую молодежь.

Разговор идет также о том, насколько изменилось положение профессора в Норвегии за последние полвека. Гедда Габлер рассчитывала, что, когда ее муж станет профессором, у нее будет лакей в ливрее и верховая лошадь! Говорят также и о том, насколько вообще сгладились социальные различия за последние полвека. Хусман-

нов, безземельных крестьян, больше нет, в деревне все владельцы хуторов, и в этой среде считается мезальянсом брак с горожанином. Но вместе с тем вспоминают и то, что в Осло большинство населения не дальше, чем в третьем поколении, выходцы из крестьян и что поэтому многое в норвежских традициях крестьянского происхождения. Даже у норвежских профессоров, как легко заметить, сохраняются особенности речи той провинции, в которой они родились и воспитывались.

Наконец, видимо, в какой то мере принимая меня за официального представителя страны, из которой я приехал, начинают говорить о своем участии в движении сопротивления немецкой оккупации, тем самым как бы стараясь заверить меня в том, что во время войны они были на стороне Советского Союза. Они не понимают, конечно, на какой низкой ступени советской социальной лестницы стою я, беспартийный интеллигент без единого ордена. По сравнению с теми, кто в одинаковых темно-синих драповых пальто и одинаковых темных шляпах важно и с тупым взглядом проследовали в сопровождении прислуживающих им лиц мимо меня сегодня на Экеберге, и были издавлек опознаны мной и моей спутницей, норвежкой, как члены официальной советской делегации.

Семнадцатого мая, в день норвежского национального праздника, я смотрел из кабинета ректора университета, вместе с другими университетскими профессорами, на детское шествие — самое яркое из того, что я видел в Норвегии. Массовых шествий я до этого видел немало. Но я привык к массовым шествиям, участники которых бредут как стадо баранов, то ли по приказу, то ли из подхалимства, то ли за компанию. Впервые в жизни я видел массовое шествие, которое вместе с тем было сплошным ликованием и торжеством.

По обе стороны улицы, на которую выходит кабинет ректора, стоит народ. Вероятно, в основном это родители детей, участвующих в шествии, а также младшие братья и сестры этих детей. Родители, видимо, обмениваются информацией о том, кто у них сегодня идет, в который раз и т.д. Младшие братья и сестры восторженно дуют в свистульки. Наконец доносятся звуки национального гимна и при общем ликовании, снизу, со стороны Восточного Вокзала, появляется шествие и направляется вверх, к королевскому дворцу. Впереди идут четыре рослых полицейских, затем оркестр, который играет национальный гимн («Да, мы любим эту землю»), и за ним дети, радостно или смущенно улыбающиеся, кричащие что-то сво-

им родителям или машущие им. В шествии участвует, как мне сказали, около шестидесяти пяти школ.

Сначала идут так называемые «народные школы», то есть дети в возрасте от восьми до четырнадцати лет. Одеты они очень по-разному. Все с флагами, большими или маленькими. В некоторых школах все дети одеваются одинаково, например, девочки — в блузки белые с красным горошком и красные юбки и шапочки, мальчики — в синие куртки, белые брюки и морские офицерские фуражки и т.п. В других школах все дети одеты по-разному, но все — ярко и нарядно. Тут и национальные костюмы, и имитации старых военных форм и т.д. У всех школ свой оркестр и у большинства — это детский оркестр. Музыканты всегда в какой-нибудь яркой форме. Впереди такого оркестра шагает мальчик-капельмейстер и потрясает в такт жезлом.

За «народными школами» идут «рюссен», то есть гимназисты, сдающие студенческие экзамены. Они в своем обычном эксцентричном костюме: ярко красные, голубые или зеленые кепи (в зависимости от уклона гимназии), а на спинах цветные эмблемы гимназии, например, красная кошка (кошка — эмблема кафедральной школы, потому что кошка — *katte*, а кафедральный — *katedral*), сова, самолет и т.п. Как им полагается, эти гимназисты-студенты идут, выкрикивая или распевая что-то, танцуя, а проходя мимо окон университетского ректората, где на них смотрят их будущие профессора, освистывают их.

Последними идут «высшие школы», то есть гимназисты, подростки в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет. Они тоже все маскарадно-балетно и по-разному одеты. Но, по-видимому, им еще не полагается вести себя так, как могут вести себя «рюссен».

Большинство в шествии белокуры, и у многих правильные черты лица. Сколько красивых лиц!

Как только поезд Осло-Берген отошел от перрона, пассажирам были розданы проспекты с описанием всего пути следования поезда. Их раздавал кондуктор (проводников в норвежских поездах не бывает). Но было еще несколько источников информации. По радио объявляли не только о том, с какой стороны следующая станция и сколько поезд будет стоять, но также и о том, чем примечательна местность, по которой идет поезд. А в тамбуре висела карта Норвегии. Кроме того, с нами была наш гид — Фрёкен Маргарета Виклюнн, прелестная старая дева, русская с материнской стороны. Она любезно улыбалась всему, что ей говорили, и любезно похихатывала, сказав что-нибудь (так, видимо, принято в Норвегии). Год спус-

тя, как я узнал впоследствии, ее убил в православной церкви один влюбленный в нее русский эмигрант.

Кондуктор был молодой и очень сурового вида. Когда он в первый раз начал говорить мне что-то, я испугался, решив, что я наверно, в чем-то провинился, и он требует уплаты штрафа. Поезд стоял на какой-то маленькой станции, и я поднялся с перрона в тамбур, но еще не захлопнул дверь, распаивающуюся наружу. Но выяснилось, что он, видя, что я понимаю по-норвежски, просто хотел обратить мое внимание на то, что эта станция зимой пользуется популярностью у лыжников-слаломщиков.

Внезапно он появился снова, когда я стоял в тамбуре. Я стоял там, разглядывая карту Норвегии, а не потому, что дожидался очереди в туалет. Таких очередей не бывало, потому что в вагоне зажигались зеленые и красные фонарики, показывая свободен ли соответствующий туалет — мужской в одном конце вагона, дамский — в другом. Но в тамбуре были багажные полки, на которые пассажиры ставили свои вещи. Мы, правда, не оставили свои вещи там, а по привычке взяли их с собой в вагон и, поставив их под сиденье, придерживали их ногами.

При появлении кондуктора в тамбуре, я снова испугался его сурового вида. Разрешается ли стоять в тамбуре? Ведь в нем на полках лежат вещи пассажиров. Но кондуктор сурово заметил мне, что, по его мнению, местность, по которой мы как раз проезжаем, самая красивая по всей дороге. Он родился в этой местности, здесь, как он рассказал, живут его мать и отец, бывший железнодорожный рабочий, и у них есть тридцать овец, которые сейчас в горах, а брат его — тоже железнодорожник, а другой — моряк.

С тех пор, как я себя помню, смотреть в окно вагона моя страсть. В детстве, как только я оказывался в поезде, я пристраивался у окна и смотрел в него до тех пор, пока уже глубокой ночью не засыпал, уткнувшись лбом в стекло, или сваливался со столика, заснув сидя. Я особенно любил смотреть в окно, когда уже было темно: там мчались искры, металась какие-то тени, мелькали огоньки, и было так легко представлять себе, что поезд едет по каким-то фантастическим странам, через таинственные леса и колдовские болота.

Страсть смотреть в окно вагона осталась у меня на всю жизнь. Но я вижу теперь за окном вагона совсем не то, что я видел там в детстве. Движение пространства, видимое в окно вагона, создает у меня иллюзию неподвижности времени. Мне кажется, что движется только пространство, а время не то остановилось, не то преврати-

лось в пространство. И однообразии пейзажа, который видишь из окна поезда, когда едешь по русской равнине — телеграфные столбы, лес, поле, лес, поле и т.д. — способствует этой иллюзии, по видимому. Есть что-то упоительное в этом однообразии...

Но жалко, что вместо паровозов с их гордым и стремительным профилем теперь всюду тупорылые тепловозы и электровозы. По сравнению с ними паровозы как парусные корабли по сравнению с самоходными баржами. Не слышно паровозных сирен. Нет пышных клубов дыма из паровозной трубы. Нет искр ночью за окном. Нет волнующего запаха железной дороги. И чем больше скорость движения поезда, тем больше пейзаж усредняется, теряет индивидуальность.

Все же ехать по железной дороге, даже с электровозом, куда лучше, чем ехать на машине по автостраде. Автострада — это ужас! Ничего не видно кроме машин, мчащихся с бешеной скоростью рядом или навстречу, и изгородей вдоль автострады.

В моем представлении год — это лежачий и плоский снизу овал. Его округлая верхняя часть — зима, плоская нижняя — лето. Когда я на левом или правом конце овала, то есть весной или осенью, течение времени ощущается сильнее. Но всего сильнее я ощутил его однажды поздней осенью 1916 года. Возвращаясь из третьего реального училища, я шел по Артиллерийскому переулку и приближался к Литейному проспекту, где на углу тогда был канцелярский магазин Гаевского. Вдруг меня охватило ощущение, которое я отчетливо помню, хотя с тех пор прошло шестьдесят с лишним лет. Но я могу описать это ощущение только как совершенно элементарную мысль, которая меня вдруг поразила: вот миг, но его уже нет, его сменил другой, но его уже тоже нет, и это — время. Видимо, это было ощущение времени, абстрагированного от его содержания?

Я хорошо помню также другое сильное ощущение той поры моей жизни. Я его испытал летом 1917 года. Я был тогда впервые в Москве, проездом, и ехал на трамвае с Воробьевых Гор. Я смотрел в окно трамвая и, увидев кусок булыжной мостовой, вдруг испытал ощущение, которое я тоже хорошо помню, хотя с тех пор прошло тоже шестьдесят с лишним лет. Но описать его я тоже могу только как совершенно элементарную мысль: вот эти булыжники лежали здесь, в Москве, когда меня здесь не было, и хотя я их никогда не видел. Было это ощущение абстрактного пространства?

Есть люди, склонные задумываться над тем, что такое добро и зло, а есть люди, склонные задумываться над тем, что такое время и пространство. По-видимому, только первые склонны интересоваться тем, что такое Бог, вторые склонны интересоваться скорее тем, что такое «я». Ко вторым принадлежит, например, Пруст, величайший исследователь человеческого «я».

В Исландии до сих пор отмечают как праздник «первый день лета» и «первый день зимы». Не след ли это того, что в древности замечали только лето и зиму, времена года, когда в природе не происходит резких изменений, то есть когда время прочно, но не весну и осень, времена года, когда в природе происходят резкие изменения? Не случайно, наверно, и то, что время в древности исландцы считали не годами, а зимами (зима — наиболее устойчивое время года), а также, что наиболее вероятная внутренняя форма слова, обозначающая лето в германских языках (*sumar, summer, sommer*, и так далее) — «полугодие» (ср. лат. *semi*).

Когда я смотрел из окна вагона в поезде, шедшем в солнечный майский день из Осло в Берген, то самым поразительным показалось мне то, что время не только не становилось неподвижным, как обычно бывает, когда едешь в поезде по однообразной равнине, но, наоборот, стремительно двигалось, и притом не вперед, а назад, а потом вперед. Поезд мчался из мая назад в апрель и в март, а потом вперед из марта и апреля в май!

Вскоре после отхода из Осло поезд въезжает в лесистую и гористую местность, где много озер и скал. Ель, сосна и береза здесь господствуют, и у березы уже совсем распутившиеся листья. Промчавшись сквозь длинейший туннель и вдоль большого длинного озера, поезд въезжает в глубокую горную долину. Горы становятся все выше и все теснее сжимают долину. Березы здесь только начинают зеленеть. Камня и обрывов все больше, и все чаще водопады. Появляются снежные пятна. Ель все больше уступает место сосне, и все реже становятся хутора. Все чаще виден снег. Но вот деревья вообще исчезают, видны только рыжие пятна какого-то кустарника, а трава становится бурой. Поезд въезжает в апрель, а потом и в март. Сплошной снег лежит вокруг. Лыжник в темных очках направляется по снежной равнине к туристскому отелю, вокруг которого на флагштоках вывешены флаги разных наций. Только кое-где видны бесснежные пятна. Туннель следует за туннелем, поезд очень часто

идет под навесами, защищающими дорогу от снежных обвалов. В перерывах между туннелями и навесами то справа, то слева открываются бездны. В одном месте на огромной глубине промелькнул отрог Согнефьорда, то есть моря!

Но вот дорога начинает спускаться вниз. Снова появляется трава, потом лес. Распускаются почки, весна возвращается. Наконец дорога подходит к фьорду и идет вдоль его крутого, поросшего ольхой, неудобного берега. Лес здесь уже совсем не тот, что вокруг Осло. Он лиственный — ольха, ясень, дуб, клен, осина. Впрочем, после десяти часов поездки поперек Норвегии и возвращения из мая в март и назад в май, я был, насколько помнится, так ослеплен живописными эффектами, что не воспринимал какие-либо картины природы.

Старый Берген я мог рассматривать из окна моего номера в гостинице. Улица была узкая, извилистая и тихая. Просыпаясь утром, я слышал крик чаек. Прямо против моего окна на другой стороне улицы я видел огромную липу, за ней по крутому склону горы среди пышной зелени лиственных деревьев — там и сям домики; вправо от липы — здание кафедральной школы; влево от липы — собор, в котором отложились наслоения многих эпох, начиная с XII века. Дальше здание школы, в которой где-то в самом начале XVIII века учился Холльберг. Выйдя из гостиницы и пройдя еще немного дальше по улочке влево, я попал в Скансен, самый обаятельный район самого обаятельного города Скандинавии.

Скансен весь по крутому склону горы. От одной безлюдной и тихой улочки к другой здесь надо взбираться по лестницам. Никакого уличного движения. Цветут каштаны, яблони, сирень. Птицы щебечут на деревьях. Вдоль улиц — старые деревянные домики. Старинные фонари на кронштейнах. Все как двести лет тому назад. Но все чисто, все блестит, все свежеевыкрашено, нигде ни мусоринки. Можно подумать, что все это — совсем новенькие декорации к пьесам Холльберга.

А если посмотреть оттуда вниз, то видишь почерневшие от времени черепичные крыши домов, базар на набережной и гавань, а в ней множество кораблей, больших и маленьких, стоящих или плывущих куда-то.

А выше Скансена по горе — густой лиственный лес. На фуникулере можно подняться на вершину горы. Там ресторан Флэйен, и оттуда город и все морские заливы и горы видны как на ладони. А за рестораном — лес. Но уллбиться в него нельзя. Надпись на пяти

языках и в том числе на русском гласит «Вход воспрещается». Единственная русская надпись, которую я видел в Скандинавии. Чем-то таким родным повеяло от нее...

Обед в местечке Страннебарм на берегу Хардангерфьорда. Сквозь широкое окно туристского ресторана на переднем плане видны цветущие яблони и уже отцветающие черешни, за ними — фьорд, на берегу фьорда — красные сараи для лодок, налево — церковь, белая, со шпилем, около нее — высокая стоячая могильная плита, дальше — кладбище со многими стоячими плитами, направо — вспаханное поле, над которым носятся чайки, дальше вдоль берега — хутора — белые деревянные двухэтажные жилые дома и красные службы. По случаю воскресного дня у многих домов на флагштоке национальный флаг. А по ту сторону фьорда — он здесь несколько километров шириной — высокие горы, и на них пятнами снег. Он сливается с разорванными облаками, висящими над фьордом. Горы бросают огромные тени на фьорд, и он поэтому темный, мрачный, неуютный.

Около ресторана, у дороги, по которой часто проезжают красные автобусы с надписью *Viking tours in fjords*³³, стоят пять девочек в возрасте от четырех до десяти лет, по-воскресному наряженные — в курточках, ярких платицах, красных носочках. Все они белобрысые, румяные и веснушчатые, особенно — наиболее рыжая. Они чинно приседают, принимают конфеты и сувениры и покорно дают себя фотографировать.

Майским вечером пароход «скорого маршрута» (*hurtig rute*), на котором мы плыли из Бергена в Тронхейм, остановился в Кристиансунне. Город этот был разрушен почти до основания во время войны и весь построен заново. Теперь в нем широкие асфальтированные улицы, спускающиеся к гавани, широкие скверы с цветниками и газонами, ярко окрашенные новые дома, многие из них — деревянные, несколько памятников каким-то местным деятелям, неизвестным вне Кристиансунна.

В названиях улиц — тоже имена местных благотворителей и т.п. Сверху из города видна гавань, пролив между островками, ажурный мост над проливом и вдаль на скалах — зонтики, под которыми сушат рыбу (Кристиансунн — город сушеной рыбы).

³³ «Компания “Викинг”: экскурсия во фьёрды» (англ.).

Уже десять часов вечера. В городе тихо и безлюдно. На центральной площади шоферы скучают около своих такси. Кажется, что весь город в этот вечер населен исключительно советскими туристами, сошедшими с «Полярного сияния» (так называется наш пароход). На каждом перекрестке слышишь возгласы:

— А, Анатолий Иосифович! Ну как Вам понравился город?

Или:

— Мария Дмитриевна! Вы тоже решили пойти в эту сторону?

Улица совершенно пустынна. Издалека видно, что на тротуаре лежит потерянный кем-то белый платочек. Мой спутник, маститый писатель, поднимает его и восклицает:

— Михаил Иванович! Рассказ! Шла девочка, она спешила к своей больной бабушке, она не заметила, как уронила платочек...

Мой спутник автор множества рассказов, в которых всегда есть хорошие люди, хорошие чувства, хорошие мысли...

Однако пора возвращаться на «Полярное сияние». На пристани собралось несколько десятков жителей города: молодежь, «рюссен» в красных и зеленых кепи, почтенные граждане в шляпах, женщины с детьми в колясках.

Ежедневно прибытие рейсового парохода самое важное событие в жизни города. И вот господин в пальто и шляпе «отдает концы», и корабль отплывает. С его отходом толпа на пристани расходится, и, вероятно, город окончательно засыпает.

А корабль наш огибает низкие береговые скалы, выползающие в океан, и город скрывается. Наступает белая ночь. Темные горы на берегу все время меняют очертания, и местами на них видны белые пятна снега. Масса чаек летит за пароходом. Некоторые из них значительно крупнее, чем обычно. Не альбатросы ли? Селечные чайки — объясняет матрос. Кто-то спрашивает:

— Интересно, когда чайки спят?

И вспоминаешь, что действительно пора спать. Но не хочется уходить с палубы...

На один день в конце мая мы остановились в Тронхейме (или Тронъеме, как его называют местные жители, почему-то упорно держась датского названия, официально смененного сначала на Нидарос, а потом на Тронхейм).

Нам показали в первую очередь, конечно, знаменитый Тронхеймский собор, самый большой готический собор в Скандинавии, чтимый в Норвегии как национальная святыня. Он много раз горел и,

в конце концов, разрушился до основания. Сто лет тому назад его начали реконструировать, и теперь он во всех деталях точно такой, каким был в Средние века.

После того как нам показали все достопримечательности города — музеи, памятники и т.п. — я отправился один бродить по городу. Уже с утра было пасмурно, а в середине дня начало накрапывать.

Воспоминания о Тронхейме вызывают у меня смешанные чувства.

С одной стороны, я вновь испытываю тот восторг, который у меня вызвала живая старина, так поразительно сохранившаяся в Тронхейме. В самом центре города — а Тронхейм большой торгово-промышленный город, третий по величине в Норвегии, — я обнаружил много извилистых переулочков (в Тронхейме они называются диалектальным словом *veiter*), а в этих переулочках много ветхих двухэтажных домишек из досок, поставленных вертикально, крашенных, но иногда и не крашенных. Один из таких переулочков выходит прямо к огромному зданию, тоже построенному целиком из вертикально поставленных досок. Как я потом узнал, это самое большое жилое деревянное здание в Скандинавии, и оно — дворец, в котором останавливается король, когда бывает в Тронхейме. В центре города есть также одноэтажные деревянные казармы, и перед ними на ярко красном лафете красуется старинная пушечка. Вдоль обоих берегов Нидэльвы — город расположен в ее излучине — стоят высокие деревянные сараи на сваях и с блоком в чердачном окне, крашенные и не крашенные, но действующие. В них и сейчас склады оптовых торговцев кожей, семенами, строительными материалами и т.д. Неподалеку от этих сараев, совершенно старозаветных по своей конструкции, — старый деревянный мост через Нидэльву, и с обоих его концов ярко-красные деревянные ворота. Живой стариной веет и оттого, что дальше у Нидэльвы, как бывает в деревне, нет набережной; по ее берегу какие-то склады, задворки, заборы, сады, огороды. Впрочем, природа, окружающая Тронхейм, вообще больше входит в физиономию города, чем это бывает даже в совсем маленьких городах: фьрд подходит к самому городу и он настолько широк, что другой его берег еле виден, а с других сторон город окружают холмы, и местами еловый лес сползает с них к самому городу.

С другой стороны, однако, я понимаю, что восторг, который вызвала во мне вся эта живая старина, — иллюзия, самообман. Ведь все эти деревянные постройки не древнее одного-двух веков, и они не шедевры архитектурного искусства. Почему же они вызывали у меня восторг, в то время как Тронхеймский готический собор, шедевр архитектурного искусства, оставил меня совершенно равнодушным?

Только потому, что, как мне было известно, он — реконструкция? Но ведь он, несомненно, отнюдь не менее близок к своему средневековому облику, чем готические соборы, которые никогда не были разрушены до основания, а только частично подновлялись или перестраивались. А что если бы я не знал, что он — реконструкция? Или что если бы я видел деревянную архитектуру Тронхейма только на репродукциях, только в кино? Неужели восторг, вызываемый архитектурным памятником, — это не живое, непосредственное впечатление, а только сознание, что памятник подлинный, а не реконструкция, и что я его вижу в натуре, а не в репродукции?

Любуясь древним памятником, поддаешься иллюзии: видишь якобы прошлое. На самом деле видишь только мечту о прошлом, и эта мечта о прошлом — нечто чисто современное. Думая, что находишь прошлое, находишь только настоящее.

Обращаясь к древним произведениям, обычно не учитывают, что современный человек их переосмысливает, то есть воспринимает совсем не так, как их воспринимали в свое время. Например, то, что современному человеку кажется гротеском, в свое время могло казаться не гротеском (да и категории такой, конечно, не существовало), а просто забавным или, наоборот, страшным и т.п. Не заключается ли познание исторической неповторимости произведения именно в том, чтобы понять, как оно воспринималось в свое время?

Поездка в поезде из Тронхейма через плоскогорье Довре в Диллахаммер, как и поездка из Осло в Берген, тоже была поездкой из мая в апрель и март, а потом назад в май. Сначала листья на деревьях втягивались назад в почки, воздух стыл, трава рыжела и оттеснялась мхом и камнем, снег появлялся на земле, а лед в озерах, а потом, наоборот, снег и лед исчезали, зеленая трава оттесняла бурю, почки на деревьях распускались, становилось все теплее, деревья покрывались все более пышной листвой, яблони зацветали и т.д. Но теперь уже было очевидно, что это не так, как обычно бывает, когда едешь в поезде, движение во времени, а своего рода превращение времени в пространство. Ведь фенологические изменения (появление снега и т.д.) были явно связаны с чисто пространственными изменениями: сначала долина, по которой шел поезд, становилась все теснее, река в ней текла против хода поезда и все стремительней,

лес оказывался где-то внизу, горы становились все выше, а потом те же пространственные изменения стали происходить в обратном порядке: долина становилась все менее тесной и глубокой, ее склоны — все более пологими, река — все шире и менее стремительной и т.д.

Воспоминания о Лиллехаммере тоже вызывают у меня смешанные чувства. В Лиллехаммере меня всего больше взволновало то, что я увидел в знаменитом музее крестьянского быта и архитектуры (*Maihaugen*), расположенном на окраине города, в лесу, по пологому склону долины. Сюда свезены со всего Гудбрансдалена, «Долины долин» Норвегии, старинные деревянные постройки. Древнейшие из них — этому трудно поверить, но, видимо, это действительно так, — возникли в XI веке, 900 лет тому назад! Есть здесь и древнейшая деревянная церковь, и старинные крестьянские избы, и водные мельницы, и всевозможные крестьянские мастерские со всем оборудованием.

Но всего больше поразил меня мощный как средневековый замок хутор Бьёрнстад, привезенный сюда с его двадцатью шестью постройками со всей обстановкой и всем, что в нем было, вплоть до высохшего медвежьего окорока и глыб окаменевшего сыра. Здесь, казалось, должно быть легче понять и духовный мир средневекового человека. Например, ходя по Бьёрнстаду, я понимал, как мне казалось, кое-что в психологии его хозяина, который, вероятно, обладал не меньшей властью над зависевшими от него хусманнами, безземельными крестьянами, чем феодал над своими вилланами, хотя и не отличался от них по своей культуре.

По-видимому, однако, материальная культура далекого прошлого, воспринимаемая как объект эстетического любования, может и препятствовать постижению духовного мира людей далекого прошлого. Она может даже стать ширмой, заслоняющей этот мир. Сигрид Унсет жила на окраине Лиллехаммера, недалеко от Майхёйгена, в доме, который, в сущности — старинная крестьянская изба, привезенная из той местности в Гудбрансдалене, где происходит действие в ее знаменитом романе «Кристин, дочь Лавранса». В комнате этого дома, в которой нас принимал ее сын, все было, как в старинной крестьянской избе в Гудбрансдалене: стены, стол, скамьи, утварь, очаг. Но есть ли в психологии персонажей исторических романов Сигрид Унсет что-либо от той далекой эпохи, которую она изображает? Ее католицизм, а он занимает очень большое место в ее исторических романах, — ведь это нечто чисто кафкианское (чувство своей вины и т.п.). По словам норвежского фольклориста Улава Бё, Сигрид Унсет считала, что внутренняя природа человека неизменна.

меняется только ее внешнее выражение. Только это внешнее выражение она и воспроизводила в своих романах.

В доме Сигрид Унсет нас ждали. В очаге горел огонь. На столе были приготовлены для нас херес, кока-кола, печенье и сигареты. Сын писательницы, крайне самоуверенный и фатоватый, произнес по-английски речь о том, что глупо говорить речи, и потом ряд полушутовских монологов по поводу разных антиквитетов и произведений искусства, которые он нам показывал, водя по дому. Он, видимо, был немного навеселе. Его жена, брюнетка в платье с большим декольте, расточала любезности на французском языке. В доме есть и современные произведения искусства, и современный комфорт; что-то приторное чудилось в этом сочетании современного космополитического комфорта и средневековой крестьянской утвари, изощренного эстетизма и безыскусной простоты.

Впрочем, что-то приторное чудилось и в самом Лиллехаммере. От захудалого провинциального города в нем ничего не сохранилось. Он стал туристским городом. Куда ни глянешь — отели, мотели, туристские лагеря, пансионаты, кафе, рестораны, сувенирные и прочие ларьки. Как полагается в туристском городе, все в нем с иголочки.

Туристу, попавшему в такой город, не приходится проявлять никакой инициативы. Туристские маршруты разработаны до мельчайших деталей. Все предусмотрено, туристу остается только, перемещаясь из отеля в отель, как деталь перемещается по конвейеру, получать набор стандартных впечатлений, которые ему сервирует туристская фирма. И приторными начинают казаться и пышная зелень садов, в которых утопают виллы с красными черепичными крышами, и зацветающие яблони, и голубая гладь озера, и синие лесные дали Гудбрансдалена...

Переезд из Лиллехаммера в Осло был последним этапом моего первого путешествия по Норвегии. И хотя я все время смотрел и на пассажиров в вагоне, и в окно, и из двери заднего тамбура (вагон был последним в поезде), я был так поглощен перевариванием того, что я видел раньше в Норвегии, что плохо воспринимал новое. Разрозненные и случайные впечатления, полученные мной раньше, я пытался склеить в какие-то целые, вроде, например, старого Бергена, вечера в Кристиансунне, обеда в Страннебарне и т.д. Другими словами, я придумывал свою Норвегию.

Между тем то, что попадало в мое поле зрения во время переезда из Лиллехаммера в Осло, — белобрысый и нарядно одетый маль-

чик-лотошник, который ходил по вагону и любезно предлагал свои товары, а потом подсел к трем другим мальчикам, и они стали чинно о чем-то разговаривать, еловый лес и проволочная изгородь, отгораживающая его от полотна железной дороги, убегающая вдаль сзади поезда и часто поворачивающая рельсовая колея — все это никак не склеивалось во что-то целое.

Воспоминания о моей второй поездке в Норвегию (когда я тоже был в Осло и Бергене и тоже ехал из Осло в Берген на дневном поезде) наложились на мои воспоминания о первой поездке (когда восторг от того, что я попал в Норвегию, был гораздо сильнее, чем во время второй поездки) и как-то растворились в них. Остались в памяти лишь совершенно разрозненные и случайные впечатления.

Зал заседаний на самом верхнем этаже административного здания нового университетского комплекса в Осло. Здесь, наверно, можно спастись от заседательской скуки не чтением, а созерцанием пейзажа! В огромных окнах открывается величественный вид на город, фьорд и окрестные холмы.

А в вестибюле этого здания, как у нас на филфаке Лапицкий, часами сидит помешавшийся литературовед Мартин Наг (специалист по Маяковскому и советской литературе?).

А на Бюгдёй, где викингские корабли, один молодой датчанин ходит в женском купальном костюме красного цвета, и никто не обращает на него внимания.

Поразительно, как девушка-гид на парходике, совершающем поездки по Осло-фьорду, умудряется давать пояснения пассажирам на безупречно правильных английском и французском языках параллельно. Правда, хотя она самодовольно улыбается своей лингвистической эквилибристике, интонация у нее все время чисто норвежская.

По дороге из Осло в Берген я видел в окно вагона лошадь, у которой, как мне показалось, было шесть ног.

Приятно было встретить скандинавистов-литературоведов, знакомых мне по предыдущей, парижской конференции по скандинавским литературам, на приеме в мрачном зале с деревянными балками в потолке, щелями вместо окон, и тускло освещенном свечами (Палаты Хакона в Бергене, которые были разрушены во время войны, оказывается, полностью восстановлены). В темноте я принял одного почтенного американского ученого за другого, английского, но он, видимо, этого не заметил.

Какие умные морды у тюленей в Бергенском аквариуме!

Оказывается, что китовое мясо — я видел его на бергенском рыбном базаре — ярко-красное, пористое и пухлое.

Много раз приходилось ездить за двадцать километров в школу (*Fana folkehøgskole*), где происходили заседания конференции. Местность по дороге в эту школу настолько пересеченная — скалы, пригорки, лужи, озера или заливы фьорда, купы деревьев, виллы, сады, — что, мне казалось автобус каждый раз едет по новой дороге.

От конференции остались в памяти только долгие и азартные споры о том, где созвать следующую конференцию — в Генте или Киле? С двумя молодыми фламандками — *mlle Perilleux* и *mille Monique Goethals*, — которые были моими соседками на ленче в бергенской ганзейской пиршественной палатке, я уже договорился о поездке из Гента в Брюгге, на пляж в Остенде, в Брюссель и т.д. Мысленно я уже гулял по Генту в обществе фламандок. Но победил Киль!

На автобусной станции в Бергене всегда бросалась в глаза надпись "*banan-Mathiesen*" на одном из соседних домов, и над надписью изображение банана.

В ресторане отеля, где мы жили (зимой этот отель — студенческое общежитие) во время ужина (обед мы обычно пропускали) всегда кто-то играл на рояле что-то меланхолическое. С одной молоденькой и миловидной официанткой я познакомился и разговаривал с ней по-норвежски. Ее звали Ева.

Во время прощального ужина во Флэйене, ресторане на горе в Бергене, официанты выходили сразу по несколько человек, как в балете, и одновременно начинали разливать херес на разных столах. Так же они выходили потом с супом, бургундским и жарким. Но пришлось до конца ужина уйти на вокзал, к ночному поезду в Осло.

И, конечно, моим соседом по автобусу или поезду не раз оказывался кто-то из наших профессоров, непрерывно рассказывавший о том, что он видел в других своих путешествиях и мешавший мне смотреть в окно.

Поместье Русендал на берегу Хардангерфьорда, собственность бергенского университета. Большой жилой дом семнадцатого века, то есть, в сущности замок, единственный замок в Норвегии. В одной комнате сохранилась и обстановка семнадцатого века, в других комнатах обстановка более поздняя. Дом этот связывают с «Привидениями» Ибсена (у него действие происходит в поместье Русенволл).

Брожу по парку. Огромные дубы, буки, липы, клены. Великолепные газоны. Розарий. Говорят, один из лучших в Скандинавии. Запах липового цвета и роз. Странно, что здесь, как и в Бергене, в

начале августа еще только зацветают липы, еще не поспела малина и зелень яркая как весной, хотя здесь растут дуб и бук, а в Бергене даже платан и олеандр. Но самое странное, что вокруг этого райского сада, совсем близко, высятся огромные горы, и видны их снежные вершины, а недалеко в ущелье виднеется водопад, низвергающийся с горы. Сказочное сочетание!

Мое третье пребывание в Норвегии продолжалось только часов восемь. Я летел в Рейкьявик из Москвы с посадкой в Стокгольме и пересадкой в Осло. Моим спутником был рыжий детина, референт скандинавского отдела Цека КПСС и, насколько я понял его должность, уполномоченный Цека по компартиям Дании и Исландии. В советских посольствах в Дании и Исландии перед ним очень заискивали и всячески его ублажали (угощением и т.д.). С руководителями компартий в этих странах он обходился запанибрата, а со мной — покровительственно, но несколько свысока. Мы с ним были делегацией советского комитета по сотрудничеству и безопасности в Европе, и, как однажды выяснилось, я даже числился руководителем этой делегации, хотя я был совершенно не в курсе того, что, собственно, эта делегация должна делать в Исландии и Дании.

В Шереметьеве мы прошли к самолету через депутатский зал, минуя контроль паспортов и таможенный досмотр, и нас посадили на самые передние места в самолете. Сразу же после отлета нам подали завтрак. Среди различных яств на подносе стояла пластмассовая чашка с вином. Мой спутник посмотрел на нее с отвращением.

— Я этого не пью — сказал он и вылил куда-то вино. Затем он достал из портфеля непечатую бутылку столичной, налил себе полную чашку, а потом еще и еще.

В шведском аэропорту Орланда, где мы стояли полчаса, мой спутник пил пиво Туборг. За компанию выпил и я. В пассажирском зале, как всегда бывает в скандинавских аэропортах, все пожилые мужчины были, видимо, профессорами.

Когда мы сошли с самолета в Ословском аэропорту Форнебю, мой спутник довольно твердо держался на ногах и не показывал вида, что он, в сущности, совершенно пьян. Однако поиски билета и паспорта взяли у него много времени. Пришлось выворачивать все, что было у него в карманах, на подоконник окна. В аэровокзале мы снова пили Туборг.

Получив разрешение поехать в город, мы сели в автобус SAS (скандинавской авиационной компании) и поехали в город. В авто-

бусе кроме нас была пожилая полная норвежка, которая очень испугалась осы, севшей на окно, и в ужасе от нее отмахивалась.

Мне удалось убедить моего спутника прогуляться по Дворцовому парку и пройти по улице Раула Амундсена на площадь Ратуши. В сквере перед ратушей на траве спало двое юношей. Третий свалился со скамейки и заснул на земле. Наркоманы?

Спутника моего мучила жажда, и он все время искал пива. Меня же больше интересовало, нет ли где-нибудь общественной уборной. Выпитое пиво давало себя знать. Уборная нашлась в здании Западного вокзала, рядом с площадью ратуши.

До самолета оставалось еще много времени. Я уговорил моего спутника покататься на парходе по фьорду. Девушка гид на этот раз давала пояснения на английском и немецком (с норвежской интонацией, конечно), и она оказалась еще и матросом — отдавала концы и т.д. Погода была пасмурная. Но во фьорде виднелось много парусов. По случаю субботы? На одной из шхер, мимо которой мы проплывали, сидела целая туча чаек. А мой спутник дремал, сидя спиной к фьорду.

Потом мы долго искали конечную остановку автобусов SAS. В аэропорту мой спутник раздобыл пиво, которое называется «vterl». Но оно оказалось безалкогольным и потому показалось моему спутнику отвратительным. Потом он раздобыл еще какое-то ложное пиво. Только попав в транзитный зал аэропорта, он дорвался, наконец, до пива Туборг. О посадке на самолет в Рейкьявик объявили только в 19 часов.

Скорый поезд Москва-Белград. Унылая поздняя осень за окном. Туман, дождь. Листва почти облетела. Наутро — солнце сквозь туман. Темно-зеленые еловые леса по северным склонам Карпат, после перевала — буковые, матово-рыжие с зелеными пятнами.

Венгрия за окном. Огни по всему горизонту. Стоянка в Дебрецене. Дымчатые пассажирские вагоны. Здание вокзала далеко от путей, за газоном. Грузовик с нашими военными въезжает на перрон.

Поездка на трамвае по ночному Будапешту. Не то туман, не то дым. Мрачные массивные дома. Странно, что нельзя понять ни одной вывески, хотя лица у прохожих точно такие, как на наших улицах. Задымленный Дунай. Статуя на горе Геллерт. Венгры, сопровождающие нас, что-то объясняют по-немецки и заискивающе шутят. Все же удается узнать кое-что о разрушениях 1956 года в Будапеште.

Тихое теплое утро, барашки на небе. За окном Югославия, Воеводина. Поля кукурузы. Подсолнухи. Арбы на дорогах. Белые доми-

ки с черепичными крышами. Пирамидальные тополя. В одном месте поезд идет по берегу Дуная. Густые заросли на этом берегу. На той стороне лиственный лес, слегка рыжеватый. Посредине реки паромходик. На юго-востоке горы. Простор!

В Белграде нас встречает Саша, наш гид, югославский коммунист. Он суров и губаст. Ненавидит Сталина и советскую власть. Дежурная в гостинице «Белград» тоже сурова. На улицах масса народа, масса машин, масса магазинов. Много совсем новых домов, и мало домов старше начала нашего века. Много частных лавок. Пожилой хозяин одной из них хлопывает меня по плечу, благодарит, хотя я ничего не купил. В другой такой же мне приносят ботинки нужного мне размера откуда-то издалека (из другого магазина?). Впрочем, и в казенном универмаге продавщицы любезно улыбаются. На вывесках частных магазинов имя хозяина стоит обычно после фамилии.

Лучшее в Белграде — старая турецкая крепость Калемегдан. Башни, бастионы, парк. Грандиозный вид на Дунай, Саву и город.

Поездка на автобусе на гору Авала. На ее вершине памятник неизвестному солдату и телевышка. По склону горы лес, как на Крымском побережье. Возвращение в темноте. Огни Белграда.

Из Белграда в Сараево на автобусе. Тепло, барашки на небе. Равнина Воеводины. Порыжевшие поля кукурузы. Зеленые озими. Узкие нивы. На горизонте белые барочные шпили церквей. Села, как городки. Дома с большими окнами, по-разному окрашенные, но все с черепичными крышами. Панели для пешеходов. Сараи на сваях для сушки кукурузы. Черные свиньи.

Навстречу нам едут на арбах возвращающиеся с базара (по случаю Покрова?). Мужчины в шляпах и безрукавках, женщины в белых юбках и тоже в безрукавках. Красивые сытые лошади. Машин почти нет. Горы голубеют на горизонте, и они все ближе.

Вдруг — островок Австрии? Курорт Баня Ковиляче. Здание в стиле венского барокко: гостиница, курзал. Парк с газонами, клумбами, фонтанами, группами деревьев, посыпанными гравием дорожками. Наверно, здесь когда-то австрийские офицеры танцевали со своими дамами под музыку Иоганна Штрауса.

Справа появляется река Дрина. За ней горы. За мостом через нее должен быть городок Зворник, и там уже не Сербия, а Босния. Переезжаем через мост и видим людный базар на площади городка. Но что такое? Женщины здесь в шароварах и длинных ярких покрывалах, и видны минареты и мечети! Мы выезжаем из городка и поднимаемся в гору. Женщины, идущие с базара, несут свой груз на голове. Многие из них в шароварах и покрывалах, но некоторые из них в белых юбках и безрукавках.

От Зворника начались горы и великолепные леса, в основном — бук и пихта. В лесу вдруг бревенчатый домик с высокой соломенной крышей, похожий на идиллическую избушку в декорациях к какой-нибудь романтической опере.

А в одном месте рядом с дорогой на лужайке перед православной церковью яркая толпа, музыка, танцы. Вспоминаю виденные мной в детстве сельские ярмарки в Смоленской губернии. Но здесь все чинно: не видно пьяных драк, не слышно пьяной ругани, да и пьяных, видимо, нет. Цыгане играют на скрипках и бьют в барабан. Девушки в белых юбках и ярких кофтах ходят по кругу. Танцуют также и парами. В сторонке сидят на траве и едят пироги, пьют сливовицу. Дают и мне ее попробовать. Она прозрачная и сладковатая. Есть здесь и два милиционера в серой форме. Несколько женщин садятся на лошадей. На лошадях расшитые попоны и тюки при седле.

Сараево. Старинный город! Масса мечетей. Из окна гостиничного номера видно не меньше десятка минаретов. Один совсем близко. Рано утром тонким голосом кричит нараспев муэдзин. Огромный базар. Торговцы в фесках и с чубуком во рту. Пышные натюрморты из красного и зеленого перца, капусты зеленой, синей и цветной, кабачков, яблок, слив, айвы и т.д. Масса голубей. Запах гнили. Мальчишка поджаривает каштаны на большой круглой жаровне. Ряды, где продаются кустарные изделия из металла (джезве и т.д.). Выставка кустарных изделий в средневековом базарном здании Бруса-Безистан. Базарная часовая башня Баш-Чарджиа. Музей «Млада Босня», где прославляется Гаврила Принцип как национальный герой. Следы его ног на улице в том месте, откуда он стрелял 15 июня 1914 г. в наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда. В гостинице за обедом подают национальные боснийские блюда — лонац, шиш-чебаб, баклава (сладкое). В сараевских кофейнях подают чашечку, джезве с кофе и стакан холодной воды.

Вечером Сараево превращается в сказочный восток, придуманный каким-то романтиком в начале прошлого века. Лабиринт узких улочек. Верхушки минаретов освещены изнутри. Дома со вторым этажом, нависающим над улицей. Тень от второго этажа подрезает дом. Узкие темные окна на белой стене нависающего второго этажа кажутся нарисованными. Почерневшие деревянные ворота с большим железным кольцом. Мусульманские кладбища: белые столбики, некоторые с тюрбаном, и большие скамьи без спинок. На одной из этих скамеек сидит женщина в черном. Над горой подымается тонкий полумесяц. Кошка бредет по крышам. Ее силуэт тоже кажется частью вечерней сараевской феерии. Вдруг слышится тонкий свист паровоза где-то близко, но не понять откуда.

А в вестибюле отеля «Европа» (он в европейской части города, но она — островок среди старого мусульманского города) толпятся какие-то маститые евреи, говорящие по-немецки, раввины в черных хламидах и шапочках, выложенных серебром. Они собрались по случаю четырехстолетия переселения евреев из Испании на Балканы и открытия в Сараево музея евреев Боснии и Герцеговины.

Но на улице Тито, то есть главной улице города, есть и православная церковь. В нее спускаешься, как в подвал. Она совсем ушла в землю (она была основана в четвертом или пятом веке!).

Есть под Сараевом и загородный парк — Врево Босне. Стада форедей плавают здесь в проточных озерах, а лебеди — в непроточных. Сюда приезжают кататься по длинной каштановой аллее в кабриолете. Сухие листья густо лежат на аллее. Среди них — каштаны. Они как отполированные.

Из Сараево в Дубровник на том же автобусе. Почти сразу — спуск к Неретве, и потом — вдоль нее. Здесь, в Герцеговине, пейзаж совсем не такой, как в Боснии. Горы лысые. Скалы, камни. Лес чахлый — дубки, кустарник. Ущелье Неретвы величественно, но уныло. Вдоль шоссе петляет узкоколейка, прошивая горы тоннелями. Пыхтя и пища, паровозик тащит за собой несколько вагонов. Вскоре поезд остается далеко позади нас.

Обед в Мостаре, где великолепный старый мост висит каменной дугой над стиснутой скалами Неретвой на фоне минаретов и крепостных башен. Плиты на нем источенные временем, неровные, горбатые. Как переезжали по нему на повозках?

Опять новая страна — Далмация. Показывается Адриатика. Дальше слева все время горы, серые с рыжими подпалинами, скалистые и пустынные. Справа почти все время море. Острова вздымаются из него как горы. Берег моря совсем не похож на крымский или кавказский. Он всегда уютный. Нет широкого, заливаемого волнами пляжа. Деревья, как и дома, часто стоят на самом берегу и отражаются в воде. На шоссе изредка — ослики, но чаще — легковые машины, видимо, туристские. Рыжие скалы в выемках шоссе. Оливковые рощи в каменных оградах. Серая зелень оливковых деревьев. Их красивая корявость. Подсвеченная солнцем яркая зелень пиний. Все дома итальянского типа: из серого камня, с узкими окнами. Не понять, средневековые они или современные. Но много и явно средневековых или древних построек: какие-то башни, стены, развалины то ли крепостей, то ли городов. Но вдруг среди развалин и жилые дома. А в автобусе все время передается музыка из Италии, неаполитанские песни и т.д. И все время солнечно и тепло.

Старый город в Дубровнике, или Град. Входишь в него через ворота в мощной крепостной стене, которая окружает его. В стене много крепостных башен. Войдя в град по широкой главной улице, мощенной каменными плитами, останавливаешься завороченный: великолепные серокаменные ренессансные дворцы, церкви, аркады, колоннады, порталы. Ни одного здания младше трех-четырёх веков. Невероятный город. Правда, толпа на главной улице современная, и в основном — туристы. Встречаются, однако, женщины в национальном далматском костюме — длинных белых платьях и безрукавках — и монахини в черном. Современные также лавочки сувениров, кафе, мастерские, расположенные под аркадами вдоль главной улицы Града. А если, войдя в него, подняться по лестнице влево, то попадаешь в улочку (или коридор?), где играют дети, сушится белье на веревке, пахнет жареным луком. Оказывается, что Град не только город-музей, но и город — коммунальная квартира.

Прогулка по верху стены вокруг всего Града — самая восхитительная прогулка в моей жизни. Не знаешь, куда смотреть.

Со стороны города — море черепичных крыш, лабиринт узких проулков, кое-где садики с инжиром и апельсиновыми деревьями (впервые в жизни видел апельсины на деревьях!), дворики, огородики. Монахини вешают белье, другие тащат корзины с капустой. Кошка бродит по крышам.

Со стороны моря — волны невероятной голубизны разбиваются о скалы у подножья стен.

Возвращаясь из Града в гостиницу на смешном трамвайчике-платформе, спрашиваешь себя, что же такое я только что видел? Сказочный город, возникший из моря?

На том же автобусе из Дубровника в Сплит. Снова передается итальянская музыка. Но теперь справа пустынные горы, а слева море с островами на нем. Все время солнечно и тепло.

Обед в Макарска. Пляж под аллеей пиний. Он очень узкий. Ветви пиний простираются над прозрачной и неподвижной водой. Она +24°, несмотря на конец октября. Отдыхающие лежат в море на надувных матрацах, на берегу — на раскладушках. Видимо, немцы. Рядом с одной парой два пуделя. Кое-где под пиниями, на берегу, скалы. В них пещерки, арки, ванночки. Больно укололся о морского ежа. Их много здесь.

Францисканский монастырь в Макарска. Он с XIII века, но в теперешнем виде с XVII века. В монастыре музей ракушек — единственный в мире. В монастырской церкви по стенам картины итальянских художников XVII века (страшный суд и еще что-то). Двор с аркадами. На земле античные капители. У монахов черная ряса до

пят и длинный белый шнур вместо пояса. По словам Саши, нашего гида, все здешние монахи (их около сорока) с высшим образованием, а настоятель кончил три факультета — богословский, философский и биологический (вот откуда музей ракушек!).

Сплит. Но здесь эпохи — античность, средневековье, ренессанс и современность — так переплетаются, что запоминается только то, в чем ощутимо это переплетение. В грандиозный дворец Диоклетиана, частично функционирующий как жилой дом, еще в Средние века был встроен целый городок. В улочках и проулочках этого города — магазины, кафе, конторы, музеи. У входа в сводчатый нижний этаж дворца цыганенок гадает с помощью морских свинок. В вестибюле апартаментов Диоклетиана парни играют в футбол. В перистиле дворца теперь ставятся современные драмы и оперы. Перед храмом Юпитера, встроенном во дворец еще при Диоклетиане и в Средние века превращенном в баптистерий, немец турист фотографирует даму с болонкой на руках. В закоулке у храма Юпитера целуется парочка. В мавзолее Диоклетиана, превращенном в Средние века в собор, идет богослужение. Но различаешь слова «Света Мария, майка божья». Оказывается, еще с десятого века в Хорватии язык католического богослужения — не латинский, а хорватский. Видимо, именно поэтому католическая церковь могла в Хорватии возглавить национальное движение, как православная — в Сербии. А в Боснии, где господствовало богумильство, отрицающее церковь, восторжествовало мусульманство.

Насколько в Сплите переплетены не только эпохи, но и национальные движения, стало мне понятно, когда я смотрел в местном театре (здании в стиле венского барокко, расположенном недалеко от готической ратуши и ренессансного дворца, что у венецианской крепости) оперу «Никола Шубич Зринский». Автор оперы — Иван Зайц (хорват), но она по драме Теодора Кёрнера (немца), А дирижировал Бомбарделли (итальянец), и пел тенор Филиппи (итальянец). Исторически, герой оперы, как выясняется, — венгр, воевавший с турками. В опере он хорватский бан, но как он, так и все его сподвижники — в венгерках (хорватские баны были вассалами венгерских королей). Видимо, хорватский патриотизм был (по отношению к туркам) в то же время и венгерским?

По дороге в Солин, древнюю Солуну, пригород Сплита, где раскопана масса памятников античности, — театр, некрополь и т.д. — виден акведук Диоклетиана, до сих пор действующий! Ресторанная площадка на раскопках в Солине огорожена колоннами, найденными при раскопках. А около раскопок женщина с веретеном в руке пасет двух коз и на ходу прядет нить, как, вероятно, делали женщины и при Диоклетиане.

Из Сплита на Плитвичские озера на том же автобусе. По дороге: Трогир. Опять город-музей. Городские ворота со статуей в тиаре. Узкая улочка выводит на площадь, на которой все средневековое: собор с великолепным порталом, ратуша, башня с часами, лоджии, жилые дома. Противоположные ворота города выводят на пустынную набережную без парапета. На маленьком крытом рынке справа от ворот торгуют свежей рыбой. В северном конце набережной небольшая крепость с башнями, видимо венецианская.

Шибенек. Набережная без парапета. Много рыбацких судов. На горе крепость святой Анны. Старый город расположен амфитеатром над набережной. Улочки идут вверх. Готические порталы и наличники. Огромный собор XV века. Снаружи, на его алтарной стороне, около семидесяти скульптурных портретов, очень индивидуализированных, так что, видимо, это портреты людей того времени.

Задар. Обед с коньяком в ресторане. Саша, наш гид, совсем раскололся. Пышет ненавистью (как, видимо, все югославские коммунисты) не только к Сталину, но и к его преемникам, современным советским правителям. Все же на обратном пути из ресторана он не забывает показать нам римские стены, руины форума, романскую и раннеготическую церкви, средневековый позорный столб.

А на набережной старушка, торгующая цветами, назвала меня «сеньоре». Видимо, здесь еще жива итальянская речь. Задар назывался по-итальянски Зара, а Дубровник — Рагуза, а Сплит — Сполетто. Ведь все это бывшие венецианские колонии!

Но вот после пятисот километров по адриатической магистрали наступает прощанье с Адриатикой. Закат. Острова как огромные сонные киты в оранжевом разливе. Сень — последний городок на побережье Андриатики. На его набережной уже зажглись фонари. Дома идут полукругом вдоль набережной. А на горе виднеются крепостные стены и башня.

В сумерках начинается подъем по лесистому ущелью. Становится темно. Серпантин в гору. Обгоняем арбы с фонариками. Все лес и лес. Молодая луна справа. Проезжаем через какие-то уже спящие селения. Желтые листья в свете автобусных фар. Заяц выскочил на дорогу и — назад. Бесконечное кручение по лесу.

Поздно ночью приезжаем в гостиницу национального парка Плитвичские озера. Гостиница почти пуста. В роскошно обставленном номере паровое отопление включено на полную мощность, так что приходится держать окно открытым настежь, хотя снаружи прохладно.

Утром в окне открывается вид: осенний лес по крутым берегам озера, прямо вдали водопад, поближе — другой. Слышен шум водо-

падов. Во время прогулки обнаруживается, что озер несколько. Они расположены террасами. По крутым берегам лиственный, в основном буковый лес. Но встречается и пихта. Удобные дорожки вокруг озер. Листья шуршат под ногами. Водопады и водопадики без конца. Пещеры в скалах. Мостики, парапеты, скамейки из некрашеного дерева. К самому большому водопаду (он у нижних озер) вход платный. Столько бродил вокруг озер, что совсем оттопал ноги.

Когда я возвращался, уже давно стемнело, и взошла луна. Дорога шла по буковому лесу. Вдруг я увидел, как старуха в черном шла от ствола к стволу и остановилась, ожидая меня. Я пошел к ней, но оказалось, что ее нет!

Дорога от Плитвичских озер в Загреб. Открытая холмистая местность. На вершинах каменистых холмов кое-где лес. Узкие полоски нив. Довольно бедные, но очень опрятные хутора. Черепичные крыши. Арбы, запряженные лошадьми или волами. Машин не видно. Крестьяне в шляпах. Каменистое ущелье реки Корана. Сельские лавки с надписью *meĐk ovita roba* (смешанные товары?). Наконец вдали показывается лес точечных домов — Загреб.

Когда я на следующее утро делал зарядку в моем маленьком номере на восьмом этаже, солнце вставало из-за точечного дома. По всему небу ползла свинцовая туча. Внизу по улице машины еще шли с огнями.

Сразу на прогулку. В городе очень людно, много машин, много магазинов. Господствуют богатые массивные дома второй половины девятнадцатого века, точно такие, как в других больших городах Австро-Венгрии, которые я видел раньше — Львове, Черновцах, Будапеште.

В чем своеобразие Загреба? Гидша, которая сопровождала нас во время автобусной прогулки по городу, уверяла, что в Загребе все первое в Югославии или в Европе (даже медведь, на которого охотятся в лесах под Загребом, получил где-то первый приз). Она употребляла забавные слова вроде «студентический» или «креативный», и ее интонация временами напоминала Аркадия Райкина. Есть в городе и отличная готика, и пышное барокко. Есть старый город, или даже два — Градец и Каптоль. Но они тонут в современном европейском городе.

Пресытившись музеями, которых в Загребе много, долго бродил один по городу. Часто встречаются монахи и монашенки (в Загребе восемнадцать католических монастырей!). Перед железнодорожным вокзалом встретился старозаветный извозчик. Вокзал совсем не похож на наши вокзалы, но наверно ничем не отличается от других вокзалов средней Европы. Огромные стеклян-

ные своды. Дымчатые вагоны разных оттенков. Кондуктор в темно-серой куртке и с кожаной сумкой у пояса. Двери вагонов открываются наружу. Милиционер в сером. Пассажиры с красивыми чемоданами. Но народу очень мало. В зале ожидания сидит один человек, в ресторане — никого. В ларьках и буфетах продается много разных напитков в нарядных бутылках. Множество туристских бюро.

Потом пошел под морозящим дождем по улице, обсаженной платанами, в центр. Поднялся на небоскреб на центральной площади. Дождь перестал. Смотрел на радугу, закат и зажигающиеся огни города. Рядом со мной смотрела на город пожилая крестьянка с сыном. Она в безрукавке, переднике и платке. В руках у нее полосатая кошелка. Черты лица у нее иконописные — тонкие и правильные, но выражение суровое.

Потом, уже в темноте, попал в Аллею Любви в Градце, у фуникулера. Там парочки целовались враспашку, не стесняясь прохожих.

Дорога из Загреба в Белград. Равнина Словонии. На полях кукуруза или озими. Изредка дубовые рощи. Арбы, запряженные лошадьми или волами. Часто автобусы (но не такие задрипанные, как у нас в провинции) и автофургоны. Легковые машины и грузовики — редко. В полях тоже не видно машин. На горизонте слева и справа видны горы, иногда исчезающие книзу, как отмывка на чертеже. Только ближе к Белграду, в Воеводине, они исчезают совсем.

Обед в Славонском Броде. Грязная Сава. Суденышки у берега. Платаны по улице. Дома почти все одноэтажные и новые. Над подворотней одного дома две лошадиных головы (бывший постоялый двор?). Старуха в белой рубашке, тканом переднике и с белой головной повязкой, похожей на тюрбан. Православная церковь у реки.

Подъезжая к Белграду, видели Тито. Он проезжал в закрытой машине с Иованкой встречать Хайле Селассие.

Снова Белград. Еще раз побывал в турецкой крепости. На этот раз ее башни и бастионы освещала полная луна, а внизу сверкало море огней. Побывал также на главном базаре, где на последние динары купил у одного старого серба крестьянина крупное яблоко. Он дал мне в придачу другое такое же.

Снова равнина Воеводины. В окне — кукурузные поля, барочные шпили церквей, арбы. Но когда после туннелей появился Дунай, он был справа, и над ним была радуга.

Затем — венгерская равнина. Виноградники, сады, хутора. В одном месте — неводеланная степь (заповедник?). Прогулка по Будапешту на этот раз была не только в темноте, но и в грозу. В разгаре

грозы мы смотрели с горы Геллерт на Дунай и мосты через него и под дождем проехали в старый город и к собору.

На рассвете — перевал через Карпаты. Ползут клочья облаков. Дальше — листья почти облетели с деревьев. Косой дождь. А на следующее утро, под Москвой, на земле лежал толстый слой снега.

Все время попадаются литературоведческие работы, в которых автор, исследуя тот или иной памятник, не проявляет, в сущности, никакого интереса к своеобразию самого этого памятника (считая, видимо, что проявлять такой интерес — ненаучно?) и говорит только о том, что он обнаружил в каком-то другом памятнике какой-то другой литературы нечто сходное с тем, что есть в данном памятнике. Авторы таких работ мне напоминают одного бывалого туриста, который не раз оказывался моим соседом по автобусу во время моей поездки по Югославии. В то время как я был наивно поглощен тем, что я видел за окном, он иногда бросал туда скучающий взгляд, и если там показывалось что-нибудь примечательное — море или горы или лес, он говорил:

— А вот когда я путешествовал по Норвегии, то там тоже было море и на нем острова.

Или:

— Это похоже на то, что я видел в Японии, там тоже были горы и на них снежные вершины.

Или:

— Это мне напоминает, что в Австрии, когда я там был, там тоже был лес и в нем такие же деревья.

Все с завистью смотрели на моего соседа. Где он только не побывал! Но он был не литературоведом, а лигвистом-типологом.

Первый итальянец, с которым я разговаривал в Италии, был веселый и общительный официант, который подавал нам ужин под навесом на дворе гостиницы *Residence Hotel* на Корсо Гарибальди в Милане. Это был первый день моего пребывания в Италии. Я уже успел побывать в своем номере, где сразу же разбил свои очки, уронив их на мраморный пол, и пройдя по коридору, обнаружил, что гостиница пуста. Было тепло и слегка парило. Под навесом, где мы ужинали, пели цикады. Над городом стояла дымка. Официант считал своим долгом, по-видимому, не только обслуживать нас, но и занимать нас разговором. Выяснилось, что он родом из Флоренции. Выяснилось также, что спагетти (нам подавали их с томатным со-

усом и тертым сыром) — это очень тонкие макароны (или вермишель), но не полые, тогда как *macaroni* — это макароны с палец толщиной и короткие. Общению с официантом мешало то, что мои спутники — несколько советских ученых дам и мужей, приехавших на пятую международную встречу лингвистов, организованную итальянским лингвистическим обществом, — обменивались впечатлениями о заслушанных днем докладах. Мне же совсем не хотелось принимать участие в этом обмене мнениями, потому что во время единственного доклада, на котором я присутствовал, я изучал план Милана и обратил внимание только на то, что у докладчика были кудрявые волосы и что он истекал словесным поносом (что, впрочем, обычно происходит с ученым мужем, когда он делает ученый доклад).

Первая итальянка, с которой я разговаривал в Италии, была девушка, подошедшая ко мне, когда я ходил по саду одной старой итальянской усадьбы, любуясь его сказочной красотой. Профессор Пизани, один из организаторов лингвистического конгресса, организовал, в силу своих личных связей, поездку участников конгресса в три частных поместья, расположенные недалеко от Милана. Первое из них была Вилла Бель Джойозо. Пизани представил нас маркизе, хозяйке поместья, и ее дочери, и участники конгресса разбрелись по старинному саду. На площадке перед трехэтажным барочным зданием были цветники и балюстрада со статуями, а направо — грот с фресками, изображающими сцены охоты. От балюстрады вниз шли лестницы в сад. Посредине центральной лужайки, на которой стояли копны только что скошенного душистого сена, бил фонтан. Сказочным казалось, что там, где трава оставалась не скошенной, она была (в сентябре месяце!) ярко зеленая и в ней попадались обычные у нас летние цветы — луговой василек, поповник и т.д. Сказочность придавало саду и то, что вдали, за его пределами, виднелись в дымке голубые силуэты гор.

Вдруг ко мне подходит скромно одетая и миловидная девушка и начинает меня расспрашивать что-то о Ленинграде и России. Очарованный сказочным садом, я отвечаю рассеянно, односложно, и девушка, поняв, что у меня нет желания разговаривать с ней, отходит от меня. Тут ко мне подходят ученые дамы из нашей группы и открывают мне, какой чудовищный промах я только что сделал: девушка, которая ко мне подошла, была дочь маркизы! Завязав разговор со мной, она хотела оказать внимание всем участникам конгресса, и возможно, что она выбрала меня потому, что я был *il russe*, русский,

то есть в глазах среднего итальянца — представитель экзотической нации (другие участники конгресса были итальянцы, французы, немцы и т.д. и даже в нашей маленькой группе только я был русский).

Второе поместье, которое мы посетили, Вилла Субалья, было более богатое, но произвело на меня меньшее впечатление. Нарумяненная и поддерживаемая двумя дамами старая графиня, хозяйка поместья, принимала нас в залах, обставленных старинной мебелью. Официанты в белом подавали нам чай с лимоном, соки, минеральную воду, портвейн, сэндвичи и птифуры. В верхнем этаже дома была картинная галерея. Но меня больше интересовал сад. Хороши в нем были балюстрада со статуями, лестница и кипарисовая аллея вниз в сад и, особенно, уходящая влево аллея, в конце которой были балюстрада и перед ней одиноко стоящая статуя.

Третье поместье, которое мы посетили в тот же день, Вилла Биффа, была еще богаче и произвела на меня еще меньшее впечатление. Хозяина ее, владельца журнала «Коррьере делла Сера», самого большого журнала в Италии, не было дома. Нас принимали какие-то четыре дамы. Официанты в белом и с аксельбантами сервировали нам коктейли в просторной галерее, расположенной рядом с бассейном с прозрачной голубой водой. При доме был, видимо, и роскошный сад, но было как-то не до него.

В поездке нас сопровождал какой-то пожилой итальянец, которого наши дамы приняли почему-то за гида, приставленного к нам, и удивлялись, что он ничего нам не сообщает. В автобусе он сидел рядом со мной и время от времени демонстрировал свое знание русского языка, произнося слова «бабушка», «дедушка», «очень хорошо» и т.п., спрашивал — есть ли в России верблюды и особенно интересовался тем, существовал ли в России старец Федор Кузьмич. Уже после поездки выяснилось, что этот Федор Кузьмич (так мы его прозвали) вовсе не гид, а граф, родственник графини владелицы Виллы Субалья.

Запомнился также шофер нашего автобуса. Перед отъездом из Виллы Субалья в Виллу Биффа происходило какое-то оживленное совещание между ним и местными жителями. Он, видимо, интересовался, нет ли прямой дороги через лес из одного поместья в другое. Дорога, которую он выбрал, была скорее лесная тропа, чем дорога. Ветви деревьев отчаянно хлестали по машине. Справа от тропы был обрывистый склон. Но шофер наш все время хохотал. Ему было, видимо, страшно весело проехать по такой дороге, хотя, когда мы выбрались из леса, оказалось, что сбита антенна и свернуто зеркало. Но, по-видимому, он всецело полагался на мадонну, изображение которой висело над его сиденьем.

Скорее всего, однако, лихая езда в характере итальянцев. Когда я ехал на легковой машине из Милана в Бергамо — городок, расположенный на скалистой горе и состоящий целиком из архитектурных памятников, древнейший из которых X века, — водителем была миниатюрная молодая девушка с остреньким носиком. Как большинство жительниц Милана, где господствуют неправильные черты лица и нетемные шевелюры, она была совсем непохожа на тот тип итальянки, который мы знаем по итальянским фильмам. Ее звали Луиза Деляроза. Я сидел рядом с ней и видел, что на счетчике было все время 140 или 150 и ниже 120 не бывало. Такой решительности, уверенности и точности, какие проявляла Луиза, я никогда не видал у нас даже у мужчин. Между тем Луиза вовсе не была профессионалом. Оказалось, что она аспирантка и пишет диссертацию о философии Ельмслева. Ведя машину со скоростью 150 километров в час, она одновременно справлялась с философскими выражениями Ельмслева, рассказывала мне о своей диссертации.

От самого Милана остались в памяти только голуби на конной статуе Виктора Эммануила, которые показались мне страшно маленькими (то ли это не голуби, а горлицы, то ли оптический обман?), безобразное высотное здание с верхними этажами на кронштейнах и францисканский монах, который, подобрав рясу, сел на мотоцикл и, как это принято в Милане, бешено помчался.

А от поездки на Комо, если не считать восторга от того, что я на Комо, остались в памяти только церковь в виде самолета, промелькнувшая в окне поезда, и надпись в купе вагона «запрещается богохульствовать» (*E vietato bestemmiare*).

А какие же впечатления остались от знаменитых миланских достопримечательностей — Миланского собора, Тайной Вечери Леонардо в Санта Мария делла Грацие, замка герцогов Сфорца и т.д. и знаменитых красот озера Комо? Осталось сознание, что я видел все, что полагается видеть в Милане и на Комо, и даже больше, и при случае могу сказать, что я все это действительно видел своими глазами.

За окном поезда, мчавшегося из Милана в Венецию, — Италия. Но ничего не видно: ночь. Вдруг поезд замедляет ход и останавливается. Я выхожу в тамбур, открываю распахивающуюся наружу дверь и схожу с поезда. На слабо освещенном крытом перроне пустынно. Только две-три фигуры виднеются вдали у вагонов — то ли пассажи-

ры, то ли железнодорожники. Перрон ничем не отличается от тысяч таких же перронов, виденных мною в жизни.

Но вдруг я вижу название станции: Верона. Я выхватываю записную книжку, чтобы записать охватившие меня чувства: я в Вероне! Я там, где жили Ромео и Джульетта! Где, может быть, показывают их могилы! Где наверно есть люди, считающие себя потомками Монтекки или Капулетти! Но вдруг впереди зажигается зеленый огонек светофора, и я поспешно вхожу в поезд.

Оказывается, не только сознание, что видел своими глазами знаменитый памятник (который можно увидеть на превосходных репродукциях, не выезжая из Ленинграда), доставляет удовлетворение (тщеславию?), но также и сознание, что побывал где-то около того места, где якобы произошло что-то, воспетое в знаменитом произведении знаменитого автора.

Поезд замедляет ход, въехав на длинный мост через лагуну. Впереди, за лагуной, показываются огни Венеции.

Вокзал, похожий на аэропорт. Флотилия гондол у пристани. На той стороне Канале Гранде барочный фасад какой-то церкви. Переезд на моторной лодке (не на гондоле, почему-то!) по ночной Венеции в гостиницу *Splendid Suisse*. Ночной вид из гостиничного номера в пятом этаже: море черепичных крыш, силуэт колокольни Сан Марко, а внизу, в узкой щели, канал и на нем гондола.

Не удержаться от того, чтобы сразу же, ночью, не сбежать на площадь Сан Марко. Там за столиками перед каким-то заведением расположилась небольшая компания молодежи, и слышна русская речь. Не советские ли туристы? Спрашиваем, давно ли приехали. Но в ответ хлыщеватый юнец, не оборачиваясь к нам лицом, цедит сквозь зубы скучающим тоном:

— Мы здесь вечность.

Очевидно, советская золотая молодежь, у которой советские граждане, для которых приезд в Венецию — событие в жизни, вызывают только презрение.

Утром первое, что поражает в Венеции — это тишина, нарушаемая только шумом шагов по каменным плитам, которыми вымощен город. Ни машин, ни трамваев, ни даже велосипедов, разве что иногда крик гондольера «оэ!».

Бродить по Венеции — это наслаждение, которое нельзя описать. Все время открываешь новые и новые несравненно живописные уголки. Круто изогнутые мосты, отражающиеся в канале старые палаццо

с готическими окнами, увитые плющом глухие стены, барочные фасады церквей и улочки, каналы, улочки, каналы ...

Но очень трудно находить дорогу в этом лабиринте улочек, вернее, щелей и проходов между домами. План города не помогает. Большой части этих щелей и проходов на нем нет. Магистралей нет, вернее, в Венеции только каналы — магистраль. Но вдоль каналов нет набережных (они есть только на окраине города, где дома более новые). Солнце тоже не помогает найти дорогу в Венеции. Оно светит сквозь жемчужную дымку и не появляется. Поэтому все краски в Венеции блеклые, матовые, мягкие, совсем не такие, как на диапозитивах или цветных фотографиях. Вода в каналах мутно-зеленая, грязная, в ней плавают пустые бутылки, кожура бананов, всякий мусор. От нее сильно пахнет гнилью и сероводородом. Внизу у домов — зеленая плесень. Мрамор мостов, церквей и дворцов белесый там, где его омывает дождь, но грязно-черный во впадинах и там, где он его не омывает. Штукатурка на домах, как правило, грязная и сильно облупившаяся. В подворотнях и подъездах, где раньше, видимо, можно было ходить, стоит вода. В нижних этажах домов, очевидно, не живут. И сознанию, что город медленно погружается в гнилые воды лагуны и когда-нибудь исчезнет в них, способствует торжественная тишина, которая царит в городе даже днем и нарушается только шумом шагов по каменным плитам, а время от времени также колокольным звоном.

Флоренция — город цветущий, радостный, светлый — так всегда представлялось мне, наверно, уже в силу ее названия. Но оказалось, что она совсем не такая. Есть что-то мрачное и зловещее в ее облике. В городе масса каких-то средневековых домов, целые улицы сплошь из таких домов. Улицы эти узкие, а дома огромные, четырех- или пятиэтажные, часто без окон в нижних этажах, а этажи очень высокие. Все окна в этих домах закрыты жалюзи, нередко окна нарисованные, а фасады домов узкие, в два-три окна, и балконов на этих домах не бывает, но на их крышах бывают лоджии. Дома эти похожи на крепости. Но настоящая крепость — центральное здание города — Палаццо Веккио (или Палаццо делля Синьория), грандиозный каменный ящик с мощной башней.

Все старые дома во Флоренции какого-то желто-серого цвета. Мне этот цвет представлялся цветом адского серного пламени. На самом деле это, очевидно, цвет камня, из которого строили во Флоренции. Но штукатурка во Флоренции тоже всегда такого же дьявольского цвета. Такого же желто-серого цвета и знаменитый Понте

Веккио, средневековый мост через Арно, центральный в городе и тоже похожий на крепость, и дома вокруг него по берегам Арно. Только соборы и церкви во Флоренции всегда из белого и зеленого мрамора, и поэтому они резко выделяются на общем желто-сером фоне как райские видения.

Часто встречающаяся у подворотен мрачных желто-серых домов надпись *lasciato libero il passaggio* (то есть «оставляйте свободным проход») как-то странно напоминает своим началом надпись на воротах Дантова ада — *lasciate ogni speranza voi ch'entrate*. Не удивляешься и тому, что Сильвио, наш флорентийский гид, молодой и красивый, явно похож на Саванароллу (его келью Сильвио показывал нам в Сан Марко) и что во дворе Палаццо Пандольфини, куда я однажды заглянул, на меня выскочила огромная черная собака с пламенем изо рта. В Италии пламя изо рта собаки как-то не удивляет: очень часто видишь изображение шестиногой черной собаки с пламенем изо рта на желтом фоне (видимо — это реклама горючего какой-то итальянской фирмы).

Монахи и монашенки, и те и другие в черных одеяниях, тоже кажутся вполне уместными на улицах Флоренции. Представляешь себе, что они спешат к умирающему от чумы, которая свирепствует в городе, и что надо бежать из города в пригородную виллу на каком-нибудь из окрестных холмов. Где так чудесно и откуда как на ладони видна вся Флоренция — над темно-красными черепичными крышами и желто-серыми стенами домов возвышаются ее башни и колокольни.

Я бродил по Меркато Централе во Флоренции в поисках чего-нибудь красивого и дешевого. Купив какой-то понравившийся мне яркий платочек, я вышел из рынка и остановился, чтобы сориентироваться по плану Флоренции и решить, куда пойти. Но оказалось, что я, видимо, посеял мой план города где-то по дороге. Я долго шарил по всем своим карманам, но не мог его найти. Мальчик подросток, стоявший рядом и сочувственно следивший за моими поисками, стал меня спрашивать, что я потерял. Я не помню, как я с ним изъяснялся. Я знал всего несколько итальянских слов, а он вряд ли знал французский (на котором я обычно изъяснялся в Италии). Во всяком случае, он понял, что я потерял, и тотчас протянул мне свой план Флоренции, не такой, как мой. Я решил, что он хочет продать мне его, и стал предлагать ему деньги. Он решительно отказался. Тогда я хотел подарить ему что-нибудь. Но он убежал от меня. Мне удалось все же нагнать его, и мы обменялись крепким рукопожатием.

ем и объяснили друг другу, откуда мы. Он с гордостью заявил, что он из Сардинии. Так что он тоже был приезжим во Флоренции, и, видимо, потому у него был ее план.

Гармония красоты и правды, существовавшая в Средние века в живописи (фрески Рублева, витражи в *Sainte-Chapelle* в Париже), была в эпоху Возрождения разрушена стремлением к воспроизведению перспективы, к анатомической точности, к воспроизведению фактуры тканей и т.д. Началось движение к цветной фотографии. Только в конце XIX века опомнились, поняли, что движение, начавшееся в эпоху Возрождения, было разрушением существовавшей раньше гармонии красоты и правды, и начали искать новых путей.

Сводчатое помещение, в котором люди толпятся как на базаре или на вокзале. Все смотрят вверх и разглядывают или делают вид, что разглядывают там что-то. Среди толпы есть несколько бесноватых, что ли, которые выкрикивают что-то, каждый на своем языке — английском, французском, немецком, и вокруг каждого бесноватого группируются люди, старающиеся расслышать, что он кричит. Если вслушаться в крики бесноватых, то иногда можно разобрать что-нибудь вроде: «... в середине вы видите...», «с правой стороны от него вы видите...», «слева от него мы видим...» и т.п. Бесноватые, очевидно, стараются описать словами то, что все и так могли бы видеть, если бы не плохое освещение (помещение высокое, а окна узкие), и что гораздо лучше можно увидеть на репродукциях. Не приезжая сюда за тридевять земель. По-видимому, единственный смысл участия в этом столпотворении тот, что его участник может потом сказать: «Я был в Сикстинской Капелле! Я видел фрески Микельджелло в Сикстинской капелле в Ватикане!»

Осматривать достопримечательности в сопровождении гида всегда как-то унизительно. Но в Риме унизительность эта почему-то особенно ощутима. Зато, когда бродишь по Риму один, то наслаждаешься. Находишь какие-то фантастические конгломераты построек разных эпох: сочетания римского театра со средневековым домом, ренессансного фасада с корпусом из руин римского храма и т.п. Любуешься набережной Тибра, быстрого и мутного, и огромными платанами, свешивающими свои ветви далеко над его водой. Находишь узкие кривые улочки, стены и арки, увитые ползучими расте-

ниями, живописные старые дома и барочные фасады церквей и, самое живописное, — старые площади с фонтанами посредине и старыми домами вокруг.

Небольшая площадь Фарнезе с дворцом Фарнезе и фонтаном посредине. Просторная и пустынная площадь Навона с тремя пышными фонтанами и красными старыми домами вокруг. Людная площадь Триви, где на ступеньках перед бассейном с мутно-голубой водой и фонтаном всегда сидит много молодежи. Площадь Испании с ведущей вверх от нее широкой лестницей, где кто выставляет у балюстрады свои картины, кто мастерит ожерелья и браслеты из проволок, кто просто лежит на каменных плитах или сидит на ступеньках. Здесь видишь длинноволосых юношей с бахромой на брюках, в ажурных рубашках, с крестом на груди и сумой на боку, девушек, смуглых, черноволосых, со жгучими глазами, прямым носом и правильными чертами лица. Нигде я не видел столько красивых девушек, как в Риме.

Но последний вечер пребывания в Риме я провел на Пиаццо ди Республика, одной из сравнительно новых площадей. Она круглая, и по всему ее кругу — кафе и рестораны. Столики стоят прямо на площади. Посредине площади — большой и красиво подсвеченный фонтан. Лавины машин проезжают через площадь. Но на площади толпится много народу. Слушают выступление певца Марио Рови на открытой эстраде кафе Гранд Италия, одного из кафе на площади. Он поет неаполитанские песни, и его голос заглушает шум проезжающих машин. Среди слушающих много молодежи. Одни сидят на борту фонтана, другие слушают стоя. Есть и родители с детьми. Но нет ни одного пьяного. Я их вообще ни разу не видел в Италии. На площади тесно, но толкотни нет. Часто слышишь извинения и видишь любезную улыбку. Эту улыбку всегда увидишь на лице итальянского полицейского, если спросишь его о чем-нибудь.

Итальянская любезная улыбка, так же, как и французская, выражает теплые чувства по отношению к собеседнику, но она как-то искреннее. Француз, как и итальянец, продавая вам что-нибудь, непременно любезно улыбнется вам, но цены он не уступит, а итальянец уступит. Однажды у римского Пантеона я покупал диапозитивы. Не поняв, что продавец сказал «шестьсот» (*seicento* — слово, мне неизвестное), я переспросил «пятьсот?» (*cinquecento* — слово, мне знакомое). Но продавец, думая, видимо, что я прошу уступить за пятьсот, сразу же так и сделал, повергнув меня в смущение.

Часа два я провел в толпе на Площади Республики, и когда Марио Рови голосом, заглушающим шум машин, спел популярную ли-

рическую песенку "a rivederci Roma" («прощай, Рим»), я решил, что пора домой. По дороге какой-то зазывала, приняв меня, видимо, за американца, дважды пытался всучить мне билет на какое-то представление (*floor show*) в каком-то сомнительном клубе. Но даже если бы я захотел туда пойти, я бы не мог этого сделать: у меня больше не было денег.

Я приехал в первый раз в Кижы, когда я уже давно, еще в конце тридцатых годов, побывал всюду, где у нас есть памятники древней архитектуры — каменной и деревянной, — и знал по опыту, что интерес к древним церквям и монастырям, как правило, вызывает недоумение или даже подозрительность у местных жителей, а в случае монастырей (в то время они часто были концлагерями или тюрьмами) связан и с известным риском. Особенно неуютно, как мне вспоминается, было в 1937 году в Суздале. Никто тогда не ездил в Суздаль, чтобы посмотреть на архитектурные памятники, и никаких туристов в нем тогда, конечно, не бывало. Когда мы (нас было трое) подкрепились в местной столовой (в которой, впрочем, не оказалось ничего кроме какой-то мутной прокисшей жидкости, отдаленно напоминающей окрошку), отправились осматривать Суздальские древние памятники, то вскоре обнаружилось, что за нами все время неотступно следует какой-то человек, а когда мы проходили мимо одной монастырской стены, вдруг раздалась пулеметная очередь. В нас ли это стреляли или нет, я не знаю.

В Кижы я приехал пасмурным осенним вечером. Обратный пароход в Петрозаводск должен был придти не раньше, чем через день, так что надо было ночевать в Кижях. Я обратился в единственную жилую избу, которая была поблизости. Женщина, жившая там, приютила меня. Хотя Кижы еще не стали тогда туристским объектом, она была, к моему удивлению, подготовлена к тому, что люди могут приезжать издалека только для того, чтобы посмотреть на Кижские церкви.

На следующий день я много бродил по острову, нашел еще одну деревянную церковь на другом его конце и много брошенных изб, а рядом со знаменитой церковью обнаружил следы какого-то совсем недавно разобранного строения. Я стал расспрашивать мою хозяйку, что это было за строение. Оказалось, что в нем помещался единственный на острове магазин, а она была заведующей этим магазином, ликвидированным при следующих обстоятельствах.

Случилось, что английский посол выразил желание приехать на Кижы, чтобы посмотреть Кижские церкви. И вот, чтобы избежать промашки, которая незадолго перед этим произошла в Суздале, куда

посол ездил смотреть Суздальские древние памятники, местные власти в Петрозаводске дали распоряжение ликвидировать магазин в Кижях, разобрав строение, в котором он помещался. А в Суздале местные власти поступили наивнее. Узнав, что к ним в город едет английский посол, и решив, что он не дай Бог захочет заглянуть в магазин, расположенный рядом с Суздальскими памятниками, они распорядились, чтобы в этот магазин были подброшены товары, в частности и такие, которых местные жители давно не видели. Народ бросился к этому магазину, а английский посол, который как раз в это время появился в Суздале, сфотографировал столпотворение, начавшееся у дверей магазина как жанровую русскую сценку. Так Кижы остались без магазина, но зато Петрозаводские власти избежали той нахлобучки, которую получили Суздальские власти.

Весной 1968 года я был в Кижях во второй раз. Кижы тогда уже стали музеем и туристским объектом. Туда были свезены деревянные церквушки, часовни, избы. Туристов обслуживали гиды. Словом, все было как в Европе. Но странно, почему-то казалось, что раньше было как-то интереснее... Более средневеково?

Проездом на Телецкое озеро наша самодеятельная туристская группа остановилась на несколько дней в Бийске. Это было в 1960 году. Гуляя по городу, я забрел на городское кладбище, живописно расположенное на горе за городом и похожее на лес. Иду я между могилами и вдруг замечаю, что на крестах вместо имени, отчества, фамилии и других данных о захороненном стоит просто номер. Я стал смотреть надписи на других могилах и к своему изумлению и ужасу обнаружил, что на всех могилах этого огромного (в Бийске свыше 160 тысяч жителей) кладбища стоят только номера. Я решил спросить кладбищенского сторожа, в чем дело. Не без труда найдя его, я спросил, почему на могилах только номера. Он ответил:

— А что? У нас так всегда делается. Так ведь удобнее. Нужно человеку найти могилу, он говорит мне, чью могилу ему нужно найти, а я по книге нахожу ее номер. У меня в книге все записано.

Пересадка в Острове с автобуса на поезд, на обратном пути из Пушкинских Гор в 1966 г.

Шофер в автобусе всем говорит «ты». И в автобусе, и потом в поезде какие-то пьяные краснорожие деды в резиновых сапогах и с котомками пристают к пассажирам и матерятся. Грибники?

Пасмурно. Временами дождь. Ветер. Осенний бурьян под серым небом.

На главной площади города у бывшего гостиного двора и задрипанного собора, превращенного в краеведческий музей, открытый два раза в неделю, толпится народ. Ни одного интеллигентного лица. Здесь можно было бы набрать типаж для массовых сцен из «Бориса Годунова»: расстриги, спившиеся дьячки, толстые как бочки просвири, юродивые, нищие, беглые монахи. Сытые и опрятные военные летчики в этой толпе выглядят иностранцами.

Мокнут плакаты, сообщающие, сколько выполнено или будет выполнено по молоку, льну и т.д.

В универмаге продаются культтовары: цветочный одеколон, портреты вождей, репродукции картин Шишкина, детские свистульки.

Толстая просвирия в вокзальном буфете, где нет ничего съестного кроме каких-то дешевых конфет, сказала, что коньяка у них не бывает, а бывает только пиво и московская, но сейчас пива нет.

В городском саду мокнут выцветшие лошадки карусели и посеребренные гипсовые статуи — пионер с трубой, пионерка с букетом.

Улицы одна другой грязней, унылей и задрипанней: «25-го октября», «Комсомольская», Карла Маркса» и т.п. Даже дощечки у автобусных остановок облезли, и нельзя прочитать, что на них написано.

Единственное красивое в городе — древняя церковка, что на острове посредине реки Великой. Вхожу в нее. В ней отпевают какую-то старушку. Нос и подбородок торчат углами из гроба.

Потом я долго стою на берегу реки и смотрю туда, где вдали виднеются радары. Там, вероятно, Шелихово, поместье, превращенное в советское время в совхоз, куда я сорок четыре года тому назад поехал с группой комсомольцев-энтузиастов, чтобы строить там социализм, но вскоре уехал оттуда, страдая от любви к одной комсомолке и фурункула на шее. Как мне вспоминается, Остров был тогда такой уютный, такой патриархальный...

Перед тем как отправиться в путешествие из Лиона на юг Франции, я долго изучал по путеводителю гостиницы в старых провансальских городах, где я собирался останавливаться — Авиньоне, Арле, Ниме. Важно, как мне объяснил Жерар, мой хозяин, найти *hôtel correct*, то есть гостиницу, которая не замаскированный публичный дом. Но в путеводителе были сведения только о том, насколько гостиница роскошна, какая в ней кухня и можно ли в ней останавливаться с собакой. Соответственно при названии гостини-

цы стояли звездочки — одна (наименьшая роскошь), две (большая), три (еще большая) и четыре (наибольшая) — петушок — черный (кухня хорошая), белый (классическая), красный (отличная) — собачка, черная. О том, в какой степени гостиница в то же время и публичный дом, никаких сведений в путеводителе не было. Я записал себе адреса нескольких гостиниц с одной или двумя звездочками в каждом из городов, где я собирался останавливаться.

В ночь перед отъездом мне снился странный сон. Мне запомнились из него только сказанные кем-то слова:

— Там, в прошлом, времени, конечно, нет, но где же оно? Ведь его нет и в настоящем и будущем...

Я проснулся на рассвете и сразу же почувствовал такую радость, что больше не мог заснуть. А накануне мне снилось, что я проснулся в пять часов, а потом в три, а потом — так мне снилось — ложусь спать. Время пошло во сне назад!

Осматриваюсь в вокзальном зале. Скользящие расписания поездов по всем железным дорогам Франции — около шестисот таблиц. Междугородный телефон-автомат, соединяющий с любым абонентом во Франции. Моментальная фотография. Автоматическая камера хранения. Много окошек-касс. В каждом окошке диск, на котором кассир поворачивает билет и сдачу в сторону пассажира. Ни у одного окошка нет очереди. Народу вообще мало.

Поезд в Авиньон отходит в 10⁴⁰. На перроне стоят тележки, которыми пассажиры могут пользоваться для подвозки своего багажа, и вывешена схема, на которой видно, где какой вагон остановится (вагон первого или второго класса, спальный, ресторан, вагон такого-то маршрута).

В купе второго класса две четырехместные скамьи с подлокотниками посередине каждой из них. Столик у окна. Окно легко открывается, но только до половины. Над сиденьями зеркало и виды Франции. Выше — сетки для багажа. Со мной в купе только один пассажир — седая, пухлая, румяная дама в цветистом платье и с крестиком на груди. С большим аппетитом она съела три больших сэндвича и потом стала вязать. В разговор со мной не вступила.

Не отрываясь, смотрю в окно. Необыкновенное освещение: темные тучи и яркие просветы солнца, одно время — радуга. Почти все время справа от железной дороги видна Рона. Часто ее долина совсем узка, и тогда поезд идет вдоль самой реки. Видны заросли камыша, островки, прибрежные рощи. По ту сторону Роны — горы. Они еще зеленые, хотя конец октября. Только кое-где видны рыжие подпалыны. На горах то и дело появляются какие-то замки или башни. Как-то не верится, что это действительно замки и башни, а

не романтические декорации. Только после Оранжа поезд выехал на равнину, и Рона отошла от дороги.

Насколько приятнее ехать по железной дороге, чем по автостраде! Насколько в поезде больше контакт с природой! Распространение автострад и вообще езды на автомобилях — это семимильный шаг на пути отрыва человека от природы. Развивается автомобильная цивилизация, автомобильная культура. А у людей, привыкших вести свою машину, появляется особое ощущение времени, особое самоощущение.

— Я теперь выигрываю много времени — сказал мне Филипп, единственный сын Жерара, когда у него появилась своя машина (у Жерара и его жены есть тоже по машине). Разве не лучшие минуты жизни, когда, идя куда-нибудь пешком или сидя в поезде, автобусе или трамвае, предаешься бесцельному созерцанию, бездумному думанью? Разве, теряя эти минуты, не теряешь самую свободную часть своей жизни и самую свободную часть своей личности?

В Авиньоне я, изучив план города, вывешенный на вокзале, прошел через ворота с башенками в старый город и по узким улочкам, на которых кишели легковые машины и мотоциклы, добрался до гостиницы *Le Jaquetart*. Смысл этого названия остался неясным. В путеводителе, который я изучал в Лионе, при названии этой гостиницы стояла одна звездочка, никакого петушка и никакой собачки. В довольно тесном вестибюле гостиницы дежурный посмотрел мой паспорт и с глубоким удивлением сказал:

— Русский? Один?

И тут я сообразил: ведь я в первый раз в жизни путешествовал по чужой стране совершенно один! Вот откуда эта острая радость, которую я начал чувствовать с того самого мгновения, когда я в тот день проснулся! До этого я путешествовал, правда, по многим чужим странам, но всегда либо как член советской туристской группы, либо как член советской делегации и даже если я оставался в чужой стране один, то меня всегда кто-то возил по ней на своей машине, и так было даже в Исландии, где я больше всего путешествовал.

Дежурный был очень любезен и словоохотлив, рассказал мне, что он испанец родом и что один русский эмигрант научил его двум русским предложениям. Одно из них было «гаваритэ ли ви по руски», а второе — матерное ругательство.

В номере, маленьком и довольно темном, — два столика, телефон, чулан для одежды, умывальник, биде, черная тряпка для чистки обуви и огромная кровать с валиком вместо подушек. Это *hôtel correct*? Неясно.

Отправившись в город, я первым делом осмотрел, конечно, папский дворец. Он оказался самым грандиозным, но и самым мрачным из виденных мной дворцов. Гид долго водил собравшуюся публику по огромным, пустым и зловещим залам. Особенно поразил меня своими размерами дымоход в кухне дворца — огромная шахта, уходящая ввысь. Что-то чудовищное чудилось мне в самой планировке дворца. Гид говорил нараспев заученные слова, плоско острил, кричал, чтобы показать насколько гулко эхо, и в конце осмотра остановился с заискивающей улыбкой в дверях, ожидая чаевых, по-видимому.

Затем я в каком-то заведении съел огромный бутерброд, который при мне приготовили из хрустящего батона, запил его пивом и в отличном настроении (оно не покидало меня во время всей моей поездки) отправился гулять по городу, по набережной Роны, где я всходил на древний мост, обрывающийся посередине реки, по узким улочкам старого города.

В семь часов вечера я пошел в *La Fourchette*, ресторан, рекомендованный мне в гостинице как хороший и недорогой. Но в ресторане мне сказали, что *dîner* (ужин) будет у них только в половине восьмого. Я вернулся через полчаса, и мне сказали, что, хотя у них *complet*, то есть все места абонированы, но меня все же, конечно, накормят. Меня посадили за двухместный столик и дали меню. В нем было блюд 15 на каждый этап обеда и, кроме того, разные вина. Но цен в меню не было! Я ткнул пальцем в колбасу деревенскую, артишоки и вино в кувшинах, полагая, что оно самое дешевое. Но официантка сказала, что вина в кувшинах нет, а есть только в бутылках *Côtes du Rhône* урожая 1970 г.

В это время начали собираться посетители. Судя по тому, как они беседовали между собой, — это все были завсегдатаи, а судя по тому, как по-светски они держались, это были виконты или маркизы. Свободное место за моим столом занял молодой виконт, который с изысканной любезностью поклонился мне, прежде чем сесть за стол, очевидно полагая, что может быть и я тоже какой-нибудь виконт, путешествующий инкогнито. Потом он ни разу не обратился ко мне.

В помещении все лампы с виду, как керосиновые, в потолке балки, как в старых крестьянских домах, на стенах — старинная кухонная утварь и гравюры с дамами в кринолинах, а над входной дверью старомодная детская коляска с куклой в ней.

Тяга к прошлому и особенно к эпохе романтизма вряд ли только мода. Она скорее проявление того, что романтизм был не только этапом в истории человеческого сознания, но и перевалом, после которого регресса стало больше, чем прогресса. Это особенно оче-

видно в музыке. Что такое музыка двадцатого века по сравнению с классической музыкой?

Мне подали деревянный стояк, вокруг которого болтались на веревочках восемь копченых колбасок. Я отрезал себе два куска от одной из них и съел. Потом мне подали целое большое блюдо артишоков. Я съел три артишока, макая их мякоть в уксус с маслом. Потом мне подали на большом длинном блюде сыры десяти сортов. Вино (полбутылки) было отменное. Скатерть и салфетка были белоснежные, и мне три раза меняли тарелку и прочее.

С ужасом я ожидал счета. Но оказалось, что обед стоил 22 франка 10 сантимов, включая обслуживание. Тут я понял, что La Fourchette действительно не только хороший, но и недорогой ресторан, и обедают в нем как завсегдатаи, вероятно, просто какие-то мелкие служащие.

Потом я уже в темноте снова бродил по улицам Авиньона. Масса гостиниц. Или это публичные дома? Набрел на витрину порнографического магазина. Но она была несравненно скромнее, чем то, что я видел в копенгагенских витринах. Зашел в бистро и попросил порцию мирабели. Бармен сначала долго охлаждал рюмку льдинкой, потом налил порцию мирабели (неполная рюмка!) и дал мне три кусочка сахара. Подходя к гостинице по узкой улочке мимо мрачной громады — церкви святого Агриколы, я слышал, как на часовой башне било одиннадцать.

Снилось мне, что я таскаю за собой большой черный мешок, из которого сыплются мои грязные носки, и к своему ужасу роняю в лужу какие-то талоны на обед.

Утром я уехал на поезде в Арль. Первое впечатление от Арля — огромный базар перед воротами в город. Масса всевозможных фруктов, овощей и цветов. Никогда столько не видел. Много ананасов и бананов. Особенно хороши хризантемы, огромные, пышные. Но странно, что искусственных цветов тоже много. Мальчик и девочка водят по базару пони. На нем сидит на цепи обезьянка. Она хватается своими цепкими лапками прохожих. Хожу вслед за обезьянкой, как будто я тоже на цепи. Купил себе на завтрак пару бананов.

Потом прохожу через ворота (они, кажется, называются Кавалерийские) в город и нахожу гостиницу d'Arlatan. В путеводителе она с двумя звездочками. В вестибюле гостиницы какой-то человек, услышав, что я расспрашиваю дежурного о названии гостиницы, подошел ко мне и рассказал, что Arlatan — это авантюрист, живший в двенадцатом веке, что в основе здания гостиницы древняя базилика, а само здание пятнадцатого века. Я принял рассказчика за местного ученого медиевиста, но потом выяснилось, что он дворник гостиницы.

В номере у меня, как и в Авиньоне, огромная кровать с валиком, умывальник, биде, но есть еще и унитаз. Номер на третьем этаже. Из окна виден внутренний дворик. Под окном растет пальма. Она почти достигает третьего этажа. По черепичной крыше флигеля, что напротив, бродит черная кошка.

Бродил по городу и осмотрел все достопримечательности: цирк эпохи Августа (*les Arènes*), римские стены, римские бани, некрополь, романские часовни, превращенные в дома, готические постройки. На верхнем ярусе цирка я долго сидел, примысливая то тысячеглавую толпу, мраморную отделку, шелковые подушки, пышные одежды, навесы из драгоценных тканей, то кучу жалких домишек, ютившихся внутри цирка в Средние Века (их было там тогда около двухсот!), то бой быков, который бывает здесь в наше время. С верхнего яруса цирка (он выше всех окрестных домов) в одну сторону видны пасмурные дали и какие-то башни вдали, а в другую сторону ниже цирка, — черепичные крыши города и узкая улочка, уходящая ступеньками вниз. На задрипанных старых домах этой улочки развешено белье.

С каким-то немцем, инженером, встреченным мной в Арле, я долго беседовал о том, как римляне прочно и красиво строили, и как теперь строят непрочно и некрасиво. Наши цирки, стадионы и театры не простоят и ста лет!

В этнографическом музее Арля много портретов арлезианок. Все они с правильным овалом лица, римским носом, черными глазами. Но на улицах Арля хотя и много красивых черноглазых девушек, но скорее какого-то цыганского или персидского типа.

Это в Арле мне пришла в голову мысль: роль секса в становлении личности заключалась в постепенном превращении секса из чего-то безличного (фаллический культ и обряды культа плодородия) в средство самоутверждения личности (романтическая любовь). А культ несчастной любви — это, наверно, максимум субъективации секса.

Столовался я в Арле в ресторане Феникс. Там я ел, в частности, какую-то вкусную рыбу и что-то приготовленное по-камаргски (Камарг — равнина в устье Роны), с чесноком и разными травами, запивая местным вином. За соседним столиком сидели три немки и весело болтали. По-видимому, немцы из ФРГ ездят сюда в Прованс, как мы ездим из Ленинграда в Комарово.

В Фениксе на стенах — дамы в кринолинах и дилижансы, а в гостинице все люстры и канделябры — как подсвечники или старинные фонари, и в столовой гостиницы в шкафах — сплошь книги начала девятнадцатого века. Стихийная потребность обратить время вспять?

Ночью мне снилось, что на мою могилу пришла одна моя поклонница, и над ней все смеются, а мне почему-то совсем не кажется смешным, что она пришла на мою могилу.

Переезд из Арля в Ним на поезде, как и переезд из Авиньона в Арль, были такими короткими, что от них ничего не осталось в памяти. В Ниме я остановился в *Hôtel de Provence*. Дежурный был так же любезен, как и в других гостиницах, где я останавливался: приветливо здоровался, обменивался со мной впечатлениями о погоде, давал мне разную информацию, желал приятной прогулки или доброй ночи и, если стоял со мной рядом, протягивал ко мне руки, как бы делая эскиз дружеского объятия (жест, который я часто наблюдал во Франции). Но номер был похуже: не шла горячая вода в умывальнике, и на нем не было мыла, не было тряпки для чистки обуви, и ставни плохо закрывались, так что ночью было шумно (окно выходило на людную площадь).

В день моего приезда в Ниме была забастовка музейных работников, так что я только на следующий день попал в римский цирк, еще более грандиозный, как мне показалось, чем арльский, римский храм, прекрасно сохранившийся и превращенный в музей древностей, и прочие музеи.

Побродив по лабиринту улочек в старом городе и нечаянно несколько раз вернувшись на то же место, я отправился за город, в сад, разбитый на месте источника у развалин древнего храма Дианы (*Jardin de la Fontaine*). Путь туда лежал по тенистой платановой аллее, вдоль канала, мимо тенистых площадок, на которых компании мужчин с увлечением бросали шарами в шары (*jeu de boules?*). И вдруг я очутился в саду, который показался мне самым чудесным из виденных мной до сих пор. В небольшой ложбине несколько бассейнов в каменных стенах. Темно-зеленая вода струится, ниспадая каскадами из бассейна в бассейн. Кое-где в воде светло-зеленые пятна водорослей. Каменные лестницы, спускающиеся к воде, каменные балюстрады, вазы, статуи. Белые лебеди плавают по воде. По берегам бассейнов развесистые деревья с порыжевшей листвой, ярко-зеленые пелузы и гроты, в которых со сводов капает вода.

Над садом, на горе, стоит высоченная древняя башня неизвестного назначения (*Tour Magne*). У входа в башню фотографировалась пара новобрачных. Вокруг толпились родные и знакомые.

Говорят, что в ясные дни с вершины башни видно Средиземное море. Но пошел мелкий дождик, и я ничего с башни не увидел.

Стены римского цирка в Ниме обклеены старыми афишами, в которых объявляется о предстоящих корридах, о количестве быков, которые должны быть убиты и т.п. В нимском цирке бывает, оказы-

вається, коррида. Но последняя коррида этого года уже была. В музее Старого Нима меня всего больше заинтересовала комната, посвященная корриде. Я долго рассматривал там картины, гравюры, фотографии, костюмы. Жалость к быкам, убиваемым во время корриды, не сентиментальный ли предрассудок? Ведь быков все равно рано или поздно убивают. Но не приятнее ли, чем быть убитым сразу, сначала побушевать, бодаясь и грозя смертью, а иногда и убивая лошадь пикадора? Понятно и то, что искусство матадора может захватывать.

Обедать я пошел в ресторан Каталонский. Однако ничего каталонского в ресторане не было, если не считать того, что *plat de resistance* называлась свинина по-каталонски (но это была просто самая обыкновенная жареная свинина). Хозяин ресторана признался, что он вовсе не каталонец, а француз и бывший актер. Никаких посетителей в ресторане кроме меня не было. Хозяин ухаживал за мной изо всех сил и занимал меня разговором. Его, в частности, интересовала моя национальность, и он был очень поражен, узнав, что я русский. Он предполагал почему-то, что я скандинав, чем я был очень польщен. На стенах помещения, довольно тесного, висели початки кукурузы, коровьи колокольчики и какие-то аляповатые картины, а в бутылках из-под коньяка стояли сильно оплывшие разноцветные свечи. Прощаясь со мной и благодаря за посещение, хозяин очень просил написать ему из Ленинграда и вручил мне карточку такого содержания:

Комедиант Серж Сибиль

В восторге оттого, что принял Вас и благодарит Вас за посещение. Желая Вам счастливого пути, мы надеемся увидеть Вас снова во время Вашего следующего приезда.

Закрыто по вторникам.

Ресторан Каталонский 21, ул. Ксавье-Сигалон в Ниме.

На обороте карточки местоположение ресторана было обозначено стрелкой на плане Нима. Я пользовался потом этим планом, гуляя по Ниму.

В Ниме я обедал также в ресторане Провансальском, при гостинице. В нем было людно. Стройная смуглая и горбоносая официантка металась между столиками как белка в колесе, грациозно и молниеносно меняя у каждого посетителя по три или четыре раза тарелку и прочее. Кормили здесь дешево и вкусно. Здесь я ел, среди прочего, лягушек, жареных в сухарях, и мясной фарш в курином мясе (*paupiette de volaille provençal*). На стенах ресторана висели медные кастрюли, тарелки и разная деревянная утварь, а под сводчатым потолком — чучело попугая.

Из Нима я ездил на автобусе в Эг-Морт, странный городок-крепость, расположенный среди каналов и лагун. Все время, когда я там был, дул сильный ветер с моря. Он наносил мелкий дождь, временами перестававший. Но ветер был настолько теплый, что капли дождя почти сразу же испарялись, так что мой плащ оставался сухим. Привратник впустил меня в башню, и я поднялся на стену и обошел по верху стены весь городок. Он весь умещался внутри стен, построенных при Людовике Святом! За южной стеной — площадь с трибуной. Здесь летом бывают корриды. Дальше виднеется лагуна, вся в камышах. Пахнет морем. Летают чайки. Наверно, по этой лагуне Людовик Святой выплывал на кораблях в море, отправляясь в крестовый поход?

В центре города есть безлюдная площадь. Она называется площадь Людовика Святого. Посредине нее памятник Людовику Святому. На площади же есть ресторан Людовика Святого, кажется, единственный в городе. В ресторане, довольно просторном, почти пусто (сезон кончился). Есть, конечно, и балки как в крестьянских домах, и подсвечники. Играет какая-то тихая и печальная музыка. Запах моря я обнаружил в оранжевых улитках (мидиях?), которые были одним из блюд, поданных мне. В бистро, куда я зашел выпить рюмку перно (анисовой водки), бармен, волосатый юноша, похожий на пирата, дал мне, как полагается, графин воды и кусочек льда, и потом возобновил игру в карты с другим таким же волосатым пиратом.

Продолжали налетать шквалы мелкого теплого дождя. Я зашел за южную стену городка-крепости и, немного отойдя от нее в сторону моря (его не видно из Эг-Морта), долго любовался видом. Я так зарисовал его в своей записной книжке: темно-лиловые тучи на светло-лиловом небе, на его фоне белые стены с круглыми башнями и с бойницами в простенках между башнями, на переднем плане — рыжие камыши, а за ними — зеленая вода лагуны.

Вечером я вернулся в Ним, и в последнюю ночь в Ниме мне приснился страшный сон. На совершенно пустынной улице стоит черная, зловещая, сигарообразная (или минообразная?) машина, и кто-то берет меня сзади за плечи, отводит мои руки назад, прижимая их к моей спине, толкает меня к машине и пихает в нее. В смертельном ужасе я кричу, но крик у меня не получается. Я напрягаюсь изо всех сил и, наконец, кричу во весь голос и просыпаюсь от своего крика.

Что этот сон значит? Это мою душу кто-то пихал в тело гражданина СССР? Или ее пихали в тело человека двадцатого века? Или просто — в смертное человеческое тело?

На следующий день я вернулся в Лион.

В один из последних дней моего последнего пребывания во Франция поехал из Лиона в Гренобль. Поезд из трех вагонов. Мягкие сиденья, и купе в вагонах нет. Но, оказывается это не поезд (*train*), а *autorail* или *Micheline* (последнее, кажется, по фамилии изобретателя этого вида поезда). Чудесная ясная и теплая погода, как у нас бывает иногда в августе, хотя конец октября. В больших и чисто протертых окнах мелькают долины, горы, сильно порыжевшие лиственные леса, очаровательные деревушки с как будто игрушечными белыми домиками, черепичными крышами и церквями с конусообразным шпилем. Но, как обычно бывает, от пейзажной ленты, развертывавшейся передо мной в продолжение нескольких часов, в памяти осталось всего два-три кадра, да и то какие-то усредненные, смазанные. Впрочем, осталось в памяти и ощущение восторга, которое вызвала у меня эта пейзажная лента.

Я бродил по Греноблю целый день. Поднялся по подвесной дороге на гору, возвышающуюся над городом по ту сторону Изера. Рельс нет, так что стоишь в вагоне прямо над пропастью, по дну которой бурлит темный Изер. На горе старый форт. Прогулялся по нему, обозревая город сверху, а потом — по каменистой дорожке, проложенной по горе, видимо, для прогулок. По склону горы — рошица, вся рыжая. Панорама гор великолепна, и одно время мне был хорошо виден Монблан, его белоснежная вершина на фоне голубого неба. Но потом она скрылась в облаках.

В городском саду Гренобля я любовался чудесным цветником (*jardin à la française, dit jardin des fleurs*)³⁴ — цветы на деревьях (какие-то розы), а под деревьями тоже сплошь самые разнообразные цветы. Любовался я цветами также на двух площадях города, там были рынки цветов, овощей и фруктов. Добросовестно осмотрел все достопримечательности — собор, церковь Святого Андрея, здание суда, ратушу, ворота Вобана. Искал какой-то достопримечательный крипт. Но он был закрыт. Закрыт был также музей на строгой и торжественной *Place de Verdun*³⁵.

Очень долго не мог найти музея Стендаля. В доме, где он обозначен на карте, ничего нет. Я спрашивал хозяина бистро в этом доме, у встретившегося мне на улице студента, у солдата, стоявшего у какого-то военного здания, у почтенного старичка, сидевшего в парке, и даже у полицейского в будке у входа в префектуру. Тот позвонил

³⁴ Французский/цветочный сад (фр.).

³⁵ Верденская площадь (фр.).

куда-то и спрашивал, но, видимо, и там не знали. Наконец, я вдруг обнаружил, что музей Стендаля в самом центральном здании города, в ратуше! Правда, этот музей — всего две комнаты, где развешаны портреты Стендаля и т.п. Потом я вдруг обнаружил и дом, где он родился. Я проходил по улице Жан-Жака Руссо, узкой и довольно извилистой улочке в старой части города, и, случайно взглянув на стену одного дома, увидел на ней мемориальную доску.

Обедать (*déjeuner*) я собирался в ресторане *Le Stendahl* и, попивая дижестиф, вспоминать мое увлечение Стендалем, одно из самых сильных литературных увлечений моей молодости. Но этот ресторан был закрыт, и я обедал в соседнем с ним ресторане, который назывался *L'Escale*. В нем было много народа, но к двум часам стало совершенно пусто. Видимо, в учреждениях кончился перерыв на *déjeuner*. На каждом из четырех этапов обеда был выбор из четырех-пяти блюд. Я выбрал маринованные овощи, бифштекс, зеленые бобы и мороженое Шартрёз. Оно было зеленого цвета. С вином и коньяком (я его заказал как дижестиф) обед стоил шестнадцать франков, то есть был дешевле пареной репы. Длинноволосый и франтоватый гарсон был поразительно любезен, хотя не получил от посетителей ничего (обслуживание, как и полбутылки сухого красного вина, входили в стоимость обеда), и не проявлял ни тени той наглости, которую я у себя на родине привык ожидать от юношей этого вида.

Коньяка мне показалось мало, и я зашел после обеда в какое-то быстро и выпил там рюмку *marc de Bourgogne* (яблочной водки). Я спросил у бармена, где тут поблизости есть туалет, и он любезно вручил мне ключ от туалета в подворотне рядом. Но я, видимо, вставил ключ в дверь жилой квартиры, а не туалета, и на меня вдруг выскочила какая-то фурия и стала с большим темпераментом поносить меня.

Потом я снова гулял по городу и, всего больше, по набережной Изера, под платанами. Почему-то камни набережной Изера и мостов через него совершенно белые. Это такой камень или его чистили? А сам Изер мутный и очень быстрый. По ту сторону реки тянутся старые двух- и трехэтажные дома. Всюду над городом видны горы.

Назад в Лион меня должен был вести Жерар на своей машине. Он был тогда по делам в Гренобле и в тот вечер собирался возвращаться в Лион. Но в назначенный час в назначенном месте (у вокзала) его не было. Подождав с полчаса, я пошел звонить по автомату в Лион, чтобы узнать, ждать ли мне его. Надо было опускать разные монеты, искать какие-то буквы, на что-то нажимать. Телефонистка, от-

ветившая мне после того, как я опустил первую монету, сразу поняла мою полную бестолковость и любезно, долго и терпеливо объясняла мне, что я должен был делать, и добилась того, что я дозвонился в квартиру Жерара в Лионе. Но тут появился он сам, и надобность в разговоре отпала. Мы выехали из Гренобля, когда уже смеркалось, и вскоре стало совершенно темно. Ничего не было видно кроме огней, мчавшихся навстречу или мелькавших по сторонам.

Возглавив банду разбойников, самозванец Сверрир, будучи талантливый полководец, превратил эту банду в войско, нанес ряд сокрушительных поражений власти предрержавшим (королю в союзе с церковью и всей норвежской аристократией), завладел престолом и правил Норвегией 18 лет.

То есть произошла своего рода социальная революция? Да, но что она дала народу? Как и многие революции (и некоторые революции нового времени, наверно, в еще большей мере, чем революции средневековые), только усиление государственного аппарата и большее закрепощение народа. Разница, однако, в том, что в новое время революции совершаются обычно во имя народа, Сверрир же совершил свою революцию во имя Бога, волю которого, как он верил, он выполнял.

Поразительно сходство между средневековым симбиозом светского и церковного аппарата и современным симбиозом советского и партийного аппарата. Основное различие: средневековые клирики, даже умные, верили в Бога, между тем члены КПСС, если они сколько-нибудь умные, едва ли верят в коммунизм.

В «Саге о Сверрире»³⁶, как, конечно, и во многих других сагах, нередко встречаются сообщения, в которых действия следуют друг за другом в порядке, обратном тому, который должен был иметь место в действительности. Например: «ярл лег в постель и разделся», «людей убивали и выводили из церкви», «конунг ответил и встал», «или вы предпочитаете оставить корабли и сойти на берег?»... Можно было бы предположить, что такие обороты выражают какую-то архаическую особенность восприятия действительности.

---

³⁶ Перевод «Саги о Сверрире» — последняя работа М.И. Стеблин-Каменского, завершенная его учениками и последователями.

ти — нечеткую расчлененность на предыдущее и последующее в известных случаях, игнорирование причинно-следственных связей и т.п. Но это едва ли так. Более вероятно, что автор саги просто не старается расположить слова так, чтобы добиться максимальной «живости» повествования. Его интересует только содержание, но не форма. Таким образом, обороты, о которых идет речь, отражают авторскую психологию, и если бы переводчик ставил своей задачей передать ее, он должен был бы переводить эти обороты буквально. Но это, конечно, было бы воспринято просто как беспомощность переводчика. Таким образом, уже в силу этой особенности стиля саг они, в сущности, непереводимы.

Современные историки Норвегии называют саги «малодостоверными». Однако все факты они берут из саг! Не из саг у них только то, что они говорят об «экономических и социальных сдвигах». По-видимому, саги кажутся им «мало достоверными» именно потому, что в них ничего не говорится об этих сдвигах. Но что такое эти сдвиги? Они не только абстракции и схемы, лишенные конкретного содержания, но еще и гипотезы, как явствует из того, что сколько историков, столько и толкований этих сдвигов. Естественно, что авторы саг не замечали их.

Восемьсот лет «Круг Земной» продолжает быть первоклассным источником по истории Норвегии, а любая история Норвегии, написанная в новое время, устаревает за десяток лет (возникают новые гипотезы, старые опровергаются).

Тенденцию, смысл, вчитывают в саги потому, что воспитаны на современном литературоведении, а оно в основном тем и занимается, что вчитывает в литературные произведения тенденцию, смысл, идейное содержание и т.п. Но могли ли читатели или слушатели саг заниматься этим, если еще вообще не существовало литературоведения? Ведь даже современный читатель обычно узнает о «смысле» произведения только от литературоведов. Хорошо сказал Лев Толстой — «Если бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, то я должен бы был написать роман, тот самый, который я написал сначала». Но что делать литературоведам, если не вчитывать в произведения «смысл»? Ведь для многих из них это «вопрос трудоустройства».

В сагах фактография, или так называемые «художественно мертвые элементы» — топонимика, имена, генеалогии и т.п. — естественное следствие того, что еще не был изобретен реалистический роман, то есть художественное обобщение фактов. Между тем в мемуарах фактография, как правило, просто результат того, что у их автора нет литературного таланта. В сагах фактография — творческий переизбыток, в мемуарах — творческая ущербность. Читать мемуары — все равно, что пользоваться лучиной, когда уже изобретено электричество. А мемуары писателя? Обычно они просто роман, заgrimированный под мемуары.

В своей книге «Женщины саг» Вера Хенриксен очень убедительно объясняет историю взаимоотношений Кормака (этого «Трубадура севера», как его называют) и его возлюбленной Стейнгернд (он почему-то не является на свадьбу, несколько раз почему-то не использует возможность жениться на ней и т.д.) тем, что Кормак был импотент³⁷, совершенно не интересуется Веру Хенриксен. А между тем — это кардинальный вопрос для понимания того, что такое эта сага. Если автор саги не понимал, что Кормак импотент (а совершенно очевидно, что он не понимал этого), то сага это не подражание роману о Тристане и Изольде (как предполагает Бьярни Эйнарссон в своей очень ученой, но совершенно наивной книге) или какому-нибудь другому литературному произведению, а точное воспроизведение фактов, и это еще одно доказательство поразительной правдивости родовых саг.

Эрик Гюннес в многотомной коллективной «Истории Норвегии» (т. II, 1976, стр. 311), рассказывая о суровых наказаниях за нарушение церковных обрядов в средневековой Норвегии, говорит: «Так происходило потому, что в этом обществе ритуал и этос были неразрывно связаны друг с другом, и никто, ни клирики, ни другие люди, не были в состоянии отличить ограниченное во времени, то есть обряды, от более вневременного, то есть моральных требований». Верно. Но нельзя ли объяснить и причину этого неразличения? Не пережиток ли оно первобытной нерасчлененности «я» и «не я», нечеткого противопоставления внутреннего мира внешнему, духов-

---

³⁷ Кормак, Стейнгерд — персонажи «Саги о Кормаке».

ного — физическому, субъективному — объективному и т.д.? Такое объяснение можно было бы распространить на вообще все религиозные и прочие обряды и, в частности, на христианские посты и табу первобытных народов. Не случайно всяких табу тем больше, чем первобытнее народ. Не представляет ли собой в таком случае история морали, а также и религиозной истории отчленения этоса от ритуала?

Прочитав Пиндара и Вакхилида в переводе Гаспарова. В древнегреческой хоровой лирике масса общего с поэзией скальдов: она не лирика в современном смысле слова, а выполнение определенного действия — прославление победителя и тем самым богов, даровавших победу, то есть священнодействие, обряд; в ней нет литературного вымысла, нет вымышленных персонажей, вымышленных событий, речь в ней идет только о фактах, в том числе — мифологических. Однако, поскольку миф в ней присутствует не в аллюзивных фигурах, кеннингах, а как сюжеты, именно здесь (и только здесь!) возможен скрытый вымысел: миф может по-разному излагаться и толковаться, то есть варьировать. Не представляет ли собой древнегреческая хоровая лирика древнейшего этапа в развитии личного авторства в греческой литературе? Не отсюда ли ее сходство с поэзией скальдов?

Что такое ставшее таким модным понятие «этикет» в применении к средневековой литературе? По-видимому, просто очевидный факт, что, по сравнению с авторами нового времени, средневековые авторы больше следовали традиции и меньше стремились к оригинальности, то есть были менее самостоятельны.

Не трудно обнаружить несамостоятельность в средневековом произведении. Труднее установить ее степень, или, что то же самое, степень развития авторского самосознания.

«Повесть о Сегри и Абенсеррахах» Переса де Ита — не история, а исторический роман — так глубокомысленно решают литературоведы. Но такое решение вопроса антиисторично. Существенно, за что принимал автор свою повесть. Если он принимал ее за правду, то она и не роман, и не история в том смысле, которые приобрели эти слова, когда историческая правда отдифференцировалась от художественной. Повесть — любопытный этап в истории этой дифференциации, более поздний, чем родовые саги.

Боян и то, что говорит о нем автор «Слова о полку Игореве», наиболее очевидная улика в не подлинности «Слова». Не могло в средневековье существовать поэтов с таким развитым авторским самосознанием!

Читая книгу Бердяева «О рабстве и свободе человека» (Париж, 1939) и сочувствуя ее исходному положению — «личность не есть часть и не может быть частью в отношении к какому-либо целому, хотя бы к огромному целому, всему миру» (стр. 20), тому, как в ней развивается мысль Герцена «подчинение личности обществу, народу, человечеству, идее — продолжение человеческих жертвоприношений» и мысль Ницше «человек начинается лишь там, где кончается государство», тому, как в ней критикуется рабство человека у Бога, у общества, у цивилизации, у собственности, у самого себя и т.д. и т.п. и, наконец, тому положению, что «человек обладает способностью превращать любовь к Богу и к высшей идее в самое страшное рабство» (стр. 207), недоумеваешь, каким образом в мировоззрении автора нашлось место для веры в Бога и притом — христианского Бога. Казалось бы, что, развивая свою «персоналистскую» философию, автор должен был бы понять, что Бог — это в лучшем случае только часть человеческой личности (и притом не лучшая и совсем необязательная).

С трудом осилил «Петербург» Белого. Как мне могло когда-то нравиться это жалкое кривлянье, это попури из литературных реминисценций! Медный всадник — из Пушкина (и насколько он у того ярче!), беседа с призраком и многое другое — из Достоевского (и насколько у того глубже и оригинальнее!), нет-нет и что-то гоголевское (но насколько хуже, чем у Гоголя!). А русский язык, покалеченный назойливым анапестом! А незнание города! (все время упоминаются какие-то «острова», видимо — Петроградская сторона и Васильевский остров?). А содержание книги, конечно, вовсе не революция 1905 г., как пытаются доказать литературоведы, а просто детская травма самого автора: вражда к отцу на почве Эдипова комплекса (о ней хорошо рассказано в «Некрополе» Ходасевича).

Как я прочитал в статье какого-то зоолога в газете, белки-самки, как только у них выводятся детеныши, прогоняют своих самцов из гнезда, и те вынуждены селиться где-нибудь в отдалении. Я часто наблюдал, что одна белка прогоняет другую, но всегда думал, что это самцы прогоняют самок, полагая, что в беличьем, как и в человеческом обществе, самцы — хамы, которые злоупотребляют своей большей физической силой! Но оказывается, что беличье общество и в этическом отношении выше человеческого.

Шить себе новое платье и писать научное исследование — разные вещи. В первом случае надо следовать моде, во втором, казалось бы, наоборот, надо проявить самостоятельность, то есть независимость от моды. Но, увы! Как бесконечно редко диссертации — это самостоятельные исследования! Сколько на моей совести положительных отзывов о диссертациях, которые отнюдь не самостоятельные исследования! И оправдание ли то, что, если бы не я, то другой написал бы положительный отзыв? Ведь так можно было бы оправдать и воровство, поскольку в нашей стране, как известно, все воруют, кроме Сахарова.

Есть что-то зловеще пророческое в «Мелком бесе» Сологуба. В наивной аннотации к «Мелкому бесу» (Кемеровское книжное издательство, 1958) говорится, что в этом романе автор «мастерски показал загнивание буржуазно-дворянского общества». Увы! На смену загнивающему строю, при котором человек, лишенный каких-либо добрых чувств к людям (герой романа, Передонов), отвратительный садист и явный параноик, страдающий манией величия и манией преследования, мог (о, ужас!) в то же время быть уважаемым членом общества, воспитателем молодежи и завидным женихом, пришел строй, при котором такой же отвратительный садист и явный параноик мог в течение более четверти века быть главой огромного государства.

Читая письма Чехова, поражаешься тому, как за сто лет измельчал и опошлел русский интеллигент. Интеллигентов того высокого душевного строя, которые в конце XIX в. были, видимо, обычным явлением, я встречал только в моей ранней юности среди провинци-

ального еврейства. Но наверно уже и тогда они были лишь своего рода живой литературной реминисценцией.

Читая «Былое и думы», представляешь себе, как бы Герцен был поражен, узнав, что николаевский режим и особенно взаимоотношения его самого (он в ссылку ездил со своим камердинером!) с николаевскими жандармами — идиллия по сравнению с советским тоталитаризмом. Видимо, великие державы и будут становиться все более антигуманистическими по мере развития техники (эта идея — лучшее, что есть в романе Айтматова «И дольше века длится день»). Патриотизм Герцена, его вера в русский народ и т.д. — это чистый конструкт. Если бы он основывал свое представление о русском народе на своем знакомстве с его представителями (как он это блестяще делает в отношении других народов), он бы понял, что у народа хама, подхалима и вора государство всегда будет тюрьмой и своего и других народов (и с развитием техники все в большей мере!). Видимо, патриотизм, то есть высокое мнение о своем народе, такой же порок, как самомнение в отдельном человеке. Но в народе, угнетаемом он простителен и даже необходим. В народе угнетающем другие народы, он отвратителен.

Любопытно, что Герцен, видимо, совсем не походил на своего русского отца (очень критическую характеристику которого он дает в «Былом и думах») и, следовательно, наверно походил на свою немку мать, и может быть, не случайно ее он никак не характеризует в своей книге и даже почти не упоминает. То есть он немец скорее, чем русский. А вместе с тем из всех критических характеристик, которые он дает европейским народам, самую уничтожающую он дает немцам.

Лето 1981 г.

Тярлево

ПРОЗА. СТИХИ

ОБ АВТОРЕ РАССКАЗА «ДРАКОН»

С Михаилом Ивановичем Стеблин-Каменским (1903–1981) я учился в Университете, но не могу сказать, что мы были с ним на одном курсе и на одном факультете. Я был официальным студентом, а Михаил Иванович был «вычищен» по грандиозной чистке студентов 1924 г. Вступив в комсомол на Украине в начале 20-х годов, он потом вышел из комсомола, сочтя, что эта организация нужна только в военное время, а в мирное — бесполезна. Михаил Иванович слишком часто и говорил, и поступал не так, как все. Как вышедшего из комсомола его и «вычистили», хотя сыграло, видимо, роль и его дворянское происхождение. Но он не бросил упорно учиться, а тогда особенных трудностей с занятиями не было: учились те, кто хотел учиться. А кто не хотел учиться — «работали» в профкоме.

И вот мы оба кончили Этнолого-лингвистическое отделение Факультета общественных наук. Я кончил университет официально (хотя получили за меня диплом по «непредвиденным обстоятельствам» мои родители), а Михаил Иванович — неофициально. Он счел свои студенческие занятия законченными и все. Через пять лет мы снова встретились с ним в Издательстве Академии наук, — оба сидели в корректорской и читали корректуры: я как корректор, а Михаил Иванович как технический редактор. И вот результат: в 1938 г. вышла книжечка «Справочник для корректоров Издательства Академии наук СССР» — маленький плод нашей совместной работы.

Прошел еще год, и оказалось, что диплом об окончании университета необходим, даже крайне необходим. Жизнь возвращалась к старым нормам и формальностям. Но Михаила Ивановича это не смутило. В течение года или чуть больше все необходимые экзамены были им сданы экстерном и «искомый» диплом получен.

Обстоятельства нас снова разлучили: на этот раз из Издательства АН СССР был «вычищен» я. Правда, на свою пользу, ибо я поступил в Пушкинский Дом. Михаил Иванович же занялся скандинавскими языками (сверх тех, которые уже знал в совершенстве), а все годы

войны и блокады тоже работал в Пушкинском Доме. Служа и живя в Пушкинском Доме и спасая его от зажигательных бомб, от водопроводных и иных аварий и получая голодный блокадный паек, Михаил Иванович защищает диссертацию о древнеанглийской поэзии в Ташкенте. Да, да, в Ташкенте, не выезжая из блокадного Ленинграда. Его оппонентами выступили два ученых с мировыми именами — Шишмарев и Жирмунский и, обращаясь к пустому стулу, присудили невидимому Михаилу Ивановичу кандидатскую степень. Все необычно в жизни Михаила Ивановича. И вот через несколько лет его книги переводятся на скандинавские языки. И самое удивительное: в Исландии переводятся его книги об Исландии. По отзывам самих исландских ученых — это лучшее, что написано о них.

Михаил Иванович был талантлив во всем. И вот теперь, после смерти Михаила Ивановича, обнаруживается, что он был еще и талантливым писателем.

Его рассказ «Дракон» написан в то время, когда на его правой руке еще не блестело золотое кольцо почетного доктора Стокгольмского университета, даже присуждение ему степени кандидата наук в столь необычных условиях было под вопросом. Он голодал и наблюдал голод, наблюдал блокадный быт, блокадный «антимир». Я тоже был в блокаде с семьей, правда, не до конца, не до ее прорыва — как Михаил Иванович. И еще одна необычная деталь: он был «матерью-героиней», ибо при нем был ребенок. Жена его, Ольга Сергеевна, картограф по профессии, сражалась на Ленинградском фронте (на самом фронте), да и он ведь работал во фронтовых условиях. Блокада в его «Драконе» запечатлена с глубочайшей верностью. А ведь о блокаде написано до сих пор совсем мало. Ленинградскому руководству правдивое слово о блокаде Ленинграда было что-то отнюдь не по душе...

Д.С.Лихачев

ДРАКОН

Александр Иванович проснулся в шесть часов утра, когда раньше обычно начиналась радиопередача, хотя теперь радио уже с месяц молчало. Он долго лежал неподвижно, покрытый одеялами и шубами. Нужно было встать попозже, и таким образом подольше не есть, чтобы день был потом не такой длинный до второй, вечерней еды. В комнате было совершенно темно и очень холодно. Вероятно, думал Александр Иванович, так жили люди тысячу лет тому назад, в ту эпоху, изучение которой было его специальностью как ученого-филолога. Так жили люди в скученных средневековых городах — без водопровода, без канализации, без электричества, без газет и радио. Так, как сейчас в Ленинграде, бывало во время опустошительных эпидемий, неурожаев, вражеских нашествий, длительных осад. Александр Иванович не раз раньше старался мысленно нарисовать себе средневековый город во время мора, осады или нашествия. Он представлял себе тогда улицы, на которых собаки, трусливо поджав хвост, гложут человеческие трупы, в то время как кругом дымятся пожары, которые некому тушить. Тогда эти представления были мечтами филолога, которые доставляли творческое удовольствие. Теперь они стали реальностью, и насколько более будничной, чем то, что могло представить себе воображение. Александр Иванович старался убедить себя, что ему теперь представляется единственная и необычайная возможность наблюдать жизнь, подобную той, которую раньше он мог только воссоздавать в своем воображении и которая манила его своей чуждостью и отдаленностью. Но мысль эта не доставляла ему никакого удовлетворения.

Наконец он достал из-под подушки спички, зажег коптилку, накинул пальто, надел валенки на свои исхудалые ноги с уродливо проступившими на них мышцами и стал разводиться огонь в железной печурке растопками, заготовленными с вечера из распиленной книжной этажерки. Проснулась сестра Александра Ивановича, с которой он жил теперь в одной комнате, после того, как ее муж уехал на фронт. Александр Иванович поставил на печурку котелок с водой. Это была последняя вода. Потом он открыл ящик стола и

достал из него оставленный с вечера кусочек хлеба. Он был аккуратно завернут в белую бумагу. Александр Иванович узнал бы этот кусочек из тысячи. В нем было около двухсот грамм. С трех сторон у него была сплошная, огибающая его корочка, а снизу, сверху и с одного бока он был срезан. Он был продолговатый, невысокий и немного расширяющийся в одну сторону. Самая длинная корочка была гладкая, коричневая, слегка блестящая, будто поджаренная и пористая, как известняк. В буханке это была боковая корка. Две другие корочки были короче. Одна из них была равномерно почерневшая, закругленная и шероховатая, с прилипшими раздавленными крошками по краю (в буханке она была верхней коркой), а другая — тускло коричневая, со сплюсненными порами (в буханке — нижней коркой). Снизу и сверху кусочек был срезан в булочной, совершенно ровно, а с бока он был срезан неровно, шероховато, с впадиной посередине. Хлеб был по рубль десять копеек, ноздреватый, но не рассыпчатый и довольно плотный и упругий. Он хорошо резался на ломтики и прилипал к пальцам. Александр Иванович срезал все три корочки, пальцами накрошил мякоть в котелок и густо посолил воду крупной солью. Потом он сел перед печуркой, открыл ее дверцу и при свете пламени стал читать греческую грамматику. «Аорист, — читал он, — часто обозначает действие, которое длилось, но которое рассматривается в совокупности, без специального выражения длительности; как, например, у Геродота: «город Азот сопротивлялся (факт рассматривается в его совокупности) дольше всех других городов». Аорист может обозначать даже общий факт, если только данное действие не рассматривается в его развитии, но только как факт, могущий к тому же повторяться бесконечное число раз, как, например, у Феогида: «и медленный, но хитрый человек догонит быстрого мужа».

Все это было сейчас, конечно, совершенно ни к чему, но хорошо укладывалось в уме, и было приятно, что оно так хорошо укладывается и что ум чем-то заполняется. Александр Иванович подложил в печурку обломанную ножку стула и кусочек фанерки, когда пламя вспыхнуло, снова углубился в книгу. Сейчас уже можно было помешать закипавшее жидкое варево, раздавить плавающие в воде кусочки хлеба и, главное, облизать ложку. Он подкладывал дрова осторожно и тщательно, так, чтобы они все время пылали и чтобы поверхность печурки раскалялась именно в том месте, где стоит котелок. И послушная печурка вела себя именно так, как ему хотелось. Расстаться навсегда с самыми близкими людьми (если бы у него были близкие люди кроме сестры) было бы ему сейчас, конечно, далеко не так трудно, как расстаться на

некоторое время с топящейся печуркой. Все же надо было, наконец, идти за водой.

Александр Иванович оделся потеплее, поднял воротник и взял в руки ведро и кастрюлю с привязанной к ней в виде ручки веревкой. За водой надо было идти через три дома, где еще лилась из обледенелого крана струйка воды. При входе в подвал, на оснеженном дворе, залитом там и сям нечистотами, стояла застывшая на морозе очередь закутанных во что попало бесполох и безвозрастных существ с ведрами, кастрюлями, баками, кувшинами. Ждать приходилось очень долго. От оцепенения Александру Ивановичу лень было согреться, топя ногами. Он мог только, чтобы скоротать время, считать про себя: раз — два — три — четыре — пять — шесть — семь — восемь и, сбившись, снова с начала: раз — два — три — четыре — пять — шесть... Ему казалось, что в подвале должно быть тепло. Но там, куда он попал наконец, в полумраке, на мокром цементном полу, среди лязга ведер и злобных окриков на тех, кто, поскользнувшись, проливал воду или, зазевавшись, выбивался из очереди, — было не лучше. Стыли ноги в промокших и обледенелых валенках, стыли руки от железной ручки ведра, больше невозможно было не думать о еде. Он с трудом вытащил из стирального корыта наполнившееся до краев ведро, расплескав добрую четверть. Медленно и осторожно поднимался он по обледенелым ступенькам лестницы, боясь поскользнуться и расплескать воду. Он смотрел на свои большие неуклюжие валенки, которые, казалось, ступали помимо его воли. Они напоминали ему обувь, изображенную на ногах человеческих фигур на крышке одной тысячелетней костяной шкатулки, хорошо известной ему по изображениям в книгах.

— Я уже думала, что с тобой что-нибудь случилось. Хотела идти искать тебя, — сказала ему сестра, открывая дверь. Впустив его, она вышла на площадку лестницы, с веником в руке, посмотреть нет ли писем в почтовом ящике. Она ждала письма от мужа, с фронта. Она потрясла почтовый ящик и посмотрела в него сквозь дырочки, но там, как обычно, ничего не было. Они вошли в комнату. В отсутствие Александра Ивановича она развернула бурную хозяйственную деятельность. Ее молодежавое лицо покраснелось и казалось еще молодежавее, чем обычно, несмотря на исхудалую шею и много новых морщинок. Она с торжеством сообщила о том, что успела сделать в его отсутствие: вынесла помойные ведра и вырубил из них замерзшие нечистоты, убрала комнату, завесила ковром нижнюю часть окна, чтобы не дуло, перенесла из кухни в комнату полочку для посуды и установила ее около печурки, постирала белье, намолола

мелкой соли и даже, о чем она сообщила с особенным торжеством, нашла в шкафу пакетик цикория, который оказался страшно вкусным.

Она налила похлебку в две тарелки и более полную поставила Александру Ивановичу.

— Я съела несколько ложек, когда мешала похлебку. Мне так хотелось есть, что я еле удержалась, чтобы не съесть все, — сказала она с виноватой улыбкой.

Александр Иванович попробовал протестовать, но она рассердилась, и он взял более полную тарелку. Похлебка была светло-коричневая, вязкая, пузырчатая и оставляла на ложке мучнистую слизь. Она была очень горячая, соленая и кисловатая на вкус. Александр Иванович ел не столовой, а десертной ложкой, чтобы процесс еды продолжался подольше. Кончив, он тщательно облизал тарелку и ложку и, подобрав крошки со стола, проглотил их. Больше на этот раз ничего не оставалось. Еда была уже позади. Оставалось только ожидание вечерней тарелки супа и вечернего кусочка хлеба.

Ты иди в поликлинику, тебе же нужно продлить свой бюллетень, — сказала сестра Александра Ивановича, — а я пойду помочь Диме похоронить Марию Николаевну. Она ведь до сих пор лежит с ним в одной комнате.

— Не стоит этого делать, только сама свалишься.

— Мне хочется помочь ему. Она была хороший человек. А Дима сам не справится, и помочь ему некому. Он еле держится на ногах. Может быть, благодаря ей он и выжил. Когда я встретила ее в последний раз, мне показалось, что она помешалась. Она сказала, что у нее в портфеле дохлая крыса — «для Димки». Она нашла ее где-то в подворотне. Не знаю, съели ли они эту крысу. Своего кота они съели раньше.

— Не все ли равно, где ее похоронят и похоронят ли, — сказал Александр Иванович.

— Для тебя все равно, но ему, наверное, не все равно. Мать же она ему.

— И все-таки ему, конечно, все равно. Он сейчас не чувствует ничего, кроме голода.

— Он не виноват в этом. Потом ему будет не все равно.

— Я и не говорю, что виноват. Я говорю только, что надо беречь свои силы и не тратить их зря.

Она рассердилась.

Они вышли из дома вместе и пошли в разные стороны.

В вестибюле поликлиники на полу у скамейки сидел человек в ватной шапке, с посиневшими губами. Женщина совала ему в рот крошки хлеба. Они падали на пол. Санитарка выгоняла их из вести-

бюля. «Приходят сюда умирать. — говорила она с возмущением, — а потом возись с ними. Каждый день здесь на скамейке «покойники». Александр Иванович прошел мимо.

Опять бесконечное ожидание среди бесполох и безвозрастных существ с закоптелыми от буржук лицами. закутанных в грязные лохмотья. Опять возможно только считать секунды: раз — два — три — четыре — пять — шесть — семь — восемь — девять — десять, и невозможно не думать о еде. «Человек ли я еще или уже больше не человек? — думал Александр Иванович. — Я неспособен ни на какое человеческое чувство, кроме чувства голода. Может быть, только тем и человек, что сознаю, что я уже больше не человек». Закутанное в башлык существо с лихорадочно блестящими глазами (мальчик или женщина?) сообщает бредовые слухи: блокада прорвана, взят Псков, взята Луга, война скоро кончится, с первого числа будет прибавка хлеба, всем дадут санаторный паек, пришло сто поездов с продовольствием для ленинградцев. По башлыку рассказывающего ползет вошь. Александр Иванович замечает ее и отодвигается. Ему уже кажется, что все его тело чешется.

Он возвращается домой по проспекту, который был еще сравнительно людным. Каждый раз, когда навстречу ему попадались санки с чем-то длинным на них, обернутым или обмотанным, как мумия, Александр Иванович вглядывался с боязливым и бесчеловечным любопытством: то ли это или не то? И каждый раз оказывалось, что это именно то. Он насчитал четырнадцать таких санок, пока дошел до дома. Один труп везли на детской колясочке, которая прыгала по рытвинам мостовой. Но и у многих живых, шедших ему навстречу, походка была такая, какая должна была бы быть у трупов, если бы они могли ходить: они шли с ничего не выражающим лицом, держа палку в вытянутой руке, откинувшись назад корпусом, как будто центр тяжести их тела переместился куда-то выше обычного.

Когда он пришел домой, уже темнело. В соседнем квартале горел большой пятиэтажный дом. Зарево было видно сквозь единственное оставшееся целым стекло в окне комнаты. Неизвестно было, отчего этот дом загорелся. То ли от разорвавшегося снаряда, то ли от опрокинутой коптилки, то ли от буржуйки. Зажигательных бомб уже давно не сбрасывалось. Никто не смог бы их сейчас тушить, как никто не тушил этот горевший дом. Александр Иванович не завесил окна, так как зарево в окне заменяло коптилку — можно было сэкономить керосин. Еще рано было затоплять печурку. Александр Иванович лег на кровать и накрылся шубой.

«В одной средневековой летописи, — вспоминал он, — рядом с записями о воцарении и кончине королей, рядом с перечнями епископов или перечислениями воинов, погибших в битвах, рядом с лаконическими сообщениями о вражеских нашествиях, урожаях или эпидемиях, говорится, что в этом году над страной летал огненный дракон. Событие это казалось, по-видимому, не более необыкновенным, чем сожжение монастыря, убийство королевского приближенного или приезд посольства из отдаленного королевства».

Александр Иванович лежал и прислушивался к редким, гулким разрывам снарядов. Около минуты проходило между отдельными выстрелами. Но вдруг иногда два разрыва следовали непосредственно один за другим. Стекла слегка дребезжали, но, по-видимому, им не угрожала опасность: обстреливался другой район, может быть, Выборгская сторона или еще более отдаленная часть города. Наконец, Александр Иванович встал, затопил печурку, поставил вариться суп и сел с греческой грамматикой перед открытой дверцей. «В греческом языке, — читал он, — основа настоящего времени обозначает действие, рассматриваемое в его развитии, в его длительности; а основа аориста означает действие само по себе. Возьмем следующую фразу из Ксенофонта: „они сражались (процесс, рассматриваемый в его развитии, в его длительности), пока афиняне не отплыли» (обращается внимание только на самый факт отплытия, поэтому употреблен аорист)».

Дрова в печурке прогорели. Александр Иванович встал и попробовал суп ложкой. Он съел всю ложку и еще одну. Потом он достал оставленный к вечеру кусочек хлеба и отрезал от него тоненький ломтик. «Слабый я человек, — думал он, — хотя и понимаю греческий аорист».

Сестра его очень долго не приходила. Угли в печурке уже давно погасли. От двери, завешанной ковром, и от окна сильно дуло. Александр Иванович лежал в темноте и считал секунды. Наконец — стук в дверь.

— Похоронили?

— Да. Очень страшно было возвращаться. Я проводила Диму до дому — он еле шел. Совершенно пусто на улицах.

— Зачем ты пошла? Ты же на себя непохожа. Ну что за важность, прислали бы от милиции и взяли. Надо же беречь свои силы.

Она рассердилась:

— Оставь, пожалуйста! — И помолчав: — Но что я видела! Ты себе представить не можешь, что я видела.

— Кушай!

Она пододвинула себе тарелку и, не переставая есть, рассказывала:

— Она лежала у него на кровати, в углу, под одеялом. Я совершенно не узнала их комнаты. Всюду банки, склянки и различные вещи, вынутые из шкафов, разломанных на дрова. Все закопчено от буржуйки. На кровати какое-то логово из пальто и шуб. Вонь от помойного ведра — у него понос. Я вынесла ему помойное ведро и принесла воды. Ему, видимо, трудно. Счастье наше, что мы не на пятом этаже живем. Мы завернули Марию Николаевну, стащили вниз на санках и повезли к саду. Дима настаивал, что не надо на кладбище. Он видел объявление, что там, в саду, «сборка трупов» нашего отделения милиции. Когда мы пришли туда, уже складывали на грузовик. Он был полон доверху. Женщины, которые грузили, спешили и не хотели больше брать. Одна говорит: «Чертовы покойники, надоели!» Когда грузовик тронулся, один труп свалился на снег, и развернулось одеяло, в которое он был завернут. Грязное какое-то, не то одеяло, не то портьера. А два трупа так и остались на земле. Тогда Дима говорит, что, пожалуй, все-таки ему бы хотелось повезти на кладбище. Он плохо держался на ногах, приходилось его поддерживать. Он все говорил, что мы все равно не выживем. Я убеждала его, что выживем, что уже недолго. И знаешь, мне так хотелось его уверить, что он выживет, что я сама поверила этому, и он, кажется, тоже поверил. Очень много везли туда. В гробах редко, все больше завернутых, как мумии. Когда мы переезжали через реку, там лежал труп женщины, развернутый и с вырубленным бедром. На мясо вырезано. А вдоль набережной я насчитала девятнадцать брошенных трупов. Как свалка. У меня очень замерзли руки. Мы притащились на кладбище, когда уже было совершенно темно. Там такая сторожка на кладбище. Мы вошли туда, в ней тепло, топится печь, и пахнет вкусным варевом. Какие-то женщины сидят, которые роют могилы за хлеб. Я не рассмотрела их, в сторожке свет только от печки. Одна из них ела хлеб. Ты представляешь себе, не так, как мы едим, тоненькими ломтиками, а толстенную краюху хлеба! И даже крошек не подбирает. И им совершенно наплевать, они шутят. А тут мрак, мороз и трупы, трупы, трупы, которые волочат, бросают на дороге, сами падают... Она замолчала.

«Так бывало, — думал Александр Иванович, — в средневековых городах, когда во время голода или мора вырастали вокруг церквей братские могилы, память о которых сохранилась и в нашем Новгороде. Но только тогда это казалось неизбежным и обычным и не было сравнения с другой возможной реальностью. Как не казалось необычным, что огненный дракон летает над городом. Конечно, то, что происходит сейчас, несравненно ужасней».

Александр Иванович сидел в раздумье, в то время как сестра его убирала со стола и прятала посуду. Очень сильно дуло от двери. Снаружи, на улице, стояли мертвые дома без света в окнах, трупы в лохмотьях валялись в подворотнях, на снегу, в залитых нечистотами скверах среди заиндевевших деревьев, нигде не видно было живой души.

Александр Иванович думал не об этом. Он придумывал оправдание для того, чтобы отрезать тонкий ломтик хлеба от кусочка, оставленного на утро, с той его стороны, которая была неровно отрезана, и где торчал край корочки. Но он так и не придумал себе оправдания и стал ложиться спать.

Александр Иванович снял большие неуклюжие валенки и поставил их сушиться на остывающую печурку. Эти валенки, казалось, стояли там, как человек, у которого голова и туловище уничтожились, исчезли, и только ноги еще сохраняли свое неверное существование, исчерпывая жизненную теплоту от остывающего железа.

Июль 1942 года

ЭКЗАМЕН У Л.В.ЩЕРБЫ

В 1938/39 учебном году я сдавал экстерном экзамены на филологическом факультете Ленинградского университета. Экзаменов было много, в основном — все разные истории литератур или просто истории. Всего надо было сдать, включая государственные, 42 экзамена. Между тем времени для подготовки у меня было мало: одновременно со сдачей экзаменов в Университете я преподавал английский язык в Политехническом институте и у меня там была довольно большая нагрузка.

Первым экзаменом, который я сдавал, была история Греции и Рима. Готовясь к этому экзамену, я не заучил ни одной даты, наивно полагая, что на университетском экзамене требуются осмысленные знания, а не такие, которые могут быть только результатом бессмысленной зубрежки. Молодая преподавательница, которая меня экзаменовала, быстро рассеяла мои иллюзии относительно того, что такое университетский экзамен. Юную Клио интересовали именно даты, а не осмысленное знание предмета, и выражением лица давая мне понять, что ее как музу истории мой ответ совершенно не удовлетворил, она милостиво вписала в мое экзаменационное направление «посредственно».

Я сделал все выводы из полученного мной урока и выработал свою технику экзаменационного ответа. Она заключалась в том, что накануне экзамена или, еще лучше, рано утром натошак в день экзамена я вызубривал возможно большее количество дат и, получив на экзамене вопрос, начинал свой ответ с того, что ошарашивал экзаменатора знанием дат. Сдавая экзамен по истории английской литературы и получив вопрос «Байрон», я начинал примерно так: «Байрон родился в 1788 году, 18 лет после того, как родился Вордсворт, который родился в 1770 году, и 16 лет после того, как родился Колридж, который родился в 1772 году, и за 7 лет до того, как родился Китс, который родился в 1795 году...». При этом, поскольку мой ответ был просто воспроизведением того, что я зазубрил, мне не требовалось никакого времени для подготовки к ответу. Я всегда начинал отвечать в ту самую секунду, когда получал вопрос, также и этим ошарашивая экзаменатора. Таким образом, отвечая, я как бы бросался в своего рода психическую атаку.

В глазах экзаменатора появлялось беспокойство или даже испуг. Он, естественно, не мог помнить всех дат, которые я выпаливал, и боялся, что я это замечу. Если бы я взял ту или иную дату с потолка, он мог и не заметить этого и таким образом разоблачил бы свою некомпетентность как экзаменатора. Залпа, состоящего из нескольких дат, более или менее притянутых за волосы, обычно хватало для того, чтобы неприятель был смят и его батареи подавлены. Вскоре в мое экзаменационное направление торопливо вписывалось «отлично». Так я сдал на «отлично» множество экзаменов, и параллельно моим успехам в науке росло мое сомнение в том, что есть какой-то смысл в университетской науке или по меньшей мере в университетских экзаменах...

Тому, чтобы университетская наука оказалась окончательно скомпрометированной в моих глазах, воспрепятствовал Л.В.Щерба. Мне надо было сдавать ему экзамен по методике преподавания. Но, как мне было хорошо известно (я дружил со старшим сыном Щербы, неоднократно бывал в доме Щербы и хорошо знал его самого), Щерба был глубоко убежден не только в том, что в университетской науке есть смысл, но также и в том, что он должен быть в университетских экзаменах. Для него прием экзамена, как и преподавание вообще, были творчеством, и он старался сделать так, чтобы и сдача ему экзамена была творчеством. Он поэтому интересовался не тем, что студент выучил к экзамену, а только тем, в какой мере студент умеет применить полученные им знания, другими словами, в какой мере он способен рассуждать на экзамене.

Таким образом, сдавая экзамен Щербе, нельзя было рассчитывать на технику психической атаки, и это делало экзамен у Щербы более трудным, чем другие экзамены. Но экзамен у Щербы был не только вообще более трудным, чем другие экзамены, он был более трудным для меня, чем для других студентов, именно потому, что я был близким другом сына Щербы. Я не мог рассчитывать на какое-либо послабление в экзамене. Напротив, я был уверен, что Щерба будет экзаменовать меня более строго, чем других студентов, именно потому, что я друг его сына. Дело в том, что, как мне было очень хорошо известно, для Щербы всякое использование своего положения профессора университета для облегчения чего-нибудь (например, поступления в университет, для сдачи университетского экзамена) своим сыновьям или их друзьям или детям каких-нибудь влиятельных лиц было абсолютно исключено как нечто отвратительное, как беспринципность.

Беспринципность? Я употребил это слово, как его употреблял Щерба. Но потом я сообразил, что ведь это слово, по-видимому, теперь употребляется в значении, обратном тому, в каком его употреблял Щерба. На то, что это слово радикально изменило свое значение, мне недавно открыл глаза один случай. Одну студентку первого курса скандинавского отделения отчисляли из университета за полную неуспеваемость. Удалось выяснить, что эта студентка поступила в университет по командировке одного крупного завода на юге СССР и что директор завода — ее отец. Представитель завода приехал в Ленинград хлопотать, чтобы студентку не отчисляли, и позвонил мне по телефону, так как ему сказали, что на ее отчислении настаивает заведующий кафедрой скандинавской филологии, т.е. я. Представитель завода говорил со мной угрожающим тоном. Но когда он увидел, что я настаиваю на отчислении несмотря на то, что мне известно, кто отец студентки, он понял, что продолжать со мной разговор бесполезно, и решил кончить его, обхамив меня напоследок. «Вы член партии?» — спросил он меня. «Нет», — ответил я. «Тот и видно, что вы такой беспринципный!» — сказал он в сердцах и повесил трубку.

Задумчиво пощипывая свою бородку, Щерба сказал мне на экзамене: «Вот Вы преподаете английский язык и, очевидно, учите Ваших учеников английскому произношению. Так вот скажите мне, что хуже: если ваш ученик произнесет *tit* (и он произнес это английское слово не со смычным, характерным для английского языка, а со смычным, характерным для русского языка) или если он произнесет *теп* (и он произнес это английское слово не с закрытым *e*, как надо было бы, а с открытым)?» Я ему ответил, что, по-

моему, первое хуже, так как выучить произносить английский переднеязычный смычный в любом слове довольно легко, и мои ученики, как правило, выучиваются этому, между тем выучить произносить закрытое *e* в слове *ten* очень трудно, и мне никогда не удавалось выучить этому моих учеников, так как у тех, для кого родной язык русский, в данном положении *e* автоматически оказывается открытым. Щерба не согласился со мной: отличие альвеолярного смычного от зубного не фонематично в английском языке, тогда как отличие закрытого от открытого *e* в английском языке фонематично. и поэтому несоблюдение второго отличия хуже, чем несоблюдение первого. Так что Щерба нашел мое рассуждение неправильным. Поскольку, однако, оно было все же рассуждением, он поставил мне «хорошо».

Я не помню, задавал ли мне Щерба еще какие-нибудь вопросы на экзамене. Впрочем, я не помню вообще ничего из того, что меня спрашивали тогда на экзаменах и, конечно, ничего из того, что я выучил, готовясь к ним. Вопрос Щербы, приведенный выше, и мой ответ — единственное, что я запомнил, и отметка, которую мне тогда поставил Щерба, вероятно, была моей единственной честно заработанной отметкой.

Но случилось так, что сотрудница деканата, которая вписывала мои отметки во вкладыш моего диплома, не выдержала психической атаки повторившихся 40 раз «отлично» и превратила единственное затесавшееся среди них «хорошо» в «отлично». Получив диплом с вкладышем, я заметил ошибку, но ничего не сказал. Было ли это беспринципным с моей стороны? Или наоборот, если учесть радикальное изменение, которое претерпело значение этого слова, беспринципным было бы, если бы я попросил, чтобы ошибка была исправлена?

1975

НА «КОНЕ ЗОЛОТАЯ ГРИВА» — В СТРАНУ САГ

Итак, я сижу в исландском самолете и лечу в Исландию. Очень странное чувство я испытываю. В продолжение многих лет я занимаюсь исландской литературой и исландским языком, но знаю Исландию только по книгам. И вот сейчас я впервые увижу ее. При этом по книгам я лучше всего знаю Исландию такой, какой она

была более чем семьсот лет назад. Классическая исландская литература возникла семь веков назад, когда во всей остальной Европе царил мрак средневековья — схоластика и мистика. Именно эта исландская литература — реалистическая проза (родовые саги) и героические песни («Старшая Эдда») — позволяет Исландии претендовать на выдающееся место в истории мировой литературы и культуры. Древняя литература — гордость Исландии, ее национальное богатство. Нигде в средневековой Европе не было такой богатой, самобытной и подлинно народной литературы. Она до сих пор самое значительное из всего, что было создано в области литературы на скандинавском севере. И до сих пор языком Исландии остался язык ее древней литературы, то есть древнеисландский. Он очень непохож на современные скандинавские языки — норвежский, шведский, датский. — хотя и в родстве с ними. Станным образом он почти не изменился за последнюю тысячу лет в написании и грамматике и до наших дней сохранил свою архаичную метафоричность и конкретность.

И вот сейчас я буду разговаривать с потомками древних исландцев на их древнем языке. Странное ощущение! Словно предстояло встретиться с давно мне знакомыми литературными персонажами, как с живыми людьми...

В самолете ко мне подходит красивая девушка в синей форме и с приветливой улыбкой подает на подносе конфеты. Первая исландка, которую я увидел в жизни, и первая возможность разговора по-исландски в эту поездку!

Девушка-стюардесса — по-исландски «флюгфрея», то есть в буквальном переводе «Фрея полета» (Фрея — имя языческой богини, которая воспевается в древних мифологических песнях). А самолет наш называется «Гюльтфахси», то есть «Конь Золотая Грива» (тоже мифологическое имя). А диктор называется по-исландски тем же словом, которым больше тысячи лет тому назад назывался мудрец-сказитель. Итак, начинается смещение временных плоскостей, древняя культура скрещивается с современной цивилизацией.

Во время вынужденной ночевки в Глазго (вернее, в городке Гурок, недалеко от Глазго) я рассматриваю спутников по самолету. Это все исландцы. Кто они? Во всяком случае, не те таинственные викинги, которые около тысячи лет назад, прельщенные рассказами об обширных пастбищах, обилии непуганых рыб и птиц, приплыли на боевых кораблях из Норвегии в Исландию, чтобы осесть на огромном пустынном острове, на котором до этого еще никто не селился, и, таким образом, дали начало исландскому народу.

Может быть, это коммерсанты, может быть, профсоюзная делегация или спортсмены, возвращающиеся домой (потом оказалось, что среди них был чемпион Исландии по шахматам Фридрик Олафссон). Запомнился старичок, который весело посматривал по сторонам. Он нюхал табак и сморкался в огромный пестрый платок. «Хатльбьерн Хальдорссон» — было написано руническими латинскими буквами на его визитной карточке. Оказалось, что он печатник, пенсионер, возвращающийся с полиграфического съезда в Мюнхене. Он предложил мне понюхать табаку. По-исландски это в буквальном переводе звучит так: «Можно предложить вам в нос?» Сходя с самолета в Рейкьявике и прощаясь со мной, он сказал: «Мы еще увидимся!»

И действительно, полгода спустя мы снова встретились с Хатльбьерном в Ленинграде, куда он приехал с делегацией общества «Исландия — СССР».

Население в Исландии очень невелико. Оно начало расти только в двадцатом веке — больше чем удвоилось на протяжении шести последних десятилетий. До этого народ веками вымирал от неурожая и жестоких эпидемий, от последствий сильных извержений вулканов с землетрясениями, а также от набегов испанских и алжирских пиратов. Но, может быть, самым губительным было то, что иноземные купцы, пользуясь монополией торговли, втридорога продавали исландским крестьянам необходимые для них товары, а продукцию их без того нищего хозяйства покупали за бесценок. Диву даешься, как, несмотря на вымирание и колониальный гнет, этот малочисленный и (до самого последнего времени) нищий народ сумел сохранить свою самобытную литературную традицию и свой родной язык; как он сумел пронести сквозь века тяжелых лишений и бесправия свою страстную любовь к родному слову.

Погода ясная, и часа через три — не внизу, а где-то на середине голубого неба, выше самолета, над облаками — показывается снежная вершина, освещенная солнцем. Это, конечно, Ватнаэкютль — самый большой ледник в Европе (сто километров в длину, сто километров в ширину) и самая высокая точка Исландии (2119 метров). Затем сквозь облака начинают мелькать еще какие-то горы, потом озера, реки. Самолет снижается, появляются правильные ряды маленьких домиков, красные, зеленые, синие крыши, и с трех сторон — море. Это, конечно, Рейкьявик.

Мы пробыли в Исландии 15 дней. Шесть из них мы ездили по стране на легковой машине, с утра до вечера. Проехали больше двух тысяч километров, совершили пять поездок, из которых одна длилась 3 дня. Три раза мы ночевали в гостиницах в глухих уголках

Исландии. Не были мы только на востоке страны да в центральной пустыне, куда можно проникнуть только верхом или пешком, и при том с альпинистским снаряжением. Остальное время мы жили в Рейкьявике. Здесь были встречи, вечера, концерты, пресс-конференции, конгресс общества «Исландия — СССР», обед у министра культуры, мой доклад на заседании Общества исландского языка, прием в посольстве, посещение Национальной библиотеки, Национального музея, Университета, беседы с филологами и писателями — в общем, дни были загружены до отказа.

...Мы на приеме у крупнейшего исландского юриста Рагнара Оулафссона, члена общества «Исландия — СССР». Двухэтажный особняк. Весь верхний этаж — гостиная, в нижнем этаже — спальни и столовая. Гостей человек пятьдесят. В столовой три стола. На одном — скандинавские бутерброды, сласти и прочее; у другого хозяйка разливает кофе. Надо вооружиться подносом, положить бутерброд себе на тарелку, подойти к хозяйке за чашкой кофе, взять на третьем столе бокал, потом с подносом в руке подняться по лестнице на второй этаж и там стоя есть, беседуя одновременно то с исландским историком о роли Ганзы в Исландии, то с парламентарием — об уровне жизни в стране, то с группой филологов — о том, существовал ли в действительности Эгиль Скаллаgrimссон или это личность легендарная, вымышленная.

Да, но, видимо, следует еще пояснить, почему важно, существовал ли Эгиль Скаллаgrimссон — викинг и скальд, герой «Саги об Эгиле», одной из древнеисландских родовых саг. Тот, кто не читал этих саг, обычно представляет их себе как произведения поэтические и фантастические, нечто вроде сказки или легенды. Нет ничего ошибочнее такого представления. Древнеисландские родовые саги

это произведения более фактографические, чем любой современный роман. Не случайно до недавнего времени все, что в них рассказывается, принималось за непреложный исторический факт. Однако в последнее время исландские филологи стали утверждать, что видимая историческая точность саг — это лишь результат высокой реалистичности древнего исландского искусства, и только. Определение границы между правдой художественной и правдой исторической — это, по-видимому, одна из труднейших проблем истории всякой древней литературы, и понятно, что каждому, кто едет в Исландию во всеоружии знакомства с древнеисландскими сагами, приходится спорить на эту тему.

Мы присутствовали на конгрессе общества культурных связей между Исландией и СССР. По-исландски оно называется сокращенно МИР (по начальным буквам исландского названия общества; но

те, кто знает русский язык, естественно, вкладывают в эти буквы другой смысл).

На конгресс съехались представители местных отделений Общества с разных концов Исландии — рабочие, рыбаки, фермеры, учителя и так далее. Всего собралось человек пятьдесят. На стол президиума были поставлены розы. Конгресс открылся речью Кристина Андерссона, виднейшего исландского критика, автора книги «Современная исландская литература», которая недавно вышла на русском языке.

Выступавшие говорили о том восхищении, которое вызывают у всего прогрессивного человечества необыкновенные успехи Советского Союза в области науки и техники. Они говорили о советском искусстве, с которым их познакомили приезжавшие в Исландию советские артисты. Могло ли бы такое искусство, говорили они, процветать в стране, если бы положение в ней было таким, каким его изображают враги Советского Союза? Они вспоминали о том, что Советский Союз был первым из государств, признавших право Исландии на двенадцатимильную зону территориальных вод вокруг острова. Этим он оказал неоценимую поддержку исландскому народу в его борьбе за свое экономическое благосостояние, союзник же Исландии по НАТО Англия послала в исландские воды не только рыболовные суда, но и военные корабли. Но подлинный друг, говорили они, не то государство, которое устраивает военные базы на нашей земле, тем самым делая эфемерной нашу политическую самостоятельность, а то государство, которое в критическую для нас минуту бескорыстно поддержало нас в жизненно важном для нас деле и которое своими блистательными успехами в области науки и техники прокладывает новые пути человечеству.

После окончания конгресса ко мне подошла пожилая женщина в исландском национальном костюме. Как я потом узнал, это была Сигридюр Сайланд — видная активистка Общества, акушерка по профессии. Ей очень хотелось поговорить с человеком, который только что приехал из СССР. Она рассказала мне о том, что несколько лет назад она была в Москве и что встречи с советскими людьми произвели на нее незабываемое впечатление.

— Я чувствовала себя словно среди старых друзей, и мы хорошо понимали друг друга, — сказала она.

— Вы, значит, наверное, и по-русски умеете разговаривать? — спросил я.

— Нет. — засмеялась она, мы говорили на языке души!

Жили мы в гостинице «Борг», в самом центре города. Альтинг (парламент), собор, почтамт, полицейское управление — это все ря-

дом. Прямо под моим окном рифленая крыша какого-то гаража, а направо — двор со сколищем сверкающих лаком легковых машин: их в Рейкьявике вообще гораздо больше, чем грузовых. И хотя город славится отсутствием дымовых труб, в окно все же летит бензиновая гарь. Среди разноцветных крыш — красных, зеленых, серых — вывеска туристской конторы «Гимли», а неподалеку — прижизненный памятник местному пастору, которому сейчас девяносто лет. Дальше вывеска страховой компании и кинотеатра «Гамля Био». А левее, над зданием Рыбопромышленного банка, — синяя гора Эсья. Ее часто окутывают облака, а однажды утром она оказывается покрытой снегом.

В моей комнате только постель с тонкими перинами из гагачьего пуха, стол и стул. В стене шкаф для одежды, и другой, попросторней, с умывальником и душем. Горячая вода, конечно, из гейзера.

Несмотря на осень (конец сентября — начало октября), в Рейкьявике значительно теплее, чем бывает в эту пору в Ленинграде. Великое дело — Гольфстрим. В драповых пальто мы изнемогали в первый день от жары. Один исландец, снимая с вешалки мое одеяние, взвесил его на руке и преисполнился уважением к русской выносливости. Потом мы ходили без пальто и спали с открытыми окнами.

Осень и зима в Рейкьявике (но не в глубине страны) много теплее, чем в Ленинграде и Москве, а лето и весна — холоднее. Средняя температура января в Рейкьявике минус один градус, а июля — плюс одиннадцать градусов; в Ленинграде соответственно минус восемь и плюс семнадцать градусов.

Исландия — страна фантастически красивая, причем я имею в виду средний исландский пейзаж, а не экзотику (гейзеры, вулканы и т. п.). И вот почему она так красива. В Исландии всюду далеко видно — на десятки и даже на сотню километров (деревьев почти нет, только рябинки да березки около домов). И повсюду видишь горы, с любой точки, — синие, голубые, серые, лиловые, малиновые, черные, в зависимости от покрова и освещения. А освещение все время меняется — часть неба светлая, часть неба темная, разрывы в тучах, радуга, фосфоресцирующее северное сияние. Помню, я стоял на площадке перед электростанцией Ласхаурвюркюн — это на севере Исландии — и смотрел на долину Лахсаурдалюр, расстилающуюся к северу. Ясный вечер и чистейший, прозрачный воздух. Долину видно далеко-далеко. Оба склона ее, слева и справа, темно-малиновые. На них ярко-зеленые квадратики тунов — засеваемых лугов — и кое-где белые с красными крышами игрушечные домики хуторов. Над этими малиновыми склонами поднимаются синие горы и голубая

даль. Прямо передо мной ярко-синяя гладь реки Ласхау — реки в Исландии поразительно яркие — и на ней большая стая диких белых лебедей. Они вдруг взмывают вверх, и в вечерней тишине долго слышится их крик.

В Исландии вообще уйма диких водяных птиц. Один фермер жаловался нам, что лебеди губят его туны (стрелять лебедей не разрешается). Мы видели множество диких уток по дороге, на протяжении почти тридцати километров огибающей с востока Хьалфьердюр (то есть китовый фьрд), далеко врезающийся в глубь страны. Слева от дороги, совсем рядом, тянулся фьрд со скалистыми островами посредине, а справа поднимались крутые высокие горы. Птицы плавали совсем близко от берега и даже не подымались в воздух при приближении нашей машины. Но идиллическое впечатление от лучезарного мирного фьрда испортилось тем, что за поворотом мы вдруг увидели длинные низкие бараки из рифленого железа и людей в военной форме. Оказалось, что это американская военная база.

В продолжение тысячи лет исландцы знали только понаслышке, что такое войско и война. Но кончились времена, когда географическое положение Исландии, затерявшейся среди океана, спасало от иноземных вторжений. И — такова ирония судьбы! — иноземное войско обосновалось на территории Исландии как раз тогда, когда после семи веков колониального гнета страна наконец полностью отделилась от своей метрополии — Дании. Исландия была провозглашена независимой республикой 17 июня 1944 года, но с 1941 года на ее территории расположились американские войска, и вопреки торжественному обещанию они не ушли после окончания мировой войны. Демонстрации, забастовки, митинги протеста, продолжающиеся до сих пор, не подействовали на тех, кто осуществляет эту оккупацию и способствует ей.

Для исландского пейзажа характерны также и более суровые черты: черные базальтовые обрывы, черная лава, черный песок. Песок в Исландии вообще только черный. Вернее, темно-серый. Но когда влажен, он черный. Не случайно исландский национальный костюм — его и сейчас носят старые женщины — черный с серебром. Серебро, очевидно, символизирует исландские водопады. Черны здесь и все дороги — они покрыты гравием. А камни, ограждающие дорогу, окрашены не в белый, как принято у нас, а в желтый цвет.

В один из дней мы присутствовали на торжественном открытии памятника знаменитому исландскому поэту Торстейну Эрлингссону. Это было возле хутора Хлидарендакот, на юге Исландии, где сто лет тому назад родился поэт. Моросил дождь. Строгий бюст четко вырисовывался на фоне черного обрыва. Справа водопадом низвер-

гался ручей. Мужской хор пел торжественно и печально. Все это было так величественно, что сжималось горло.

Типичны для исландского пейзажа знаменитые «Тингветлир» — поля Тинга, национальный парк Исландии. Здесь с начала десятого века до середины девятнадцатого собирался альтинг (в древности — всеисландское вече, позже — парламент). В эпоху народовластия — так исландские историки называют период с десятого по тринадцатый век — альтинг был сосредоточием культурной жизни страны. Это была эпоха экономического и культурного расцвета Исландии. В середине лета на поля Тинга со всех концов страны съезжались на две недели исландцы, чтобы принимать законы, участвовать в решении тяжб, обмениваться новостями, обсуждать происшедшие события, слушать саги и стихи. В туристских справочниках обычно говорится, что альтинг был древнейшим парламентом Европы. Но древнеисландское общество совсем не походило на парламентарное государство. Как доказали исландские историки-марксисты, исландское общество эпохи народовластия было особой формой родового общества: государством оно еще не было, так как не располагало никаким государственным аппаратом, не было ни канцелярий, ни чиновников, ни армии, ни полиции, ни тюрем. Потом, когда эпоха народовластия кончилась и Исландия стала сперва колонией Норвегии (с 1262 года), а потом Дании (с 1380 года), альтинг захирел, его существование стало лишь формальным. Борьба исландцев за независимость всегда была борьбой за восстановление альтинга во всех его правах. Но современный альтинг — всего лишь обычный парламент. Он совсем не похож на древнеисландский сход свободных общинников. Теперь альтинг заседает в небольшом двухэтажном здании в центре Рейкьявика. Кстати, в исландском языке очень часто одно и то же слово обозначает и нечто архаичное, и нечто современное, и это нередко приводит к тому, что в сознании исландцев различие между архаикой и современностью до чрезвычайности сглаживается.

Поля Тинга расположены на берегу большого озера, окруженного горами, и прорезаны каньонами, где течет прозрачная ледяная вода. Черные скалы, зеленый мох, золотой кустарник и, конечно, поблизости — водопад. Когда стоишь на «Скале закона» — возвышении, служившем в древности трибуной, — то видишь на горизонте горы, а внизу сверкающую поверхность реки Эхсарау, которая при впадении в озеро разбивается на несколько рукавов. За рекой — церквушка (когда-то на ее колокольне висел «Колокол Исландии», по которому Халлдор Лакснесс назвал свой замечательный исторический роман), и правее — маленькие домики гостиницы «Валгал-

ла». А за «Скалой закона» возвышается скалистая стена, верхний край которой образует на фоне неба причудливые силуэты — так называемые «ладьи викингов». Поля Тинга — самое дорогое для каждого исландца место. Это символ древней национальной культуры, символ свободы и независимости Исландии. Поэтому здесь все имеет свои названия и свою тысячелетнюю историю. При въезде в национальный парк стоит указатель в виде каменного компаса на подставке. Он указывает, в каком направлении искать те или иные вершины, каньоны, скалы, долины и т. п. Летом сюда часто приезжают из Рейкьявика погулять, а то и пожить в палатках. Но, к удивлению исландцев, иностранные туристы, приезжая на поля Тинга, обычно обращают внимание только на две достопримечательности: Пенингагяу — каньон, в прозрачные омуты которого, загадав желание, принято бросать монеты, и Дрекингахилюр — омут, в котором, по преданию, топили неверных жен.

Поля Тинга расположены на границе заселенной части страны. За ними на сотни километров простирается гористая пустыня. В древние времена там скрывались объявленные вне закона. В исландских народных сказках часто говорится о блаженных долинах в глубине страны, где живут счастливые люди. И надо сказать, что когда смотришь в ясную погоду на уходящие к горизонту голубые дали, то они действительно кажутся такими манящими, что понимаешь веру исландских народных сказок в блаженную жизнь этих далеких и недоступных долин.

В Исландии, когда путешествуешь на машине, все время едешь либо по долине, окруженной горами, либо по пустынному плоскогорью, разделяющему долины. По-исландски такое плоскогорье называется «хейди». В долинах виден какой-нибудь одинокий хуторок — домик под красной крышей и рядом зеленый квадратик туна. Хейди всегда необитаемо. На нем не увидишь ничего, кроме камней, мха, вереска. Земля здесь так же «пуста и безвидна», какой она была, если верить Библии, в первый день творения. И это чередование мира, где живут люди, и мира, где люди не живут, подчеркивается тем, что, когда въезжаешь на хейди, небо обычно скрывается в серой пелене, и клочья тумана, ползущие отовсюду, застилают даль. И камни сквозь туман начинают казаться недобрыми обитателями пустынного и безмолвного царства. Иногда посредине хейди, чаще у перевала, стоит необитаемый домик, где путники могут найти убежище в непогоду или ночью. Правда, по поверьям, в таком домике обычно водятся привидения. Когда-то герои древних саг путешествовали верхом через хейди, и тогда такой домик назывался «сайлюхус», то есть «дом, построенный для спасения души».

А вот экзотика — места, которые посещаются туристами. Озеро Миватн, то есть Комариное озеро, на севере Исландии. Причудливой формы, с островами и берегами из застывшей лавы. Под вечер мы любовались его молочно-белой гладью. Уютные островки-холмики казались будто нарочно разбросанными по озеру. С самого большого из островков доносилось блеяние овец.

А рядом с этим удивительным озером расположен знаменитый Наумаскард — карьер, где добывают серу. Дорога туда идет по неглубокой ложине. Воздух насыщен запахом серы. Склоны голы, никакой растительности. Только стелется пар. Вдруг открывается бескрайнее и такое же голое лавовое плато, простирающееся на сотню километров. Бьют вверх мощные струи пара. Весь склон — рыжая с белыми пятнами лава. Подходим ближе и видим кратеры. В одном бурлит черная жижа, в другом — голубовато-серая. Запах серы становится удушливым. Это не иначе как вход в ад... В Исландии больше ста вулканов, из них двадцать восемь действующих. Самый знаменитый, Гекла, по преданию, обиталище сатаны. Страна вулканов и ледников, страна огня и льда — так обычно называется Исландия в путеводителях.

Возле озера Миватн находятся и «Диммуборгир», то есть «Замки мрака». Тропинка вьется между черными лавовыми башнями высотой с двухэтажный дом. Видны ворота, окна, шпили, зубцы. Такие лавовые замки тянутся на километры. Под ними все те же стелющиеся полярные березки и крупные грибы подберезовики. Среди этих «замков» легко заблудиться — так похожи они один на другой.

Видели мы здесь еще одно чудо природы — «Гоафосс» («Водопад богов»). В глубоком базальтовом ущелье течет река, бурная река с отвесными берегами. Там, где ущелье расступается, река падает шумным каскадом с широкого полукруглого уступа. Но «Водопад богов» не произвел на нас особенно сильного впечатления, потому что перед этим мы видели еще более мощный — «Золотой водопад», или «Гютльфосс». Мы приехали к нему в ветреный и солнечный день. Чуть ли не за полкилометра нас обдало облаком брызг, и мы увидели, как тремя каскадами обрушивается в страшную бездну чудовищная масса воды, а над нею переливается яркая радуга, то и дело меняя место.

Водопадов в Исландии очень много. В некоторых долинах ручьи образуют водопады буквально через каждые сто метров.

Видели мы и горячие источники — и те, которые используются для нужд человека, и совсем еще «дикие». Ездили мы, конечно, и к Гейсиру — горячему источнику, по имени которого все горячие источники мира называются гейзерами. Но Гейсир не фонтанировал.

Он теперь почти никогда не фонтанирует, разве что запасливые туристы кинут в него побольше мыла, специально привезенного для этой цели.

Исландия по своей территории довольно большая страна. Хотя мы проехали больше двух тысяч километров, мы побывали далеко не всюду. Но по количеству населения Исландия страна очень маленькая — сто семьдесят тысяч человек, из которых семьдесят тысяч живут в Рейкьявике. И это сказывается на каждом шагу. О размерах государственного аппарата можно судить по тому, что все правительство, в том числе и министерство иностранных дел, помещается в одноэтажном особняке с мезонином. Есть в стране несколько десятков полицейских, но постовых и регулировщиков движения нет. Первое время мы принимали исландских полицейских за морских офицеров: они все очень рослые, в черной форме, с серебряными пуговицами, в фуражке с белым верхом и серебряным свистком на груди; шоферов автобусов — за сухопутных офицеров: они в форме цвета хаки и такого же цвета фуражках. Но, оказывается, офицеров в Исландии вообще нет; нет и армии, нет вооруженной охраны: ни в порту, ни на важнейших электростанциях, ни в высших правительственных учреждениях. Нигде не нужны никакие пропуска и вообще никакие документы. По-видимому, именно в силу своей малочисленности исландцы до сих пор обходятся совсем без фамилий и даже в самом официальном обращении называют друг друга по имени, иногда с прибавлением имени отца (вроде как бы по имени-отчеству).

Малочисленностью исландцев, вероятно, объясняется и то, что у них часто один человек выполняет несколько дел, которые в других странах чаще делают разные люди. Ученый в Исландии — часто также и поэт или писатель, а политический деятель — также и ученый и так далее.

Исландская столица Рейкьявик — очень красивый город. Но он красив не местоположением, хотя и местоположение города, окруженного с трех сторон океаном, живописно. Рейкьявик красив как архитектурный ансамбль. Прежде всего он необычайно ярок и красочен: ярко окрашенное железо крыш, такие же пестрые стены (крашеное рифленое железо и бетон). Современная архитектура, сверкающая стеклом и металлом. И при всей ультрасовременности материалов и красок Рейкьявик чрезвычайно уютный город. Все дома в нем маленькие, одно-двухэтажные, максимум трехэтажные, больше — это уже исключение, которое к тому же не бросается в глаза. В центральной, то есть торговой и деловой, части города домики стоят вплотную друг к другу, каждый под своим щипцом, как в старой

Риге. А в жилой части города каждый домик стоит отдельно, и вокруг него садик с березками, рябинами, клумбами и газоном. Благодаря тому, что дома маленькие, а расстояния между ними большие, город весь просматривается — видны окружающие его горы, в конце улицы часто видно море и корабли. Стоило взглянуть направо, выходя из гостиницы, и я видел в двухстах метрах нос огромного судна, которое как бы вплывало на улицу.

Яркие краски преобладают и в костюмах, но только у детей и молодежи. Детишки, белобрысые и румяные, всегда нарядно и ярко одеты — и дома, и на улице. Яркие курточки, штанишки в крупную красную, синюю клетку. Так же ярко одевается молодежь. Девушки ходят в ярко-рыжих замшевых куртках, в брюках в крупную красную с синим клетку, в ярко-красных пальто. У иных на спине можно увидеть ярко раскрашенную карту Исландии или изображение попугая. А люди старше двадцати пяти — тридцати лет (для мужчин это правило без исключений) ходят в одноцветных серых костюмах, серых плащах, и даже президента Исландии я видел в довольно потрепанном сером плаще. Некоторые пожилые профессора носят такие старомодные костюмы, в каких ходили лет сорок-пятьдесят назад. Старые женщины часто надевают национальные костюмы, черные и длинные, до пят, такие же, какие носили их бабушки.

Мы бывали в гостях у исландцев. Квартиры обычно обставлены современно: удобная, легкая и красивая мебель, низкие столы. Сверкающие белизной и совершенно пустые кухни. Вдоль стен — белый прилавок, в котором скрыты электрическая плита, таз для мытья посуды, сушилка, сток для помоев, холодильник, посудные шкафы. Хозяйка стоит в такой кухне, как инженер у пульта электростанции, нажимает кнопки, и все жарится и варится. Гостиная и столовая часто соединены под углом и могут быть разделены раздвижной стеной. Раздвижных стен много в ресторанах, школах, квартирах. Две небольшие комнаты в случае необходимости превращаются в одну большую. Рукой махнешь — и стены нет. Спальни маленькие. Вот типичная спальня: одна стена занята большим окном, другая стена раздвигается, за ней — чулан для одежды. В комнате только постель и на стене картина, больше ничего. Обоев нет нигде, но часто на стенах деревянные панели. На полу что-то похожее на пластикат. Вообще в архитектуре и обстановке в Исландии меньше старомодного и устарелого, чем в таких более богатых странах, как Англия и Дания. И это понятно: до самых последних десятилетий Исландия была такой бедной страной, что в ней нечему было сохраниться до сегодняшнего дня, все надо было строить заново.

Квартиры часто имеют отдельный выход на улицу. Иногда весь дом — одна квартира. Исландцы большие индивидуалисты и, хотя квартиры дороги (они поглощают около тридцати процентов бюджета среднего исландца), они готовы работать по двенадцать часов, работать сверхурочно — только бы жить в маленьком домике с минимальным количеством квартир, хотя строить такие домики, конечно, очень неэкономично...

Нет никакой разницы между жилищами Рейкьявика, провинциальных городков (даже и тех, что насчитывают меньше тысячи жителей) и хуторов. Мы были в шести городах: Сельфоссе, Блендуоусе, Сейдауркроукюре, Боргарнесе, Хапнарфьердюре и Акюрейри. Последний из них, пожалуй, самый красивый город, который я когда-либо видел. Правда, мы осматривали его на восходе солнца, то есть в час, когда все города обычно хорошеют. Вдоль набережной еще спали уютные разноцветные домики, а у причалов — корабли. На гладкой поверхности фьорда плавали морские птицы. Еще видна была ущербная луна, но встало и солнце, осветив в горах снег, выпавший за ночь. Часы на церкви — кстати, тоже выдержанной в конструктивистском стиле — мелодично пробили восемь раз. Казалось, мы очутились среди декораций несуществующего оперного города: сейчас выйдет лирический тенор и начнет свою арию. В городе этом живут десять тысяч человек, вдоль улиц стоят яркие современные домики, как в Рейкьявике, и такие же магазины в центре, и такие же автомобили. Акюрейри — второй после Рейкьявика город Исландии.

Исландцы очень трудолюбивы. Суровая природа и семьсот лет колониального гнета приучили их к труду. Этой привычкой они дорожат и продолжают ее культивировать. Независимо от положения родителей, все студенты и старшие школьники во время летних каникул работают — на хуторах, на рыбных ли промыслах, либо на городских предприятиях. Один видный политический деятель с гордостью рассказал нам, что его дочь, восемнадцатилетняя Сольвейг, которая любит потанцевать и развлечься, работала это лето на фабрике. Многие девушки-учащиеся работают летом на засолке сельди.

Суровая природа и сезонность работ на рыболовецких промыслах вызывают текучесть населения в Исландии. Люди из самых отдаленных местностей постоянно общаются друг с другом, и поэтому здесь нет диалектов, а лучшим литературным языком считается язык провинции, испытавшей меньше иностранных влияний, а не язык столичных жителей. Привычка к труду обуславливает простоту обращения, готовность к взаимной помощи, гостеприимство. Все в

этой небольшой стране друг друга знают и постоянно видят. В первый же день нашего пребывания в Исландии мы познакомились с такими выдающимися писателями Исландии, как Тоурбергюр Тоурдарссон и Халльдоур Стефаунссон. Халлдора Лакнесса не было тогда в Исландии. Мы видели и наиболее выдающегося художника Исландии — Кьярваля. Он шел по улице в штормовке и рыбацье шапке. Из публикуемой в газете беседы журналиста с каким-либо известным деятелем нередко выясняется, что журналист и знаменитость между собою на ты. Иногда даже лидер партии, обличая в парламенте своего политического противника, обращается к нему на ты — они знают друг друга с детства и, может быть, сражались когда-то отнюдь не по парламентскому кодексу.

Основное богатство Исландии — рыба. И это накладывает отпечаток даже на городской пейзаж, не говоря уже о том, что рыбой или, точнее, рыбной мукой, пахнет весь город. На окраинах часто можно увидеть большие рамы на козлах — это «треньюр», то есть рамы для сушки рыбы. Местами возвышается нечто похожее на каркас недостроенного дома — это «хьятлюр», то есть сарай для сушки рыбы. Когда мы были в приморском городке Хапнарфьердюре, туда как раз пришли траулеры с морским окунем, и мы видели все стадии его обработки на заводе — от выгрузки рыбы с траулера до момента, когда уложенное в пакеты филе замораживается, опускается в воду и укладывается в ящики. А в приморском городке Сейдауркроукюре обрабатывают преимущественно сельдь, но мы попали туда в неудачный день, улова не было, и у гостиницы с экзотическим названием «Вилла нуова» скучали люди. Весь городок — в нем, правда, только тысяча жителей — скучал по селедке.

Один из вечеров исландско-советской дружбы, на котором мы присутствовали, закончился танцами. Танцевать пошли все, хотя места между столиками было очень мало — вечер происходил в ресторане гостиницы «Борг». Танцевали седобородые старики и семидесятилетние старухи. Исландские танцы веселые: все приплясывают и поют. Даже вальс там принято перемежать веселой музыкой в быстром темпе, под которую все топчутся и поют исландские ритмы.

В характере исландцев есть элемент детской непосредственности. Вспоминаю одного исландского фермера, с которым мы беседовали о сенокосе и о погоде во время поездки по северу Исландии. Это был здоровенный детина с круглыми румяными щеками и совершенно детским выражением голубых глаз. Его звали Гардар Якобссон. Разговор с ним запомнился тем, что это был один из немногих разговоров целиком на исландском языке. Говоря с иностранцем,

исландцы обычно переходят на какой-либо более распространенный европейский язык: английский, датский, норвежский, шведский (немецкий менее популярен в Исландии). С Гардаром мы говорили по-исландски. «Первый покос был хорош», — сообщил мне он, в частности. Так я узнал, что в Исландии косят траву дважды в год.

Можно бы подумать, что потомки викингов должны быть высоки ростом, белокуры и суровы лицом. Но на самом деле высокий рост вовсе не характерен для исландцев. Может быть, это результат вековой нищеты. Встречаются среди них и темноволосые, а у очень многих исландцев мягкие черты лица. Но, может быть, и викингов мы неправильно себе представляем?

Вот что исландцы верят? Я зашел в Рейкьявикский собор в воскресенье и поразился — так мало там было народу! В разговорах с исландцами мне часто приходилось слышать, как они подшучивают над церковью и над пасторами. Они говорят, что обращаются к пастору только тогда, когда нужно креститься или жениться. «Во что верить, — говорят они, — мы сами знаем лучше, чем наши пасторы».

Исландцы мало религиозны, но очень суеверны. Особенно сильна вера в привидения.

Едем мы по плоскогорью Хольтавердухейди — поразительно дикому и пустынному. Опять туман, опять мох и камни и опять сумерки. Зная, как доставить удовольствие собеседнику, я спрашиваю шофера, Йоунаса Сигюрдссона, не случалось ли у него каких-либо историй с привидениями. «Со мной нет, — говорит он, радостно улыбаясь. — Но вот один мой товарищ по таксомоторной станции постоянно возит привидения». И он рассказал мне, как в машину его приятеля села женщина в черном, сказав, что ей надо заехать за какой-то девушкой. Отправились. Подъезжают к Рейкьявику, шофер оборачивается — женщины в машине нет... Другой случай. В такси садится девушка. Она хочет сесть сзади; шофер удивляется — он-то знает, что у него там все места заняты. Об этом он говорит девушке, приглашая ее вперед. Но та видит позади совершенно пустое сиденье и в ужасе убегает...

Рассказал он еще несколько историй в таком же духе. Обычно их рассказывают очень подробно, с точным указанием имен и мест и с тем своеобразным юмором, который можно назвать «замогильным». Большой мастер рассказывать их — Тоурбергюр Тоурдарссон. «наиболее исландский» из современных исландских писателей. Этот голубоглазый и светловолосый человек, небольшого роста, очень молчаливый для своих семидесяти лет, парадоксально сочетает в себе ребяческую наивность с тонкой иронией и обличительный пафос передового политического деятеля с суеверностью человека эпохи

саг. Как-то, когда мы были у него в гостях, он сказал нам: «Меня спрашивают, как я, будучи коммунистом, могу верить в духов. Но как я могу не верить в них, если я три раза в жизни видел духов так ясно, как сейчас вижу вас?» И тут начался общий разговор о религиях и суевериях в Исландии.

Что касается популярности суеверий в Исландии, то исторически она совершенно объяснима. Лютеранство здесь было введено в шестнадцатом веке датчанами насильно. Эпоха реформации (которая на отсталом севере Европы совпадала с эпохой возрождения) в Исландии, напротив, была эпохой всестороннего регресса, новой формой иноземного политического гнета. Она привела, в частности, к разорению монастырей, которые были здесь очагами культуры и хранилищами древних рукописей. Последний исландский католический епископ Иоун Арасон, который сопротивлялся введению лютеранства и был казнен, — национальный герой Исландии. Лютеранство до сих пор остается чужой для исландцев религией. Другое дело суеверия, связывающее исландцев с их древностью и ее литературной традицией. Исландия знает два периода расцвета и независимости: эпоха народовластия (десятый — тринадцатый века) и последние десятилетия. Их разделяют семь лет угнетения и нищеты. Поэтому Исландии древняя эпоха дорога и близка, и так же дорого и близко все связанное с этой эпохой, в том числе древние языческие верования и мифы.

Имена древних богов, имена героев древних исландских саг встречаются всюду. Лучший ресторан в Рейкьявике — он называется «Нейст», то есть «Корабельный сарай» (и с виду действительно похож на корабельный сарай, а вместо вывески над его дверью висит дракон) — убран в духе древнеисландской пиршественной палаты, сложенной из бревен, и на его стенах имена разных мифологических существ. Мы видели велосипедную мастерскую «Бальдур», пили лимонад «Эгиль Скаллаgrimсон», ходили по улице Тора, улице Ньяля, переулку Локи и т. д. и т. п. Бальдур, Тор и Локи — языческие боги, Эгиль и Ньяль — герои древних саг. Всюду, начиная с самолета «Конь Золотая Грива», мы встречали такие названия. Именами героев древних саг названы в Рейкьявике все улицы района Нордмири, то есть Северного болота. Зато в Исландии не найдешь ни «Покрова», ни «Иоанна» — ни одного названия, связанного с христианской религией. Всюду все напоминает эпизоды древней истории Исландии. О ней рассказывают как о самом недавнем прошлом, настолько она близка исландцам.

Но об исторических местах Исландии следует рассказать особо. Они очень своеобразны. Дело в том, что в Исландии от древней

эпохи не сохранилось никаких материальных памятников (если не считать, впрочем, древних рукописей, но и те в большинстве хранятся не в Исландии, а в Копенгагене). Старейшее здание Исландии — церковь в Хоуляре, древней епископской резиденции. Выстроена она в восемнадцатом веке, то есть совсем не древняя. В ней портреты епископов и их могилы. Рядом с церковью высокая колокольня. Ее построили в 1950 году, когда сюда были перевезены останки епископа Йоуна Арассона, исландского национального героя, казненного в 1550 году. В средние века в Хоуляре был культурный центр севера Исландии. Сейчас здесь хутор с церковью и школой. Белая церковь с высокой колокольней резко выделяется на фоне огромной темной горы.

А вот хутор Борг, который тысячу лет назад принадлежал легендарному исландскому скальду Эгилю Скаллагримссону. При сыне Эгиля (сам Эгиль был еще язычником) на хуторе построили церковь, от которой не осталось и следа. Теперь тут есть небольшой двухэтажный дом и церковка середины девятнадцатого века — исландские церкви очень маленькие, иногда совсем игрушечные. Пастору этой церкви принадлежит хутор. Он еще совсем молодой, но успел усвоить пасторскую манеру говорить с особой прочувственностью. Он показывал нам древние могилы. По преданию, в одной из них похоронен Кьяртан, герой «Саги о людях из Лаксдаля». Но и на могилах в Борге нет никаких древних памятников. Древнее здесь только то, что, как и тысячу лет назад, хутор с церковью принадлежит одному человеку. Ну и, конечно, то, что позади хутора стоит невысокий холм с плоским верхом и обрывистыми скалистыми боками (такой холм по-исландски называется «борг», он-то и дал тысячу лет назад название хутору), а перед хутором простирается низина, местами поросшая низким ивовым кустарником, и дальше имеется фьрд и за ним высокие горы с голыми черными вершинами — трава с них сдуга ветром.

Были мы и на хуторе Хлидаренди, где жил знаменитый герой «Саги о Ньяле» Гуннар из Хлидаренди. Ничего древнего там не сохранилось. Но живущий в Хлидаренди хуторянин считает себя потомком Гуннара. Он говорит «мой родич Гуннар», показывает вокруг хутора места, связанные с жизнью Гуннара, и знает о своем «родиче» все до самой мелочи, хотя их разделяет без малого тысяча лет. Хутор стоит на склоне высокой гряды. Если по черному песку дороги подняться к нему — откроется вид, который и в дождливый день величественен. Прямо под склоном растекается по черному песку река Тверау. За ней до самого океана тянется пустынная низина, на которой одиноко торчит гора Димон. Она не раз — под дру-

гим, правда, названием — упоминается в «Саге о Ньяле». А слева на горизонте виднеется в тумане огромный ледник Эйяфьятляекютль, белыми языками сползающий вниз. Тысячу лет назад все это было таким же...

Таких хуторов с тысячелетней историей в Исландии множество. Но единственный материальный памятник в них — сама природа. Для того, чтобы перенестись в прошлое, достаточно оглядеться вокруг. Вся Исландия — огромный исторический памятник.

Жива в Исландии и древняя поэтическая традиция. Исландия всегда была страной поэтов; она и осталась ею. И сейчас здесь много поэтов, притом среди них немало фермеров, живущих далеко от столицы, в глухих углах. Здесь любят рифмовать. Рифмуется все, даже правила, словари и счета. В каждом доме есть многотомное собрание древних саг и вообще много книг. Говорят, что в Исландии самое большое количество печатной продукции на душу населения. Это очень правдоподобно, судя по количеству книг в исландских домах. Тиражи, которыми издавались древнеисландские саги, иногда чуть ли не превосходили количество населения в стране. О том, что Исландия — страна поэтов, свидетельствует также и обилие памятников поэтам не только в городах, но и там, где эти поэты жили или бывали, иногда в совсем пустынных местах. Об открытии памятника Торстейну Эрлингссону я уже рассказывал. В одной широкой долине на севере Исландии, около хутора Боуля, где прожил свою жизнь поэт по прозвищу Боулю-Хьяульмар, мы тоже видели памятник: лира на высоком постаменте и выбитое в камне четверостишие этого поэта-крестьянина. Дальше, на пустынном перевале между этой долиной и соседней, высится памятник поэту Стефауну Стефаунссону, стилизованный под высокую кучу камней, — зимой такие камни указывают, где проходит дорога. Памятник знаменитому Снорри Стурлуссону тоже стоит не в столице Исландии, а на хуторе Рейкхольт, где Снорри был убит девятьсот лет назад.

Я не раз подмечал в исландцах неуверенность в том, что иностранцу понравится их страна, или опасение, что иностранец хвалит их страну из любезности. Но трудно представить себе более непосредственную радость, чем та, которую проявляет исландец, когда он видит, что его страна искренне понравилась гостю. Иногда в беседе с исландцем можно ощутить некоторую обиду на то, что прославленная древняя литература страны заслоняет современную Исландию. Им как бы хочется сказать, что Исландия не только существовала в прошлом, но существует и сейчас.

Нет в исландском патриотизме, я бы сказал, «бравурности». Когда я слушал, как на открытии памятника Торстейну Эрлингссону в

присутствии президента Исландии исполнялись патриотические произведения, меня поразило, что господствующим настроением была какая-то торжественная печаль. Как будто, думая о родине, исландец вспоминает бедствия, лишения и притеснения, которые испытала его страна за последние семьсот лет.

В Исландии я много встречался с коллегами-филологами. Особенно интересной была для меня встреча с Сигюрдюром Нордалем, признанным главой исландской школы филологов. Он пришел на мой доклад на заседании Общества исландского языка, и мы вместе поехали к Якобу Бенедиктссону, одному из активистов МИРа, который устроил у себя встречу филологов.

В другой вечер Сигюрдюр Нордаль был моим соседом за столом у писателя Торбергюра Тордарссона. Одно дело — читать работы ученого, другое — беседовать с ним. Два вечера я провел в обществе Нордаля, слушая, как он с мягкой улыбкой вставлял в разговор тонкие и веские замечания, и мне стало понятным влияние, которое он оказал на своих учеников и последователей.

Нордаль — ученый с очень широкой эрудицией и, как это часто бывает в Исландии, не только ученый, но и писатель. Его сборник новелл сыграл в свое время большую роль в развитии исландской литературы. Нордаль — основоположник нового направления в изучении классической исландской литературы. В противоположность «исландистам» старого направления (как правило, исландцам), старавшимся вскрыть в исландских памятниках слои более древние, чем эпоха написания этих памятников (то есть вскрыть в них не исландское, а общегерманское и пр.), Нордаль и его последователи рассматривают эти памятники как цельные художественные произведения, порожденные исландской действительностью той эпохи, когда они возникли.

Особенно большую роль в борьбе Исландии за свое культурное наследие и свою культурную самостоятельность сыграла работа Сигюрдюра Нордаля «Культура Исландии», первый том которой вышел уже довольно давно. «Культура Исландии» — труд всей жизни Нордаля. Второй том этой работы должен, по замыслу автора, довести историю исландской литературы до современности. Поэтому, беседуя с Нордалем, я выразил надежду, что мне удастся прочесть и второй том его «Культуры Исландии». Нордаль задумался и ничего мне не ответил.

Конечно, закончить свою работу ему сейчас нелегко. И он, очевидно, понимает, что в борьбе Исландии за свою культурную самостоятельность решающую роль играют сейчас и ученые. Трудно маленькому народу сохранить свою культурную самостоятельность.

когда большая и богатая страна устраивает на его территории свои военные базы, подкупает его займами, ведет пропаганду. Удастся ли Исландии сохранить свою самостоятельность — вот что сейчас занимает тех, кому дорога исландская культура.

Последняя прогулка по городу накануне отъезда. Центральная площадь. Покрытый зеленой паутиной памятник Йоуну Сигюрдссону, знаменитому борцу за национальное освобождение Исландии. Здание альтинга с рельефными изображениями духов — покровителей страны: орла, дракона, великана и быка. Тьетнин — озерко, окруженное нарядными, яркими домиками. На набережной вокруг него светленькие ребятишки в ярких курточках играют, катаются на велосипедах, кормят уток, плавающих в зеленой воде. Отсюда через квартал — кладбище. Надгробные памятники в виде стоячих каменных плит, как древнескандинавские рунические камни. Никаких надписей, кроме имен и дат. Много рябин с красными ягодами.

Дальше, мимо стоящего на юру серого здания университета и единственного оставшегося в Рейкьявике дома с дерновой крышей — на юго-западную окраину города. Здесь океан образует широкий фьорд, за которым на низком берегу виднеются белые домики Бессастира, резиденции президента Исландии, а за ними — гряда синих гор.

Отсюда — на северо-западную окраину города. Тут открытый океан. Прилив. Волны подступают к черным камням берега. Над океаном множество чаек. Налево, на мысу — маяки. Накрапывает дождь.

Отсюда — на северо-восточную окраину города, мимо ресторана «Нейст» с его драконом вместо вывески. Рядом — порт. На кораблях загорают огни. Уже сумерки. За фьордом возвышается темно-синяя Эсья. Рядом и центр города. А на зеленом холмике, с копьем в руке, на носу своей ладьи — Ингоульвюр Атнарссон, первый поселенец в Исландии, высадившийся здесь тысячу лет назад. Ингоульвюр тоже покрыт зеленой патиной, как все памятники в Рейкьявике.

Утром следующего дня мы прощаемся с друзьями у самолета «Конь Золотая Грива». В последний раз смотрим на Рейкьявик с воздуха, летим над пустынным плоскогорьем Хетлисхейди, уже хорошо нам знакомым, видим черные вершины горы Ингоульвсфьятль, видим вдали гладь озера Тингватляватн, пролетаем над большими реками южной равнины — Эльвюсау, Тьорсау, Раунгау, и тут все скрывается за облаками. Но вдруг высоко в небе, над облаками, выше самолета, появляется огромная освещенная солнцем вершина ледника Ватнаекютль, и мы долго смотрим на нее, пока самолет не поворачивает круто к югу и гора не тает в облачной белизне.

СТОИТ ЛИ ВОЗВРАЩАТЬСЯ С ТОГО СВЕТА?

*«Так сбывается всякий сон,
как он истолковывается».*

Исландская пословица

В ту ночь, когда произошла беседа с привидением, автор вернулся в гостиницу «Сага» из одного исландского дома, где присутствовавшие, как это принято в Исландии, рассказывали о привидениях, виденных ими в жизни. Чтобы не отстать от других, автор тоже рассказал историю с привидением. Но, поскольку ему самому никогда до этого не привелось видеть выходцев с того света, в его истории он сам выступал в роли такого выходца. Он умер якобы еще в Ленинграде, так следовало из этой истории, а в Рейкьявик приехало только его привидение. Рассказ был выслушан, как это принято в Исландии, с полным доверием. Поэтому, возвращаясь в ту ночь в гостиницу «Сага», автор не был твердо уверен в том, что он живой человек, а не выходец с того света. Войдя в номер на шестом этаже и выключив радио, передававшее очередную сводку погоды, автор остановился у окна. Оно было во всю стену, и в нем были видны город, океан и закатное небо. Говорят, что Рейкьявик — город самых красивых закатов в мире. Наверное, те, кто так говорят, правы. Но рейкьявикский закат бывает не только очень красив. Любуясь им, невольно спрашиваешь себя, не наваждение ли он...

Вдруг автор ясно почувствовал, что за его спиной возник кто-то. Отвернувшись от окна, он увидел в глубине комнаты, около стены, какую-то странную фигуру с печальными глазами на бледном лице, седой бородой и в длинном широком одеянии. Незнакомец первый нарушил молчание. К сожалению, нет магнитофонной записи всего, что он сказал в ту ночь. Сначала речь незнакомца было трудно понять. Он явно говорил по-исландски. Но он не так произносил исландские слова, как, согласно мнению историков исландского языка, их должны были произносить раньше. Что именно делало его язык не сразу понятным, не поддавалось определению. Но, по-видимому, это были какие-то особенности в артикуляции гласных. Вполне возможно, что это были артикуляционные особенности, характерные для фонетики привидений вообще.

¹ Глава из книги «Мир саги». Печатается с небольшими сокращениями.

Выяснилось, что незнакомца зовут Торлейв. Он сразу же сообщил также, как звали его отца, деда, прадеда, прапрадеда и т. д., возвел свой род к одному из исландских первопоселенцев и начал возводить его еще дальше, но вдруг горестно махнул рукой и заплакал. Все равно, сказал он, никто в Исландии не помнит этих людей, а если и услышит о них, то не запомнит их имена. Действительно, удалось запомнить только, что среди предков Торлейва был какой-то Торд, какой-то Торир, какой-то не то Торкель, не то Торgrim, какая-то Халльбера, а также, что Торлейва отделяло от его предка-первопоселенца восемь или девять поколений. Он, следовательно, жил не позднее первой половины тринадцатого века.

Выяснилось далее, что Торлейв уже с осени бродит по Исландии. Как можно было понять из его рассказа, его потревожили в могиле во время прокладки трубопровода из какого-то горячего источника, и с тех пор он не может найти себе покоя. Он пытался отыскать потомков или родичей среди современных исландцев. Но безуспешно. Никто из тех, с кем он разговаривал, не могли назвать среди своих предков ни одного из современников Торлейва. Мало того, вообще никто не знал по имени всех своих предков. Некоторые говорили, не краснея, что не знают имени даже своего прадеда. Никто не знал по имени и всех своих современников. Многие не знали по имени даже тех, кто жил в соседнем доме. Торлейв оказался в современной Исландии совершенно безродным и более одиноким, чем он был в могиле. Там у него были под боком хоть кости его родичей. Но, как можно было понять из его слов, он плакал не только потому, что чувствовал себя безродным и одиноким, но также и потому, что ему было жалко людей, которых он встречал: ведь они уже при жизни были такими же безродными и одинокими, как оказался он, пролежав семьсот лет в земле! Впрочем, поскольку он ничего не знал о поколениях, живших после него, он явно не мог себе представить, сколько времени протекло с момента его смерти. По-видимому, это время для него вообще не существовало.

Но Торлейву, как выяснилось, было жалко людей, которых он встречал, не только потому, что они казались ему безродными и одинокими, но также и потому, что они в то же время жили, как ему представлялось, в чудовищной скученности. Ведь в Исландии теперь столько же места, сколько было в его время. Между тем люди непременно строят свои дома на одном небольшом мысу — он имел в виду, очевидно, мыс, на котором расположен Рейкьявик (где живет, как известно, почти половина всего населения Исландии), тогда как большая часть страны остается такой же пустынной, какой страна была при первопоселенцах. Он раньше думал, что только овцы

могут мириться с такой скученностью, когда, загнанные с летних пастбищ в овчарни, они покорно ждут там убоя.

Несчастливыми казались Торлейву встречавшиеся ему люди и потому, что все они, по его мнению, были совершенно беззащитны, беспомощны и не приспособлены к жизни. Никто теперь не умел владеть оружием, да и не носил его и, следовательно, не мог защитить себя и своих от того, кому вздумалось бы убивать, грабить или насильничать. Никто не умел делать всего, что должен уметь делать человек, чтобы обеспечить себя и своих. Обычно человек теперь умел делать только что-нибудь одно и часто, по-видимому, совсем ненужное: например, сидеть за столом и писать грамоты, единственное назначение которых заключается в том, что они делают необходимым написание еще каких-то других грамот; или сидеть за столом, делая вид, что занят чем-то важным, и заставляя других ждать, пока ты перестанешь делать вид, что занят чем-то важным: или сидеть и слушать, как другие переливают из пустого в порожнее, и время от времени поднимать руку, выражая желание принять участие в этом переливании. Торлейв вспомнил тут, впрочем, что уже и в его время его современникам ставили в пример исландских первопоселенцев, например Скаллагрима Квельдульвссона, о котором рассказывается в «Саге об Эгиле», что он умел и умножить свой скот, и строить корабли, и ходить на паруснике, и рыбачить, и в то же время ловко играл в мяч, был искусным кузнецом, отличным воином и хорошим скальдом. Торлейву представлялось, что в наше время люди и сами понимают свою беззащитность, беспомощность и неприспособленность к жизни, т. е. свою обреченность. Именно в знак этой обреченности, полагал он, они обычно и носят петлю на шее — он, очевидно, имел в виду наши галстуки.

Наша современная одежда вообще приводила Торлейва в недоумение. Только в порядке добровольного мученичества, думал он, можно носить нечто такое неудобное и безобразное, как, например, наши пиджаки. Добровольным мученичеством представлялось ему и то, что люди в наше время ездят не верхом на лошадях, как в его время, а в каких-то железных гробах, которые не только безобразны, но еще и невыносимо шумят и воняют. Ведь эти железные гробы уступают лошадям не только видом — тут Торлейв с чувством вспомнил умного гнедого красавца, на котором он когда-то любил ездить, — но и многим другим: они не умеют находить дорогу, не узнают хозяина, не могут сами обеспечить себя пищей и совсем не годятся для езды по горам, лавовым полям и пескам. Кроме того, удивлялся Торлейв, привыкнув к езде в железных гробах, люди разучиваются ходить пешком: они теперь могут передвигаться на ногах только по

дорожкам, гладким, как пол в доме! Торлейв, очевидно, имел в виду тротуары.

Только одно несколько мирило Торлейва с современностью: саги, по-видимому, не перевелись. Во всяком случае он видел множество книг, а также больших листов, исписанных мелкими буквами, и он полагал, что все это — саги.

Правда, он не встретил ни одного хорошего рассказчика саг. Единственные саги, которые он слышал в Рейкьявике, были очень коротки, и в них рассказывалось только об одном — о привидениях. Конечно, и в его время случалось, признал Торлейв, что мертвец, особенно если он и при жизни был злым человеком, сам вылезал из могилы, ездил верхом на крыше, убивал скот, нападал на людей или делал что-нибудь, чего не успел сделать при жизни. Торлейв помнил несколько подобных случаев. Однако, удивлялся он, неужели теперь не рассказывают о каких-нибудь более важных событиях? К тому же саги, слышанные Торлейвом, были, по его словам, очень плохо рассказаны: в частности, ничего не сообщалось в них о предках тех, кто упоминался в саге, и даже не все в саге назывались по именам.

Что касается больших листов, исписанных буквами, то они вообще не заинтересовали Торлейва: в них были, очевидно, настолько лживые саги, что люди, как правило, выбрасывали эти листы сразу же по прочтении или употребляли их просто как нечто мнущееся и мягкое. Правда, Торлейву оставалось непонятным, зачем писались эти саги, если они были настолько лживыми, что не стоило их сохранять.

Зато в наших книгах, как полагал Торлейв, хранятся саги, которые стоит почитать и притом не один раз. Но ему удалось прочесть только одну из виденных им книг. Он выбрал ее потому, что, судя по ее виду, она много читалась. Как и все книги, которые он видел в современной Исландии, она была написана очень мелкими и совсем непривычными для Торлейва буквами, да и непонятных слов было в ней немало, так что он с большим трудом осилил ее. На первой же странице этой книги рассказывалось об убийстве, настолько подлом, что, по словам Торлейва, даже читать о нем невозможно было без отвращения. В его время таких убийств вообще не бывало. Убийство было совершено ночью, удар был нанесен в спину, и это был удар отравленным оружием, и убитой была женщина, и притом пожилая и очень почтенная! Но еще поразительнее показалось Торлейву то, что в саге дальше рассказывалось не о мести за это подлое убийство, — а у убитой было много родичей, так что было кому осуществить месть, — но только о том, что невозможно было догадаться, кто убийца! Если тот, кто рас-

сказал эту сагу, действительно ничего толком не знал, то зачем же он взялся ее рассказывать? Но, продолжал Торлейв, он несомненно знал, кто убийца, потому что на последней странице книги рассказывается о том, как убийца был изобличен и сознался. Однако рассказчик на протяжении всей саги притворяется, что не знает, кто убийца, и делает вид, что по очереди подозревает всех, о ком упоминается в саге (кроме самого убийцы!). Он, очевидно, думает потрафить так дурачком: им ведь всегда нравится, когда другой притворяется дурачком, они чувствуют себя тогда умными.

Торлейв был поражен также тем, что, хотя рассказчик саги, по его же собственным словам, жил, «когда эта сага произошла» (как выразился Торлейв), он так мало знает о людях, упоминаемых в ней, о их происхождении и прочем, и в то же время рассказывает много совершенно лишнего: например, в одном месте он говорит, что солнце светило, трава была зеленая, а сено пахло сеном. Как будто солнце может делать что-нибудь другое, трава летом быть другого цвета, а сено не пахнуть сеном! Но всего больше был поражен Торлейв, когда узнал, что все, о чем рассказывается в прочитанной им саге, просто выдуманно для забавы. Какому кровопийце, недоумевал Торлейв, может показаться забавным такое подлое убийство? Кроме того, ему было совершенно непонятно, как это можно выдумать сагу, которая произошла в то время, когда жил ее рассказчик. Ведь всем, кто тоже жил в это время, было бы очевидно, что сага эта — ложь. Правда, признал Торлейв, и в его время были саги, в которых рассказывалось то, чему трудно поверить, и такие саги считались забавными, хотя некоторые и называли их лживыми. Однако, продолжал Торлейв, в этих сагах рассказывалось о том, что произошло в незапамятные времена, а ведь никто не может точно знать о том, что произошло в незапамятные времена. К тому же говорят, что тогда возможно было и то, чему сейчас трудно поверить: люди были крупнее и сильнее и еще не перевелись драконы и прочие чудовища.

Очень огорчало Торлейва, что прочитанная им сага, судя по тому, как была затрепана книга, много читалась, и, следовательно, заключил он, принадлежала к лучшим из наших саг. Каковы же тогда худшие, если эта — лучшая? — спрашивал он. Пришлось признать, что прочитанная им сага принадлежит к самой популярной в наше время разновидности саг, и в то же время объяснить ему, что популярность саги уже давно, как правило, не стоит ни в каком соответствии с ее качеством, в частности — с ее правдивостью, и что поэтому саги действительно правдивые, которые все же были и в новое время (правда, «правдивые» они, может быть, не в том смысле, в

каком он употреблял это слово), читаются лишь немногими. Уступая настояниям Торлейва, пришлось рассказать ему содержание одного из знаменитых произведений этого рода.

Торлейв слушал с большим вниманием, но и с еще бóльшим недоверием. Наверно, главное в саге опущено, высказал он предположение. Ведь рассказанное было, в сущности, «ни о чем», как он выразился. Не ходил ли герой саги в викингские походы? Или, может быть, у него были какие-нибудь распри с другими людьми? Неужели же в его жизни ничего не произошло, кроме того, что он «одурачил одну женщину» (так выразился Торлейв о романе, образующем основное содержание данного произведения). Или, может быть, кто-нибудь из родичей этой женщины отомстил ему, возможно, не сразу, а через много лет? Неужели же эта «не средняя дура», как Торлейв назвал женщину, с которой у героя был роман, так и не сумела подбить кого-нибудь из своих родичей на то, чтобы напасть на него? Или, может быть, она была похищена силой и произошло сражение? Непонятно, каким образом из рассказанного могла получиться сага, недоумевал Торлейв. Если бы он пересказывал ее, то он бы просто сказал: «все было спокойно» или «не произошло ничего, о чем стоило бы рассказать». Одно показалось Торлейву достойным одобрения в саге: в ней-то уж, конечно, не было никакого вымысла.

Но недоумение Торлейва было безгранично, когда он узнал, что, хотя услышанная им сага и считается всеми самыми умными людьми очень правдивой, ничего того, что в ней рассказывается, на самом деле никогда не было и что, следовательно, она, как заключил Торлейв, — просто ложь. Было бы понятным и простительным, рассуждал он, если бы рассказчик присочинил к саге что-то, происшедшее якобы в далекие времена или в далеких странах и увеличивающее славу его предков или предков его друзей. Но сочинять все подряд, да еще в саге ни о чем! До чего же люди изолгались! — горестно удивлялся Торлейв.

Пытаться убедить Торлейва в том, что реалистическая литература нового времени в известном смысле все же правдива, было, очевидно, бесполезно. Поэтому, поскольку он настойчиво просил рассказать ему еще какую-нибудь знаменитую сагу, пусть хоть и совершенно лживую, показалось уместным рассказать ему содержание современного произведения, претендующего только на художественность, но не на реалистичность. Торлейв, слушая, сначала развеселился, настолько забавным показалось ему неправдоподобие рассказываемого: звери были якобы одновременно людьми, люди богами, а боги — вещами и т. п. Однако вскоре он стал серьезным и даже печальным. Ему было жалко, как он объяснил, рассказчика

саги: ведь тот, очевидно, лгал так неправдоподобно не потому, что хотел рассмешить, и даже не потому, что не умел лгать правдоподобно (что, конечно, труднее), а просто потому, что хотел привлечь внимание к самому себе, т. е. боялся остаться незамеченным. В его время, горестно заметил Торлейв, рассказчик саги думал только о том, чтобы ее хорошо рассказать, но никак не о самом себе. Не удалось убедить Торлейва в том, что (выражая его мысль в современных терминах) нельзя отказ от реализма объяснять только комплексом неполноценности у автора.

Продолжать знакомить Торлейва с художественной литературой нашего времени не имело смысла: она явно оставалась для него совершенно непонятной. И поскольку он настойчиво спрашивал, нет ли все же в наше время каких-нибудь саг, которые действительно правдивы, не оставалось ничего, кроме как рассказать ему о нашей научной литературе, и в частности о литературоведении, естественно. Но Торлейв никак не мог понять, ни что такое литературоведческая работа, ни что такое литературовед. Тот, кто рассказывает саги о сагах? Если он просто рассказывает саги, которые уже рассказал кто-то другой, то чем же он отличается от других рассказчиков саг? Ведь всякую сагу кто-то уже рассказывал раньше, хотя, может быть, иначе — более пространно или, наоборот, сокращенно и т. д. Или, может быть, он вместо того чтобы рассказать сагу только говорит, что ее расскажет, а на самом деле не рассказывает ее? Был такой случай с Ториром, прадедом Торлейва. Торир был в гостях у человека по имени Асgrim (тут Торлейв рассказал о роде Асgrима). Вместо того чтобы накормить Торира Асgrim только рассказывал ему о еде. В конце концов Торир убил Асgrима. Не случается ли так и с теми, кто рассказывает саги о сагах? — интересовался Торлейв. Услышав же, что литературоведы не рассказывают саг, а только как бы говорят, хорошо они рассказаны или плохо и т. д., Торлейв обрадовался: ему показалось, что он наконец понял, что такое литературоведы. Такие люди были, рассказал он, и в его время: это такие, как он выразился, придурки, которые сами ровно ничего рассказать не могли, но когда другие что-нибудь рассказывали, то все время приговаривали: «хорошо рассказано, очень хорошо!». Но бывали такие придурки и злыми, по словам Торлейва, и тогда они, слушая саги, все время приговаривали: «плохо рассказано, очень плохо!».

По-видимому, дать Торлейву представление о том, что такое литературоведение и литературоведы, можно было только рассказав ему содержание какого-нибудь конкретного литературоведческого исследования. На столе в номере, где происходила беседа, как раз

лежала недавно появившаяся работа об одной из «саг об исландцах». Из того, что рассказывается в этой саге, следует, между прочим, что ее герой неоднократно ездил на альтинг (как все исландцы в то время) и что однажды, когда он ехал туда, шел дождь (как бывает в Исландии очень часто). Проявляя блестящую эрудицию и острый критический ум, автор работы, о которой идет речь, доказал, что один человек, о котором ровно ничего неизвестно, кроме его имени и того, что он неоднократно ездил на альтинг и что однажды, когда он туда ехал, шел дождь, мог изобразить себя в герое данной «саги об исландцах», т. е. мог быть ее автором. Окончательным доказательством того, что этот человек действительно мог быть автором данной саги, оказывается то, что имя этого человека и имя героя саги начинаются с одной и той же буквы. Этим совпадением автор саги как бы давал понять, что он изображает самого себя в герое саги.

Когда Торлейв услышал, о какой саге идет речь, он очень насто-рожился. Ясно было, что он прекрасно знал не только саму эту сагу, но и как она была написана. И когда он услышал, что рассказывается об этой саге в наше время, он стал еще печальнее, чем раньше, глаза его снова наполнились слезами, и он горько попрекнул того, кто потревожил его в могиле. И это называется правдой! Каким бесстыдным лжецом надо быть, чтобы всю ту чепуху, которая рассказывается в этой «лживой саге о саге» (так Торлейв назвал рассказанное ему литературоведческое исследование), выдавать за правду! Торлейв хорошо знал человека, который был якобы «автором» (т. е. придумщиком, сочинителем, лжецом? — спрашивал Торлейв). Этот человек был вполне правдив, и он никогда не писал саг (ведь Торлейв-то знал не только его имя, но и все о нем!). Сага, о которой идет речь, никем не была придумана, она правдива! Торлейву это доподлинно известно, потому что он сам написал ее...

Уже совсем рассвело, день наступал, Торлейва было еле слышно, и очертания его начали таять в воздухе. И когда он совсем исчез, автор еще долго стоял у окна и обдумывал услышанное. Именно в это утро автору пришло в голову написать книжку о духовном мире «саг об исландцах». И он тогда же решил кончить эту книжку описанием того, что он видел в то утро из окна своего номера на шестом этаже гостиницы «Сага». Пустынно было на круглой площади перед гостиницей. Рейкьявик еще спал. Косые лучи восходящего солнца осветили белые стены домов и зеленые и красные крыши. Дул сильный западный ветер. Видно было, как на мысу, за городом, разбиваются волны. Тучи темнели на северо-западе. А на севере, за фьордом, горы были совсем белые. Видимо, ночью там выпал снег...

Можно себе представить, какой жалостью к современному чело-

вечеству исполнился бы Торлейв, если бы он услышал или прочитал такую концовку. Лирический пейзаж, да еще в конце книжки, претендующей на то, что она правдива, показался бы ему, конечно, верхом противоестественности и бессмысленности. Причем тут освещенные солнцем крыши домов, волнение на море и свежесвыпавший снег? — недоумевал бы он. Сам Торлейв кончил бы сагу просто тем, чем она кончается. Разве что, для полной ясности, он бы добавил: «Здесь кончается эта сага».

Все свои юношеские стихи М.И.С.-К. уничтожил. В архиве его ближайшего друга с блокадных времен Александра Николаевича Болдырева найден такой листок:

«БЛОКАДНАЯ ПОЭМА»

М.И.Стеблин-Каменского,

осень 1942 г., записано со слов автора

- I. Недавно выпал снег. И шел обстрел.
По стороне проспекта «более опасной»
Мы шли вдвоем. Закат малиновел.
И город мерк, пустынный и прекрасный.
- II. Недавно выпал снег. И шел обстрел.
Палили залпами Большие Берты,
И свежий снег под каблуком хрустел,
И город мерк, безлюдный и бессмертный.
- III. Недавно выпал снег. И шел обстрел.
Вблизи рвались бризантные гранаты.
И свежий снег под каблуком хрустел,
И город мерк, огромный и крылатый.
- IV. Недавно выпал снег. И шел обстрел.
Зачем писать стихи на эту тему?
Зачем упоминать о том, что снег хрустел?
Какого беса начал я поэму?

БЛОКАДНЫЕ ПИСЬМА

Анне Ивановне СИДОРОВОЙ
и Евгению Федоровичу ГРОССУ

После кончины Анны Ивановны Сидоровой (тети Аси; 30 августа 1913 – 28 июля 2002 г.) эти письма были мне переданы ее дочерьми Марией и Ириной Михайловнами Михайловыми. Письма и открытки адресовались в Елабугу, ул. Ленина, 77. Обратный адрес: Ленинград, В.О., Тугкова наб., 2, Институт литературы. (М.И. жил на ул. Подковырова, д.25, кв.6) Орфография оставлена полностью неприкосновенной.

3 июня 1942 г.

Милые Ася и Евгений Федорович,

недавно мы получили от вас открытку и телеграмму, на которую Аля вам без меня ответила. Я тоже вам собирался написать, но она меня не дождалась. Нам очень интересно как вы там живете. Здоровы ли, сыты ли, что поделяваете? Мария Александровна писала нам, что Е.Ф. чем то хворает. Как его здоровье? Писала она нам так же, что вам теперь не так хорошо живется. Пишите нам пожалуйста, иногда письма доходят быстро. Не знаю, что писала вам Аля, но на всякий случай напишу о нашей жизни. Нам теперь живется значительно лучше, чем зимой, которую мы не смотря не на что все же пережили. К концу зимы (в апреле) Аля очень сдала, хворала и страшно похудела. Теперь она начинает немного оправляться, но все же ей довольно трудно приходится.

Работа ее далеко, работает она на улице, руководит работами по починке водопровода. Имеет там обед без карточки (это у нас называется «безвырезный» обед) и кроме того с 1 июня прикреплена к столовой усиленного питания на 3 недели. У нас сейчас в моде эти столовые. Я тоже был там 2 недели. К сожалению в Алиной столовой очень утомительные очереди — 3 раза в день, так что она очень

устаёт. рано уходит и поздно возвращается. Наташа наша в очаге, там ее не плохо кормят, и она сейчас стала веселая и довольно хорошо выглядит. Вероятно скоро поедет с очагом на дачу за город. Рано утром я ее отвожу в очаг и вечером прихожу за ней. Я сейчас тоже прилично чувствую себя, пожалуй даже лучше Али, а в феврале совсем подыхал (Аля тогда держалась молодцом, это было самое трудное время). С 1 апреля работаю в Институте литературы Академии Наук. Работой своей очень доволен. Научных сотрудников осталось очень немного. Сажу обложившись книгами в большой солнечной комнате, в которой 3 пустых письменных стола, мебель пушкинской эпохи и ни души кроме меня — это сектор западноевропейской литературы. С апреля прилежно пишу диссертацию. Заниматься можно сколько угодно. Правда отнимают время кое какие столовые хлопоты итп. Научной работой собственно у нас никто не занимается, больше халтурят или устраивают свои дела. Но вообще публика доброжелательная и симпатичная. Мария Ивановна развивает большую огородную деятельность: обрабатывает наш загородный индивидуальный огород, где посеяла турнепс, кормовую свеклу и еще что то, и развела огород на нашем балконе, где возможно вырастет салат и укроп. Она вообще чувствует себя бодрее всех нас. У меня бы не хватило сил на такую работу. Вера Васильевна устроена лучше всех нас. Много работает, устроила себе собственную мастерскую в союзе художников, и работы ее имели успех. Сейчас она за городом, в воинской части, делает эскизы. Там ее хорошо кормят. Правда, физически она больше всех нас ослабела за зиму и все еще не совсем оправилась.

Ждем от вас писем. Мы себе совсем не представляем вашей жизни. Мечтаем о будущей встрече с вами, которая, надеемся, будет быть может скоро.

МСК.

7 июня 1942 г.

P.S. Случайно письмо осталось не отправленным, поэтому продолжаю его. Чтобы дать вам представление о нашей жизни, опишу вам мое сегодняшнее утро. В 6 часов нас разбудил наш громкоговоритель — последние известия и сообщение о выдаче кокосового масла (по 200 грамм). Если бы не радио, мы бы еще спали, так как на улице и в доме полная тишина. Даже в Саблине летом бывало шумней: то корова замычит, то грузовик проедет. Погода ясная, но холодная. Абсолютно чистый воздух (чище, чем бывал утром в Саблине). Против нашего окна, на месте снесенного на дрова деревянного

дома, обыватели копают огород. Сегодня воскресенье, но я должен дежурить в институте в пожарном звене. Аля пошла отводить Наташу в очаг, а потом поехала завтракать в столовой усиленного питания. Я встал в 8 ч., сходил с ведрами за водой через 3 дома к уличному крану, затопил буржуйку алиными университетскими конспектами, согрел чаю и поджарил свой хлеб (150 грамм, остальные 350 оставил на обед и ужин), съел салат из одуванчиков, которые Маша привезла с огорода, и поехал на 12-м номере на работу. Когда я подходил к институту, немного стали постреливать зенитки, потом все стихло. Обсудив с коллегой по институту вчерашний пушкинский вечер (6 июня — день рождения Пушкина), сел на окне, на солнышке, и стал читать комментарий к англо-саксонской поэме, в которой разбирался вопрос о местожительстве дракона, упоминаемого в этой поэме. В 12 1/2 пошел обедать в нашу новую столовую (в старом помещении). Суп с лапшей, гречневая каша на соевом молоке, соевые биточки и хлеб из дома. Немного вышел из нормы, биточков не надо было есть. Возвращаясь в институт, купил наконец марку и решил продолжить письмо. Перечел эту приписку, оказывается неинтересно получилось. Но ведь так и проходит наша жизнь, очень монотонно и медленно и без всяких событий, а с другой стороны невероятно быстро. Ведь уже скоро год как мы не видались! До свиданья.

МСК.

17 VII 1942

Милые Ася и Евгений Федорович, очень давно не получали от вас писем и беспокоимся о вас. Как вы живете? Почему не пишете? Мы еще в Ленинграде и живем по прежнему. С месяц тому назад я послал вам подробное описание нашей «дачной» жизни. Настроение у нас бодрое. У нас повидимому, как у многих здесь, развилась специфическая психология людей чудом спасшихся от смерти: крайний оптимизм и фатализм. Самое неприятное в нашей жизни — это постоянно тревожащая нас проблема: уезжать из Ленинграда или оставаться и выполнять до конца свою героическую миссию. И если уезжать, то куда? Уезжать очень не хочется, вероятно под влиянием нашей новой специфической психологии. Недавно из нашего института уехали почти все сотрудники. Осталось только трое (в том числе я) для охраны музейных и архивных фондов. Мои товарищи очень милые люди оба. Коротаем с ними время, как умеем. День проходит в мелких хозяйственных хлопотах по нашему обширному

помещению, прогулках по пустынной набережной в столовую дома ученых, чтении книг и фаталистических беседах. Из окна своего кабинета смотрю на Петропавловский шпиль и Неву. Она как то непохожа на ту Неву, которую вы помните. Вид у нее суровее. По-немногу оправляемся от дистрофии, но все таки она дает себя знать. Едим раза в 3 или 4 больше, чем в прошлом году в это время (ведь тогда, в июле, было не до еды), но мысль о еде все же занимает очень много места, и жадность к пище необычайная. Аля работает там же, почти без выходных, по 11 часов в день. Устает, но выглядит сейчас лучше. Наташа совсем хорошо поживает, в очаге ее хорошо кормят. За ней присматривает ваша родственница и наша соседка -- Лидочка, очень милая девушка, которая теперь работает в том же очаге практиканткой, чему мы очень рады. Маша тоже осталась при своем институте хранительницей, одна из всех сотрудников. Вера работает в своей мастерской в Союзе художников, выполняет оборонные заказы. Вот и вся наша «героическая» жизнь. Как говорится в эпитафии защитников Фермопильского ущелья, передайте лакедемонянам, что те, кто лежат под этим камнем, выполнили свой долг. Пока, до свиданья!

МСК.

От ваших, из Свердловска, имели недавно открытку от середины июня. Они все живы и здоровы и как будто живут благополучно, чего и вам желаем. Тетя Зоя, у которой Аля была на днях, держится молодцом. По Алиным словам она помолодела (то же самое некоторые говорят про мою сестру) и настроена оптимистически. Борис где то за Ладогой и вероятно нескоро вернется. Он стал очень работающий и серьезный, по ее словам. Жена его с ребенком эвакуировалась в Ереван. Оля Шавловская с матерью здесь. Оля работает в госпитале. Аля недавно была у нее. Кажется больше общих знакомых или родных у нас здесь нет. Еще раз до свиданья!

Только что звонила Аля, что заедет за мной сюда (я сейчас дежурю и развлекаюсь писанием писем).

МСК

14 сентября 1942 г.

Милые Ася и Евгений Федорович! Очень, очень тронуты тем, что вы нас ждете к себе и, не скрою, я лично раскаиваюсь, что не поехал вместе с нашим учреждением. Правда, было неизвестно куда они едут. Только что получил письмо от нашего сотрудника, Матвея Матвеевича Калаушина, который пишет, что при их приезде кто-то искал среди них и меня и был видимо огорчен тем, что мы не при-

ехали. Очень было грустно читать об этом. Надеемся все же, что наша ошибка не окажется роковой. Сейчас она повидимому непоправима. Алю решительно не отпускают с работы, да и вообще нет удобного случая. Мы живем в основном по прежнему, но по мере того, как нас здесь становится меньше, а зима приближается, — бодрость несколько убывает и мечтаешь о недосыгаемой Елабуге.

Любящий вас МСК.

1.1.1943.

Дорогие Ася и Евгений Федорович! Встречая вчера новый год, вспоминал встречу 1941 г. в вашей уютной комнате, радио, книги, проекты путешествий и милую беседу. Приношу свои поздравления! Встречал новый год в торжественном настроении, с бокалом в руке, в чистом воротничке итд., в моей высокой сводчатой комнате, где все расставлено в полном порядке и где со стен на меня смотрят старые портреты. Но в полном одиночестве! Пил и за ваше здоровье. Под радио даже немного затанцевал. Первая половина зимы прошла легко. Второго такого года как 1942-й Ленинград конечно никогда не испытает. На будущее самые светлые надежды. Аля к сожалению не приехала. Жду ее на днях. Маша и Вера встречали дома, без меня, тоже в хорошем настроении. Наташа здорова. На днях ведем ее на елку в Дом Ученых. Живу понемножку: работаю, занимаюсь, собираюсь начать мемуары — скоро мне 40 лет! Пишите нам!

Ваш
МСК.

(Открытка с видом Дворцовой набережной и Невы)

3.11.1943.

Милые Ася и Евгений Федорович, посылаю вам фотографию мест, по которым ежедневно прохожу, идя в Дом Ученых, и которые вам будет, вероятно, приятно вспомнить. Теперешний Ленинград, правда, немножко иначе выглядит. Почему то наступила весна: снег тает, чирикают воробьи. Живу по прежнему. С одной стороны — провинциально, в Институте как в занесенном снегом хуторе, на улице встречаешь почти только знакомых (и на 9 женщин — одного мужчину), а с другой стороны — столичнее, чем в мирное время, т.к. волей неволей вращаешься в центре научных и литературных сфер. Дистрофия не угрожает. Бытовые условия, по сравнению с прошлогодней пещерной жизнью, — хорошие. Свет, водо-

провод, дрова. Работы много и физической, и литературной, и административной.

Недели две нет писем от Али, что меня тревожит. Ее куда то перевели, и с нового места она не пишет. Наташа стала очень рассудительной, послушной и ласковой. Говорит забавнейшие вещи. От вас давно нет писем. Как здоровье и как поживаете? Пишите!

Ваш МСК.

15.II.1943

Милая Ася, получил от тебя открытку от 18/I, день прорыва блокады! Мы тут очень торжествовали в тот вечер. Живем по прежнему. Все здоровы. Аля воюет, живет в бывшей немецкой землянке. Пишет часто, но не присажала целый месяц. Молодцом переносит все трудности, но очень скучает по Наташеньке. Все таки, на ее прежней работе ей было бы труднее. Здесь она хоть вполне сыта и физически мало утомляется. Только часто приходится не спать по ночам и очень тесно. Наташа здорова. Играет в воздушную тревогу и завывает сиреной. Я лично проникся легкомысленной уверенностью, что по моему гороскопу мне не суждены никакие военные напасти, ни мне, ни моему дому, и поэтому сплю всегда спокойно. Часто хотелось бы обменяться местами с Алей. Обидно как то, что меня не берут в армию. Мне предлагают ехать защищать диссертацию в Казань, Ташкент или Москву, но всего больше зовут в Ташкент, где есть специалисты, знающие меня. Обещают командировку. Не знаю, стоит ли пускаться в такую увеселительную поездку и не хочется оставлять Ленинград, Наташу, Машу и товарищей по институту. А с другой стороны надо бы получить степень и любопытно прокатиться.

От ваших из Свердловска письма имеем и очень тревожимся за них. Видимо им очень трудно приходится, труднее, чем нам. У нас теперь все таки и электричество, и вода, и кое какие дровишки. Электричество кажется сказочным комфортом. Много занимаюсь вечерами — собираю материал для популярной брошюры о русском языке по заказу издательства. По специальности последнее время не приходится заниматься.

Исполняя твою просьбу, ходил только что на вашу квартиру. Жалею, что не догадался этого сделать сам. Ведь это рядом. Двери мне никто не отворил. Я обратился к управхозу (новому), которая сообщила мне, что ваша комната опечатана и никто в ней не живет. Петрова (это Ларионовна?) эвакуировалась вместе с детьми, а дочь ее живет в квартире, но сейчас на оборонных работах. Зайду еще раз.

чтобы поговорить с ней, если она вернется. Видимо все в сохранности и даже стекла целы.

Всего хорошего! Привет Евгению Федоровичу.

Миша.

3.III.1943

Милая Ася, только что я был у Моргена, по твоей просьбе. Он — уполномоченный по Ун-ту, т.е. высшая власть. Весьма любезно он заверил меня, что с вашей комнатой и вещами все абсолютно благополучно и что они будут и впредь охраняться. Сообщил он мне в основном то же, что я уже писал вам в предыдущем письме. Комната ваша опечатана новым управхозом, у которой хранится ключ от комнаты и которая охраняет печати. Опись вещей передана в канцелярию Моргена. Но попасть в квартиру сейчас нельзя, т.к. ключ от квартиры у Петровой (дочери вашей Ларионовны), которая уже пол года на оборонных работах. Узнать о вещах, переданных вами Ларионовне, тоже можно очевидно только у Петровой, которая отсутствует. Морген выражал сожаление о том, что, уезжая, вы отдали ключ не ему или администрации, а частной гражданке, чего не советует вам делать в случае вторичной эвакуации в какую нибудь будущую войну. Если что нибудь и произошло с вашими вещами, то только пока ключ был у Ларионовны и комната не была опечатана. Вот и все, что я мог узнать.

Давно не видел Алю, но письма имею от нее очень часто. Ей приходится очень напряженно работать, почти без сна, в землянке. Ей пишут тетья Зоя и Ле...к, у которого все благополучно. От ваших довольно давно не имели писем.

Мы все здоровы и бодрь. Уже тает снег и печет солнце, так что мы считаем, что благополучно перезимовали, и, если понадобится, готовы к третьей зиме.

Привет Евгению Федоровичу!

Миша.

17.X.1943

Милая Ася! Получил от тебя письмо от 4 октября. До этого не получал с середины июля и потому не писал. Впрочем, времени на письма остается очень мало. Приходится заниматься очень разнообразной деятельностью. Во-первых, начал последнее время работу, которая меня очень увлекает, из области исландской и персидской литературы, вместе с моим приятелем, специалистом по персид-

ской литературе. Не знаю, получится ли из этого докторская диссертация, но возможно. Эта работа несколько скандализует литературоведов. Во-вторых, взялся писать для журнала «Костер» об английских национальных героях. Пока что сдал очерк о Ралее, но его еще не напечатали. В третьих готовлюсь к большому курсу истории английского языка, который я взялся читать в педвузе Герцена (в Ленинграде начинают открывать ВУЗ'ы, и большой спрос на лекторов). В четвертых, зафанериваю и остекляю окна (За последнее время все ленинградцы стали квалифицированными стекольщиками!). В пятых — всякие хозяйственные и административные дела по институту. В шестых — Наташа и домашнее хозяйство (зимовать буду у себя на квартире). В седьмых — никогда в жизни не вел такой светской жизни, какая принята сейчас в Ленинграде. Всюду знакомые, и все жаждут общаться и отбились от регулярной работы. А тут еще по повому ученому пайку дают поряточно водки и закуски к ней! В восьмых — никогда в жизни не приходилось писать столько писем. Вот и получается жизнь довольно таки суматошная. Аля довольно давно не приезжала, но о себе она наверно сама пишет. Следовало бы ей освободиться, и может быть это и удалось бы, если бы она настаивала, но она не считает возможным настаивать и предпочитает подчиниться судьбе. Пишет мне часто и надеется на скорое окончание войны. Наташа поживает хорошо. Обстрелов она к счастью не боится. Раз мы с ней тащились через весь город под обстрелом и один снаряд разорвался совсем недалеко от нас, а место было открытое и спрятаться негде (на Марсовом поле). Когда снаряд разорвался у нас перед балконом, мы с ней оба были дома и ужинали, сидя за столом. Но докушать ужина не пришлось, так как он покрылся густым слоем стекольной пыли и пропахнул порохом. На рояли оказался и турнепс, прилетевший с огорода напротив дома и камни с мостовой, а в стенах и в потолке — осколки снаряда. К счастью мы не были на балконе, как обычно в этот час бывали. Так что Наташа у меня стреляный воробей, и я ей завещаю свою медаль. Ей к сожалению не дали. Всего хорошего!

Пиши, пожалуйста.

Привет Евг. Федоровичу. Миша.

8.XII.1943.

Милая Ася! Следуя твоей просьбе, я проник сегодня в Университет (туда посторонних не пускают) и удостоверился, что и ваша комната, и квартира опечатаны, стекла в окне вашей комнаты видимо целы (я смотрел со стороны сада), никто в квартире не живет и не

бывает. Управхоз (очень порядочная женщина) заверила меня, что до вашего возвращения никто к вам не проникнет, и дала мне копию акта, которую прилагаю. Так что спите спокойно. Впрочем, конечно, за то, что делалось у вас в комнате до весны 1942 г., управхоз не отвечает.

Из твоего письма можно заключить, что ты вообще довольна своей жизнью в Елабуге. Во многих отношениях и я доволен своей теперешней жизнью: приятно жить вдвоем с Наташей, с которой мы живем очень дружно (если бы не пришлось жить так вдвоем с ней, то пожалуй не узнал бы по настоящему, что такое отцовство), приятно преподавать интересный для меня предмет студентам специалистам, приятно работать вместе с хорошими приятелями (моими сослуживцами по Академии), но хотелось бы иметь больше времени для научной работы. Где уж там докторская диссертация! Длинных спокойных вечеров у меня нет: надо и печь топить, и Наташу кормить и укладывать, и по телефону разговаривать, и для Наташи искать чистое белье в шкафах, где я ничего не могу разобрать, итп хлопоты.

В Ленинграде сейчас успешно работают ВУЗ'ы, много веселой молодежи. Темными вечерами встречаешь при выходе из кино толпы с карманными фонариками (как в страстной четверг). Вместе с тем, опять очень усилились обстрелы, и бывают довольно веселые дни. Веселью способствует также то, что по новому пайку (для научных работников) полагается порядочно водки и вина, довольно хорошего. Впрочем, не подумайте, что мы тут спиваемся!

Аля приезжала 20-го ноября, накануне моих именин. Про свою жизнь она верно сама тебе пишет. Жалко, что она не может демобилизоваться. Она бы сейчас тоже могла преподавать. Но видимо ничего не поделаешь. Привет Е.Ф.

Миша.

5.1.1944

Милая Ася! Получил от тебя поздравительную телеграмму и благодарю от всех нас. Сам поздравляю с опозданием. Желаю вам обоим здоровья, счастья, успеха и непременно — возвращения в Ленинград в этом году. У нас тут говорят о скором возвращении Университета. Получила ли ты мое письмо с описью вашей комнаты? Я живу попрежнему, кручусь как белка в колесе, урываю часочки для научной работы (что плохо удается), иногда развлекаюсь даже, но вообще живется довольно спокойно — и за Наташу все время тревожно, и за Алю.

Последнее время очень изматывают обстрелы — ни днем ни ночью нет покоя. Очень боюсь за Наташу. А тут еще она сегодня что то прихворнула, боюсь не грипп ли (*строка вымарана военной цензурой?*). Дописал письмо до середины, и начался обстрел. Радио предлагает «немедленно укрыться». Наташа уже спит в кроватке, а над домом свистят снаряды и рвутся где то недалеко. Когда я один, а Наташа в очаге (где хорошее бомбоубежище), то на обстрелы не обращаешь внимания, но с ней вдвоем — мне не по себе. Что то и я стал последнее время нервным, хотя до сих пор слыл среди приятелей неисправимым оптимистом. Но видимо и я подхожу к своему пределу. Радио объявляет «обстрел района продолжается», но по видимому он уже прекратился. Если Наташа заболит, то это очень некстати: 8-го будет елка у меня (она уже стоит у меня в комнате), 9-го — елка в Доме ученых, где для нее приготовлен подарок, 10-го елка в очаге, где Наташа должна выступать в роли снежинки, в белом платье. Если бы ты знала, до чего она теперь стала забавная и трогательная! Или это отцовские иллюзии? Действительно, если бы мне не пришлось пожить с ней вдвоем, как я жил с ней после Машинной смерти, то пожалуй так и не знал бы, что такое отцовство. Но теперь меня и другие девочки ее возраста очень интересуют и нравятся.

Новый год я встречал у одного моего нового приятеля, Сандрика Болдырева. Встретили новый год весело и в обстановке, непохожей на прошлые годы: свет, музыка, обилие бутылок и закусок, даже соответствующие туалеты и, против ожидания, никаких артиллерийских неприятностей. Наташу я оставил ночевать с теткой Анной, которая очень привязалась к Наташе и которой я вполне доверяю. Она одинокая, пожилая женщина, дворничиха нашего жакта.

Аля приезжала последний раз 29-го декабря. Пришла ко мне в 4 часа ночи, но я еще не спал из-за обстрела и из-за блох, которых почему то много развелось в Ленинграде. Она приехала очень кстати: я не получал от нее писем с неделю, сам перестал писать и очень тосковал и беспокоился, а она тоже решила, что с нами что нибудь случилось, и приехала на машине на несколько часов. Утром уехала обратно. Она все такая же, только порядочно пополнела и чуть чуть повзрослела, но простодушия еще порядочно. Пожить бы нам еще с ней вместе.

Радио объявляет «артиллерийский обстрел района прекратился» и сразу, как ни в чем не бывало, начинается концертный вальс Глазунова. А мне еще надо позаниматься, до ночных последних известий из Москвы.

Всего хорошего! Привет Евгению Федоровичу! Пиши, если не очень лень, я буду рад получить от тебя письмо.

Миша.

Ну вот, обстрел начался снова. Прости за повторения!

20.III.1944.

Милая Ася! Я ожидаю приезда Е.Ф. и поэтому не пишу подробно. Да и не знаю, что вас интересует. Ты спрашиваешь о питании и дровах. И тем и другим мы были в эту зиму обеспечены не хуже, чем в мирное время, и особых сил на это не затрачивали. Что касается одежды, то я тоже сильно обносился (и нет за мной женского присмотра), но вообще в Ленинграде наверно много лучше в этом отношении, чем у вас. В Ленинграде сейчас много приезжих, которые поражают нас, зазнавшихся туземцев, тем, что не умеют отличить выстрела зенитки от разрыва шрапнели, спрашивают, где базар? (а я, например, не был на базаре больше года), не знают, что такое подобстрельная сторона дома и сокрушаются о выбитых стеклах в их квартирах (тогда как целые стекла это чудо природы, без которого ленинградцы давно привыкли обходиться). Аля мне пишет часто (последнее письмо от 14.III). У нее все бои, и она вспоминает о прошлом годе, как о мирной жизни. Приехать ей пока не удастся. Мы с Наташей живем по прежнему. Очень хочется показать тебе Наташу и вообще увидеться. Сандрик Болдырев — это тот самый. Мы с ним хорошие друзья. Его дочь Наташина подруга, а его жена — моя помощница в Институте по архиву. Я с нетерпением жду возвращения институтов и вузов, но повидимому это дело сильно затягивается.

Привет Е.Ф. Всего хорошего! Миша.

Три блокадные открытки

Со штампом «ПРОСМОТРЕНО военной Цензурой»

Полевая почта 02501-В

Каменской Ольге Сергеевне.

Ленинград, Подковырова 25, кв.6. М.И.Каменский

20.VIII.1943.

Милая Аля, ты молодец, что пишешь мне каждый день. Не знаю, какая муха меня укусила, но я что-то очень не в духе вчера и сегодня. Поэтому ничего путного написать не могу и посылаю вид, верно с Зимнего Дворца. Принимал сегодня архив Куприна. Читал за обедом записные книжки с его афоризмами, довольно циничными. Наташа спрашивает, скоро ли приедет мама и скоро ли кончится война? Сердечный привет Андрюше. Пиши побольше, не бойся напороть что-нибудь. Миша.

Написала ли тете Машуре и Асе?

(почтовый штампель 22.10.43)

Милая Аля! На днях Вальская должна выслать тебе повестку на совещание картографов, а также просьбу к командиру части отпустить тебя на совещание. Я поживаю превосходно. Вымылся только что в бане с Глинкой. Дрова нам привезли, но пока еще не топим: надо прочистить печку. Готовлюсь к своему курсу в педвузе. Вера собирается в Москву, но еще не совсем собралась. Целую крепко. Миша.

Наташа здорова. Она говорит: Моя мама военная, здоровенная!? Верно это?

18.VIII.1943 г.н.э.

Дорогой сержант!

Посылаю тебе сфинкса, на которого я, к сожалению, не похож, да и ты, я надеюсь, тоже, хотя он довольно толстомордый. Всё время идет дождь. У меня чавкают ботинки. На душе тоже чавкает что-то. Наверно, и душа промокла. Когда же ты наконец появишься на Подковыровой? Или ты боишься быть назойливой? А еще сержант! Стыдно!

Наташа нежно обнимает тебя за шею и целует замусоленными губами куда попало. Я тоже.

Миша.

Арону Яковлевичу ГУРЕВИЧУ (1960–70-е годы)

Предисловие

Публикуемые письма М.И. Стеблин-Каменского интересны, на мой взгляд, по меньшей мере в двух отношениях. Во-первых, как человеческий документ. В письмах довольно рельефно выступает облик ученого, ощущаются его самобытный характер и склад ума. Во-вторых, обмен мыслями по ряду вопросов скандинавистики и, шире, гуманистики, происходивший между нами, заслуживает внимания, поскольку в нем нашли отражение несовпадающие подходы к этим проблемам. Мои письма, адресованные Михаилу Ивановичу, не сохранились, но все его послания, как пространные, так и в виде телеграмм или новогодних открыток, я тщательно берег. Отсутствие моих писем делает нужным некоторый комментарий к ряду его писем. Вместе с тем, я чувствую необходимость хотя бы вкратце охарактеризовать наши отношения, длившиеся на протяжении последних двух десятилетий жизни Михаила Ивановича.

* * *

Мне придется начать несколько издалека и с самого себя. Когда в 1950 году я защитил кандидатскую диссертацию, посвященную социальной истории Англии в раннее Средневековье (VII — начало XI в.), я осознал, что ряд существенных проблем, которые меня интересовали, не получил в моей работе должного разъяснения. Прежде всего встретились трудности в уяснении природы земельной собственности, но и отношения между королевской властью и сельским населением, в свою очередь, оставались предметом моего исследовательского беспокойства: эти отношения, в той мере, в какой они вырисовывались в исторических источниках, явно противоречили общепринятой в советской медиевистике теории. Вот почему вскоре после защиты диссертации я пришел к мысли: не предпринять ли мне для того, чтобы по-новому рассмотреть упомянутые трудности,

экскурс в страну, социальное развитие которой протекало более медленными темпами, нежели в Англии? Я имел в виду Норвегию. Пока мне было известно только то, что история Норвегии периода раннего Средневековья запечатлена в таких памятниках, которые отсутствуют и для Англии, и для континента Европы. Я подозревал также, что именно в Скандинавии можно было бы найти следы архаики, не сохранившиеся где-либо еще.

Попытка перескочить через Северное море была, конечно, дерзкой и амбициозной, ибо переход к древнесеверной проблематике требовал изучения скандинавских языков — древнего и современных — равно как и погружения в обширную специальную литературу. Но я был молод, и, получив благословение моих учителей Е.А.Косминского и А.И.Неусыхина, я погрузился в штудирование учебников и словарей. Постепенно передо мной раскрылась широкая панорама многообразных и во многом уникальных источников, в которые я по мере сил начал вгрызаться.

Мои предварительные предположения относительно познавательных возможностей этих памятников вскоре же оправдались, но одновременно я убедился в том, что медиевист-скандинавист не вправе абстрагироваться от изучения саг, эддических и скальдических песней и других «литературных» текстов, сосредоточиваясь всецело на записях права и других «серьезных» источниках. Знакомясь с содержанием семейных (родовых) и королевских саг, с древнеисландской поэзией, я встретился с целым миром представлений, образов и символов, совершенно непривычным для советского историка — выученика школы аграрной истории. Тот набор вопросов, задавать которые источникам я был приучен, был явно непригоден применительно к корпусу норвежских и исландских текстов. Я довольно долго бился над ними, прежде чем начал воспринимать шедшие из этих памятников призывы: «Глупец, вопрошай меня о другом — о смерти и о течении времени, о смысле богатства, о дарах и пирах, о кладях и содержимом курганов, о значении золота и серебра для людей эпохи викингов, о человеческом достоинстве, о тех превращениях, которые претерпело понятие “веры” при переходе от язычества к христианству...».

Короче говоря, древнесеверные авторы побудили меня в корне пересмотреть и заново осмыслить мои исследовательские принципы. Я встретился с Другим — с человеком культуры, во многом и главным отличающейся от моей собственной. Но облик этого Другого далеко не совпадал с теми довольно схематичными представлениями о людях Средневековья, которые были приняты у медиевистов.

По счастливому совпадению (случайному ли?) как раз в те годы, когда я порывался освободиться от привычных схем, начали выходить в свет, одна за другой, публикации древнескандинавских памятников — сборник исландских семейных саг, «Старшая Эдда», «Младшая Эдда». Инициатором и редактором всех этих публикаций, переводчиком многих из них и автором статей, сопровождавших эти издания, и был Михаил Иванович. Его уже явно не удовлетворяли одни только лингвистические исследования, и тексты саг и «Эдды» побуждали его погрузиться в мир древнесеверной культуры. Значение его работы по ознакомлению отечественного читателя с шедеврами древнескандинавской словесности невозможно переоценить. Перед умственным взором читающей публики, традиционно вскармливаемой образцами античных литературных памятников, собственно, впервые стали вырисовываться богатства совсем другой культуры. Никто не склонен потеснить достижения древних греков и латинян, но ведь должна же быть услышана и другая сторона того духовного осмоса, который породил культуру Средневековья.

В этих условиях наша встреча с Михаилом Ивановичем была неизбежна, и сотрудничество между филологом и историком должно было быть продуктивным, во всяком случае — для историка.

Так завязались наши личные отношения, которые вскоре же стали довольно регулярными и окрасились дружеской теплотой. Разумеется, я осознавал дистанцию: нас разделяла двадцатилетняя разница в возрасте, и то глубочайшее уважение, которое неизменно внушала мне личность выдающегося скандинависта, лежало в основе моего отношения к нему. Поэтому понятие «дружба» едва ли здесь применимо без оговорок. Я ощущал обаяние его яркой индивидуальности и преклонялся пред его знаниями, знаниями настолько проникновенными, что он чувствовал себя накоротке с персонажами саг, как бы «у себя дома». Поэтому ночная беседа Михаила Ивановича в отеле «Сага» в Рейкьявике с призраком исландца XIII века, описанная в книге «Мир саги», вполне естественна и в известном смысле правдоподобна. В уста этого выходца из мрака истории вложена резкая критика цивилизации Новейшего времени, и в критике этой нетрудно расслышать руссоистские и толстовские ноты. Мир языческой Скандинавии, лишь постепенно и с трудом переходившей к христианству, избавлен, если верить словам этого ночного гостя, от тех резких противоречий, которые присущи миру позднейших эпох. Наша цивилизация в оценке Торлейва, этого призрака, бессмысленна, и нетрудно догадаться, ценностям какой из двух цивилизаций, викингской или нынешней, более симпатизирует автор «Мира саги».

В 60-е-70-е годы я довольно редко бывал в Ленинграде, но всякий раз посещал дом Михаила Ивановича. Его приезды в Москву были куда более частыми — на заседания ВАКа и редколлегии «Литературных памятников»; помнится, Михаил Иванович посещал посольство Исландии в День независимости. Наконец, изредка в Москве, как и в других городах (Таллин, Тарту, Петрозаводск, Ленинград), устраивались Скандинавские конференции, на которых он неизменно возглавлял лингвистическую секцию. Будучи в Москве, он находил время для посещения нашего дома. Не скрою, что главным стимулом для моего участия в конференциях скандинавистов была надежда увидеться и более интенсивно общаться с Михаилом Ивановичем. При наших встречах мы обсуждали занимавшие нас профессиональные проблемы, которые нередко порождали споры, однако неизменно дружеские. Но мне помнятся и беседы о литературе и искусстве (именно Михаил Иванович пробудил во мне интерес к музыке Сибелиуса, которая, по его убеждению, воплощает в себе дух и настроения, пронизывавшие древнескандинавскую культуру). Естественно, нам приходилось говорить и о людях, и о коллизиях, которые в те годы наполняли нашу жизнь. Время — «эпоха Брежнева» с ее усиливавшимся маразмом — не располагало к радужным иллюзиям, и изолироваться от всего гнилого можно было, лишь уходя с головой в научную работу и преподавание.

Юбилейные речи и некрологи видятся мне как жанры насквозь лживые. *De mortuis aut bene aut nihil*, — но это требование соответствует той стадии культуры, на которой, как верили в древности, речи над телом усопшего могут оказать воздействие на его потустороннее существование. Вспоминая о Михаиле Ивановиче, я и двадцать лет спустя после его кончины испытываю к нему любовь и безмерное уважение. «Он Человек был, Человек во всем», и ничто человеческое не было ему чуждо. Это, в частности, нельзя не ощутить, читая публикуемые ниже письма. Восприятие им древнескандинавской культуры и словесности было глубоко своеобразно. Далеко не со всем я был готов согласиться. Я писал об этих разногласиях Михаилу Ивановичу, и он с живостью и полной убежденностью отвечал мне, как правило, отвергая мои аргументы. Вообще нужно признать, что Михаил Иванович не принадлежал к числу ученых, склонных прислушиваться к мнению оппонента. Сплошь и рядом его суждения были категоричны. С особенной остротой эти крайние суждения продемонстрированы в книге «Миф». В ней Михаил Иванович ставит под сомнение или решительно отвергает те толкования природы мифа, которые были высказаны его предшественниками. Я написал для издательства отзыв на рукопись этой

книги, естественно, вполне положительный, но одновременно послал письмо Михаилу Ивановичу, в котором не скрыл своих сомнений и возражений. Так между нами завязалась довольно оживленная полемика, которая нашла частичное отражение в публикуемых письмах. Более поздний отголосок нашей дискуссии сохранившись в моем архиве копия письма, отправленного Михаилу Ивановичу после публикации его книги. Я счел нужным привести это письмо, чтобы сделать более ясным для читателя существо нашей полемики.

Спор, время от времени возобновлявшийся между нами, порождался, в частности, разными позициями в отношении к комментированию текстов. Я придерживался и до сих пор придерживаюсь убеждения, что сочинение, возникшее в другой культуре, нуждается в прояснении и в раскрытии таимых в нем смыслов. Понятность саги для современного читателя сплошь и рядом обманчива. Напротив, Михаил Иванович не сомневался в том, что в саге все вполне ясно и очевидно, а потому ее содержание понятно и без научного комментария. В моем книжном шкафу стоит за стеклом фотография Михаила Ивановича, который читает сагу, стоя перед стеллажами, наполненными новейшими публикациями древнеисландских памятников. Спокойное и благожелательное общение его с древним сочинителем ничем не затруднено.

Я не был в состоянии переубедить Михаила Ивановича. Все осуществленные им или под его руководством переводы саг лишены комментариев. Особенно показательным в этом отношении представляется мне издание «Круга Земного». В результате читатель пребывает в неведении, оригинальны ли или заимствованы из других источников те или иные сообщения Снорри Стурлусона. В примечаниях к этому изданию содержатся исключительно названия населенных пунктов или расшифровка скальдических кеннингов.

Мне осталось непонятным, почему Михаил Иванович, противопоставляя древнесеверную словесность литературе Нового времени, как бы забывает о средневековой литературе континента Европы. — а ведь кажется неоспоримым, что саги или скальдическую поэзию следовало бы рассматривать как раз в контексте современных им памятников. Своеобразие и неповторимость вклада скандинавов в средневековую литературу при этом никак не умалились бы, но общеевропейский культурный *background* в трудах Михаила Ивановича, к сожалению, отсутствует.

Для того, чтобы мои возражения Михаилу Ивановичу не показались голословными, я позволю себе сослаться хотя бы на статью, в которой он, воздавая должное некоторым эддическим героиням,

противопоставляет их безмерному мужеству «нравственную импотенцию» героев мужского пола. Так, Сигурд Фафниробойца, по мнению Стеблин-Каменского, — вовсе не герой. Он убил дракона не в честном бою, но проткнул Фафнира мечом, спрятавшись в яме, и т.д. в том же духе. При этом Михаил Иванович проигнорировал тот факт, что если на его взгляд Сигурд не герой, то в глазах средневековых скандинавов и немцев Сигурд (Зигфрид) неизменно, на протяжении многих поколений, оставался величайшим героем. Не означает ли это, что понятие героизма осознавалось тогда существенно иначе, нежели теперь?

Михаил Иванович не был склонен воспринимать всерьез эмоциональность героев саг, не обращая должного внимания на то, что рассказчик никогда не предпринимает попытки проникнуть в сознание своего героя и поведать нам о тех его мыслях и чувствах, намерениях или настроениях, о которых этот персонаж саги не сообщил вслух. Жанр саги характеризуется «симптоматическим» способом описания переживаний и человеческих реакций: о внутреннем мире индивида мы можем узнать только из его слов и поступков. Автор саги не мог «залезть в душу» своего героя и прочитать не высказанные им мысли, т.е. занять позицию всеведенья, какая была привычна для его современников на континенте, не говоря уже о всезнающих поэтах и писателях Нового времени. К сожалению, Михаил Иванович не обращает внимания на эту особенность поэтики саги. Поэтому вполне логично его утверждение, будто в саге в центре внимания — вражда между разными родами и семьями. Меня же изучение саг приводит к другому выводу: вражда, кровная месть — не что иное, как порождение конфликта характеров, индивидов, отстаивающих свое человеческое достоинство. Им органически присуще чувство чести, и более всего герои саг, как и герои эддические, заботятся о том, чтобы в памяти их современников и потомков сохранилась незапятнанной их добрая слава.

Я нахожу уместным отметить здесь эти наши разногласия лишь потому, что возражения такого рода неоднократно высказывались мною Михаилу Ивановичу. Отсюда — та напряженность, которая ощущается в некоторых из его писем.

Напряженность эта возросла в конце 70-х годов, в процессе подготовки к изданию «Круга Земного». Когда перевод был закончен и Михаил Иванович прислал мне текст своей статьи, я был безмерно удивлен, ибо речь в ней шла не о «Круге Земном» в целом и его месте в средневековом историописании, но преимущественно о первой из саг этого цикла — о «Саге об Инглингах». В отличие от последующих частей книги, «*Ynglingasaga*» посвящена древнейшим, легендар-

но-мифологическим временам, и ее характеристика никак не может быть распространена на весь «Круг Земной». Соответственно, на мою долю выпало написать статью об особенностях этого замечательного памятника и поставить его в общеевропейский контекст, т.е. сравнить «Круг Земной» с другими произведениями европейской историографии XIII столетия. Вне подобного сопоставления значимость труда Снорри Стурлусона, его предполагаемого автора, осталась бы непонятной. Именно в этом ключе была написана моя книжка «История и сага» (1972).

Посланная мною в Ленинград статья, посвященная этим сюжетам, немедленно возвратилась вместе с гневным письмом Михаила Ивановича, отвергнувшего ее. Особенно неприемлемыми он нашел мои соображения о так называемом «неосознанном авторстве» — идее, которую он развивал в своих поздних работах. Михаил Иванович потребовал от меня прислать статью, посвященную истории Норвегии вплоть до XIII в., как эту историю воспринимает современная наука. Этот текст, собственно, был уже готов у меня и издан на английском языке с другими целями. Михаил Иванович знал эту статью и утверждал, что она вполне пригодна для публикации, сопровождающей перевод «Круга Земного». Тотчас и без колебаний я подчинился его требованию. Я не мог не понимать, что мой «бунт» привел бы к разрыву. Однако внутренне я противился такому решению, о чем осмелился написать Михаилу Ивановичу.

На этом письме наша переписка с Михаилом Ивановичем прекратилась. Отношения не были порваны, мы обменивались телефонными звонками и новогодними поздравлениями, и дарственная надпись на последней книге Михаила Ивановича — столь же теплая, как и на предыдущих. Тем не менее, охлаждение было налицо, и я болезненно его переживал. Будь я поумнее или более гибким, я сумел бы избежать недовольства старшего товарища... Минула четверть века, и сейчас, перечитав впервые с тех пор эту отвергнутую мэтром рукопись, я, ей-богу, не смог найти в ней ничего такого, что делало ее неприемлемой для публикации в томе «Литературных памятников». Кстати, этот текст лег в основу доклада, прочитанного мною осенью 1983 года в Ленинградском Университете на заседании, посвященном восьмидесятилетию со дня рождения Михаила Ивановича.

Упомянутый выше эпизод, я убежден, не в состоянии бросить тень на дружбу, связывавшую нас на протяжении многих лет. Обаяние личности Михаила Ивановича распространялось не на одного меня, и разве не под влиянием его примера моя дочь Елена сдела-

лась скандинавистом? Последний предпринятый Стеблин-Каменским перевод саги не был доведен им до конца, и Елена продолжила и завершила работу над «Сагой о Сверрире».

* * *

Среди тем древнеисландской культуры и словесности одной из доминирующих была тема смерти. Этот мотив неизменно возникает в обеих «Эддах», в сагах и песнях скальдов. В «Саге об Инглингах» он выступает на первый план. А вот этот же мотив в устном рассказе Михаила Ивановича, который, вероятно, памятен не мне одному. По его словам, однажды по окончании лекции он зашел в кабинет декана филологического факультета и оказался свидетелем беседы декана с некоей дамой — представительницей не то районного, не то городского комитета КПСС. Партийная дама говорила о необходимости «омоложения» профессорско-преподавательского состава и увольнения на пенсию пожилых преподавателей. Обратившись к Михаилу Ивановичу, декан сказал: «Михаил Иванозич, разумеется, Вы понимаете, что Вас это никак не может коснуться». Возвратившись домой, усталый профессор прилег отдохнуть, и ему, как он утверждал, приснился сон: его «куда-то» вызвали и задали вопрос: «Михаил Иванович, когда Вы предполагаете умереть?» Он растерялся и отвечал, что ему трудно сообщить что-либо определенное на сей счет. «Но, Михаил Иванович, мы же должны планировать!»... Граница между фактами и вымыслом в этом рассказе столь же неопределенна, как и в древних сагах. Шутки Михаила Ивановича не всегда были веселыми. Мысль об убедительности его научных построений и после окончания его земного пути была для него существенна. Новейшая публикация всех его работ, собранных вместе, — лучший ответ на его возможные сомнения.

А.Я.Гуревич

10.11.1963

Дорогой Арон Яковлевич,

Спасибо за оттиск!¹ Надеюсь, что выйдет и вся книга². Интересно будет также посмотреть Вашу книжку о викингах³. Недавно вышел у нас роман для юношества о викингах (перевод с французского)⁴. Я отказался написать к нему предисловие — слишком много было там развесистой клюквы. А я занимаюсь исторической фонологией, но подумываю о том, чтобы написать еще раз о родовой саге в литературоведческом плане и в частности об ее «историчности» или отсутствии оной. На днях вышел второй выпуск нашей кафедральной «Скандинавике»⁵, но у меня еще нет экземпляров, и для Вас там пожалуй ничего интересного нет.

О докторской диссертации Макаева⁶ я знаю: она защищалась у нас, и я был оппонентом. Но не советую Вам спрашивать о ней у Макаева, так как диссертация не прошла, голосование было отрицательным. Гипотеза Сейпа⁷ была раскритикована Куном (Киль)⁸. В Исландии она была встречена с возмущением или не принималась всерьез. Иначе в Норвегии. Но ведь там всегда считали, что Эдда — норвежское произведение. К сожалению норвежцы в таких вопросах обычно необъективны. Лично я не думаю, что Сейп что-либо доказал. Недавно он умер.

С приветом

Ваш М. Стеблин-Каменский

В Москве только что вышел большой норвежско-русский словарь Аракина. Не пропустите!

— — — — —

¹ По-видимому, речь идет о статье А.Я. Гуревича «Норвежские бонды XI–XII вв.» (Средние века. Вып. 24. М., 1963).

² Гуревич А.Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.

³ Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966.

⁴ Оливье Ж. Поход викингов / Пер. с франц. Н. Брандис и Э. Шрайбер. М., 1963.

⁵ Скандинавская филология — Scandinavica. Вып. II. Л., 1963.

⁶ Макаев Э.А. Прологомены к Эдде: Тезисы дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л., Ленингр. ун-т, 1947.

⁷ Имеется в виду гипотеза норвежского филолога Д.А. Сейпа о норвежском происхождении песней «Старшей Эдды» (*Seip D.A. Har nordmenn skrevet opp Edda-diktningen? // Maal og Minne. 1951; idem. Om et norsk skriftlig grunnlag for Edda-diktningen eller deler av den // Maal og Minne. 1957*).

⁸ Kuhn H. Die norwegischen Spuren in der Liederedda // Acta Philologica Scandinavica. Bd. 22. 1952.

1.4.1966

Дорогой Арон Яковлевич,

Большое спасибо за книжку!¹ Я ее с большим удовольствием и вниманием сразу же прочел. Написано превосходно, много интересного и своего. Буду в Москве с 12 по 14 апреля в Институте языкознания на семинаре по исторической фонологии² и позвоню Вам. Может быть удастся увидеться? Тогда поговорим. Где остановлюсь, не знаю.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

¹ См. прим. 3 к письму от 10.11.1963.

² О созданном М.И. Стеблин-Каменским в 1961 г. семинаре по исторической фонологии см.: *Либерман А.С.* М.И. Стеблин-Каменский. Взгляд на его творчество и воспоминания // М.И. Стеблин-Каменский. Труды по филологии. СПб., 2003. С. 886.

26.1.1967

Дорогой Арон Яковлевич!

Ваши соображения о дарении у древних скандинавов¹ очень интересны, но я боюсь, что скандинависты, особенно филологи, будут возмущены тем, что Вы используете «Сагу об Эгиле» как прямое свидетельство эпохи викингов. Не нужно ли тут сделать какие-то оговорки? Ведь не все же в сагах (даже если признать их записью традиции, что решительно отрицается, как Вам известно, в последнее время всеми) восходит к эпохе викингов? Пережитки тех представлений, о которых Вы говорите, можно обнаружить и в современном обществе (подарки родственникам и т.п.). Но можно ли начинать с этих пережитков для констатации социальных представлений эпохи викингов? Не естественнее было бы, наоборот, сначала установить, что характерно для варварского общества по свидетельствам, современным этому обществу, а потом уже устанавливать, что данные представления налицо и в позднейших памятниках? Может быть, впрочем, Вы имели в виду представления XIII века? Но тогда причем эпоха викингов? Или Вы имели в виду эпоху, охватывающую и эпоху викингов и все средневековье? (средневековое общество и «примитивнос» общество у Вас тоже упоминаются). Так или иначе, с эпохами у Вас как-то неясно.

Мы с Вами одновременно посылаем статьи Бредсдорфу: я тоже предложил ему свою статью, над которой я сейчас работаю (еще раз

о сагах в связи с некоторыми теоретическими проблемами истории литературы)².

Ваш
М. Стеблин-Каменский

¹ Речь идет о позднее опубликованной статье А.Я. Гуревича «Богатство и дарение у скандинавов в раннем средневековье» (Средние века. Вып. 31. М., 1968).

² *Steblyn-Kamenskij M.I. On the nature of fiction in the sagas of Icelanders // Scandinavica, Vol. 6, 1967; Gurevich A. Ya. Wealth and Gift-Bestowal among the Ancient Scandinavians // Scandinavica, Vol. 7, 1968.*

5.2.1967

Дорогой Арон Яковлевич,

Еще пару слов в пояснение к моим замечаниям по Вашей статье. Мне кажется, что рассмотрение социальной психологии убедительнее, если берется одна определенная эпоха и памятники данной эпохи. Между тем у Вас XIII век (эпоха написания саг), эпоха викингов и некое неопределенное «примитивное общество» наплывают друг на друга. Конечно, можно обнаружить интересные у Вас представления в XIII веке. Я даже думаю, что их всего удобнее было бы проследить по «Саге о Стурлунгах», т.е. по памятнику, где изображается общество эпохи написания этой саги. В этом случае не было бы наплывания друг на друга разных эпох, и не было бы необходимости учитывать то, что эпоха и памятник, по которому мы судим о ней, не одновременны и что в сущности мы не знаем и не можем знать сколько-нибудь точно, что в данном памятнике относится к эпохе написания, а что — к эпохе, о которой говорится в памятнике. Кстати, «Сага о Стурлунгах» из всех саг дает самый богатый материал по социальным представлениям из ряда областей.

Привет Эсфири Израилевне.
Ваш МСК

20.1.1968

Дорогой Арон Яковлевич!

Книгу Вашу¹ я получил, большое спасибо! Она производит очень хорошее впечатление, и я с интересом ее читаю. Поэтому и не писал, что хотел раньше кончить. Последнее время что-то очень много приходится отвлекаться на разные отзывы, консультации и т.п.: по случаю конца занятий в ВУЗ'ах, все преподаватели набрасываются

судорожно на свои научные работы и требуют помощи! Хотелось бы побывать у Вас, но пока не представляется случая.

Об исландском глаголе *fá* не знаю никаких работ, кроме статей в этимологических словарях. Этимология его ясная. Это глагол общегерманский, с индоевропейскими соответствиями. Значения 'братъ' — 'давать' кажется представлены только в Скандинавии (в исландском до сих пор), но дифференциация не только по контексту, но и грамматическая (разное управление падежами дополнений). Первичное значение видимо 'братъ, хватать'. Совмещение значений 'братъ' — 'давать' есть и в ирландском (*gabaim*) и т.д. Кроме того часто глаголы с одним из этих значений, например исл. *gefa*, *пета* имеют в других индоевропейских языках значение обратное. Кое-что есть в шведском этимологическом словаре Е. Hellquist'a под *giva*. Связано ли это с обменом дарами, не знаю. Дело в том, что совмещение противоположных значений в одном слове вообще частое явление (так, этимологически слова «конец» и «начало» восходят к одному значению), и Марр даже считал такое совмещение законом. «Земля» и «небо» тоже часто восходят к одному значению и развиваются в результате так называемой «поляризации значений». Видали ли Вы огромную, роскошно иллюстрированную книгу *Vikingen*, выпущенную коллективом авторов в Швеции? В основном это археология в популярном изложении, но необыкновенно богато иллюстрированная.

Привет Эсфири Израилевне!

Ваш

М. Стеблин-Каменский

¹ См. прим. 2 к письму от 10.11.1963.

24.12.1968

Дорогой Арон Яковлевич,

Сердечно поздравляю Вас, Эсфирь Израилевну и Леночку с новым годом, желаю всем вам всего самого лучшего. С удовольствием и благодарностью вспоминаю о том, как меня принимали в истекающем году в Вашем доме. К сожалению (по случаю конца года и отсутствия средств) ВАК меня давно не вызывал, но надеюсь, что с нового года снова начнут вызывать, хотя ходят слухи о какой-то реформе или реорганизации ВАК'a.

Спасибо за статью о времени¹, она мне показалась очень содержательной, и многому в ней я вполне сочувствую. А моя статья о времени, по-видимому, уже напечатана в норвежском журнале "*Edda*"², но я ее еще не видел, а главное не мог внести исправления в

ее норвежский перевод (а переводчица — моя знакомая руссистка в Осло — кое-что переврала). Русский же текст пойдет в «Средних веках» только в 1930 г.³

Я все продолжаю читать, подготавливаясь к книге о сагах, и обдумываю ее, но пока есть только наброски⁴. Мне удалось получить разрешение поставить ее в мой план по Институту языкознания (под флагом «мышления»!), хотя языкознания в ней нет. Так что я могу заниматься только ей и не торопиться.

Еще раз привет всем вам и лучшие пожелания.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

¹ Гуревич А.Я. «Что есть время?» // Вопросы литературы, 1968, № 11.

² Tidsforestillingene i islendingesagaene // Edda. 1968. Bd. LXVIII. N. 6.

³ Статья не была опубликована.

⁴ Имеется в виду будущая книга «Мир саги» (Л., 1971).

27.10.1970

Дорогой Арон Яковлевич!

Только сегодня прочел о Вас в «Вопросах истории». Порадовался за Вас: Вам сделали прекрасную рекламу. На фоне тупой схоластики и раболепства перед чинами и авторитетами очень четко выделяются смелость и оригинальность Вашей книги¹. Надеюсь, что никаких других последствий, кроме рекламы, эта постыдная церемония не будет для Вас иметь.

К сожалению ВАК меня больше (по случаю конца года) не вызывает, так что пока не предвидится поездок в Москву до конца декабря (тогда будет защита докторская в Москве).

К моему удивлению «Младшую Эдду» только что переиздали в 30000 экземплярах в меньшем формате. Недоразумение? Или древнескандинавские боги вдруг стали настолько популярны в Москве, что понадобилось карманное массовое издание Снорриевой Эдды?

Привет Вашим!

М. Стеблин-Каменский

¹ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. Отчет об обсуждении этой книги на историческом факультете МГУ и осуждении ее как учебного пособия для студентов см. в журнале «Вопросы истории», 1970, № 9.

4.11.1970

Дорогой Арон Яковлевич!

Вы интересуетесь моими замечаниями по Вашей статье о времени¹. Я не помню сейчас, были ли у меня частные замечания, кажется – нет. Но общее замечание было, насколько я помню, такое. Одно дело – представление о времени и т.п. человека определенной эпохи, другое – философские системы (или богословские системы или догмы) той эпохи. По-моему – это совсем разные плоскости, хотя часто их совмещают. Вы скажете, правда, что ведь и в философских системах и т.п. выражаются представления человека. Да, но именно только «выражаются» и необязательно, а иногда и противоположны им. Это, по-моему, хорошо показано в великолепной книге Бахтина о Рабле. Только всюду, где у него «народное» падо бы поставить «средневековое». Другими словами, историю духовного мира нельзя сводить к истории философии или религии. Бахтин хорошо вскрывает представления, более глубокие, чем религиозные догмы, и противоположные им. Насколько мне помнится, мне казалось, что Вы временами подставляете церковные догмы или концепции времени в церковной литературе вместо представлений среднего человека того времени. Ведь также и в наше время официальные догмы не тождественны представлениям среднего человека? Но возможно, что я ошибаюсь...

Книга моя² еще не пошла в печать.

Привет Вашим!

М. Стеблин-Каменский

Об эдинбургской конференции³ пока ничего больше не слышал. Теперь все зависит от Ярцевой. Но она пока, видимо, еще ничего не предпринимала. О Вас я ей писал, и Вам вполне удобно при случае спросить ее.

¹ Время как проблема истории культуры // Вопросы философии, 1969, № 3.

² См. прим. 4 к письму от 24.12.1968.

³ Первая международная конференция по сагам состоялась в Эдинбурге в 1971 г. Приглашение для участия в ней получили М.И. Стеблин-Каменский и А.Я. Гуревич, поехали же на нее директор Института языкознания АН СССР В.Н. Ярцева, секретарь парторганизации того же института и директор ленинградского отделения Института языкознания А.В. Десницкая.

18.11.1970

Дорогой Арон Яковлевич!

По-видимому, в общем верно то, что Вы говорите о слове *ódal* в Вашей книге (стр. 35), которую я с удовольствием перечитывал после прочтения ее проработки в «Вопросах истории»¹.

Связь др.-исл. *ódal* и пр. с *allodium* утверждалась некоторыми, но теперь она (в имеющихся у меня более новых словарях) отрицается. Слово «аллод» считается латинизированной формой вестготского *alauðes* и т.п., а последнее истолковывается как сложное слово, в котором первый элемент значит 'весь' (готск. *ala* — 'весь' и т.п.), а второй 'богатство' (др.-исл. *auðr* и т.д.). Так толковал это слово еще Якоб Гримм.

Связь же др.-исл. *ódal* (то же слово, что готск. *ōþli*, др.-англ. *ōdel*, *ēdel*, др.-верхн.-нем. *uoda* и т.д., прагерм. * *ōþala-*, всюду с тем же примерно значением — *Erbgut*) с др.-исл. *adal* (то же слово, что готск. *apal-*, др.-англ. *ædel*, др.-верхн.-нем. *adal*, всюду со значением 'знатный род' и т.п., но в исландском 'свойство, естество' или, в сложных словах, 'главный') совершенно бесспорное и никем никогда не ставилось под сомнение. Это слова, восходящие к общему корню (чередование *ō* — *a* — обычный аблаут). От *adal* производятся и др.-исл. слова *adili* 'сторона в тяжбе', *edli* 'свойство, естество', *öðlast* 'присваивать', *öðlingr* 'князь', и оно частый первый элемент в сложных словах и личных именах. Этого же корня древнефриз. *ēdila* 'прадед' и др.-верхн.-нем. *uota* 'прабабка' (см. ниже!).

Но, хотя общий корень у *ódal* и *adal* и т.п., т.е. слов, обозначающих наследственные земельные владения и благородное происхождение, бесспорен, неясно, что это за корень. Обычно его возводят к гипотетической праформе **atō-* со значением 'отец' (ср. [авнить] готск. *atta* и *Attila*, др.-верхн.-нем. *atto*, русск. *отец*, др.-инд. *tata-*, укр. *тата*, русск. *тятя*, *дядя* и т.п., также в многих неиндоевропейских языках) и в подтверждение указывают на наследование одаля по отцовской линии. Все же эта этимология спорна.

С приветом

М. Стеблин-Каменский

¹ См. прим. к письму от 27.10.1970.

28.2.71

Дорогой Арон Яковлевич,

Я говорил Ярцевой о Вас, и она выражала намерение включить Вас в группу¹, но дело в том, что, по-видимому, она до сих пор еще не добилась решения о поездке группы и поэтому вопрос о составе группы пока не решался. Конечно, удобно спросить ее, как обстоит дело и напомнить о себе. Предпринимать что-либо помимо нее — бесполезно. Но неясно, выйдет ли что-нибудь на этот раз у нее.

Книга моя² уже набрана и сверстана, но пока неясно, когда она выйдет. Едва ли к конференции. А может быть ее зарежут до выхода. Все бывает.

Привет Эсфири Израилевне.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

¹ См. прим. 3 к письму от 4.11.1970.

² См. прим. 4 к письму от 24.12.1968.

без даты (получено 28.3.1971)

Дорогой Арон Яковлевич,

Я не знаю никакой обобщающей работы о фольклоре или сказке в королевских сагах, но, насколько мне помнится, попадались мне работы об отдельных мотивах или местах. А что касается родовых саг, то есть работа Heinz Dehmer, *Primitives Erzählungsgut in den Islendinga-sögur*, Leipzig, 1927. Она есть у нас в Ленинграде в трех библиотеках. Есть еще книга (кажется только у меня): Inger M. Boberg, *Motif-index of early Icelandic literature*, Hafniae, 1966.

Книга моя¹ подписана к печати и прошла Горлит². Обещают тираж в апреле. Н.Я.Берковский дает на нее рецензию в ВОПЛИ³, а С.В.Петров дал на нее рецензию⁴, довольно фантастическую, в «Звезду». По его просьбе я рекомендовал его статью о скальдах и народности в «Скандинавский сборник»⁵. Но едва ли Мосберг решится опубликовать статью, где доказывается (довольно наивно), что формализм скальдов объясняется их народностью. Правда, зерно истины есть в его статье: слово «народный» действительно стало у нас бессмысленным или лицемерным и фальшивым. Хотелось бы выступить с разоблачением насквозь лживого понятия «народности» в нашей научной литературе, но едва ли это возможно. Не напишете ли Вы рецензию на мою книгу? Впрочем, боюсь Вас такая рецензия может скомпрометировать, не стоит Вам больше подставляться под удары⁶.

До конференции⁷ я, видимо, не приеду, так как ВАК меня не будет больше вызывать, и дел в Москве у меня пока нет.

Привет Эсфири Израилевне.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

См. прим. 4 к письму от 24.12.1968.

² Горлит — цензура.

³ ВОПЛИ — журнал «Вопросы литературы». Рецензия на «Мир саги» была напечатана в № 8 за 1971 г.

⁴ Петров С. Для специалистов и широкого читателя // Звезда, 1972, № 10.

⁵ Имеется в виду статья поэта и переводчика С.В. Петрова «Поэзия древнеисландских скальдов и понятие народности в искусстве // Скандинавский сборник. Вып. 18. Таллин, 1973.

⁶ Рецензия была написана; см.: Гуревич А.Я. Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Л.: Наука, 1971 // Новый мир, 1971, № 12.

⁷ Имеется в виду очередная Скандинавская конференция (Москва, 1971 г.).

11.5.1971

Дорогой Арон Яковлевич,

В Вашей рецензии¹ я нахожу точное изложение моих мыслей и высокую их оценку. Чего же еще может желать автор? Я очень доволен рецензией и не вижу, что бы можно было в ней исправить (разве что только то, что у Вас и я — привидение, тогда как мне казалось, что у меня в книге только Торлейв привидение. Но это, конечно, совершенно неважно!). Правильно и Ваше возражение в письме: конечно у меня есть апология духовного мира саг, и она (апология) входила в мою задачу, и я думаю, что она необходима. Но ее можно истолковать как идеализацию и т.д. Кстати, я слышал, что на меня в Москве начался поход (инициатор его, кажется, Самарин).

Вашу статью², конечно, охотно прочту. Хотел бы выслать мой комментарий к Рыззевской³ на Ваше одобрение. Но он сейчас в переписке в Институте истории.

Собираюсь быть в Москве 17-го (в понедельник). Может быть у Вас будет время принять меня в этот день? Я Вам позвоню.

Привет Эсфири Израилевне.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

---

¹ См. прим. 6 к предыдущему письму. М.И. ознакомился с содержанием рецензии в рукописи.

² Гуревич А.Я. К истолкованию «Песни о Риге» // Скандинавский сборник. Вып. 18. Таллин, 1973. М.И. прочел статью в рукописи.

³ См. прим. 3 к письму от 13.12.1973.

27.10.1971

Дорогой Арон Яковлевич!

Этого наглого халтурщика (я имею в виду Анохина) давно пора хорошенько одернуть. Я его одергивал несколько раз в письмах к нему в связи с разными его халтурными публикациями (в газетах и т.п.). Но здесь нельзя этим ограничиться, ведь речь идет о целой научной книге¹. Конечно Вы во всем абсолютно правы. Абсурдно древненорвежские термины давать в современном норвежском произношении и т.д. У меня этой книги нет, но я слышал, что она вышла и очень солидно выглядит. Могу себе представить, сколько в ней всякого вранья, судя по его предыдущим публикациям, например его изданию книги Ингстада² (который в сущности тоже предприимчивый халтурщик, но литературно способнее). Напишите рецензию в «Скандинавский сборник», я с удовольствием поддержу ее, как смогу. Или может быть есть другие возможности? В «Скандинавском» сборнике» очень долго будут печатать.

Если буду в Москве, то позвоню Вам. Но пока не знаю, поеду ли.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

Рецензия на книгу Г.И.Анохина об истории норвежской общины («Общинные традиции норвежского крестьянства». М., 1971), изобиловавшую грубыми лингвистическими и историческими ошибками и произвольными толкованиями, была написана М.И. Стеблин-Каменским и А.Я.Гуревичем совместно, однако редколлегия сборника «Средние века» отказалась от ее публикации, мотивируя свое решение тем, что в сборнике печатаются только положительные отзывы.

² *Ингстад Х.* По следам Лейва Счастливого / Пер. с норв. А.А. Жданова. М., 1969.

2.11.1971

Дорогой Арон Яковлевич,

Возвращаю Вам Вашу статью¹, которая мне очень понравилась, особенно сама постановка вопроса о том, как должен историк использовать язык своих источников, если он хочет быть историком. Но отсюда же следуют и положения о том, как не следует его использовать, и эти положения надо бы развить в рецензии на Анохина.

С приветом и благодарностью

за прием в Москве

Ваш М. Стеблин-Каменский

¹ Гуревич А.Я. Язык исторического источника и социальная действительность: Билингвизм в средневековой Европе // Сб. статей по вторичным моделирующим системам / Отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту, 1973. М.И. читал статью в рукописи.

без даты (май 1972 г.)

Дорогой Арон Яковлевич,

Спасибо за книгу¹, которую я только что получил и с удовольствием начинаю читать. Одновременно обращаюсь к Вам с огромной просьбой. Мой друг Наум Яковлевич Берковский очень заинтересовался Вашей книжкой (я ему давно Вас пропагандировал), но не может ее достать здесь в Ленинграде. Не будете ли Вы так любезны уделить ему экземпляр², если у Вас еще есть? Я был бы Вам очень благодарен. Он очень интересуется вообще такого рода работами и очень почитаем всеми нашими литературоведами западниками, да и вообще филологами.

Я буду в Москве 15-го, но на этот раз опять не смогу зайти к Вам, так как должен улететь в тот же вечер (16-го в Ленинграде защищает докторскую мой ученик А.С. Либерман), а днем буду занят в издательстве. Но потом до июля еще не раз побываю в Москве и надеюсь повидаться с Вами.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

¹ Неясно, имеются ли в виду «Категории средневековой культуры» или «История и сага», вышедшие одновременно в 1972 г.

² Книга «Категории средневековой культуры» была выслана Н.Я.Берковскому.

17.6.1972

Дорогой Арон Яковлевич!

Я тогда же, после первого разговора с Вами на эту тему, звонил Лихачеву и просил его написать рецензию. Он не отказался, но сказал, сославшись на занятость и обилие просьб о рецензиях, что не знает, сможет ли он сделать это в скором времени. Торопить его мне едва ли целесообразно, он этого очень не любит, но моим разговором с ним подготовлена достаточно почва для того, чтобы, во-первых, к нему обратился «Новый мир», а во-вторых, чтобы Вы сами написали, объяснив ему ситуацию¹, и дали ему почувствовать, что он мог бы сыграть тут роль борца против обскурантизма и т.п., т.е. роль, которая ему импонирует, насколько я понимаю.

Бредсдорфу я написал, что предлагаю рецензию на Вашу книгу, и жду ответа от него².

Ваш
М. Стеблин-Каменский

¹ В моем архиве сохранился черновик моего письма к Д.С. Лихачеву (без даты, 1972 г.):

«Глубокоуважаемый Дмитрий Сергеевич!

Мне сообщили из редакции «Нового мира», что обратились к Вам с просьбой написать рецензию на мою книгу «Категории средневековой культуры». Понимая, что это очень неудобно, тем не менее решаюсь написать Вам это письмо и просить со своей стороны о рецензии. Дело в том, что я оказался в положении нуждающегося в защите: как-то получилось так, что некоторые достаточно влиятельные медиэвисты на протяжении последних лет неустанно доказывают utriusque in orbis, что я — немарксист, ревизионист и т.п., причем они имеют возможность оповещать об этом публику через печать, а затем следуют уже чисто административные меры (меня раз уже увольняли, подвергали иным ограничениям, и то, что книгу все-таки напечатали, я отношу к категории чудес, которые, оказывается, не перевелись со времен средневековья). Есть веские основания думать, что некая акция будет предпринята и на этот раз.

Вы — единственный человек академического ранга, который мог бы сказать свое авторитетное слово, не выходя за пределы своей компетенции, ибо никто не решится отрицать, что специалист по древнерусской культуре не чужд параллельной западной проблематике. Я не пишу о том, сколь ценю Ваши суждения по существу, — это само собой разумеется, да я уже и писал Вам об этом. Могу догадаться, как Вы загружены и как много людей в Вас и Вашей поддержке нуждаются, но если Вы все же смогли бы написать рецензию, я был бы Вам бесконечно благодарен.

Извините, пожалуйста, ради бога за настойчивость, которая со стороны человека почти незнакомого может произвести нежелательное...». См. также след. письмо и письмо от 10.9.1972 г.

² В 1973 г. в журнале Scandinavica (Vol. 12. № 1) М.И. Стеблин-Каменский опубликовал рецензию на книгу А.Я. Гуревича «История и сага».

без даты (июнь — июль 1972 г.)

Дорогой Арон Яковлевич!

Не ответил Вам на Ваше письмо, так как надеялся, что Вы зайдете ко мне 29-го. Я не мог быть на защите Лебедева¹, у нас был ученый совет на нашем факультете.

Я не вижу, почему бы не обратиться к Лихачеву Вам лично. Ведь это можно сделать в такой форме, что ему будет только лестно. Конечно, я не ручаюсь, что он все же напишет². Я его до августа не увижу.

Бредсдорф пишет мне, что ждет моей рецензии¹. Так что я ему

скоро пошлю ее. А Берковский умер скоропостижно 10 дней тому назад к горю его друзей и учеников, которые его очень почитали...

На днях еду в Пушкинские Горы, а 1-го августа вернусь в Ленинград.

Привет Вашим.

М. Стеблин-Каменский

---

¹ А.Я. Гуревич был официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации Г.С. Лебедевым по русско-скандинавской археологии.

² См. прим. 1 к предыдущему письму.

³ См. прим. 2 к предыдущему письму.

10.9.1972

Дорогой Арон Яковлевич!

Получил Ваше письмо. Я еще с начала августа в Ленинграде, после месячного пребывания в Пушкинских Горах. Приступил к лекциям. Из-за разных проволочек не уеду во Францию, если уеду, не раньше начала октября. В Москве буду бывать, но пока не знаю когда.

Еще летом послал Бредсдорфу рецензию на «Историю и сагу», прилагаю копию. Говорил с Лихачевым о рецензии на «Категории», но он сказал, что никак не может и что поручил написать рецензию своему сотруднику, некоему Панченко¹ (я его, к сожалению, совсем не знаю). Никакого недовольства Вашей просьбой Лихачев не выразил. Видимо, ему просто было трудно урвать время для рецензии.

Очень интересно то, что Вы пишете о пенитенциалиях².

Последнее время кончал свою плановую лингвистическую работу³ и обдумывал одну будущую работу, контуры которой еще еле намечаются. Привет Вашим.

Ваш

МСК

Рецензия А.М. Панченко на «Категории средневековой культуры» была опубликована в журнале «Новый мир», 1973, № 12.

² Гуревич А.Я. Народная культура раннего средневековья в зеркале «покаянных книг» // Средние века. Вып. 37. М., 1973.

³ Неясно, какая именно работа имеется в виду.

4.2.1973

Дорогой Арон Яковлевич,

По соображениям, которые Вы, возможно, со мной втайне разделяете, у меня не вызывает большого энтузиазма проектируемый коллективный опус¹, и мне не кажется большим счастьем принимать в

нем участие. Поэтому я хотел бы остаться в стороне от участия в нем или его организации. Не будучи сотрудником вашего института, я, кажется, могу себе это позволить. Если Вы можете предотвратить посылку мне официального приглашения, то Вы бы избавили меня от необходимости официально отказываться.

Привет Вашим и лучшие пожелания

Ваш

М. Стеблин-Каменский

P.S. Что касается Безруковой, то думаю, что лучше ее могла бы написать сотрудница Эрмитажа А.Е. Кроль (она давно занимается скандинавским искусством и была на конференции в Петрозаводске). А что касается Адмони, то, конечно, предложить ему надо.

---

¹ В Институте всеобщей истории АН СССР планировался коллективный труд «История Норвегии» (опубликован в 1980 г.). Раздел об изобразительном искусстве написан А.Е. Кроль и М.И. Безруковой, раздел о языке В.П. Берковым, раздел о литературе А.Я. Гуревичем, Г.Н. Храповицкой и А.С. Каном.

13.12.1973

Дорогой Арон Яковлевич.

Простите, что не сразу отвечаю на Ваше милое письмо. Хотел сразу же сообщить Вам, что выполнил Вашу просьбу о Заксе¹, и потому отложил ответ. Теперь я получил его рукопись и написал отзыв — очень положительный и, надеюсь, не слишком краткий (не умею писать длинных отзывов).

Большое спасибо за подробную информацию о кампании против филологов². Но признаться, перспектива быть исключенными из сообщества со всей этой публикой не очень меня (как и других лингвистов) волнует. Ведь в сущности лингвисты гораздо нужнее историкам, чем историки лингвистам. Это мне напоминает о двух историках, которые обращались ко мне в Таллине. Во-первых, это некий Н.П. Гордеев, который занимается совершенно вздорной попыткой доказать, что все скандинавское — на самом деле финское (или что-то в этом роде). Я ему обещал прислать библиографию по вопросу о финском субстрате в Скандинавии, но к сожалению ничего не нашел на эту тему пока. Во-вторых, это Мельникова, которой я обещал прислать свою статью о сагах как исторических источниках из книги со статьями Рыдзевской³. Но Свердлов, несмотря на мои напоминания, до сих пор не дал мне дубликата этой статьи (он у него). Если Вы встретите Мельникову, то, пожалуйста, скажите ей это. Я, право, не виноват!

Я тоже с удовольствием вспоминаю наши прогулки в Таллине и жалею, что не бываю в Москве.

Марка Блока получил, большое спасибо. Но Ваша статья о нем¹ мне была интересней, чем он сам.

Привет Эсфири Израилевне.

Ваш
МСК

¹ В. А. Закс — аспирант А.Я. Гуревича, писавший кандидатскую диссертацию по древнеисландскому праву.

² При подготовке очередной скандинавской конференции дирекция Института всеобщей истории АН СССР предложила исключить лингвистов из числа участников, но это намерение не удалось осуществить.

³ *Стеблин-Каменский М.И.* Саги как исторический источник // Рылзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. (материалы и исследования). М., 1978.

⁴ *Гуревич А.Я.* Марк Блок и «Апология истории» (послесловие) // Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973.

8.4.1974

Дорогой Арон Яковлевич!

Недавно вышла моя книжка «Спорное в языкознании», сборник старых статей по общим вопросам за 20 лет. Я сначала решил не посылать Вам, думая, что это Вам ни к чему. Но вот сейчас все же высылаю ее Вам в основном потому, что захотелось выразить вам свою привязанность и напомнить о себе. Книжка эта — история сначала моего увлечения структурализмом и разочарования в традиционном языкознании, а потом разочарования в структурализме. В книжке должно было быть остроумное предисловие Либермана, в котором он предлагает эпиграфы к ней («А не назвать ли нам кошку кошкой? из английской народной сказки и «А король-то голый!» из сказки Андерсена»). Но предисловие нашли в издательстве неприемлемым и сняли его, к сожалению, а оно бы украсило книжку.

Продолжаю работать над моей новой книжкой¹. Написал последнюю главу, самую конструктивную, и вчера кончил первую, самую деструктивную. Но остаются еще средние главы, и нет уверенности, что удастся их написать, да нет и уверенности (особенно по утрам), что написанное не надо писать заново.

Привет Эсфири Израилевне и Лене.

Ваш
М. Стеблин-Каменский

¹ Книга «Миф» была опубликована в 1976 г.

✉

4.5.1974

Дорогой Арон Яковлевич!

Спасибо за письмо и за оттиск¹. Прочел его с большим удовольствием. Вам удалось поднять интереснейший материал и наверно очень нелегко было его освоить. Не сомневаюсь, что книга получится отличная. А что шавки лают, то бог с ними. Да и всего скорее, что их лай будет только реклама Вам.

Пока что ничего из мной написанного не годится для публикации вне книги. Будут ли такие части, которые можно будет публиковать отдельно, пока не знаю. Вообще, работа идет медленно. Много еще приходится додумывать и поэтому откладывать писание. Так вот последние две недели, хотя и было время, но не продвинулась работа ни на страницу. Временами кажется, что вообще тема мне не под силу. Но стоит ли спешить?²

Как я Вам кажется писал, я собираюсь в Москву в середине июня на несколько дней, и тогда надеюсь увидеться с Вами.

Привет и соболезнования Эсфири Израилевне³.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

---

¹ См. прим. 2 к письму от 10.9.1972. По указанию Отдела науки ЦК КПСС в Институте всеобщей истории АН СССР эта статья была обсуждена на заседании секторов истории Средних веков и византиноведения и осуждена за «преувеличение роли католической церкви в истории культуры». Тем не менее текст статьи воспроизведен в книге А.Я. Гуревича «Проблемы средневековой народной культуры» (М., 1981).

² Михаил Иванович был поглощен работой над книгой «Миф».

³ В это время жена А.Я. была тяжело больна.

13.11.1975 (ошибка: должно быть 1974)

Дорогой Арон Яковлевич!

Вашей статье¹ я до сих пор не получил от Шлапоберской² и поэтому, собственно говоря, и не писал Вам.

Книгу я кончил. Сейчас рукопись у машинистки. Если Вы не возражаете, я вышлю Вам экземпляр в последних числах ноября. Рукопись с отзывами я должен сдать в «Науку» в декабре. Я боюсь, что книга где-нибудь застрянет. Например, если она попадет на глаза какому-нибудь густопсовому марксисту типа Шахновича (так как книга не только не ортодоксальная, но и может быть понята как полемика против ортодоксальных взглядов). Заключение о книге

обещал дать Лихачев (как член редколлегии этой серии). Но его репутация сильно подмокла в последнее время, так что его заключение может не помочь мне. Думаю просить отзыв то ли у И.М. Дьяконова, то ли у Д.А. Ольдерогге. Но пока еще не договорился с ними. Не поймите это так, что мне не нужен Ваш отзыв³. Ваш отзыв мне получить всего интереснее.

О том, что Лену приняли⁴, я слышал, и очень порадовался (тем более, что среди студентов ходят упорные слухи, что списки утверждались где-то еще до экзаменов). О.А. Смирницкая молодец! Кстати сообщите, пожалуйста, ей, когда Вы прочтете мою книгу, чтобы она могла ее взять, и попросите ее сразу же вернуть рукопись мне (тут есть еще желающие).

Владивосток⁵ оставил у меня самое лучшее впечатление: отличная погода, золотая осень, всюду видно море и за ним горы (это красивее, чем открытое море), гостеприимство владивостокцев.

В Москву не собираюсь. Не судите меня за то, что я снова попал в позорный список кандидатов⁶. Это сделал мой сын, когда я был во Владивостоке, и по просьбе университета (им важно, чтобы кто-то выдвигался!).

Привет Вашим

М. Стеблин-Каменский

— — — — —
«Средневековый героический эпос германских народов» — предисловие к тому «Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах» (Библиотека всемирной литературы. М., 1975).

² С. Шлапоберская — издательский редактор тома.

³ Официальный отзыв А.Я. Гуревича на книгу «Миф» был отослан в издательство «Наука». О его сомнениях и возражениях, вызванных этой книгой, см. в последующих письмах.

⁴ Дочь А.Я. в 1974 г. поступила на филологический факультет МГУ и была зачислена на кафедру германского языкознания, где занималась скандинавской филологией под руководством О.А. Смирницкой.

⁵ М.И. ездил во Владивосток для чтения лекций в университете.

⁶ Речь идет об очередных выборах в Академию наук.

27.11.1974

Дорогой Арон Яковлевич!

В Вашей статье¹, которую я прочел с большим интересом, вы вводите материал, чрезвычайно важный для понимания средневекового сознания, как мне кажется, и в правильном направлении корректируете и развиваете идею Бахтина. Наверно в Вашей книге² эта статья составит очень существенную, если не центральную часть.

Я думаю, что статья должна заинтересовать Лихачева и поэтому оставляю ее себе (хочу сказать о ней Лихачеву и, если он выразит желание получить ее, передам ему и во всяком случае сообщу Вам, что он думает о возможности поместить ее в «Известия»). Но вот куда бы ее наверно с удовольствием взяли: в «Труды по знаковым системам». Вы не пробовали?

Прилагаю мою рукопись. Ваша издательская рецензия³ нужна мне потому, в частности, что Вы будете единственным рецензентом, знающим скандинавский материал, а ведь он занимает половину книги.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

Привет Вашим!

¹ Гуревич А.Я. К истории гротеска: «Верх» и «низ» в средневековой латинской литературе // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 34, № 4, 1975.

² Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.

³ См. прим. 3 к предыдущему письму.

9.12.1974

Дорогой Арон Яковлевич!

Не писал Вам до сих пор, так как до сих пор не могу снести с Лихачевым и поговорить с ним о Вашей статье. Он уехал к себе на дачу и, видимо, не появляется в городе. Но я боюсь, что Вы подумаете, что я обиделся на Ваше письмо. Поэтому все же пишу.

Большое спасибо Вам за Ваш очень лестный и превосходный отзыв. Но не скрою, Ваше письмо очень огорчило меня.

Вы даете мне понять, что, критикуя структурализм, я как бы становлюсь на сторону гонителей. Структуралисты гонимые? Помилуйте! Структурализм — господствующее направление, он — мода, которая свирепствует во всем мире и особенно у нас (чем глуше провинция, тем мода — более стадная). Вы не можете опубликовать Вашу статью? Назовите ее «Структура гротеска в средневековой модели мира» или как-нибудь в этом роде. У Вас будут рвать статью из рук. Вы видали, как раскупаются в магазинах книги, в названии которых есть слова «структура» и т.п.? Вы думаете Лотман создал славу этим словам? Боюсь, что эти слова создали славу Лотману. Кстати, я очень высокого мнения об уме Лотмана, но мне обидно, что он рядит свои мысли в шутовской костюм модных терминов, т.е. спекулирует на моде. А почему бы Вам в самом деле не сделаться структуралистом? Ведь для Вас выступать против структуралистов или защищать

их — не вопрос убеждения (так следует из Вашего письма). Знаете ли Вы, что лингвист, написавший серьезное исследование, как правило не может его у нас опубликовать, если он не назовет его «Структура и т.п.»?

Вы советуете мне отказаться от моей критической части. Она — единственная часть книги, которая меня более или менее удовлетворяет. Я над ней всего больше работал, с нее начал. В других частях я сейчас вижу кое-что недодуманное до конца (я спешил, боялся, что не смогу кончить книгу до того, как не смогу работать в полную силу). В известном смысле эта часть — главная в книге, так как я не думаю, что сумел ответить на вопрос, что такое миф, но надеюсь, что показал, что до сих пор не был найден убедительный ответ на этот вопрос. Вы скажете, а не все ли равно, найден ли ответ на этот вопрос или нет. Для меня не все равно.

Вы даете мне понять, что своей полемикой я как бы говорю: мои оппоненты дураки, а я умный. Это, конечно, можно сказать о всякой критике (если она критика, а не расшаркивание). Но это не очень корректный прием опровержения критики. Но, кстати, я искренне считаю Леви-Стросса очень талантливым, хотя его теорию я считаю абсурдной и жульнической. Нужен ум и талант, чтобы доказывать, что дважды два пять. Но вот доказать, что дважды два четыре может и дурак. Так что, если это верно (а я верю в это), то дурак скорее я.

Вы рекомендуете мне примирительный тон. Конечно, я прекрасно понимаю, что мой тон невыгоден. Мне приходится сейчас расплачиваться за издевательства, которые я позволил себе в «Мире саги» (двое из тех, кто приняли издевательства на свой счет (Халльберг и Херманн Паульссон), и справедливо приняли, опубликовали возмущенные рецензии на мою книгу)¹. Я понимаю, конечно, что и эта моя книга возмутит многих, и что, поскольку в ней критикуется то, что модно, она не может иметь успеха у широкой публики. Но стоит ли из-за этого отказывать себе в удовольствии сказать, что думаешь?

Вы находите у меня издевательство над моими противниками. Да, конечно, я стараюсь сделать их взгляды смешными. Я не вижу ничего неэтичного в этом испытанном полемическом оружии. К сожалению, это не всегда удается. Но кажется я кое-что добавлю в этом направлении, если смогу. Почему бы <не> отказать себе в этом удовольствии?

Еще до того, как я получил Ваше письмо, я вставил в примечания статью Мелетинского из «Скандинавского сборника»². Получив Ваше письмо, я добавил в скобках хвалебную оценку и его книги³, и этой

статьи («глубокий», «интересный» и т.п.). Конечно же, я совсем не хотел бы его обидеть. Правда, я боюсь, что в общем контексте всей книги эти похвалы не покажутся искренними.

Как только Лихачев покажется в городе, я постараюсь поговорить с ним о Вашей статье¹. Но я боюсь, что узнав, что Вы не структуралист, он не заинтересуется ей. Сам он сейчас, как Вы вероятно заметили, усиленно вставляет в свои работы словечки вроде «знаковая система», «модель мира» и т.п. И академики — люди!

Привет Вашим

Всегда Ваш

М. Стеблин-Каменский

Перечитывая письмо, вижу, что не сказал главного: я ни минуты не сомневаюсь, что Ваше письмо продиктовано только добрыми чувствами ко мне (и к другим), а добрыми чувствами можно возмутиться, но обижаться на них невозможно, конечно.

Только что с интересом прочел (вернее просмотрел, так как читать подряд невозможно, настолько глупо) статью Барабаша в сборнике, посвященном Храпченко («Современные проблемы литературоведения и языкознания», М., 1974, стр. 65–84), в которой изобилуют слова «структура», «структурный», «семиотический», «знаковая система» и т. д., и т.п., сочувственно цитируется Леви-Стросс, Прош, Лотман и Ревзин и доказывается, что Ленин и Маркс тоже были структуралистами⁵. А Вы считаете Барабаша противником структуралистов! Дорогой Арон Яковлевич! Вы страшно отстали от века! Непременно купите сборник, хотя бы ради портрета юбиляра и несравненных образцов подхалимажа в статьях.

М.СК

¹ Книга «Мир саги» вышла в переводе на английский язык в 1973 г. под названием «*The Saga Mind*» (Odense University Press). Polemika между М.И. Стеблин-Каменским и шведским филологом П. Хальбергом опубликована в журнале *Mediaeval Scandinavia* за 1974–1976 годы (см. об этом также в письме от 2.9.1975). Там же (Vol. 6, 1973) была напечатана рецензия исландского ученого Херманна Паулссона.

² Мелетинский Е.М. О семантике мифологических сюжетов в древнескандинавской (эддической) поэзии и прозе // Скандинавский сборник. Вып. 18. Таллин, 1973.

³ Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.

⁴ См. прим. 1 к предыдущему письму.

⁵ Михаил Иванович не склонен принимать во внимание коренную разницу между структурализмом Тартуско-московской школы семиотики

(Ю.М. Лотман и др.) и попытками акад. М.Б. Храпченко и его приверженцев обосновать некий «марксистский структурализм». Упустил М.И. из виду также и то, что еще в 1969 г. министр просвещения РСФСР А.И. Данилов на страницах журнала «Коммунист» (теоретического органа ЦК КПСС) подверг идеологической критике группу историков (преимущественно античников и медиевистов) за приписанный им «структурализм», трактуемый Даниловым как антимарксизм. Последствием этой публикации было увольнение А.Я. Гуревича с работы.

10.12.1974

Дорогой Арон Яковлевич!

Сегодня мне удалось наконец снестись с Лихачевым. Он выразил желание прочесть Вашу статью¹ и сказал, что сам пошлет ее в Известия ОЛЯ. Завтра ему доставят Вашу статью (и мою работу вместе с тремя отзывами на нее для его заключения).

В добавление к большому письму, которое я Вам послал вчера и в котором я объяснял Вам, что не могу выбросить из книги то, что я считаю главным и наиболее удавшимся в книге (как можно из книги, задуманной как целое, выбросить ее основную часть?), хочу сказать еще вот что. Как болельщик за структуралистов, Вы должны были бы оценить, что в моей книге я критикую Леви-Стросса и структурализм, но не наших отечественных подражателей Леви-Строссу. Я это делаю, щадя их, из деликатности. Ведь очень уж жалкую картину представляют они в обносках Леви-Стросса, которые наша широкая публика, в силу своей провинциальности, принимает за что-то эlegantное и оригинальное. В более цивилизованных странах, где мода не так свирепствует в науке, многие серьезные ученые не считают необходимым даже замечать существование Леви-Стросса. Не собираются ли в Москве ставить памятник Леви-Строссу или выпустить фестшрифт, аналогичный фестшрифту Храпченко? Ленинградские ученые занимают более европейскую позицию в отношении Леви-Стросса. Оба мои ленинградские оппоненты считают основным достоинством моей книги то, что теория Леви-Стросса получила в ней впервые у нас объективное освещение. Но, по-видимому, придется добавить абзац в конце книги об отечественных структуралистах, моде как биче науки и т.п. Дорогой Арон Яковлевич! А я то Вас всегда принимал за европейца!

Ваш

М. Стеблин-Каменский

Лихачев напоминает мне, что еще одна его статья на сходную тему (по-моему, не очень сходную) есть в Храпченковском фештшифте.

¹ См. прим. 1 к письму от 27.11.1974.

18.12.1974

Дорогой Арон Яковлевич!

Вы, видимо, не получили моего второго письма, в котором я продолжаю возмущаться Вашей позицией и сообщаю Вам, что Лихачев взялся отослать Вашу статью в Известия ОЛЯ. Прилагаю квитанцию на бандероль с Вашей рукописью и его сопроводительным письмом в Редакцию ОЛЯ (у Вас должны затребовать оттуда первый экземпляр).

Печальные мысли продолжают приходить на ум по поводу нашей с Вами полемики. У нас существуют в науке два гнета: мракобесная официальная догма, в которую никто не верит, но которую нельзя критиковать, а то уволят с работы, и мода, которая как правило тоже не дело убеждения, но которую тоже нельзя критиковать, а то попадешь в мракобесы. Ну как тут не стать принципиально беспринципным? Всего этого не могу добавить в мою книгу, но о моде (как стадности) в науке, добавил. По-моему, Вы все валите с больной головы на здоровую. Вы вот не раз хвалили меня за историзм и проповедовали его. А что же Вы не знаете, что сущность структурализма и, в частности, учения Леви-Стросса, — антиисторизм, отрицание исторической точки зрения? Вы меня упрекаете в том, что моя критика не по существу, что я не опровергаю, а только издеваюсь и т.п. А я что-то не нашел в Ваших письмах ни одного аргумента в пользу структурализма или Леви-Стросса, ни малейшей попытки даже к какой-либо аргументации. Между тем я критикую именно существо метода Леви-Стросса. Ведь он нигде не изложил связно своей теории (да ее и нельзя связно изложить, ибо логики в ней нет), ее можно только извлечь из его четырех томов мифологических штудий, тщательно их изучив, что я и сделал. Между прочим неплохая критика его антиисторизма и алогичности есть у Мих. Лифшица (Вопросы философии, 1973, №№ 8 и 10), но к сожалению его критика компрометируется его исходными позициями и его абсурдной теорией мифа как «восстания поэзии против прозы» и т.п. Вы меня упрекаете в том, что я не говорю о том положительном, что есть у Леви-Стросса и т.п. Но не мне бы объяснять Вам, что критика теории или метода как таковых и общая оценка деятельности ученого — это совсем разные вещи. Критикуя метод Леви-Стросса, как он вырисовывается в его работах о мифах, я вовсе не обязан говорить, что у

Леви-Стросса вообще есть дельные мысли в другой плоскости (но я как раз говорю об этом и о том, что эти дельные мысли находятся в противоречии с его абсурдной теорией!). И вообще: как можно выдвинуть понимание чего-либо, которое представляется правильным, не расчистив для него места, не показав, что другие понимания не удовлетворяют здравому смыслу и т.д.? Между прочим, я нигде не говорю, что никто не сказал ничего путного о пространстве и времени в мифах. Напротив, я в примечаниях называю всех, кто писал на эту тему (мне известных), Кассирера, Богораза, Мосса и Вас, и тем самым признаю, что обязан этим авторам (Кассиреру всего больше). Вы считаете, что мне нужно было разбирать работы Мелетинского? Но ведь это было бы слишком невыгодно для него. Вам не нравится мое отношение к науке, т.е. то, что я убежден в своей правоте и тем самым в неправоте тех, с кем я полемизирую? А мне не нравится Ваше отношение к науке, хотя оно и трогает меня, так как в Вашей полемике со мной Вами руководит явно только желание спасти меня от того, чтобы структуралистская молодежь не перебила стекла в моей квартире, но не какие-либо научные аргументы. Так что давайте не будем больше переписываться на эту тему и забудем нашу размолвку.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

22.12.1974

Дорогой Арон Яковлевич!

Спешу ответить на Вашу открытку. Нет, я не знаю ничего о гротеске в древнеисландской литературе. Есть, правда, статья Хойслера (*Das Komische in altnordischen Schrifttum*, "Mitteilungen der Islandfreunde", XVII. Jahrg., Heft 3/4, 1930, 51–59 или *Kleine Schriften*, Berlin, 1969, B. 1, 347–356), но это не совсем то, что Вам нужно. Что касается ключа к сагам, то есть I.M.Boberg, *Motif-Index of early Icelandic literature*, Kbh., 1966 (*Bibliotheca Arnarnagana*, b. XXVII), полезная книга, но не знаю, найдете ли Вы в ней то, что Вам нужно. Заодно хочу обратить Ваше внимание на книгу из другой области. Послал ли я Вам мое «Спорное в языкознании» (Л., 1974)? Это сборник моих статей с начала 50-х годов и до начала 70-х, который отражает сначала мое увлечение структурализмом (в языкознании), а потом разочарование в нем. Ведь я был одним из самых первых его поборников в СССР, когда он был освобождением от гнета «сталинского учения о языке» (а оно за три года до этого было освобождением от гнета «нового учения о языке» Марра) и еще не успел сам стать гнетом. В результате многолетних раздумий и изучения основопо-

ложников лингвистического структурализма и всей его литературы я пришел к выводу, что он основан на иллюзиях и логических ошибках и представляет собой не познание, а только название (см. особенно последние 2 статьи в «Спорном»). Все мои критические статьи на эту тему были опубликованы и за-границей, и там их было легче опубликовать, чем у нас, так как у нас разрешается критика структурализма *только* с марксистских позиций, а такая критика, как Вы знаете по собственному опыту, — это реклама критикуемого, а не критика в собственном смысле слова. Структурализм вне языкознания — это, как общепризнано, — отражение лингвистического структурализма, и поэтому, естественно, слабые стороны лингвистического структурализма в «нелингвистическом» структурализме усугублены. Лингвист, разочаровавшийся в своем родном структурализме, не может не видеть в нелингвистическом структурализме лишь карикатуру. Но критиковать его с позиций здравого смысла (а не с марксистских позиций) нельзя. Поэтому (странный парадокс нашего научного быта!) нелингвистический структурализм фактически овладел в нашей науке ключевыми позициями. Характерно, например, что и в БСЭ, и в КЛЭ опубликовано много статей с явной пропагандой нелингвистического структурализма и юнгианства (ср., например, статью «Мифы» в КЛЭ). Попытка выступить у нас с критикой нелингвистического структурализма с позиций здравого смысла, конечно, обречена на неудачу. Автор такой критики будет сокрушен, и его попытка останется гласом вопиющего в пустыне. Я лично уже испытал попытку заткнуть мне рот (причем она была с совершенно неожиданной для меня стороны). Нет, неверно, что Вы «не-европеец». Напротив, Вы как европеец, совершенно не понимаете азиатских корней нашего структуралистского мракобесия и поэтому позволяете его представителям сунуть Вам в руку дубинку для защиты того, во что Вы явно не верите и не можете верить.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

P.S. Если моя книга будет опубликована (в чем я сомневаюсь), то она будет первой у нас в стране критикой Леви-Стросса и всего этого направления (марксистская критика не в счет, как я уже писал). Но конечно сразу же после ее появления на меня обрушится какая-нибудь дубинка (надеюсь, не Ваша), и моя критика будет опорочена (не опровергнута!) как необъективная, голословная и т.п., как и Вы это уже делали. Но я понимаю, конечно, что Вы это делали, не понимая, что Вы делаете.

5.1.1975

Дорогой Арон Яковлевич!

Вы, видимо, настолько находитесь под обаянием Леви-Стросса и так ослеплены верой в него, что даже не считаете нужным логически опровергнуть хотя бы одно слово в моей развернутой критике его основных принципов (эта критика занимает целую четверть моей критической главы!) и просто уже в который раз утверждаете, что этой критики у меня нет. Почему-то все другие находят, что она у меня есть и что она и своевременна, и убедительна... Правда, я критикую только создателей теорий, а не их пророков у нас. Поэтому странно было бы искать у меня критики советских леви-строссианцев, юнгианцев и т.д. Я бы советовал Вам привести, следуя проповеди ибсеновского Бранда, Вашу жизнь в соответствие с Вашей верой, т.е. начать последовательно применять структуралистскую терминологию в Ваших работах, и тогда, конечно, никто и не будет ждать от Вас логических доказательств или логических опровержений критики.

Я не уверен в том, что Торстейн Мороз осознавался как комизм или гротеск¹. Но возможно, что я ошибаюсь.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

Михаил Иванович имеет в виду рукопись позднее опубликованной статьи: *Гуревич А.Я.* «Прядь о Торстейне Мороз-по-коже», загробный мир и исландский юмор // Скандинавский сборник. Вып. 24. Таллин, 1979.

7.1.1975

Дорогой Арон Яковлевич!

В моем последнем письме я, конечно, пошутил, сказав, что Вы верите в Леви-Стросса, для этого у Вас слишком много здравого смысла. Ваша вера, если уж говорить откровенно. — это что нельзя критиковать учение, которого придерживается большинство, т.е. учение, которое в моде, и надо перед этим учением расшаркиваться, нравится оно вам или не нравится. Я отнюдь не осуждаю Вас за эту веру. Всякий имеет право верить, во что ему хочется. Но я не скрою, что эта вера, которую Вы мне так красноречиво и так настойчиво проповедуете, мне лично все же мало импонирует.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

18.1.1975 (открытка)

Дорогой Арон Яковлевич!

М<ожет> б<ыть> Вы найдете интересный для Вас материал в так наз. шутливых балладах (датск. *skæmteviser*, норв. *skjemteviser* и т.д.), а также в исландских шутливых римах. Не привожу изданий, т.к. их много, и я не знаю, что есть в Москве. Посмотрите статью "Balladdiktning å Kulturhistorisk lexikon för nordisk medeltid", там есть библиография изданий.

Как видите, я больше не ругаю Вас за то, что Вы меня ругаете за то, что я ругаю Леви-Стросса (хотя только что получил Вашу открытку от 13.1.). Вы правы, почему-то неприятно, когда тебя ругают, и приятно, когда тебя хвалят. Но самому ругать почему-то тоже неприятно, особенно, если ругаешь хорошего человека (другое дело, если ругаешь шарлатана и прохвоста вроде Леви-Стросса). Надеюсь Вы теперь поправились после болезни.

Ваш
МСК

24.4.1975

Дорогой Арон Яковлевич!

Книгу мою не очень изуродовали. Осталась основная концепция и критика разных культов (в том числе и культа Леви-Стросса). Отказаться пришлось от пародии на эмоционалистскую теорию Кассирера (идеологический редактор, т.е. сверх редактор, догадался, что она удар по Энгельсу, но других анти-марксизмов не заметил), от критики слова «народный» (так что, как видите, и Вы могли бы быть идеологическим редактором!), от критики современного человека и современной науки и т.п.

Ваши сомнения о несовместимости мастерства и неосознанного авторства, о невозможности неосознанного авторства и об отсутствии интереса к личности совпадают с критикой Халльберга моей книги в *Mediaeval Scandinavia* за 1974 г.¹ Беккер-Нильсен просил меня ответить Халльбергу у него. Я пробовал, но потом отказался от своего намерения. Наверно мне так и не удалось показать основного в моей концепции: что высокое мастерство саг не только не противоречит неосознанности авторства, но, наоборот, именно им объясняется. Ведь неосознанное авторство имеет большие преимущества перед осознанным (например, в том, что оно исключает возможность комплекса авторской неполно-

ценности: если не сознаешь, что ты автор, то не можешь и сознать, что ты плохой автор и т.п.). О неосознанном авторстве говорится хорошо в замечательных исследованиях Пэрри и Лорда. См. особенно Lord, *The Singer of Tales*, 1960. Сейчас в свете их теории пересматривается многое в древних и средневековых литературах. Они доказали, например, что в устной эпической традиции каждое отдельное исполнение есть сочинение заново из традиционного материала, причем, сочинение, которое осознается только как исполнение, хотя отнюдь не исключает мастерства и индивидуального отпечатка. Наоборот! Но они ошибаются, конечно, что неосознанность авторства совпадает с устностью и формулистичностью. Осознанное авторство возможно и в устной традиции (скальды!), а его неосознанность очевидна в раннеписьменной литературе. Но обо всем этом я уже много раз писал. Наверно и в отношении интереса к личности я не сумел показать отличие саговой психологии от современной, придав изложению слишком парадоксальную форму. Впрочем, я не очень понял, в чем Ваши сомнения. Видимо Вы теперь совсем отказываетесь от попытки заметить какие-то отличия средневекового сознания от нашего. Так можно Вас понять.

Ваш
МСК

¹ См. прим. 1 к письму от 9.12.1974.

28.6.1975

Дорогой Арон Яковлевич!

Мне тоже очень жаль, что во время моего приезда в Москву так глупо получилось, что я не успел второй раз позвонить Вам и повидаться с Вами. Нет, я, конечно, ничуть не сержусь на Вас, и ничего обидного для меня не могу обнаружить в том, что Вы мне писали.

Что касается «Хеймскринглы», то я сам не считаю себя сколько-нибудь квалифицированным переводчиком и целиком полагаюсь на Ольгу Александровну, которую считаю гораздо более квалифицированным переводчиком, почему и просил ее завербовать Вас, если она считает, что Вы справитесь (я то лично не сомневаюсь в этом, но считаюсь больше с ее мнением, чем со своим)¹.

Спасибо за статью², которую я, правда, еще не успел прочесть: июнь — месяц очень тяжелый, как всегда (все время кто-то приезжает, что-то надо срочно кончать, а тут еще заседания, экзамены и

т.д.). На днях уезжаю в Пушкинские горы и вернусь во второй половине августа. Желаю Вам хорошего летнего отдыха.

Ваш
МСК

¹ В переводе «Круга Земного» участвовали М.И. Стеблин-Каменский, О.А. Смирницкая, Ю.К. Кузьменко и А.Я. Гуревич.

² Гуревич А.Я. Из истории народной культуры и ереси: «Лжепророки» и церковь во Франкском государстве // Средние века. Вып. 38. М., 1975.

2.9.1975

Дорогой Арон Яковлевич,

Вы наверно уже давно получили отношение редколлегии «Литературных памятников» в «Науку» о заключении договора с нами, участниками перевода «Хеймскринглы». Я надеюсь Вы поняли, что об указателе — это недоразумение. Его, конечно, будет составлять кто-нибудь из наших учеников. Что касается статьи, то мне как-то стыдно, что она поставлена мне, а не Вам. Но дело в том, что я вряд ли смогу ее написать, так что ее все же придется писать Вам, наверно. Я уже приступил к переводу «Саги об Инглингах», но сейчас придется отложить его, так как у меня еще две недели неиспользованного отпуска, который я собираюсь провести в Крыму. Впрочем, сейчас я немного расхворался, так что не знаю, удастся ли уехать (отпуск у меня с 15-го сентября).

Пишу Вам в основном, чтобы спросить, не хотите ли Вы написать рецензию для *Mediaeval Scandinavia* на книгу: Robert James Glendinning, *Träume und Vorbedeutung in der Islendinga Saga Sturla Thordarsons*. Беккер-Нильсен пишет, что книга интересная и ученая. Если Вы хотите, то напишите ему, он Вас знает, и он с удовольствием вышлет Вам книгу (возвращать ему ее не надо будет, конечно)¹. В томе этого года его журнала будет опубликован мой ответ Халльбергу (Беккер-Нильсену очень хотелось, чтобы я его написал, и я в конце концов согласился написать его). Он очень короткий и называется *Some considerations on approaches to medieval literature*. Беккер-Нильсен собирается, по просьбе Халльберга, опубликовать в 1976 году ответ Халльберга на мой ответ и в том же томе мой ответ на его ответ на мой ответ, чем дискуссия, по мысли Беккер-Нильсена, должна кончиться². Еще я взялся по предложению изд-ва «Высшая школа» написать книгу³ по курсу, который я уже 30 лет читаю в университете скандинавистам. Это курс «скандинавская средневековая литература».

Как Вы поживаете? Привет Эсфири Израилевне.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

---

¹ Рецензия опубликована в *Mediaeval Scandinavia*, Vol. 10, 1977.

² См. об этой полемике в прим. 1 к письму от 9.12.1974.

³ Древнескандинавская литература. М., 1979.

9.12.1975

Дорогой Арон Яковлевич,

Вот данные: *Den norsk-islandske skjaldedigtning*. Ved Finnur Jynsson. B. Rettet tekst. I-II. 690 + 611 s. København 1973 (Rosenkilde og Bagger). Но стоит книга 90 рублей в переводе на наши деньги по курсу, так что книжный отдел¹ едва ли выпишет.

Спасибо за сообщение о том, что московские филологи были в восторге от моих лекций². А мои ленинградские слушатели тоже были в восторге, узнав, что я уехал в Москву и не буду читать очередную лекцию! Нет пророка и т.д.

Ваш

МСК

---

¹ В советское время единственной возможностью приобрести зарубежную специальную литературу были заказы через книжный отдел АН СССР. Но и эти возможности были предельно лимитированы той суммой, израсходовать которую ежегодно имел право доктор наук (в те годы она не превышала 30 руб.).

² Осенью 1975 г. Михаил Иванович прочитал несколько лекций на филологическом факультете МГУ.

22.1.1976 (открытка)

Дорогой Арон Яковлевич!

Знаете ли рецензию Thümmel¹ на «Категории средневековой культуры», появившуюся в *Deutsche Literaturzeitung*, Heft 8/9, 1975. Книга оценивается вполне положительно как «выросшая из структурализма» и дающая «марксистскую оценку Средневековья».

Ваш

М. Стеблин-Каменский

без даты (март – апрель 1976 г.)

Дорогой Арон Яковлевич!

Получил Вашу открытку и порадовался за Вас: Новосибирск гнуснейший город, Ваше счастье, что Вам не надо туда ехать и встречаться с Окладниковым¹. Он – жалкая фигура. Достаточно почитать его статью о Рыбакове в «Правде». Но Рыбаков такой же жалкий подхалим. Вы скажете, какие же это жалкие фигуры, ведь они получают оклады академиков! Но ведь и вышибалы в борделях получают хорошие деньги, так ведь работа-то тяжелая!

Высылаю одновременно оттиск моего ответа Халльбергу и «Миф». В следующем номере журнала будет ответ Халльберга на мой ответ и мое заключительное слово, в котором я окончательно расправляюсь с Халльбергом. В «Миф» вкладываю 4 листочка – это то, что было выпущено². Возможно, Вы тоже сочтете, что надо было выпустить³. Но уж пусть будет у Вас в первоначальном виде.

Привет вашим!

М. Стеблин-Каменский

P.S. В последнем номере «Mediaeval Scandinavia», где помещена Ваша рецензия⁴ (спасибо, я ее тоже получил), есть статья о «Саге об Инглингах», в которой много ссылок на Вас. Но статья мало интересная.

¹ А.Я. Гуревич был приглашен прочитать лекции в Новосибирском университете, но директор Института всеобщей истории АН СССР Е.М. Жуков потребовал от академика А.П. Окладникова, директора Института истории и экономики Сибирского отделения АН СССР, аннулировать это приглашение, т.к. после публикации книги «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» ее автор числился антимарксистом.

² Упомянутые купюры восстановлены в посмертном издании книги: см.: Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии. СПб., 2003.

³ Для прояснения содержания нашей полемики см. мой ответ М.И., копия которого сохранилась в моем архиве:

«Москва, 5.IV.76

Дорогой Михаил Иванович!

Спасибо большое за письмо, книгу и оттиск Вашего ответа Халльбергу, — все прочитал с интересом и удовольствием! Вероятно, так и следовало отвечать Халльбергу, хотя вряд ли это его убедит, — впрочем, не к нему ведь Вы и адресуетесь? Во всяком случае, Вы нашли еще одну, очень, на мой взгляд, удачную форму изложения необходимости исторического подхода к продуктам человеческого сознания.

Относительно книги. Я вновь прочитал ее столь же внимательно, как и в рукописи. В отличие от Ваших предположений, полагаю, что купюры сделаны во вред книге, исключая, на мой вкус, лишь шуточку над Кассирером

(на стр. 63): все серьезно занимающиеся этими сюжетами слишком многим ему обязаны, чтобы изображать его в таком наивном виде... В целом же, прочитав книгу, опять захотел поспорить с Вами. Однако, постараюсь ограничиться вопросами (отчасти звучащими как возражения). Если Вам это еще интересно, ведь есть авторы, которые, выпустив книгу, уже отрываются от ее материала и проблематики. Тем не менее, осмеюсь задать несколько вопросов.

I. Если, как Вы признаете, «Эдды», до нас дошедшие, содержат весьма позднюю форму мифов, пересочиненных бесчисленное количество раз, к тому же в христианскую уже эпоху, то возникает вопрос: в какой мере по ним можно все-таки восстанавливать форму мифологического авторства (думаю, что точнее бы говорить о мифологическом, а не о мифическом авторстве)? Если можно, то это как-то требовалось обосновать. Дело в том, что многие черты этой стадии авторства, упоминаемые Вами, общие и для эпической стадии. Смещение особи с видом, группы с коллективной индивидуальностью, выделенные Вами, очень важны, но, мне кажется, они в равной мере могут быть найдены и в эпических произведениях. Первый пример, пришедший в голову: нибелунги в «Песни о нибелунгах», где этим именем в I части песни обозначаются нерасчлененные и абсолютно слитные чудесные бойцы, равно как и их повелитель, и его сын, также индивидуально не обрисованные; мало этого, во II части песни это имя перенесено, без всяких оговорок или пояснений, на бургунов! Вряд ли Вы будете ссылаться на то, что автор «Песни о нибелунгах» просто-напросто заимствовал этот термин из более раннего эпоса, мифа или сказки, — ведь не механически же он действовал, видимо, и его сознание было (в начале XIII века в Германии!) устроено еще таким образом, что такого рода заимствования и употребления терминов были возможны — и для него и для его аудитории.

Что касается групп с коллективной индивидуальностью, «открытых множеств», то мне все же думается, что в тех случаях, когда в песнях (и в «Младшей» Эдде) возникала необходимость выделить из них более определенные единичности, это делалось. Таким образом, мой вопрос состоит в том, как отделить миф от эпоса по указанному Вами признаку авторского самосознания (точнее, его неразвитости)?

II. Не ясно мне, что Вы подразумеваете под тем, что в мифе нет вымысла, но все в нем изображенное, принималось за правду. То есть, само по себе это понятно, но не следовало ли бы подчеркнуть, что правда или реальность, подразумеваемая мифом, совсем не то, что было повседневной, бытовой реальностью для людей, создавших <миф> или веривших в истинность мифа? То есть, что для них было по меньшей мере две правды и две реальности, а если это так, то возникает вопрос, к сожалению, обойденный в книге, но очень важный: как соотносились эти две правды? Они вряд ли просто-напросто противопоставлялись, вероятно, связь была сложнее и запутаннее? Если бы этот вопрос был поставлен, то в таком случае, мне кажется, вряд ли стоило бы столь решительно отрицать самую правомерность постановки вопроса о том, что в мифе, в его образах и ситуациях возможна символическая сторона. Если исходить из гипотезы о синкретичности функций сознания на архаической стадии, то я склонен был бы допустить, что в «мифологии», в логике мифологического сознания могла быть заложена потребность дать не только буквальное, но еще и иное толкование реальности, в том числе и в первую

очередь — реальности мифологической. Ведь человек, действительно, — animal symbolism (по Кассиреру)! Где же ему было удовлетворять эту свою глубокую потребность, как не в мифе. Я приведу пример из куда более поздней стадии: в историческую (т.е. буквальную) реальность событий и персонажей Ветхого завета верили, но вместе с тем в христианскую эпоху в них видели и прообразы, символы событий и персонажей Нового завета. Стадия иная, но в принципе такая логика оказывалась ведь возможной?!

По-прежнему думаю, что название «Миф» слишком широко и что хотя бы в подзаголовке ссылка на скандинавский материал могла бы снять некоторые недоумения у читателя.

Надеюсь, эти мои вопросы не вызовут у Вас прошлогоднего раздражения: ведь и прежняя критика моя и нынешние вопрошания исходят от Вашего единомышленника. Ведь мне столь же дорога мысль о необходимости исследования истории сознания, развития личности; я столь же решительный противник переноса нынешних представлений о человеке в прошлое, как и Вы. Свидетельства — статья в «Иностранной литературе» (№ 1, 1976 [«Мировая культура и современность»]) и печатающаяся сейчас большая статья о переводе «Песни о нибелунгах» [Средневековая литература и ее современное восприятие: О переводе «Песни о нибелунгах» // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976]. В «Иностранной литературе» я ссылаюсь на Ваши работы. Мне просто хочется, чтобы идея историзма была всемерно обоснована.

То, что я не поехал в Новосибирск, не огорчило меня, но и не порадовало: ведь не к вышибале с высоким окладом (по Вашему справедливому выражению) я ехать хотел, а к студентам. Только кончилась эта история, произошел другой эпизод: на симпозиуме советских и шведских историков в Стокгольме Жуков обзвал меня (за мою книгу о генезисе феодализма) «догматиком». В Новосибирске я «ревизионист», в Швеции — «догматик». А кое-кто обзывает меня «структуралистом» и «цензором»!

Будьте здоровы и не гневайтесь!

Всегда Ваш А.Гуревич

⁴ Рец. на кн.: Johannesson J.A. History of the Old Icelandic Commonwealth. Winnepeg, 1974, опубликованная в журнале Mediacval Scandinavia, Vol. VIII, 1975.

8.4.1976

Дорогой Арон Яковлевич!

Спасибо за быстрый и содержательный отклик на мою книгу. Он у меня вызвал много мыслей. Кое-что хотелось спросить Вас в разъяснение того, что Вы пишете. Кое-что для меня самого вопрос, или во всяком случае я не знаю, как лучше доказать то, что Вам кажется сомнительным, хотя сам не сомневаюсь. В письме все это не выразить. Хочется поговорить с Вами лично. Да и не мастер я писать письма. Ведь вот книги у меня получают куцые (слишком корот-

кие, как некоторые говорят). В середине мая я буду в Москве на «Литературных памятниках» (заседание должно совпасть с сессией Академии) и непременно останусь достаточно долго, чтобы встретиться с Вами. Отвечу только на две мелочи. «Шуточку над Кассирером» редактор выбросил, сочтя, что это издевка над Энгельсом! Видимо, у Энгельса есть что-то в этом роде. На самом деле я нигде не имел в виду высказывания Энгельса или Маркса (известные мне по марксистским работам о мифе или религии), настолько они (высказывания) мне казались несамостоятельными и плоскими. «Мифический» вместо более обычного «мифологический» я употребляю, следуя Мелетинскому (а также иностранным языкам), у него я нахожу «мифический» в таком широком смысле. Кстати, я послал и ему книгу, но не для того, конечно, чтобы сделать ему неприятное, а чтобы выразить свое искреннее уважение и симпатию. Или не надо было посылать?

Привет Вашим
М. Стеблин-Каменский

3.2.1977

Дорогой Арон Яковлевич!

Вы просите в Вашем письме сообщить мои соображения по поводу работы над «Кругом Земным». Извольте. Недавно я закончил перевод всего первого тома и послал его О.А. Смирницкой. Она выразила желание его прочесть. Хорошо бы после того, как она прочтет мой перевод, всем нам посоветоваться. Очевидно, придется сделать это не раньше моего следующего приезда в Москву. Но срок его мне пока неясен. Я пока больше переводить не буду. Но вообще вероятно смогу перевести еще часть третьего тома (то, что Вы не будете переводить), а может быть и часть второго тома, если Ю.К. Кузьменко с ним не справится. Переводя, я писал примечания (очень краткие) к отдельным словам или именам, требующим пояснения, но я рассчитываю на то, что Вы напишете главы общей статьи, посвященные и тем сагам, которые входят в первый том (общие особенности данной саги, ее источники, ее соответствие действительности и т.п.), а также и в другие томы. Я лично берусь написать (вчерне уже написал) только самую общую часть статьи (о «Круге» как жанре и т.п.), а также главу о «Саге об Инглингах». Переводя, я составлял картотеку географических названий для указателя, так как такой указатель, конечно, необходим, и в нем всего удобнее будет указывать современные соответствия древним названиям. У меня накопилось много воп-

росов по изданию, и я надеюсь, что удастся устроить совещание до лета.

От Лихачева я ничего не слышал и не знаю, что он собирается делать.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

А как Вы планируете Вашу работу по «Кругу»?

без даты (весна 1977 г.)

Дорогой Арон Яковлевич!

Поверьте, что я совершенно не заинтересован в переиздании «Мира саги» и никогда не высказывал никаких пожеланий в этой связи. Все это идея Лихачева. Зачем мне переиздание? То, что книги нет в продаже, только ее реклама. Деньги? Мне совершенно не нужны деньги. У меня нет никаких хобби (кроме древнеисландской литературы) и все, что стоит денег (пить коньяк, путешествовать в разные страны, иметь любовниц) мне строго запрещено врачами.

По поводу «Круга Земного». Как только мне все это перепишет машинистка (т.е. через месяц или два) я вышлю Вам 1) мой перевод до «Саги о Харальде Серая Шкура» (дальше не могу отдать в переписку, так как О.А. Смирницкая еще не перевела висы, которые надо будет туда вставить; это листов 6; 2) мою часть статьи (о «Круге» как литературном явлении, его авторе, его месте в древнеисландской литературе и т.д., а также об «Инглингсаге» (только об ее источниках и ее исторической основе). Получилось чуточку больше одного листа. Надеюсь, что Ваша часть (о всех остальных сагах по отдельности или сразу о всех них, как Вы найдете нужным), будет не больше двух листов (в договоре вся статья — это два листа). 3) Мои примечания к моим переводам, т.е. пояснения отдельных слов или имен. Это меньше листа. Разумеется, эти примечания должны быть согласованы с Вашей частью статьи, как Вы найдете нужным. Но что касается моей части статьи, какие-либо советы изменить мои взгляды из тех или иных конъюнктурных соображений, едва ли будут целесообразны. Но, конечно, Вы вольны высказать в Вашей части статьи противоположные взгляды.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

Пришлю Вам также мое предисловие ко всей книге. Это всего одна страница. Не знаю, правда, нужно ли оно.

6.5.1977

Дорогой Арон Яковлевич!

Посылаю Вам

1) Предисловие к Кругу Земному (одна страница). Не знаю, нужно ли оно и такое ли, но говорят, что нужно. Разве что для того, чтобы представить участников?

2) Мой перевод (сс. 4–144). У меня переведено и дальше, но там еще не вставлены стихи, которые должна сделать О<льга> А<лександровна>. Кстати, она сделала ряд предложений по моему переводу, и я их все принял.

3) Моя часть статьи (о Круге вообще и о Саге об Инглингах (сс. 1–28). Вашу часть, если хотите, можно сделать отдельной статьей.

4) Мои примечания к переведенным мной сагам (сс. 1–24). Их можно будет потом согласовать с Вашей статьей (выбросить из них то, что будет у Вас, и т.д.)

Последнее время был занят подготовкой «Поэзии скальдов» для «Литературных памятников» (переводы С.В. Петрова, мои статья, примечания, редакция)¹. К осени будет, видимо, все готово.

Привет Вашим

Ваш

М. Стеблин-Каменский

Сохраните все эти рукописи. Они потом мне понадобятся.

¹ Книга была издана в 1979 г.

3.10.1977

Дорогой Арон Яковлевич!

Спасибо за письмо! Ваше впечатление от Гумилева меня позабавило¹. Но мое впечатление от него еще много хуже Вашего! От моих друзей востоковедов я слышал много об его очень непочтенной (если не сказать грязной) научной карьере, его спекуляции на биографии и родословной и т.п. Чего стоит одна история его докторской защиты! Недавно мне попала его статья в «Природе» под заглавием «Викинги не солгали»². Как будто викинги стали бы лгать! Это вот он в этой статье лжет наглейшим образом чуть ли <не> в каждом предложении. Он, конечно, просто шарлатан, и в научных кругах Ленинграда это давно всем известно. Правда, у него есть «идеи». Но ведь это же не исключает шарлатанства! Ведь и талант не исключает шарлатанства (но здесь, впрочем, мы с Вами расходимся!).

Очень надоело лежать в больнице. Я, правда, написал здесь статью¹. Но я ее уже давно обдумывал, и окончательно продумал как раз перед приступом. Поэтому я мог, попав в больницу, сразу же взяться за статью, пользуясь набросками своих мыслей. Но кончив ее, я, увы, не могу взяться ни за какую другую работу: нужны книги, и книги, а как их поместить на больничном столике?

Как только вернусь домой (боюсь не раньше конца месяца), вышлю Вам перевод всего 1-го тома «Круга» с примечаниями. Он давно готов, а теперь уже и переписан на машинке, но не сверен. Но перевод 2-го тома еще мало продвинулся. Что же касается 3-го тома, я там кое-что перевел и надеюсь, если вернусь домой, к весне его кончить. А как Вы планируете Вашу статью к «Кругу»?

Я просил О<льгу> А<лександровну> узнать у Вас, нет ли у Вас книги Хейзинги «Номо ludens». Если у Вас она есть, не прислали бы Вы ее мне? Ее нет нигде в Ленинграде, а мне давно хотелось ее почитать.

Привет Вашим домашним.

Ваш
МСК

---

¹ Осенью 1977 г. на научной конференции по семиотике культуры в Москве выступил среди других проф. Л.Н. Гумилев. В своем докладе он высказал отрицательное отношение к историкам, анализирующим источники; по его мнению, дело историка — толковать материал, добытый и препарированный его предшественниками. А.Я. Гуревич возразил ему, что подобная установка несерьезна и способна лишь дезориентировать начинающих историков. Разразился спор, в ходе которого Л.Н. Гумилев перешел на личные выпады.

² Гумилев Л.Н. Викинги не солгали (карта XVI века открывает Америку XI века // Природа, 1977, № 5.

³ См. письмо от 24.12.1977.

13.12.1977

Дорогой Арон Яковлевич!

Высылаю Вам дубликат всей остальной части перевода 1-го тома «Круга» (Сага о Харальде Серая Шкура и Сага об Олаве Трюггвасоне) с примечаниями (первая страница примечаний была, видимо, послана Вам раньше, а последняя осталась у машинистки). Так что первый том совершенно готов к печати. Второй том переведен только на треть (Кузьменко переводит очень медленно, и перевод требует значительной правки). А в третьем томе я перевел 2 небольшие саги, но надеюсь к весне кончить его.

С приветом

М. Стеблин-Каменский

24.12.1977

Дорогой Арон Яковлевич!

Мое поздравление разошлось с Вашим, поэтому отвечаю на него. Да, *Homo ludens* меня очень разочаровал и навел на грустные размышления о науке вообще. Моя «Древнескандинавская литература» уже год в издательстве, но выйдет, верно, еще не скоро¹. Раньше выйдут книги «Историческая поэтика» (сборник моих статей)² и «Скандинавская баллада» (переводы не мои, моя статья и мои примечания)³, сейчас сдаю в издательство книгу «Поэзия скальдов» (1/3 переводы Петрова и 2/3 моя статья и т.д.)⁴. Всю осень (и особенно в больнице, где можно было работать много) я писал статью, которую я в русском варианте назвал «Апология смеха», а в английском "On the history of laughter"⁵. В статье я высказал свое полное разочарование в концепции Бахтина. Критиковал и Вас, но потом эту критику снял и оставил только пару строчек в одной из сносок. Вы же (как и Лихачев и другие) не виноваты в том, что пали жертвой того таланта, с которым Бахтин развил свою абсурдную и совершенно анти-историческую концепцию!⁶ Сейчас погряз в редактировании перевода Кузьменко и разные текущие дела (аспиранты и пр.). В Университет я, правда, пока не хожу, но все равно дня не хватает. Большой привет Эфири Израилевне и Лене.

Ваш МСК

— — — — —
Книга была опубликована в 1979 г.

¹ Историческая поэтика. Л., 1978.

² Скандинавская баллада. (Серия «Литературные памятники»). Л., 1978.

³ Поэзия скальдов. (Серия «Литературные памятники»). Л., 1979.

⁴ Апология смеха // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978. Т. 37. № 2 (статья вошла в книгу «Историческая поэтика»); On the history of laughter // Mediaeval Scandinavia, Vol. 11, 1978–79. Odense, 1982.

⁵ Признавая большое значение концепции смеховой культуры, развитой М.М. Бахтиным, А.Я. Гуревич вместе с тем выразил свое несогласие с ней (см.: Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981).

4.1.1978 (открытка)

Дорогой Арон Яковлевич!

Спасибо за письмо, в котором Вы вызываете меня на полемику о смехе. Но я ничего не могу добавить к тому, что есть в моей статье, и я охотно вышлю ее Вам, но сейчас у меня нет ни одного экземпляра. Вышлю, как только он у меня будет. Там в статье — критика бахтинского понимания архаического смеха (пресловутая «амбива-

лентность»!) и Вашего понимания комического в Эдде¹. Что же касается Вашего понимания средневекового «гротеска», то, по-моему, в том, что Вы приводите в Вашей статье², нет ни гротеска, ни комического (комично все это только с Вашей, современной точки зрения), а есть просто обычное для всякой наивной религии смешение материального с духовным. Так, и рай или ад — такие смешения, и для нас с Вами — гротеск, но, конечно, не для верующих христиан.

С приветом

Ваш
МСК

¹ Гуревич А.Я. К истории гротеска: О природе комического в «Старшей Эдде» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35, № 4.

² Михаил Иванович имеет в виду статью А.Я.Гуревича «Прядь о Торстейне Мороз-по-коже, загробный мир и исландский юмор» (Скандинавский сборник. Вып. 24. Таллин, 1979), присланную ему на рецензию (см. след. письмо).

январь 1978

В.П.Берков просил меня написать отзыв о Вашей статье. Прилагаю копию.

Отзыв о статье А.Я.Гуревича «Прядь о Торстейне Мороз-по-коже, загробный мир и исландский юмор»

Статья о Торстейне Мороз-по-коже (так безусловно лучше, чем просто «Торстейне Морозе» как в опубликованном русском переводе) интересна и содержательна. Автор убедительно вскрывает пережитки языческих представлений и комизм в анализируемом им произведении. Правда, самый характер этого комизма можно понимать различно и можно не согласиться с той его трактовкой, которую предлагает автор. Но именно спорность проблемы делает очень желательным опубликование этой превосходно написанной статьи.

8.1.1978

М. Стеблин-Каменский

27.1.1978

Дорогой Арон Яковлевич!

Я прочел весь Ваш перевод¹ и вполне им доволен. Я обнаружил у Вас очень мало смысловых ошибок. Теперь я отсылаю его О.А. Смирницкой для сочинения вис. Когда висы будут сочинены, перевод вернется ко мне для составления примечаний (ведь большинство

примечаний — это объяснение кеннишгов и т.п. в висах), и только тогда перевод можно будет отдать в переписку.

В переводе «Саги о Магнусе» я обнаружил правку О.А. Я во всем с этой правкой согласен и, мало того, завидую тому, как она превосходно правит перевод. Моя правка, в противоположность правке О.А., не столько улучшает перевод, как Вы увидите, сколько согласует его с переводом предшествующих саг (большая часть которого у Вас есть). Так, я провожу всюду, как мы договаривались с Вами на совещании у О.А., то написание географических названий, которое в оригинале (а не современное и не перевод названия!). Исключение из этого принципа было тогда решено сделать для очень немногих названий типа «Норвегия» и «Швеция» (не «Свитьод» и не «Норег»!). В конце книги должен быть указатель всех названий и имен, и в нем будет дано сначала древнее название («Хейдмерк»), в скобках современное («Хедмарк») и пояснение, если нужно. Подстрочных примечаний вообще не будет, они не допускаются в «Литературных памятниках». Так что Ваши примечания я оставляю себе и включу их в примечания (отнесенные в конец книги), которые я буду составлять после окончания перевода вис.

Я восстанавливаю также в переводе порядок слов, который проведен по всему остальному переводу и который мне кажется наиболее естественным для русского языка и наиболее адекватным простоте и естественности сагового стиля. Инверсии типа «отправился Харальд» вместо «Харальд отправился» в русском языке на мой слух противоестественны и манерны, особенно если они проводятся почти в каждом предложении и без всякой видимой надобности (в отдельных случаях, например, для эмпазы, инверсия может быть оправданной). В древнеисландском эта инверсия, правда, обычна. Но ведь то другой язык! Единственное, что по-моему стоит сохранить из древнеисландского порядка слов — это «Харальд конунг» вместо естественного для русского «конунг Харальд».

Наконец, я устранял всюду, как это сделано всюду в остальном переводе и как это легко сделать, такие в саге диссонирующие слова, как «кабина», «трос», «шарнир», «армия», «флот», «фланг», «помещение», «отношение», «результат», «жакет», «популярность», «массивный», «моментальный», «командир», «энергичный», «план» и т.п. Многие из этих слов в сущности превращают сагу в историческое исследование нашего времени. Вместе с тем все эти слова едва ли вяжутся с такими вычурными архаизмами, как «поведать», «молвить», «коль», которые я, правда, оставляю, но от которых я не в восторге. Напротив, выражения типа «это дело» кажутся мне слиш-

ком жаргонными для стиля саг (сравни в блатной песне «об Отелле»: «Шекспир узнал про это дело и водевильчик сочинил»).

Я не буду защищать мой перевод отдельных слов (как «йоль», «драпа» и т.д., но не «хевдинг», не «вейцла», не «королева» и т.д.), так как в ряде случаев здесь возможен, конечно, и Ваш перевод, но учтите, что я обязан равняться по переводу уже сделанному раньше и составляющему большую часть «Круга».

Вы наверно слышали как меня измордовали в издательстве «Высшая школа»². Я думал одно время, не предложить ли мне теперь эту книгу в научно-популярную серию издательства «Наука». Но сейчас склоняюсь к тому, что вообще не стоит ничего публиковать (кроме переводов). Надо писать только для себя и завещать сжечь.

Привет Вашим

Всегда Ваш
М. Стеблин-Каменский

¹ «Сага о Магнусе Добром» и «Сага о Харальде Суровом».

² Речь идет об издании книги «Древнескандинавская литература» (М., 1979).

14.3.1978

Дорогой Арон Яковлевич!

С большим интересом прочел Вашу новую книгу¹, нашел в ней много нового для себя, особенно в ее второй главе. Книга очень содержательна и превосходно написана. Но после ее прочтения мне приходит в голову, что было бы, по-видимому, лучше всего, если бы Ваша статья в «Круге» была очерком социальной истории Норвегии в эпоху, охватываемую «Кругом». Вы, очевидно, не скрыли бы и того, что там спорно (судя по Вашей книге, там очень многое спорно, как я и предполагал) и сказали бы и о том, в какой мере «Круг» отражает эту историю. Напротив, мне кажется, что говорить об источниках «Круга» не стоит: всего, что высказано в этой области, не пересказать, да и не все ли равно читателю, что по «Моркинскине»², а что по другим известным или предполагаемым источникам. А основное об источниках «Круга» есть и в моей статье (или слишком мало?). Возможно, что после получения Вашей статьи понадобится внести кое-какие исправления и в перевод, и в примечания, и в мою статью. Во всяком случае у меня такая потребность возникла уже после прочтения Вашей книги. Вот почему хотелось бы, чтобы Вы не очень Вашу статью задержали.

Привет Вашим

Ваш
М. Стеблин-Каменский

¹ Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье: Проблемы социального строя и культуры. М., 1977.

² «Моркинскинна» («Гнилая Кожа») — собрание королевских саг, предположительно составленное в Исландии в начале XIII века, однако сохранившееся лишь в рукописи 1270-х годов.

25.3.1978

Благодарю за письмо, но не разделяю Ваших сомнений. «Круг Земной» не исторический роман, между тем даже, когда в серии «Литературные памятники» издаются исторические романы, то дается одна статья с литературоведческими сведениями, другая со сведениями об эпохе, которая изображается (так было, например, с одним венгерским историческим романом, не помню автора). К тому же мне кажется, что все необходимые литературоведческие сведения есть в моей статье (или может быть надо что-то добавить в нее?). Мне кажется, что читателю всего больше поможет понять, что такое «Круг», если он будет знать, как современная наука представляет себе эпоху, изображаемую в нем. И речь ведь идет о кратком очерке (1 лист!), а не о «подробном обсуждении исторических проблем».

С книгой моей¹ далеко не все в порядке: много в ней нелепейшей правки осталось, видимо. Но где наше не пропадало!

Ваш

М. Стеблин-Каменский

¹ См. прим. 2 к письму от 27.1.1978.

без даты (первая половина 1978 г.)

Дорогой Арон Яковлевич!

Посылаю Вам свою статью о смехе¹, а также написанную мной весной статью о «мифическом реализме»². И та и другая вошли в сборник моих статей «Историческая поэтика», который в плане выпуска этого квартала, но едва ли выйдет раньше лета. И та и другая статья у меня в единственном экземпляре, так что я вынужден просить вернуть их мне по прочтении, если Вас не затруднит, они могут понадобиться при корректуре (ее еще не было). Привет Вашим.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

¹ См. прим. 5 к письму от 24.12.1977.

² Звери, боги, герон // Историческая поэтика. Л., 1978.

26.5.1978

Дорогой Арон Яковлевич!

Большое спасибо за карту¹. Конечно, верну ее, но, наверно, не раньше осени. Спасибо также за оттиск². Рад, что Вы больше не принимаете за «гротеск» те случаи неразграничения духовного и телесного, которые Вы описываете. Ведь гротеск они только с нашей с Вами точки зрения, а не с точки зрения тех, кто наивно верит в ад, чертей, рай и т.п.

Ваш
М. Стеблин-Каменский

Карта Норвегии для издания «Круга Земного».

Неясно, о какой статье идет речь. Возможно, Михаил Иванович имеет в виду статью А.Я. Гуревича «Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков» (Труды по знаковым системам. Вып. 8. Тарту, 1977).

14.9.1978

Дорогой Арон Яковлевич!

Спасибо за поздравление! Дела с переводом «Круга» двигаются по плану, и я рассчитываю в этом году сдать книгу. Проза переведена вся, но дать все в переписку я смогу, только когда будут все стихи (а за О<льгой> А<лександровной> еще остается должок) и когда я все отредактирую, так что дать Вам весь перевод я бы смог только к концу года, но тогда уже я не смогу ждать Вашей статьи. Но нужен ли он Вам? Ведь о том, как будет выглядеть перевод, Вы получили представление по первому тому (который я Вам весь выслал в свое время и который буду просить Вас вернуть мне со временем). Во всяком случае пока я мог бы Вам выслать только около половины второго тома (вторая половина еще не переписана). Но стоит ли? Вместе с тем мне бы хотелось получить Вашу статью не в последний момент, так как она вероятно помогла бы мне при составлении примечаний (ведь как-то придется согласовываться с Вашей статьей). Да и что Вам стоит написать какой-то один лист на тему, на которую Вы написали несколько книг?

Я провел лето в Павловске, и очень летом доволен. Все время работал над статьей, но хотя и кончил ее, но не отдаю в переписку, так как продолжаю думать над ней и, в частности, не могу остановиться на названии (последний вариант «О героинях, героях и героической поэзии»)!. Моя «Историческая поэтика» подписана к печатанию.

ти еще в июле, но пока ее нет. «баллада» подписана в сентябре, а «Поэзия скальдов» еще не проходила редакцию².

Большой привет Эсфири Израилевне и Лене.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

¹ Статья была опубликована под названием «Валькирии и герои» (Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1979. Т. 38, № 5).

² См. письмо от 24.12.1977.

15.10.1978 (открытка)

Дорогой Арон Яковлевич!

Получил Вашу открытку и не скрою, что несколько озабочен тем, что Вы еще не начали писать Вашу статью (несколько вис, которые остались за О<льгой> А<лександровной>, будут сейчас вставлены в прозаической форме, а впоследствии, может быть, заменены). Озобишин требует, чтобы рукопись была подана «комплектно» в ближайшее время, а то ее не поставят в план. И не забудьте, что нужно 3 экземпляра и что объем — 1 лист¹.

Ваш

М. Стеблин-Каменский

Не забудьте также вернуть мне 3-й экземпляр!

¹ Ниже следует мой ответ от 22.10.1978 г.:

«Дорогой Михаил Иванович!

Спешу откликнуться на Вашу открытку, которую только что получил. Она застала меня в момент, когда я завершал статью к «Кругу Земному». Я прошу времени для того, чтобы еще над ней поработать и перепечатать. Но это вопрос нескольких дней, так что Вы в ближайшее время ее получите. Вместе со статьей я вышлю Вам экземпляр перевода 1 тома и Вашу статью, т.е. все, что в свое время Вы посылали мне.

Сейчас я считаю необходимым высказать некоторые другие соображения. Я не могу скрыть от Вас, что главным препятствием в работе над моей статьей, заставлявшим меня откладывать эту работу, была Ваша статья.

Когда Вы сетовали на поведение Кана [А.С. Кан — член редколлегии «Скандинавского сборника»], пытавшегося не пропустить часть Вашей статьи в «Скандинавский сборник», я был всецело на Вашей стороне, т.к. Вы, разумеется, вправе печатать то, что считаете нужным (кстати, не помню, сообщал ли я Вам о том, что по моему совету Кан написал в редакцию «Скандинавского сборника», что снимает свои возражения против Вашей статьи). Такой точки зрения я придерживаюсь и сейчас. Но это не мешает мне быть глубоко несогласным с Вами по существу. В этой статье, как и в других работах (включая и «Апологию смеха» [См. прим. 5 к письму от 24.12.1977],

Вы упорно проводите идею о глубокой органической наивности скандинавских авторов и вообще людей той эпохи. Они не различают вымысла и истины, они смеются нерефлексивно и т.д. Эти утверждения ничем не доказаны и, на мой взгляд, недоказуемы. Неосознанность творчества этих людей — по-моему, такой же миф.

Указанная тенденция нашла яркое выражение и в статье к «Кругу Земному». Здесь к ней еще прибавились совершенно неверные (простите за категоричность!) утверждения о том, что в работе Снорри творческий вклад намного больше, чем творческий вклад в современной научной работе историка... Не вдаваясь в спор на сей счет, я хотел бы только спросить Вас, почему Вы сравниваете Снорри с современным историком, а не с его (Снорри) современником — историком европейским, писавшим на латыни? При таком сравнении оригинальность исландских саг о конунгах только и может быть раскрыта. Это соображение в значительной мере определило содержание моей статьи. Меня интересует Снорри как средневековый человек и писатель, а не как руссоистский «добрый дикарь», противопоставляемый испорченному европейцу нового времени.

Надеюсь, Вы не рассердитесь на меня за эти возражения. Они сделаны, наверное, в излишне резком тоне. Но я не скрою от Вас, чем вызвана эта эмоциональная напряженность, в которой я писал свою статью и от которой не сумел избавиться до конца. Посылая мне в свое время свою статью, Вы приложили к ней письмо, в котором есть такие слова: «...что касается моей части статьи, какие-либо советы изменить мои взгляды из тех или иных конъюнктурных соображений едва ли будут целесообразны». Отсюда — состояние подавленности, в каком я и писал статью для нашего издания. Я превосходно знаю, что мне Вас не переубедить, — но какие основания у Вас полагать, что мое несогласие с Вашими взглядами может быть продиктовано «конъюнктурными соображениями»? И откуда нежелание посчитаться с возможными возражениями еще до того, как такие возражения у меня могли возникнуть? Естественно, я на это письмо никак не отвечал. Теперь, однако, работая над своей статьей, я все время испытывал трудности, зная, что моя статья должна идти в том же след за Вашей. В этих условиях я просто-напросто не мог не вступить в полемику с Вами, вежливую, без прямого указания на Вашу статью, и тем не менее я считаю эту полемику неотъемлемой частью своей статьи. На это дает мне право следующая фраза из цитированного письма (она идет сразу же после вышеупомянутых слов): «Но, конечно, Вы вольны высказать в Вашей части статьи противоположные взгляды». Я воспользовался этим позволением. Это первое.

Второе, о чем я хотел бы написать Вам, это то, что мне было трудно писать свою статью, поскольку Ваша статья не характеризует «Круга Земного» в целом, но почему-то сосредоточивает внимание исключительно на «Саге об Инглингах», стоящей особняком в «Круге Земном». Поэтому я написал нечто иное, чем то, о чем Вы хотели бы, чтобы я написал. Очерк социальной истории Норвегии в эпоху, охватываемую Снорри, показался мне неуместным в «Литературных памятниках». Здесь был бы куда более кстати и полезнее читателю подробный комментарий к целому ряду мест «Круга» — комментарий, исходящий из других источников и из того, что выяснено в специальной литературе. Примечаний типа разъяснения отдель-

ных слов, имен и кеннингов, на мой взгляд, совершенно недостаточно. Но теперь, видимо, этого уже не изменить. Мне вообще трудно судить обо всем издании, ознакомившись лишь с первым томом (до «Саги об Олаве Святом» исключительно). Возвращаясь к своей статье, я должен еще отметить, что мне было весьма трудно уложиться в отведенный для нее один лист, возможно, при перепечатке окажется, что на несколько страниц я объем превысил, но тут уж ничего не поделаешь. Но дело не в этом — я написал не совсем о том, чего Вы желали. Написать другое — не могу. Если то, что я пришлю Вам, не подходит, можно снять совсем. Но, признаюсь, одна Ваша статья будет выглядеть в издании «Литературных памятников» несколько странно.

Пока это все. Буду спешить закончить статью и выслать ее Вам. Что касается переводов «Саги о Харальде Сигурдарсоне» и «Саги о Магнусе Добром», то они не у меня (у О<льги> А<лександровны>? у Вас?).

Желаю Вам доброго здоровья, а также — не гневаться на меня за все вышеизложенное!

Всегда Ваш

А.Гуревич»

Я не решился отправить это письмо и вместо него написал другое (его копия не сохранилась), на которое получил ответ от 27.10.1978.

27.10.1978

Дорогой Арон Яковлевич!

Получил Ваше письмо и статью на английском языке¹. Эта статья мне очень, очень понравилась, и она по-моему именно то, что было бы всего уместнее в «Круге» (эпоха, изображаемая в нем, с точки зрения историка). Именно такого рода статьи принято давать в «Литературных памятниках» в дополнение к статье литературоведческой. Я не знаю, конечно, что Вы напишете о Снорри как историке. Но я спрашиваю себя, можно ли писать о нем как историке, когда сомнительно, он ли написал «Круг», и даже если увериться в том, что он его написал, то ведь совершенно неизвестно, что там его, а что из его источников. Я не говорю уже о том, что исторично ли считать Снорри «историком»? Или Вы хотите, как это теперь модно, писать об «искусстве» Снорри? Но не довольно ли одной литературоведческой статьи в книге? Меня смущает именно это, скорее, чем то, что традиционные взгляды на искусство Эдды и саги, которых Вы придерживаетесь в Ваших литературоведческих работах, кажутся мне модернизацией и не вызывают у меня никакого сочувствия.

Я надеюсь, что мне удастся добиться включения «Круга» в план редподготовки будущего года, несмотря на то, что я, по-видимому, смогу подать ее только в конце ноября (строго говоря, книга

должна была бы быть представлена «комплектно» и с рецензией 31 октября, когда состоится очередное заседание редколлегии).

Ваш

М. Стеблин-Каменский

P.S. В статье, о которой я говорил выше, понадобились бы только некоторые изменения, в связи с тем, что в ней говорится и об эпохе, не охватываемой «Кругом», и т.п.

P.P.S. Вы пишете в Вашем письме об «историческом комментарии к трудным местам». Очень жаль, что Вам это только теперь пришло в голову! Ваш перевод Вы снабжали только примечаниями вроде того, что Кьель — это горы между Норвегией и Швецией и т.п.

---

¹ *Gurevich A. Ya. The Early State in Norway // The Early State / Ed. H. J. M. Claessen et al. The Hague; P.; N. Y., 1978.*

2.11.1978

Дорогой Арон Яковлевич!

Меня очень огорчает, что Вы занялись Вашей долей участия в издании «Круга» только теперь, когда срок подачи рукописи уже позади. Если бы я знал, что Вы так отнесетесь к выполнению Вашей доли участия в «Круге», я бы, наверно, вообще не брался за его издание и во всяком случае не беспокоил бы Вас просьбой принять в нем участие.

В свое время я выслал Вам перевод всего первого тома «Круга». Но Вы, очевидно, не удосужились даже заглянуть в него, так как, если бы Вы в него заглянули, то Вы увидели бы, что в переводе не сохраняется порядок слов оригинала, а вводится естественный для русского языка порядок слов, и, переводя соответственно, предотвратили бы необходимость переключивать слова в каждом предложении Вашего перевода, устраняя противоестественный для русского языка порядок слов. Но это дело прошлого. Сейчас Вы меня поставили в гораздо более трудное положение: статья, которую я только что получил от Вас, — это, конечно, совершенно не то, о чем я Вас просил, и совершенно не то, что, на мой взгляд, необходимо в данном издании. Читателю прежде всего интересно знать, что думают историки об эпохе, которую описывает Снорри (сопоставляя это с рассказом Снорри, читатель сам себе может составить представление о том, что такое Снорри как историк), а вовсе не что думают историки о том, что думал Снорри, когда он писал «Круг». Когда «Круг» еще не был издан на русском языке, тогда, конечно, нужно было пересказывать содержание «Круга» и пытаться определить,

что автор думал, когда его писал (что Вы и делали в Вашей книге, на которую, конечно, будут ссылки и в данном издании), но теперь, когда текст «Круга» будет рядом, нужно ли пытаться истолковать его замысел? Ведь у Вас же нет никаких других данных для этого (в виде высказываний Снорри, его переписки и т.п., кстати, то, что он автор «Эдды» так же сомнительно, как то, что он автор «Круга»), кроме самого «Круга». Не важнее ли сообщить читателю, что собой представляла с точки зрения современной науки та действительность, которая изображается в «Круге»? И очерки такого рода принято давать в изданиях литературных памятников, которые в то же время в какой-то мере история (даже в изданиях исторических романов нового времени).

Мне, конечно, очень неприятно браковать Вашу статью и просить написать другую (в третий раз принимаю нитроглицерин с тех пор, как начал писать письмо), но ведь Вы же сами накликали это. Почему Вы не стали раньше думать о Вашей доле участия в «Круге»? Чем это издание заслужило такое пренебрежение? Да и что Вам стоит взять русский текст той статьи о Норвегии IX–XIII вв., которую Вы мне недавно прислали, и разве что кое-где чуть привязать к тексту ссылками на соответствующие саги? Я даже беру назад свое предложение убрать из статьи то, что не относится к эпохе, которая описывается в «Круге». Если это эпоха, в которую писался «Круг», то о ней тоже уместно, конечно. И здесь можно взять кое-что из Вашей новой статьи. Теперь о ней. Как еще одна попытка истолкования замысла «Круга» она была бы, конечно, вполне уместна, например, на прошлой ослоской конференции по королевским сагам. Но там бы Вас наверно упрекнули в том, что Вы не упоминаете всех прошлых попыток такого рода. Мне лично не кажется Ваше толкование более убедительным, чем другие, и в основном потому, что Вы снова вытаскиваете здесь на свет божий давно скомпрометировавшую себя ритуалистскую теорию эпической поэзии. Мне больше нравится даже леви-строссианская теория Леннрота в его "Ideology and structure in Heimskringla"¹. Кстати, с удивлением замечаю, что в Вашей статье нет ни «модели мира», ни «знаковой системы», ни «кода». Уж не разочаровались ли Вы в структурализме?

За замечания в моей статье благодарен и по возможности использую их, конечно, если все разберу (они очень неразборчиво написаны). Но и тут не могу не высказать сожаления, что Вы не сообщили их мне раньше (они бы мне помогли в работе). Не понял, где Ваши косвенные возражения мне. Или это то, что Вы говорите про какого-то круглого идиота, который думает, что Снорри не различал вообще истины и вымысла. Но как же он отбирал в своем

произведении то, что ему казалось истиной. и отвергал то, что он считал вымыслом. и ведь у него в языке были слова «правда» и «вымысел», «ложь», и он отличал «лживое» от «правдивого»? Другое дело. что он в ряде случаев принимал свой вымысел (речи, диалоги и т.п.) за правду, как Вы сами об этом справедливо говорите в Вашей статье. Но разве отсюда следует, что он вообще «не осознавал вымысел как таковой» (?). Poleмика без называния адресата, конечно, очень деликатный вид полемики, но она плоха тем, что позволяет приписывать своему оппоненту любую чепуху, не обижая его, поскольку он остается не названным.

Пожалуйста, срочно ответьте мне (всего лучше по телефону), дадите ли Вы мне в течение ноября (но не позднее его последних чисел) статью, или придется обойтись без Вашей статьи². В план редподготовки 1979 года «Круг» не попал, но редколлегия просит все же представить рукопись на следующее заседание (в самом начале декабря) и обещает, что в этом случае как-нибудь включат «Круг» в план дополнительно. А я еще должен получить рецензию на весь «Круг»!

Ваш

М. Стеблин-Каменский

---

¹ Parergon, Vol. 15, 1976.

² Требуемая Михаилом Ивановичем статья была вскоре же выслана. В моем архиве сохранилась копия ответа М.И.:

«Москва, 5.XI.78

Дорогой Михаил Иванович!

Получил сейчас Ваше письмо от 2.XI, в котором Вы отвергаете мою статью, Вам посланную, и упрекаете меня в недобросовестном отношении к работе по подготовке «Хеймскринглы». Я предпочитаю написать Вам, а не звонить, так как хотел бы, чтобы все, что я хочу сказать, было бы понято недвусмысленно и чтобы я смог выразиться полно и точно.

Я начну с главного и, видимо, единственного, что Вас сейчас занимает: я пришла в конце ноября новую статью. Раньше не успею, так как текст «Раннее государство в Норвегии» нуждается в известной доработке и, боюсь, большей, чем может показаться на первый взгляд. Нужна преамбула, необходимы привязки к тексту памятника и многое другое.

Это мое согласие переработать и дать текст, который Вы читали по-английски, не следует понимать так, что я считаю его подходящим для издания «Круга». Вопреки Вашему утверждению, что «очерки такого рода принято давать в изданиях литер<атурных> памятников», я убежден в том, что потребен анализ творчества того автора, которого публикуют. Назовите мне лит<ературный> памятник (из этой серии), к которому была бы приложена статья исторического содержания? Я не знаю такого. Мало этого, в изданиях таких историков, как Геродот или Маккиавелли (в серии «Памятники исторической мысли»), также отсутствуют подобные статьи

— в статье, которые приданы им, опять-таки рассматривается место и значение данного историка в ряду других.

Вы, разумеется, вправе не соглашаться с той статьей, которую я специально написал для издания «Круга». Но, Михаил Иванович, точка зрения, в ней высказанная, не нова.— все это есть и в моей книге «История и сага», и Вы не нашли нужным когда-либо мне сообщить о том, что Вы против моих взглядов, и не писали об этом в своей рецензии на книгу, опубликованной в *Scandinavica* [Vol. 12, № 1, 1973]. Вы отмечали только, что возможна и иная точка зрения,— теперь же выяснилось, что другая точка зрения подзапрещена... Не противоречит ли такая Ваша теперешняя позиция и тому, что Вы писали мне в письме по поводу нашего издания; посылая мне свою статью к «Кругу», Вы сказали следующее (я цитирую Ваше письмо): «Но что касается моей части статьи, какие-либо советы изменить мои взгляды из тех или иных конъюнктурных соображений, едва ли будут целесообразны. Но, конечно, Вы вольны высказать в Вашей части статьи противоположные взгляды». Оказывается на практике, что я не только лишен права высказывать Вам свои критические соображения по поводу написанного Вами, но и права, Вами же мне дарованного, — высказывать иные, чем Ваши, суждения... (Я уже оставляю в стороне подозрения в конъюнктурщине, не знаю, чем заслуженные мною). Не скрою от Вас, получив в свое время такое письмо, я не был вдохновлен на участие в работе, но, тем не менее, полагал (и Вы не раз говорили мне это), что смогу написать в своей статье то, что сочту нужным.

Вам не кажется убедительным мое толкование — отведу признанием: мне не кажется убедительным Ваше толкование творческой деятельности Снорри в Вашей статье. Вы полагаете, что я приписываю Вам взгляды, коих Вы не высказывали, но текст Вашей статьи у Вас есть, посмотрите, пожалуйста, первые 8 или 10 страниц (у меня копии не осталось). Я охотно пошел бы на то, чтобы из своей статьи, Вам высланной, изъять косвенную полемику с Вами, — если б Вы согласились смягчить кое-что в своем тексте, и даже без всяких условий, если б Вы согласились принять эту мою статью. Но Вы не предлагаете мне никаких компромиссов, то, что представляет собой Ваше письмо, есть диктат. Я должен либо написать то, что Вам угодно, либо забрать статью. — Вот почему, Михаил Иванович, я не мог так долго приступить к ее писанию (не говоря о том, что я действительно все лето просидел над новой книгой, издать которую внезапно представилась возможность, и упустить эту возможность я не могу! [Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981]): я подозревал, что Вы не потерпите нежелательного Вам в издании, которое Вы возглавляете, и так и вышло.

То, о чем я пишу, не порождено обидой: я озабочен лишь тем, чтобы «Круг» вышел. Потому я и выразил согласие писать другую статью, против собственной воли и убеждения.

Но я хочу обратить Ваше внимание на то, что в результате в издании вообще почти ничего не будет сказано о «Круге» как памятнике (исключая общие сведения о других сагах о конунгах). Раздел о «Саге об Инглингах» повисает один — почему только о ней говорится в статье? Такой вопрос не может не возникнуть у читателя. Потому-то я и написал свою статью. О «Круге» как целом — где об этом сказано? Вы пишете, что сомнительно, Снорри ли автор, но это же не помешало Вам изложить его биографию, и

правильно сделать? Разве то, что я написал, имеет отношение к тому, был ли автором Спурри или какое-то другое лицо? Разве взгляды других историков и писателей давних эпох выявляются не из их сочинений (если нет иных источников)? — Эти возражения Ваши мне не кажутся обоснованными.

Перехожу к другим упрекам в мой адрес: в Вашем письме от 27.X сказано: «Вы пишете об историческом комментарии к трудным местам. Очень жаль, что Вам это только теперь пришло в голову!» Но, Михаил Иванович, мне пришло это в голову несколько лет назад, когда Вы же поручили мне писать комментарии (см. хотя бы издательский договор). Но затем Вы решили писать их сами, и слава богу, я не в претензии, но не в праве ли я пожалеть о том, что будут только примечания, разъясняющие кеннинги, и кое-что еще?

Ваш упрек о том, что я, якобы, не удосужился даже заглянуть в Ваш перевод, столь же несправедлив: если в моем переводе не тот порядок слов, что в Вашем, то объясняется это, во-первых, тем, что перевод мой был готов и отдан Ольге Александровне раньше, чем я получил Ваш, во-вторых, моей переводческой неопытностью, о какой-то я докладывал Вам не раз. Но Вы и в данном случае, видимо, не допускаете того, что я могу подходить к переводу древнего памятника не так, как Вы. Разумеется, в коллективном издании мой перевод должен был быть переработан в соответствии с Вашим, что и было сделано и не вызвало у Вас в свое время гнева (в отличие от последнего Вашего послания) и никаких возражений с моей стороны.

Поэтому слова о моем «пренебрежении» к этому изданию я принять не могу. Но то, что Вы постоянно меняли в ходе работы свои распоряжения, меня, естественно, не воодушевляло. Оставляя в стороне комментарий, я все же не могу понять, почему необходимо столь ужимать статьи? В свое время Вы писали мне, что моя статья не должна быть «больше двух листов». Затем она сжалась до одного листа. Между тем, при большом объеме самого памятника читатель вправе ждать развернутых его анализов и подробного аппарата. Посмотрите другие издания из той же серии! Вы привыкли писать кратко и с течением времени это, насколько я могу видеть, усиливается. Но почему нужно эту Вашу склонность переносить и на коллективное издание? Между тем, речь идет, конечно, не о том, чтобы «нагнать листаж» или «заработать побольше», а о таком аппарате к «Кругу», какого он заслуживает! Статья в лист и статья в два листа — совершенно разные жанры!

Все эти изменения в планах работы не располагали к удачному ее завершению.

Но дело не в этом, — главное в Вашей нетерпимости к другой точке зрения, нетерпимости, проявленной в Вашем последнем письме. Дорогой Михаил Иванович, я не хотел бы Вас огорчать (признаюсь здесь, что еще в октябре написал Вам письмо, в котором было многое из сказанного здесь, но не решился его отправить Вам, именно боясь вызвать отрицательные эмоции), но дальнейшее мое молчание было бы истолковано уж вовсе превратно.

Я в заключение все же решаюсь призвать Вас к тому, чтобы не поступать так самовластно и еще раз посмотреть мою статью (присланную ранее) с тем, чтобы предложить поправки (снять полемику с Вами и т.п.), а не выбрасывать ее. Я все же полагаю, что она — о «Круге» и могла бы быть небесполезна для читателей. Вспомните, мое решительное несогласие с «Мифом» не помешало мне горячо рекомендовать его издательству. И так же до

последнего времени поступали со мною и Вы. Наличие в двух статьях двух точек зрения на «Круг», по-моему, вполне допустимо и даже небезынтересно.

Искренне Ваш

А.Гуревич»

7.11.1978¹

Дорогой Арон Яковлевич!

С благодарностью возвращаю Вам Вашу карту. Мне ее скопировали, но когда я стал составлять указатель к «Кругу» и проверять каждое название по карте, то оказалось, что в этой карте все контуры так искажены и названия так неточно вписаны в карту, что карта эта, в сущности, сплошная дезинформация, и я ее не буду давать. Заказал другую карту (только Норвегии).

Что касается Вашей статьи, то хорошо бы ее поместить в тот «Скандинавский сборник», где должна идти моя статья о «Круге» (если ее не съест Ваш друг Кан)², но, конечно, было бы корректнее, если бы Вы указали на то место в моей статье, которое Вы опровергаете, и назвали бы ее автора. Если понадобится отзыв, то я бы с удовольствием его дал, сказав, что статья интересна и т.п. и, конечно, ничего бы не стал опровергать в Вашей статье, как я ничего не опровергал в моей рецензии на Вашу статью о Торстейне³, хотя, на мой взгляд, и эта статья, как и все, что Вы написали о гротеске и комическом в средневековой литературе, совершенно антиисторично (как, впрочем, и любезная Вам Бахтинская теория «амбивалентности» смеха).

Вы предлагаете таблицу конунгов из рода Харальда Харфагра. Да, конечно, я был бы благодарен за нее. Как и любые фактические сведения об эпохе, она была бы очень уместна в книге. Может быть Вы позволите также взять даты правления королей из Вашей книги?

Ваш
МСК

¹ Письмо было написано Михаилом Ивановичем еще до получения им моего письма от 5. 11. 1978 г.

² Что такое «Круг Земной» («Хэйскрингелд»)? // Скандинавский сборник. Вып. 24. Таллин, 1979. См. прим. 2 к письму от 15.10.1978.

³ См. письмо от 4.1.1978 и след.

10.11.78 (телеграмма)

Благодарю за письмо. Статью желательно получить двадцать пятого ноября. С лучшими пожеланиями.

Стеблин-Каменский

17.11. 78 (телеграмма)

Благодарю за быструю присылку отличной статьи и таблицы. Сегодня же даю всю книгу на рецензию.

Стеблин-Каменский

открытка без даты (декабрь 1978?)

Самые лучшие пожелания к Новому году шлет Вам и всей Вашей семье Ваш свирепый редактор

М. Стеблин-Каменский

*Публикацию подготовили
А.Я. Гуревиз и Е.А. Гуревиз*

Хельги ХАРАЛЬДССОНУ

Предисловие

Я учился в аспирантуре в Ленинграде (до 1972-го года) как раз в то время, когда Михаил Иванович Стеблин-Каменский дописывал свою замечательную книгу «Мир саги», вышедшую в 1971 году.

Я был частым гостем в его доме, среди прочего, и потому что Михаил Иванович был рад возможности поговорить по-исландски. Он читал мне отрывки из своей книги, и мне сразу же захотелось перевести ее на исландский язык. Тогда же я и приступил к переводу, который — главу за главой — приносил Михаилу Ивановичу для обсуждения. Уже в 1970 году в журнале “*Tímarit Máls og menningar*” опубликовал перевод последней главы книги — «Стоит ли возвращаться с того света?».

В 1972 году, после всех бюрократических проволочек Михаилу Ивановичу разрешили поехать в Исландию для получения звания почетного доктора Исландского университета. Оплачивало поездку Министерство культуры и образования Исландии, и тогдашний министр Гильви Т. Гисласон (Gylfi Þ. Gíslason) проявил щедрость, дав Михаилу Ивановичу возможность, ни в чем не нуждаясь, провести в Исландии несколько недель.

Университет пригласил Михаила Ивановича прочитать лекцию, и он выбрал в качестве темы главу «Что такое правда» из «Мира саги». Лекция вызвала большой интерес. Сразу после этого, на заседании правления «Общества исландской литературы» (“*Hid íslenska bókmenntafélag*”) профессор Свейтн Скорри Хескульдссон (Sveinn Skorri Höskuldsson, 1930–2002), которому лекция особенно понравилась, предложил Михаилу Ивановичу издать «Мир саги» по-исландски в моем переводе. Михаил Иванович с радостью принял это предложение. Издание книги брало на себя Общество.

Председателем Общества был тогда юрист Сигурдюр Линдаль (Sigurður Lindal). Вначале он отнесся к идее издания весьма положительно, но потом начал его затягивать, настаивая на дополнитель-

ной редакции. Она была поручена очень хорошему филологу, младшему профессору университета Оускару Халльдоурсону (Óskar Halldórsson).

В 1974 году я получил должность преподавателя русского языка в Университете города Осло в Норвегии. Там я продолжил работу над переводом. Помощь мне оказывал выдающийся переводчик древнегерманской литературы на исландский язык Фридрик Тоурдарсон (Friðrik Þóðarson, 1928–2005).

Но угодить Линдалю было невозможно. Время от времени он обещал, что «на днях» отправит книгу в типографию, но дальше обещаний дело не шло.

Между тем, «Мир саги» переводился и издавался в одной стране за другой — 1973 г. в Дании («The Saga Mind»), в 1975 г. в Чехословакии («*Svít íslandských ság*») и в Норвегии («*Íslendingesogene og ví*»). Но Михаил Иванович больше всего ждал выхода в свет перевода на любимый им исландский язык, язык народа, о котором в книге идет речь.

Наконец, терпение мое лопнуло, я махнул рукой на Линдаля и договорился с владельцем издательства «Идунн» (Íðunn) Вальдимаром Йоуханнессоном (Valdimar Jóhannesson), который охотно согласился издать книгу. Михаил Иванович очень обрадовался этому, но держать в руках исландский перевод ему не было суждено.

Книга, под названием «*Heimur Íslendingasagna*», вышла в 1981 году, через несколько месяцев после кончины Михаила Ивановича.

В еженедельнике «Викубладид» (*Vikublaðið*) была рубрика «С книжной полки» (*Úr bókahillunni*). 12 января 1996 там появилась заметка, посвященная «*Heimur Íslendingasagna*», где, в частности, говорится:

«При повторном чтении убеждаешься, что эта книга — жемчужина литературоведения. Несмотря на то, что предметом книги являются исландские родовые саги, она может принести истинную пользу и доставить удовольствие тому, кто не знает об этих сагах ничего. В ней говорится о положении человека в обществе, и о том, как он преодолевает трудности, строя свою судьбу. Иногда это — проблемы, возникшие по собственной вине, но чаще дело в процессах и обстоятельствах, повлиять на которые отдельному человеку не дано. Заключительная глава, пожалуй, самая оригинальная, которая вообще представлена в научной работе.»

Хельги Харальдссон

18.5.1972

Kæri vinur,

Ég vona, að þú hafir fengið skeyti mitt, þar sem ég segi, að kaflinn um sannleikann hefur aldrei verið velritaður. Ég á fyrri hluta kaflans í handriti, sem ég notaði, þegar ég var að flytja fyrirlestur í háskólanum í Reykjavík. Ég sendi þér þetta handrit fyrir nokkrum dögum. Ég á líka velritað eintök kaflans um tíma og kaflans um bókmenntasögu. Mig langar að biðja þig um að senda mér, ef hægt er, velritað eintök af þýðingunni, þegar þú er buinn að velrita hana í heild. Svo er mál með vexti, að nokkrumfræðingur einn sem er mjög fátíkur í russnesku mun vonandi þýða bókina mína á nýnorsku fyrir Det Norske Samlaget, og þá mun þýðingin þín hjálpa honum stórum, af því að þar eru allar íslenskar ívitnanir í frummáli. Að öðrum kosti væri ég að leita þeirra í frumtextanum, sem ég vildi gjarna komast hjá.

Mér dettur nú líka í hug, að, ef höfundarlaun koma til mála, þá væri best, að þú fengir þau launað hjá mér og latir mig vita, hvernig á ég að snúast í því. Þú munt auðvitað fá tækifæri að gjalda mér skuldina seinna í þessu lífi á einhvern hátt.

Það er ekki samið ennþá um ensku þýðingu á bókinni minni. En talað er um Odense University Press í sambandi við The Viking Society.

Liberman varði doktorsritgerðina sína 16. maí með ágætum.

Bestu kveðjur til Þínu og Önnu og allra kunningja.

Þinn einlagur

Jón Steinar - Kármann

Дорогой друг.

Надеюсь, что ты получил мою телеграмму, где говорится, что главы о правде в машинописи не существует. У меня есть первая часть главы в рукописи, и я ею пользовался, когда читал лекцию в университете в Рейкьявике. Я тебе отправил эту рукопись несколько дней назад. У меня есть также машинописный экземпляр главы о времени и главы об истории литературы. Хочу тебя попросить прислать мне, если не сложно, машинописную копию примечаний, когда ты их перепечатаешь полностью. Дело в том, что один норвежский лингвист, который знает русский, похоже, хочет перевести ее на новонорвежский для «Дэ ношке самлаге»¹, и твои примечания могут существенно ему помочь, поскольку там есть цитаты на языке оригинала. В противном случае, мне придется отыскивать их в цитированных текстах, чего мне очень хотелось бы избежать.

Кроме того, мне пришло в голову, что, если за книгу вообще предусматривается гонорар, лучше всего было бы, чтобы ты его получил за меня и написал бы, что мне дальше делать. Ты, конечно, сможешь как-нибудь потом найти способ мне его отдать.

Еще ничего не решено относительно английского перевода моей книги. Но обсуждается [возможность публикации ее в] *Odense University Press*² в сотрудничестве с *The Viking Society*³.

16 мая Либерман успешно защитил докторскую диссертацию⁴.

Передай мои наилучшие пожелания Дине и Анне, а также всей твоей семье.

Твой искренне

М. Стебляк-Камарский

*В оригинале по-исландски.

¹ *Det Norske Samlaget* — норвежское издательство, основанное в 1868 г. и специализирующееся на издании книг на новонорвежском языке.

² Издательство Университета Оденсе — крупнейшее издательство в Дании; основано в 1966 г.

³ «Викинговое общество» — создано в 1892 г. (первоначально «Оркнейское, шетландское и северное общество», «Оркнейский клуб») в целях изучения истории, культуры и литературы древней Скандинавии.

⁴ Просодика исландского языка. Синхрония, типология, диахрония. Опубликовано: *Либерман А.С. Исландская просодика*. Л.: Наука, 1971.

12.8.1972*

Дорогой друг,

Давно уже я не писал тебе и не получал писем от тебя. По правде говоря, я не писал, поскольку в последнем твоём письме ты обещал вскоре написать снова и рассказать, как продвигается дело с твоим переводом.

Получил ты мое письмо от 18-го мая? В нем я просил тебя послать мне, если возможно, машинописный экземпляр твоих примечаний (я хотел послать их норвежцу, который собирается перевести мою книгу на новонорвежский, и ему могут понадобиться исландские цитаты в оригинале).

В июле я был в Пушкинских Горах, а теперь вернулся в Ленинград, где этим летом жарко, как в тропиках. Я часто слышу [по радио] и читаю о Рейкьявике и вспоминаю тебя. В остальном же, с новостями здесь скудно.

Передай мои наилучшие пожелания Дине и Анне, а также всей твоей семье.

Твой искренне

Mikjáll

_____

*В оригинале по-исландски.

13.2.1973*

Дорогой друг,

Сердечно благодарю тебя за письмо от 28/1 и надеюсь, что до тебя дошло мое декабрьское письмо. Конечно, до меня дошли известия об ужасном стихийном бедствии на Вестманнаэйар. Я читал об этом во французских и датских газетах и слышал от трех исландцев, которые недавно были здесь в Ленинграде. Один из них, Бальдур Оускарсон (или это был Кристьяун Ингоульфсон?) хорошо тебя знает. А исландская газета от конца февраля еще не пришла.

Я не получаю «Скирнир»¹, и ни одна ленинградская или московская библиотека его не получает. Но Магнус Пьетурссон прислал мне машинописный экземпляр своей рецензии на «Мир саги».

О моей семье или твоих ленинградских знакомых сообщить особенно нечего. Петрова я не видел несколько месяцев и не знаю, что он сейчас делает. Мещерский председательствует в совете и не столь разговорчив, как прежде. Берков составляет русско-норвежский словарь. Халипова (ты с ним знаком?) взяли преподавать шведский и

голландский (его сейчас преподают в университете). А исландский не преподают, и ни одного исландца в Ленинграде нет. Я преподаю древнеисландский, веду семинар по древнеисландской литературе и собираю материал для книги о ворах Одина.

Что касается твоего перевода примечаний, то с ним все в порядке. Но я думаю, не нужно давать список русских переводов саг (стр. 3–4, 8 и 9–10).

Несколько отдельных замечаний: <...>²

Твой

Mikjáll Jónsson

¹ В оригинале по-исландски.

² «Скирнир» (“Skirnir”) — журнал Исландского литературного общества, одно из самых старых периодических изданий в Европе (выходит с 1827 г.).

³ Следуют девять замечаний технического характера.

10.3. 1973

Дорогой друг,

Большое спасибо за письмо от 23 февраля. Ты, видимо, не получил мою рождественскую открытку, раз спрашиваешь, послал ли мне кто-нибудь «Дар Божий»¹; ты же прашивал об том в письме от 22 ноября, и я ответил (если память мне не изменяет) в моей рождественской открытке, что никто мне эту книгу не прислал и что я очень хочу ее прочесть. Я бы также очень хотел получить последний выпуск «Скирнира». Дело в том, что боюсь позабыть все, чему ты меня учил. По-исландски мне совершенно нечего читать, кроме «Тьоудвильян»², а в романах, которые там публикуются, нет либо начала, либо конца, либо того и другого, а о стихийных бедствиях в Исландии я узнал задолго до того, как прочел об них в этой газете. Все же иногда в ней можно найти такое, чего не прочтешь нигде больше. Так, я прочел там, что 11 января у Исафьорда³ возник «баусарок»⁴, и море залило Хапнастрайти⁵, а брызги долетали до верха двухэтажных домов, которые стоят вдоль улицы. Далеко это от Сундстрайти?⁶

Наилучшие пожелания Дине, а также Анне и Асте.

Твой

Mikjáll

¹ В оригинале по-исландски.

² «Дар Божий» (“Guðgjafapula”) — роман Хаудльдоура Лакснесса (1972).

“Þjóðviljinn” — орган Социалистической партии Исландии (“Sameiningartflokkur — alþýðu Sosialistaflokkurinn”), возникшей перед войной в результате слияния компартии и левого крыла соц.-демократической партии. Редактором газеты долгое время был Ауртин Бергманн, выдающийся знаток русского языка, литературы, культуры и истории. Его чрезвычайно интересные работы о культурных связях России и Исландии высоко ценятся специалистами.

Когда Михаил Иванович не получал очередной номер газеты, это значило, что там было что-то критическое по отношению к СССР. Непонятно только, кто следил за этим.

¹ Исафьорд (*Ísafjörður*) — самый большой город в Западных фьордах (*Vestfirðir*).

² «Баусарок» (*báasarok*) — очень сильный шторм с высокими пенящимися волнами.

³ Hafnastræti — букв. Гаванская улица.

⁴ Sundstræti — букв. Провиантная улица. В доме 28 Хельги Харальдсон с семьей прожил два года (1972—1974), когда работал преподавателем местной гимназии.

27.6.1973

Ленинград

Дорогой друг!

Сердечно благодарю тебя за «Дар Божий» и две новые марки. Я был рад книге, не только потому, что мне хотелось ее прочесть, но еще и потому, что я очень давно не получал известий от тебя и вообще из Исландии.

В последнее время я был по горло занят в университете, но теперь занятия кончились, и я думаю на какое-то время съездить в Пушкинские Горы. А в августе вернусь в Ленинград. Собирается в Ленинград Дина?

Книга «Исландские саги. Ирландский эпос»¹ вышла несколько дней назад. Я пришлю тебе экземпляр, но сейчас у меня нет ни одного, а достать книгу невозможно. Скоро выходит «Скандинавский сборник»², где ты пишешь обо мне. Я видел корректуру и остался вполне доволен. Почему-то всегда приятно, когда тебя хвалят. А есть ли какие-нибудь новости о твоём переводе «Мира саги»?

Семнадцатого июня³ никакого праздника в посольстве не было: Оддур⁴ сейчас где-то в Германии. В последний раз когда я был в Москве, я навестил Сигурда⁵ и воспользовался случаем поговорить по-исландски.

Шлю наилучшие пожелания тебе и твоей семье.

Твой

Микьятль Йоунссон

² В оригинале по-исландски.

¹ Библиотека всемирной литературы. Москва. 1973.

² К 70-летию Михаила Ивановича Стеблин-Каменского // Скандинавский сборник. Таллин. 1973. Вып. 18. С. 11–33. (Авторы статей: Х. Харальдссон, В.П. Берков, А. Алас, И.П. Иванова, О.А. Смирницкая).

³ День независимости Исландии (1944).

⁴ Оддур Гвудйоунссон.

⁵ Сигурдюр Хафстад.

74

13.10.1973

Дорогой друг!

Прежде всего, хочу поблагодарить тебя за нашу последнюю встречу и в особенности за чудесную поездку на запад в Греф. Прошу тебя передать мою благодарность за прошлый раз твоим братьям и их семьям. Я не написал тебе раньше, так как сначала я был на отдыхе в Крыму, и там было не до писем, а потом начал работать и стало тем более не до писем. А сейчас подле меня находится Сигрид Оуладоухтир из Рейкьявика (она изучает в университете русский язык), которая помогает мне писать по-исландски (исландский [*islenska* – Ю.К.] не через “z”!).

После того, как я вернулся из Исландии, я поехал в Данию и поездил там немного. Осмотрел викингский лагерь в Траллеборге, корабли викингов в Роскилле и экспериментальную археологическую станцию в Лейре. Теперь так выходит, что завтра я снова еду в Данию, точнее, в Оденсе, где буду читать лекцию об исландских сагах.

Передай привет Дине, Анне и Асте.

Твой

М. Стеблин-Каменский

¹ В оригинале по-исландски.

² До 1973 г. это слово писалось *islenska*; с 1973 г. буква z в исландских словах отменена.

127

Ленинград

20.4.1974

Дорогой Хельги!

Большое спасибо за письмо и «Перечень скальдов» (и то и другое пришло вчера). Книга оказалась занимательной. Замечательно, что тебя берут преподавать в университете в Осло! Нет, я не знаю Терье Матиассена лично. А профессор Сири Линден, преемник (или преемница?) Станга, — мой добрый друг (или приятельница?).

Странно, что Линдаль все еще недоволен [переводом]. Мне это не нравится. Между тем, в Оденсе, вышел английский перевод книги [«Мир саги» — Ю.К.]¹. Это было в октябре, когда я там был. И на две недели было мне чем развлечься (хоть и в священном месте).

Сейчас в Ленинграде ни одного исландца. Сигрид Элладохтир (не Оуладохтир!) в конце декабря уехала в Шотландию и собиралась вернуться в январе. Но, видимо, какое-то чудовище морское ее проглотило. Ее отец — врач, он долго жил в Швеции; и у нее много братьев и сестер.

Нет, спасибо тебе заранее, но никакие исландские книги мне не нужны. Но нужна одна почтовая марка. Она вышла в 1973 году в наборе «Сто лет почтовой марке»; ее стоимость 40 крон, если я не ошибаюсь (у меня есть марки по 10, 15, 20 и 80 [крон], а пятой не хватает).

Не исключено, что я приеду в Рейкьявик в конце июля (там тогда состоится конференция по скандинавским литературам). Но тогда, к сожалению, ты будешь в Осло!

Передай привет твоему семейству от меня и моей семьи.

Твой

Микьяльт

---

¹ В оригинале по-исландски.

¹ The Saga Mind. Odense: Odense Universitetsforlag, 1973.

27.5.1974¹

Дорогой Хельги,

Спасибо за письмо и марку. Она дошла в полной сохранности. Очень рад, что ты получил такую хорошую работу и будешь преподавать русский язык в Осло. А вот бедный Магнус Пьетурссон, который защитил в Страсбурге докторскую диссертацию¹ и выучил русский язык специально для того, чтобы читать работы Либермана (и мои) по исландской фонетике, сидит в Сельфоссе без работы. Он опубликовал во Франции целую книгу по исландской фонетике в свете радиокинематографии (а я даже не знаю, что такое радиокинематография). Может быть, ты теперь сможешь и к нам приехать? Осло ведь ближе к Ленинграду, чем Рейкьявик.

Как выяснилось, я не поеду в июле на конференцию в Рейкьявик. Министерство не включило мою поездку в план. Председатель оргкомитета конференции Свейтн Скорри Хескульдссон рассчитывает, что я приеду, и спрашивает меня о чем-то. А я ему не пишу, что не приеду: боюсь, что он начнет что-нибудь предпринимать, предложит оплатить мой приезд (у оргкомитета есть на это средства), но

это будет бесполезно, министерство все равно не пошлет меня, скажут, что слишком поздно. Вот, может быть, устроители конференции по сагам (она должна состояться в Осло в будущем году) сумеют меня пригласить более толково, и тогда мы встретимся в Осло.

Сердечный привет Дине и твоим дочерям, которых я надеюсь когда-нибудь увидеть.

Твой Микьяутль

P.S. Не нужны ли тебе какие-нибудь книги в связи с твоей новой работой? Я очень охотно пришлю тебе любую книгу, если только ее можно достать у нас.

МСК

Mikjáll Jónsson

В оригинале по-исландски.

¹ Magnús Pétursson. *Aspects acoustiques et articulatoires du phonétisme islandais*. Université de Strasbourg. Защищена 15 декабря 1973.

11.7.1974

Пушкинские Горы
Псковской области

Дорогой Хельги,

Спасибо за письмо, которое я только сегодня получил здесь в Пушкинских Горах, куда я приехал на месяц. Боюсь, что мое письмо не застанет тебя в Исландии, но надеюсь, что тебе перешлют его в Осло, даже если твоя семья немного пострадает от этого. В конце июня в Ленинград приезжала Сири Лунден, с которой у меня давнишняя дружба. Она рассказывала о том, как она энергично боролась за то, чтобы взяли в университет тебя, а не кого-нибудь другого. Ведь в Норвегии много русистов, так что тебе очень повезло, что тебя взяли. А университет в Осло – это, конечно, не то, что *menntaskóli*¹ в глуши Исландии. Так что держись за Осло!

Сигурда Хавстада я видел в Москве 17 июня и прощался с ним и Рагнхейд. Петрова² я видел в Ленинграде и договаривался с ним об издании его переводов исландских поэтов под моей редакцией. Но у нас еще пока нет договора. Берков, кажется, собирается копчить свой словарь в этом году, но я точно не знаю и вообще я не в курсе словарных дел.

Книги, о которых ты пишешь, вряд ли можно достать. Наверное, они давно распроданы. Но все же я попытаюсь предпринять что-нибудь, когда вернусь в Ленинград, т.е. после 1-го августа. Что же

касается меня, то меня интересует продолжение *Skáldatal*³, которую ты мне прислал. Но вряд ли продолжение есть!

Недавно кончил подготовку к печати перевода «Саги о Греттире» и сейчас усиленно работаю над книгой о мифах.

Привет всей твоей многочисленной семье.

Твой

Nikjáll Jónsson

Моя жена тоже шлет привет всем вам.

¹ Гимназия (исл.)

² С.В. Петров.

³ «Перечень скальдов» в «Младшей Эдде».

31.10.1974

Дорогой Хельги!

Спасибо за письмо, которое я получил давно. Рад, что ты хорошо устроился в Осло и что ты преподаешь там в университете. Сири Люнден была здесь в июне, и я ей всячески тебя расхваливал. Так что не подведи!

А я только совсем недавно вернулся в Ленинград. В сентябре я был в Крыму. Проводил там вторую половину моего летнего отпуска (первую половину, июль, я был с женой в Пушкинских Горах). А в конце сентября, сразу после того, как я вернулся из Крыма, я полетел во Владивосток (надеюсь, что ты знаешь, где это). Прочел там целый курс лекций в Дальневосточном университете (наш университет шефствует над этим университетом, если ты понимаешь, что это значит, я не очень понимаю это).

Все время продолжаю работать над моей новой книгой, которая будет называться «Миф». Половина этой книги будет посвящена анализу мифов из Эдды, Старшей и Младшей, а другая половина – мифу вообще, т.е. критике разных теорий и моей собственной теории. Сейчас я уже кончаю переписку книги набело и надеюсь недели через две сдать рукопись в переписку на машинке. Но я уж не буду просить тебя перевести эту книгу на исландский. Сигурд Линдаль пишет мне, что он никак не может получить от тебя твой перевод. Не скрою, что это меня огорчает. Все же я надеюсь, что ты сдашь ему перевод в ближайшем будущем. Недавно я заключил договор с одним чешским издательством о переводе книжки на чешский язык. А английское издание я, наверно, послал тебе? Оно уже давно вышло. Если хочешь, вышлю.

Мне сейчас совершенно не с кем поговорить по-исландски, и

никто не может мне исправить написанное. Поэтому я не решаюсь писать тебе по-исландски.

Привет Дине, девочкам, а также Сигурду Хавстаду, ты его, наверно, встречаешь.

Твой

М.Стеблин-Каменский

13.1.1975

Дорогой Хельги!

Получил твое письмо с печальным известием о смерти твоего отца. Я его мало видел (только в Рейкьявике в 1971 году у тебя на квартире в Утхлид), но у меня осталось о нем яркое впечатление, как об одном из самых обаятельных исландцев, с которыми мне приходилось встречаться.

Перевода моей книги я до сих пор не получил. Писал об этом Фидьестелю, но он ничего не отвечает. Не мог бы ты спросить в издательстве (оно называется «Дэ ношке самлаге» и помещается, насколько я понимаю, в Осло), собираются ли они прислать мне сколько-нибудь экземпляров. Несколько месяцев тому назад они прислали мне гонорар через *The USSR Copyright Agency*¹, за что я им чрезвычайно благодарен. Или, может быть, книга не дошла?

Рецензия (вернее, статья) Халльберга о «Мире саги» была напечатана в *Mediaeval Scandinavia*, 7(1974) и по-шведски в *Edda*, 1974.9. Мой ответ напечатан в *Mediaeval Scandinavia*, 8 (1975). Но я еще не получил оттиска. Когда получу, пришлю тебе. Ответ Халльберга на мой ответ и мой ответ (которым дискуссия должна кончиться) на его ответ на мой ответ, вероятно, пойдут в следующем номере того же журнала (он выходит в Оденсе).

Привет Дине и дочкам

Твой

М. Стеблин-Каменский

¹Агентство по охране авторских прав СССР.

19.1.1975

Дорогой Хельги,

Благодарю тебя за письмо от 20.12.74. Надеюсь, что Людмила Павловна Чахоян, которая несколько дней назад уехала в Осло преподавать русский язык в Университете, сказала тебе, что я полностью согласен с тобой в том, что касается твоих переводов, а именно: на стр. 50 лучше всего сказать так, как у тебя сказано ("sömuleiðis

geta nútímaord” и т.д.¹⁾, а на стр. 54 лучше избежать того, что сделано в английском переводе (“*thus the name Aristotle may acquire*” и т.д.). Бурфеллсский Баудур и т.д. мне не нравится, точно так же, как Аристотель по-английски (хотя, к стыду моему, я никогда не читал роман «Юноша и девушка»)²⁾.

До меня дошло, что меня хотят пригласить приехать в Исландию в начале марта с делегацией Общества дружбы. Я, естественно, не могу отказаться от приглашения. Может быть, твой перевод выйдет к тому времени в Исландии?

Передай привет Дине и детям

Твой

Mikjall

В оригинале по-исландски.

¹ Ср.: «Точно так же современное обозначение [поэзии]». Мир саги. Ленинград: Издательство «Наука» (Ленинградское отделение), 1972. Стр. 50.

² Речь идет о главе «Где границы человеческой личности?» «Мира саги», где упоминание Аристотеля отсутствует, ср.: «имя собственное, обозначающее кого-то, обладающего общеизвестными признаками, легко становится обозначением этих признаков, т.е. как бы “развоплощается”» (стр. 54). В английском переводе Кеннета Обера к этому добавлено: “*thus the name Aristotle may acquire the meaning ‘a very intelligent man, for example’*” (*The Saga Mind*. Odense University Press, 1973. P. 68.). С той же целью переводчик книги на исландский язык намеревался использовать «Бурфеллсского Баудура», скопидома, типа «Плюшкина», из романа Йоуна Торродсена «Юноша и девушка» (“*Piltur og Stúlka*”, 1850).

14.3.1975

Дорогой Хельги,

Большое спасибо за письмо от 3 го прошлого месяца.

Как я тебе писал, в начале января меня пригласили поехать в Исландию по линии Общества советско-исландской дружбы. Они ко мне с этим пристали, и я начал готовиться к поездке в Исландию. Так продолжалось некоторое время, но вчера мне сказали, что делегация уже уехала во Фроун¹. Таланты талантами, а везение везением. Жаль, что я не смогу прочесть во Фроуне твой перевод. Или его там не будет?

Неделю назад я обнаружил, что у нас в университете есть два исландца: Ингюнн Аусдисардоухтир, которая изучает русский, и Паудль Сигурдссон, который хочет написать диссертацию по математике. Так приятно было поговорить с исландцами, только грустно убедиться, что я забыл все, чему ты меня научил.

Мещерский шлет тебе привет и передает, что рад твоему письму. Он очень дружески говорил о тебе.

Дома все в добром здравии, и ничего особенного не происходит.

Передай привет Дине и девочкам. Наилучшие пожелания Сигурду и его семье. Встретиться с Хильдур¹ в Москве мне не удалось.

Твой

Miyall Jónsson

* В оригинале по-исландски.

¹ Фроун (исл. *Frón*) — поэтическое название Исландии.

² Хильдур Хафстад (*Hildur Hafstad*) — дочь Сигурдюра Хафстала.

15.8.1975

Дорогой Хельги.

Пишу тебе по-русски, но не потому, что я совсем забыл исландский (я его еще немного помню, хотя с 17 июня, когда я был в посольстве, мне не приходилось говорить по-исландски), но потому, что тебе наверно полезнее читать письма, написанные по-русски. Как ты поживаешь? Был ли летом в Исландии? Не собираешься ли в наши края? Еще хочу тебя спросить вот что: отослал ли ты перевод моей книги Линдаля, как предполагал, и не слышал ли чего-нибудь от Линдаля? Чешский перевод книги выйдет скоро, норвежский, видимо, тоже. Во всяком случае, я уже получил гонорар за книгу из Норвегии. Но дело не в гонораре, как ты понимаешь. Если гонорар затрудняет Линдаля, то я готов отказаться от него, как я отказался от гонорара за английское издание, но обидно, что твой перевод не используется, и хотелось бы, чтобы книгу почитали в Исландии. На книгу было много положительных рецензий (одну из лучших из них написал Фидьестель). Но в прошлом году один швед, Петер Халльберг из етеборга, над которым я немного издеваюсь в моей книге и который, видимо, очень рассердился, обрушился на меня в журнале «Эдда» и вторично в журнале «Медиивал Скандинавия». Редактор этого второго журнала предложил мне ответить Халльбергу. Я сначала отказался, считая, что неудобно автору вмешиваться в обсуждение своей книги, но потом все же написал ответ Халльбергу и рассчитываю, что для этого шведа мой ответ будет тем же, чем Полтавская битва была для Карла Двенадцатого. Собираюсь писать новую книгу (о скандинавской средневековой литературе) и начал переводить «Хеймскринглу».

Привет Дине

Твой

М.Стеблин-Каменский

21.10.1975

Дорогой Хельги!

Хотя я не совсем забыл исландский язык, но все же писать по-русски проще, да и тебе полезно почитать по-русски, так что уж напишу тебе по-русски. Спасибо тебе за письмо от 26 августа, в частности, спасибо за сведения об исландском издании моей книги. Но от Линдаля я до сих пор ничего не слышал и только что написал ему с просьбой сообщить мне, что слышно о моей книге. Между тем чешское издание моей книги должно вот-вот выйти (уже была корректура), а норвежское издание (в переводе Б. Фидьестеля) тоже, наверно, выйдет скоро, судя по тому, что мне уже перевели из Норвегии за нес большой гонорар. Что касается Халльберга, то Полтавская битва затянулась. Халльберг, узнав о моем ответе, попросил дать ему его прочесть до опубликования и разрешить ему опубликовать ответ на мой ответ. Но редактор журнала просит меня написать ответ на его ответ на мой ответ и обещает, что мой второй ответ закончит дискуссию. Этот мой второй ответ я написал, но еще не отослал в Оденсе. Наверно, он будет опубликован на будущий год. Не знаю, будет ли в номере этого года (который должен появиться скоро) только мой ответ или также и его ответ на мой ответ.

В Ленинграде появилась новая исландка Иане Пинд. Родители ее датчане, осевшие в Исландии лет двадцать тому назад. Но она родилась в Исландии и, насколько я могу судить, говорит по-исландски без датского акцента. Исландка, которая была здесь в прошлом году – Ингюнн Аусдисардоухтир – к сожалению, уехала. Есть еще в Ленинграде один исландец-математик (Паудль Сигурдссон), но он очень неразговорчив, и я его плохо понимаю (говорит очень неотчетливо).

Я еще пока не ухожу на пенсию, но кроме университета занят разными делами: перевожу Хеймскринглу (она должна выйти в серии «Литературные памятники» через несколько лет), редактирую сборник «Скандинавская баллада» (он должен быть в этой же серии) и работаю над книгой «Скандинавская средневековая литература». В этой книге 9/10 будет исландская литература, но будет также немножко и о средневековой литературе в других скандинавских странах.

Рад был бы получить от тебя письмо. Привет Дине и твоим девочкам. Не собираешься ли в наши края? Я пока никуда не собираюсь,

Твой

М. Стсблин-Каменский

25.2. 1976*

Дорогой Хельги,

Большое спасибо за два письма и открытку; и извини за то, что мне придется воспользоваться твоей помощью в связи с пересылкой моей книги, которую издательство мне выслало.. Так получилось, что неделю назад я оказался в Москве, и какой-то чиновник в Copyright Agency¹ сказал мне, что никакие книги к ним не приходили; в этом он меня клятвенно заверил. Однако он уверил меня и в том, что книги должны прибыть через какое-то время. Из этого я заключил, что показалась каким-то почтальонам моя книга такой захватывающе интересной, что они не могут с ней не расставаться, пока не прочтут от корки до корки несколько раз. На это, конечно, уйдет много времени.

Я с прошлого года ничего не слышал о Сигурде Линдале. Но мне бы не хотелось спрашивать его о твоём переводе: я прекрасно понимаю, что исландцам сейчас есть, о чем подумать и без этого, поскольку в Исландии столько произошло в последнее время². Весной я должен был ехать с лекцией в Кембридж. Но в знак протеста не поеду.

Шлю привет твоей семье.

Твой

* В оригинале по-исландски.

¹ Имеется в виду Агентство по охране авторских прав.

² В это время у Исландии были серьезные разногласия с Великобританией и ФРГ. В 1972 г. альтинг постановил расширить рыболовную зону Исландии с 12 до 50 миль. Выпыхнула так называемая «тресковая война»: корабли исландской сторожевой охраны препятствовали британским и немецким траулерам вести лов рыбы в 50-мильной зоне. В мае 1973 Великобритания направила в район конфликта свои военные суда. Конфликт разбирался в Совете безопасности ООН. В конечном счете было подписано соглашение о введении квоты на лов рыбы в исландской 50-мильной зоне.

4.4. 1976*

Дорогой друг!

Большое спасибо за письмо от 16.3. Я уже получил все пять посылок с моими книгами из De Norske Samlaget; мне этого достаточно, так что ты, можешь не беспокоиться на этот счет.

Неделю назад я отправил тебе посылку с моей новой книгой которая называется «Миф» вместе с оттисками моих статей, где я намекаю читателям, что Халльберг — либо дикарь. либо обезьяна¹. Но не знаю, удалось ли мне.

С наилучшими пожеланиями

Твой

Mingall

¹ В оригинале по-исландски.

¹ Имется в виду ответ М.И. Стеблин-Каменского на рецензию П. Халльберга на английский перевод книги «Мир саги» (P. Hallberg. The Syncretic Saga Mind: A Discussion of a New Approach to the Icelandic Sagas // Medieval Scandinavia. 1974. VIII. P. 102–117), который заканчивается словами: «Дикарь, который вскрикивает в то, что обезьяны не разговаривают, потому что это — просто хитрые люди, несомненно убежден, что его объяснение — самое правильное, и конечно, нет никакой возможности его в этом переубедить» (М.И. Стеблин-Каменский. Some Considerations on Approaches to Medieval Literature // Medieval Scandinavia. 1975. IX. P. 191. В оригинале по-английски).

5.7.1976

Дорогой Хельги!

Высылаю тебе чешский перевод «Мира саги». Он недавно вышел в Праге. может быть, тебе будет забавно вспомнить чешский язык.

Кстати, не слышно ли что-нибудь об исландском переводе этой книги? И как поживает Сигурд Линдаль?

17 июня я был в Москве на приеме в посольстве. Там появилась новая исландка. Ее зовут Гуннхильд. Она приехала на место Вигдис, которую ты, вероятно, знаешь. Гуннхильд очень милая девушка, но вид у нее немного злоедейский, как у королевы Гуннхилы. А в Ленинграде сейчас совсем не осталось исландцев, так что не с кем поговорить по-исландски.

С 26 по 31 июля у вас в университете будет происходить конференция по сагам. Я, конечно, не смогу приехать. Но я очень прошу тебя сказать организаторам конференции (Э.Ф.Хальворсену или Х.Магерей, или кто там у них секретарь конференции), что я, к сожалению, не могу воспользоваться приглашением на конференцию, но очень хотел бы получить материалы конференции — тезисы докладов или что там у них есть или будет опубликовано позднее — и заранее благодарю за присылку мне этих материалов.

На днях я уезжаю в Пушкинские Горы на лето, но пока не знаю своего адреса там. Писать мне лучше в Ленинград, мне перешлют.

Привет всей твоей семье и лучшие пожелания.

Твой

М.Стеблин-Каменский

11.9.1976

Дорогой Хельги!

Спасибо за письмо и две фотографии. Очень милые у тебя дочки и похожи на тебя и друг на друга. Материалы конференции по сагам я получил некоторое время тому назад. Пожалуйста, поблагодари Фридрика Тордарсона, я очень ему обязан.

С исландцами давно не встречался, ни с живыми, ни с привидениями, и даже читать по-исландски приходится очень мало. Поэтому пишу тебе по-русски. Но думаю в скором времени заняться вплотную переводом «Хеймскринглы» (у меня есть договор на этот перевод с издательством «Наука»).

Недавно я вернулся из Пушкинских Гор, где я провел июль и август. Я там закончил книгу «Древнескандинавская литература» и хорошо отдохнул. Сейчас готовлю к печати книгу «Скандинавская баллада» (переводы не мои, мои только редакция, статья и комментарии) и рассчитываю в октябре сдать ее в печать.

Передай привет Дине от меня и от жены и поблагодари ее за письмо, которое я получил летом.

Твой

М.Стеблин-Каменский

[Без даты]

Дорогой Хельги!

Я получил только что 2 экземпляра норвежского издания «Мира саги», так что я напрасно просил тебя обратиться в издательство. Оно само прислало мне книгу. Прости, пожалуйста, что я тебя напрасно побеспокоил! Правда, теперь у меня к тебе другая просьба: не можешь ли ты сам прислать мне 1 или 2 экземпляра моей книги? Дело в том, что я должен дать экземпляр в библиотеку нашей кафедры, в библиотеку университета, в библиотеку факультета и т. д. Я боюсь, однако, что покупка книги может разорить тебя. В таком случае ты, может быть, ограбишь кого-нибудь? Например, Сигурда

Хавстада, который, кстати сказать, видимо, не получил моего новогоднего поздравления. Передай ему от меня сердечный привет.

Привет Дине и дочкам!

Твой

М.Стеблин-Каменский

24.11.1977

Дорогой Хельги!

Пишу тебе еще из больницы и потому от руки и по-русски (здесь у меня нет ни пишущей машинки, ни словарей, ни письменного стола). Но я уже совсем поправился и через несколько дней вернусь домой.

Конечно, давно пора была бы взяться за Сигурда Линдаля. Он, по-видимому, жулик и лгун. Его ссылки на то, что твой перевод якобы нуждается в редактировании – вранье. В прошлом году я пытался добиться от него ответа через Арни¹ Бергманна и Эйнара Ольгейресона, но ничего не добился. А на днях я читал в газетах, что «профессор С.Линдаль» играет очень некрасивую роль в конфликте между рабочими и предпринимателями. Многие профессора жулики, однако имей в виду, что мне лично (подчеркнуто автором – Х.Х.) он ничего не должен платить, так как книга моя вышла до закона об авторском праве на книги советских авторов, выходящие за рубежом. Что касается самой книги, то, как я, кажется, писал тебе, на нее было больше тридцати положительных рецензий, и она опубликована на английском, норвежском и чешском. Лучшую рецензию на нее написал Бьярне Фидьестель из Института скандинавистики в Бергене (он же был и переводчиком, и сейчас печатается его перевод части моей книги «Миф»). Торгейра Торгейрссона и Вильборг, его жену, я очень хорошо помню и часто читаю о них в Fjodviljinn. Прилагаю доверенность, которую я подписал. Но если надо еще как-то заверить мою подпись, то напиши мне, как это полагается у вас делать. Я оставил у себя копию, так что могу прислать другую доверенность, оформленную как надо.

Предай мою большую благодарность за хлопоты Сири, Фьеллю-Халвортену и Магерей.

Привет всей твоей семье

М.Стеблин-Каменский

Транслитерация имени *Arni*; произносится *Ауртни*.

3.II.1978*

Дорогой Хельги!

Спасибо за открытку и сообщение о «Мире саги.»

А мне хочется передать тебе, что пишет по этому поводу мой друг Магнус Пьетурссон, который еще в 1972 году опубликовал в «Скир-нире» отличную рецензию на «Мир саги», в которой он, в частности, писал о необходимости издать эту книгу в Исландии. Магнус защитил докторскую диссертацию в Страсбурге, и с тех пор он профессор университета в Гамбурге и бывает в Исландии только изредка. Его последняя книга — превосходный учебник исландского языка для иностранцев. Она написана по-немецки, но он хорошо владеет и русским языком, который он изучил для того, чтобы читать работы советских лингвистов. Он пишет мне: það er dapurlegt, að “Мир саги” skuli ekki koma út á Íslandi. Ég óttast, að þar sé einhver, sem vill hindra, að hún komi út, af því að hún passar ekki við kenningar hans. Svoleiðis lagað er því miður títt á Íslandi. Ég veit ekki, hver þetta gæti verið, en ég mundi ráðleggja þér, ef þú átt einhverr góðan vín á Íslandi, sem þú treystir að þú bæðir hann að tala við Sigurð Línal í fullri alvöru og fá að vita, hvornig í þessu liggur og, ef hann gæli ekki á-kveðið loford og frest, mundi ég draga handritið til baka, of fá það í hendur öðrum útgefanda. Það eru margir útgefandur til á Íslandi og bók þín er þess eðlis, að engin hættu er á, að ekki verði nógir, sem áhuga hefðu á henni¹.

Магнус наверно прав. Все, что Сиурд Линдаль говорил о необходимости правки твоего перевода, конечно, сплошное вранье! Но не будучи исландцем, я не в силах его опровергать. Все дело, конечно, в том, что кому-то невыгодно опубликование моей книги, потому что я в ней осмеиваю то, как исландцы до сих пор занимаются изучением саг. Линдаль, конечно, обманщик, и надо бы давно порвать с ним и забрать от него твою рукопись.

У меня дома все благополучно, и я теперь, освободившись от заведывания кафедрой, спокойно работаю дома. Скоро закончу работу над «Хеймскринглой», которую я на две трети перевел сам.

Привет всей твоей семье

Твой

Mikájl Jónsson

* В оригинале по-исландски.

¹ «Грустно думать, что “Мир саги” может не выйти в Исландии. Боюсь, что кто-то препятствует ее выходу в свет, поскольку эта книга не согласуется с его собственными теориями. К сожалению, такое часто случается в Исландии. Не знаю, кто это мог бы быть, но я бы пореко-

мендовал тебе, если у тебя есть какой-то хороший друг в Исландии, которому ты доверяешь, попроси его поговорить откровенно с Сигурдом Линдалем и узнать, как обстоят дела, и, если он не даст четкого ответа и станет тянуть, я бы забрал рукопись и передал ее другому издателю. В Исландии много издателей, а книга твоя такова, что никто не рискнет[предположить], что не найдется достаточно таких, кто заинтересуется ею» (исл.).

1.6.1978

Дорогой Хельги!

В связи с тем, что, как мне сообщили, готовится издание «Мира саги» на польском языке (на английском, норвежском и чешском, как ты знаешь, она вышла уже давно), мне приходит в голову, что, может быть, Сигурд Линдаль не издает твой перевод вовсе не потому что, как он мне говорил и писал, твой перевод не хорош и нуждается в исправлении, а потому, что он сомневается, что книга будет интересна исландскому читателю и что он не знает, какой успех книга имела не только в СССР, но и в других странах. На книгу было опубликовано 32 рецензии (5 в СССР, 11 в Норвегии, 7 в Дании, 4 в США, 2 в Исландии, 1 в Швеции, 1 в Польше, одна в Чехословакии). Из этих рецензий (возможно, не обо всех мне известно) нетрудно было бы подобрать целый ряд очень хвалебных отзывов, в роде, например, таких:

“Eit meisterverk i den vanskelege og viktige genre som heiter popul?r vitskap viktig ikkje berre for å formidle vitskaplige resultat til ålmenta, men også det er eit form som tvingar vitskapsmannen til å tenkje genom faget sitt større samanheng, og å skilje mellom viktig og mindre viktig (B. Fidjestøl. Maal og Minne, No 1-2, 1973, s. 5),” Bók Steblin-Kameskijs er mikið listaverk og raunar hreinasta snilldaverk, enda vafalaust árangur margra ára, ef ekki áratuga, hugleiðinga um þessi efni... Enginn er efi á, að sérhver bókmenntafr?dingur myndi hafa hag af l?stri hennar og raunar hver sá, sem hefur áhuga á menningarsögu yfirleitt” (Magnús Pétursson, Skírnir, 1972, bls. 214-215). The Saga Mind er et spennende forsøg på at forbinde sagaforskning med et bevidst forhold til vort samfund uden at de bliver tale om en romantisering af fortiden. Bogen kan v?re med til at vise, at studiet af fortiden, f. eks. islandske sagaer, aldeles ikke, som mange trur, er virkelighedsfugt. Det er tvertimod en forpligtigende besk?ftigelse. forpligtigende overfor nutiden (K. Guldager, Fyens tiftidende, No. 273, 1973).”² “Stelin-Kamenskij makes us re-think our premises and persuades us to this hard and healthy exercise by his fresh insights, an engaging sardonic manner and many demonstrations of argumentative skill” (P. Foote, preface to the English translation of the book) ¹.

0.11.1971

добрый вечер!

Спасибо за открытку и сообщения о "Мире саги."

Мне хочется передать тебе, что мне пишет по этому поводу мой друг Магнус Петурсон, который еще в 1972 году опубликовал в "Скир-нире" отличную рецензию на "Мир саги", в которой он, в частности, писал о необходимости издать эту книгу в Исландии. Магнус защитил докторскую диссертацию ^{в Стокгольме} и с тех пор он профессор университета в Рамбоурге и бывает в Исландии только изредка. Его последние книги - превосходные учебники исландского языка для иностранцев. Она написана по-испански, но он хорошо владеет и русским языком, который он изучил для того, чтобы читать работы советских лингвистов. Он пишет мне:

Þú er djarfleg, að „Mirkinn“ skili ekki komu út á Íslandi. Ég óttast að þú sé einhver, sem vill hindra, að hún komi út, af þér að hún passar ekki við kenningar hans. Svolderis lagar er þú málur títt á Íslandi. Ég þest ekki, hver þetta gæti verið, en ég mundi ráðleggja þér, ef þú átt einhverj gífur þú á Íslandi, ^{þú sem þú myndir} þá þú þóttir kann að tala við Sigurð Lindal í fullri alvöru og fá að vita, hvernig ~~þú~~ í þessu liggur og, ef hann gæfi ekki ákveðið lafnið og frest, mundi ég draga handritið til baka og fá það í hendur þárum útgefanda. Þá er margi útgefendur til á Íslandi og þó þú þin er þess áttu, að engin hættu er á, að ekki veini þú. Sem á hvernig hef á á hinni.

Магнус, наверно, прав. Все, что Сигурд Линдаль говорил о необходимости правки твоего перевода, конечно, сплошное вранье! Но не будучи исландцем, я не в силах его опровергать. Все дело, конечно, в том, что кому-то невыгодно опубликование моей книги, потому что я в ~~ней~~ осмеиваю то, как исландцы до сих пор занимаются изучением саг. Линдаль, конечно, обманщик, и надо бы давно порвать с ним и забрать от него твою рукопись.

У меня дома все благополучно, и я теперь, освободившись от заваливания кафедрой, спокойно работаю дома. Скоро закончу работу над "Кеймскринглой", которую я на две трети перевел сам.

Привет всей твоей семье

Твой Mjall Jónsson

Мне не с руки писать самому обо всем этом Линдаля, и прежде всего потому, что я не могу опровергнуть его доводы, что твой перевод нуждается в стилистической правке (хотя я уверен, что он в ней совершенно не нуждается!), но, может быть, ты или твои исландские друзья смогут убедить Линдаля издать наконец твой перевод. Мне очень обидно, что ты потратил столько труда на перевод книги, а он не публикуется и тебе за него не платят!

Я поживаю хорошо. С первого июля передаю кафедру Беркову и с осени буду только консультантом на кафедре. Лето собираюсь провести в Павловске (мы уже сняли там домик). Привет Дине и твоим дочерям.

Твой

М. Стеблин-Каменский

¹ «Шедевр в трудном и важном жанре, который называется популярная наука, важном не только для ознакомления общественности с научными результатами, но и являющемся той формой, которая заставляет ученого продумать положение своей дисциплины в широком контексте и отделить важное от менее важного» (*Б. Фидельстель* — В оригинале по-новонорвежски. Перевод А.Н. Ливановой). «Книга Стеблин-Каменского — подлинное произведение искусства, настоящий шедевр, несомненно результат размышлений на данную тему на протяжении многих лет, если не десятилетий. Нет сомнений, что она будет полезна любому исследователю литературы и вообще всякому, кто интересуется культурой человечества» (Магнус Пьетурсен). «*"The Saga Mind"* — интересная попытка связать изучение саг с осознанным отношением к нашему обществу, избежав при этом какой-либо романтизации прошлого. Эта книга может послужить примером того, что изучение прошлого, например, исландских саг, вовсе не является, как думают многие, побегом от действительности. Напротив, это обязывающее занятие. Обязывающее по отношению к настоящему» (В оригинале по-датски. Перевод А.Н. Ливановой). «Стеблин-Каменский заставляет нас пересмотреть наши позиции; к занятию этим трудным и нужным делом, побуждает нас его свежий взгляд на предмет, извигательное обаяние его стиля и не раз продемонстрированное умение убеждать» (*П. Фит*. Из Предисловия к английскому переводу книги).

11.1.1979

Дорогой Хельги !

Вот последний мне известный адрес Сергея Владимировича Петрова: Невский 96/1, кв.24. Индекса не знаю и не могу дозвониться до него, чтобы спросить об индексе. Недавно пошла в производство наша книга «Поэзия скальдов» (его переводы, мои статья, комментарии и редакция). Обещают напечатать в этом году.

Что касается твоего перевода «Мира саги», то я все больше убеждаюсь в том, что его не печатают потому, что многое в нем не нравятся исландским исследователям саг (критика их методологии и насмешка над ними) и, в частности, Якову Бенедиктссону, самому маститому из исландских ученых и самому влиятельному. Ссылки на то, что твой перевод якобы нуждался в редактировании, только благовидный предлог. На самом деле твой перевод совершенно не нуждался в редактировании и фактически, наверно, никогда и не редактировался. Так что, конечно, нельзя рассчитывать, что твой перевод будет опубликован в издательстве, где всем заправляет Яков Бен. Его отложат на год, а потом еще на год и т.д. в надежде, что ты, наконец, примиришься с тем, что его не публикуют (как я уже давно примирился).

Берков уже давно оправился после своей операции и успешно заменяет меня на посту заведующего кафедрой. А я, в качестве профессора-консультанта, раз в неделю бываю в университете, а больше работаю дома.

Под новый год у нас были страшные морозы (*fimbulvetr?*), никогда таких не бывало, но теперь наступила оттепель, и страшно много снега. Наверно, и у вас так?

Привет Дине.

Твой

М. Стеблин-Каменский

25.03.79

Дорогой Хельги!

Йоун Тормодссон, секретарь исландского посольства в Москве, любезно предложил мне узнать у Сигурда Линдаля, как обстоит дело с изданием твоего перевода моей книги. Прилагаю письмо, в котором Йоун сообщает мне, что ему сказал Сигурд. Совершенно очевидно, что Сигурд все врет. Всего скорее, что твоя книга вообще не нуждалась в редакции. Но если она в ней и нуждалась, то совершенно невероятно, что за шесть лет он не мог найти никого, кто бы мог подправить перевод. Конечно, кто-то препятствует изданию книги в Исландии, и, скорее всего, это мой друг Якоб Бенедиктссон. Потому что, если бы Якоб не был против издания, то ему бы ничего не стоило ее издать, как было договорено с Кристином Адрессоном в свое время. Но Якоб, конечно, никогда не признается, так что ничего не поделаешь! Обидно только, что твоя работа пропала даром.

Я поживаю хорошо. Много работаю, но бываю в университете только раз в неделю (читаю курс древнеисландской литературы).

Привет всей твоей семье. Твой друг

Mikjáll Jónsson

8.09.1980

Дорогой Хельги!

Спасибо за письмо и приятное сообщение о том, что тебе удалось сдвинуть с места дело. Интересно было бы, конечно, если бы твой перевод моей книги был опубликован. Что касается моих публикаций за последнее десятилетие, о которых ты спрашиваешь, то кроме статей (около двух десятков) вышли английский, норвежский и чешский переводы «Мира саги» и книги «Спорное в языкознании», Л., 1974, «Миф», Л., 1976 (в США готовится английский перевод этой книги), «Историческая поэтика», Л., 1978 и «Древнескандинавская литература», М., 1979. Предполагается 2-е издание «Мира саги». Я ничего в книге не меняю, но в примечаниях добавляю сведения о русских изданиях саг, появившихся за последнее десятилетие («Исландские саги», М., 1973, «Сага о Греттире», Л., 1976 и «Круг Земной» Снорри Стурлусона, М., 1980), а также о некоторых новых работах о сагах и даю новое предисловие, в котором излагаю мою полемику с Хальбергом. Если ты или издательство найдете нужным дать это мое новое предисловие в исландском издании, я его сразу же вышлю тебе (это 9 машинописных страниц). Еще раз спасибо!

Сердечный привет всем твоим, а также Хавстаду и его жене.

Mikjáll Jónsson

P.S. «Круг Земной» («Хеймскрингла») еще не поступил в продажу, но уже отпечатан, так что скоро я пришлю его тебе. Собираюсь переводить «Сагу о Сверрире»¹.

¹ Сага о Сверрире. М.: «Наука» (Серия «Литературные памятники»), 1988) — последняя работа М.И. Стеблин-Каменского, завершенная и подготовленная к печати А.Я. Гуревичем, Е.А. Гуревич и О.А. Смирницкой.

6.02.1981

Дорогой Хельги!

Два месяца тому назад (8 декабря) я послал тебе экземпляр книги: Снорри Стурдусон, «Круг Земной», книга издана в серии «Литературные памятники», Москва, Изд-во «Наука», 1980 г. Мне очень хоте-

лось бы знать, получил ли ты эту книгу. Дело в том, что, как я подозреваю, книгу эту (так же, как и другой экземпляр, посланный мной в Исландию) присвоили работники нашего Ленинградского почтамта.. Книга в красивой обложке и дорогая, в магазинах Москвы была раскуплена в первый день, хотя тираж 25 000. Дело в том, что я тогда послал еще 4 экземпляра по разным адресам в Норвегии и другие страны, и эти 4 экземпляра мне вернули в Ленинградском почтамте, наклеив безграмотную надпись: «книги серии «Академия» вывозу за границу не подлежат». Но дело в том, что серии «Академия» не существует в природе. Когда-то (лет 50 тому назад) существовало изд-во «Academia», и книги, вышедшие в этом издательстве, как антикварные, вывозу не подлежат, но серия «Литературные памятники» не имеет никакого отношения к этому издательству. Она выходит в изд-ве «Наука» при Академии Наук. От редакции серии «Литературные памятники» был послан запрос по этому поводу начальнику Ленинградского почтамта, но он не соблаговолил ответить, что подтверждает мое предположение, что 2 экземпляра пропали на почтамте.

С приветом

М.Стеблин-Каменский

Привет всей твоей семье

5.3.1981

Дорогой Хельги!

Спасибо за письмо от 22 февраля, которое я получил сегодня. Отвечаю тебе, а не Гуннару, так не знаю его адреса. Заголовок “*Hugmyndaheimur Íslendingasagna*”, наверно действительно длинноват и тяжеловат. Но заголовки, которые ты предлагаешь, еще длиннее либо хуже в том или ином отношении. Во-первых, по моему, необходимо, чтобы в заголовке было *Íslendingasögur* или *-sagna*, а не просто *sögur* или *sagna* (в русском «саги» — это обычно и есть «саги об исландцах», но в исландском *sögur* может иметь гораздо более широкий смысл). Поэтому, по-моему, “*Sagnaheimar*”, “*Sagnaheimur*”, “*Sagnavitund*”, “*Týndir sagnaheimar*” и т.п. не годятся. Не годится, по-моему, и “*Vitund fornanna*” (*fornmenn* — слишком широкое понятие!). Во-вторых, “*Sagnaheimur*” и т.п. с подзаголовком длиннее и более громоздко, чем заголовок без подзаголовка! И вообще я очень не люблю подзаголовков и всегда старался к ним не прибегать. Хотелось бы, чтобы его не было. Не последовать ли примеру Фидьестеля, который свой отличный перевод «Мира саги» на новонорвежский (он у тебя, наверно, есть) назвал “*Islendingasogene og ví*”, и

назвать книгу *Íslendingasögur og við*” или *“Íslendingasögur og nútímatadur”* или *“Íslendingasögur og nútímaheimur”* (последнее, пожалуй, всего лучше)? Ведь основное в моей книге именно такое противопоставление, или стремление вскрыть различие между миром «саг об исландцах» и миром современного человека. Такой заголовок соответствовал бы и «неакадемическому» стилю книги, и, возможно, был бы предпочтительней и с издательской точки зрения, т.е. привлек бы более широкий круг читателей. Надеюсь, что мои пожелания еще могут быть использованы.

Привет Дине, а также Сигурду Хавстаду и его жене. Показал ли ты им нашу «Хеймскрингу»?

Твой

М.Стеблин-Каменский

27.04.1981

Дорогой Хельги!

Спасибо за письмо от 7.04. Ну что ж! Пусть будет *Heimur Íslendingasagna*¹. Но, название, предложенное тобой (*Íslendingasögur í skuggsjá tímans*) мне кажется и оригинальнее и точнее.

В связи с тем, что ты собираешься в Исландию, у меня к тебе есть несколько просьб.

1) Передай привет всей Исландии.

2) Спроси у Аурни² Бергманна, получил ли он «Круг Земной». Я ему послал его еще в декабре, а в феврале писал ему с просьбой сообщить, получил ли он эту книгу. Но он ничего не ответил. Если он все же получил ее, то, может быть, он передаст ее в *Handritastofnun*³. Ведь они, кажется, собирают переводы древних исландских памятников, а Аурни вряд ли в ней нуждается. Заодно скажи Аурни, что я очень благодарен (подчеркнуто автором Х.Х.) за газету, которую регулярно получаю.

3) В связи с тем, что я приступаю к переводу «Саги о Сверрире», а у меня есть только ее издание, которое подготовил Guðni Jónsson (серия *Íslendingasagnaútgáfan*, 1956), мне важно было бы знать, не вышла ли эта сага наконец в серии *Íslenskt fornrit* или в каком-нибудь другом критическом издании. В *Handritastofnan* это, конечно, знают.

4) Когда-то ты прислал книгу *Hannes Pétursson og Helgi Þómundsson. Íslenskt skáldatal, A-Z, R., 1973*. Не вышло ли продолжение?

5) Еще раз передай от меня привет всей Исландии. А пока сердечный привет тебе и всей твоей семье.

М.Стеблин-Каменский

P.S. Если будешь писать мне из Исландии, то приклей на конверт самые новые марки.

¹ «Мир исландских саг» (исл.) под таким названием книга вышла в Исландии в 1981 г.

² Так в данном случае передано исландское имя *Arni* – Ауртни.

³ Отдел рукописей Института исландистики им. Ауртни Магнессона (*Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum*). Основан в 1927 г., главным образом для хранения и изучения исландских рукописей, хранившихся в Дании, но постепенно возвращаемых Исландии после получения ею независимости (1944).

28.5.1981

Дорогой Хельги!

Спасибо за письмо от 12.5.

Вчера я получил письмо от Бьярне Фидьестеля (из Бергена), который сообщил мне всю информацию о «Саге о Сверрире» и прислал мне ее лучшее из вышедших до сих пор изданий (Indrebø, 1920). Так что тебе ничего не надо узнавать в Исландии об этой саге. Ее более новое издание готовится, но еще не вышло.

Недавно в Ленинграде был Гильви Гисласон. Я его не видел, но Берков виделся с ним и говорит, что тот привез мне книгу от Аурни Бергманна. Берков почему-то <...> не взял книгу у Гильви, и я так и не получил ее. Боюсь, что Гильви увез ее назад в Исландию. Во всяком случае поблагодари Ауртни и объясни, что произошло.

Вчера я кончил все дела в университете (я еще продолжаю быть профессором-консультантом, т.е. профессором на полставки и в то же время на пенсии) и на днях уезжаю в Павловск, где буду переводить «Сагу о Сверрире» и отдыхать.

Сердечный привет тебе и всем твоим родичам.

М.Стеблин-Каменский

P.S. Если напишешь мне из Исландии, то не забудь приклеить марку покрасивее (в этом году их выходит много).

Ивану Михайловичу СТЕБЛИН-КАМЕНСКОМУ

Письма 1 и 2 написаны в Пенджикенте (Таджикистан), где И.С.-К. участвовал в археологической экспедиции и разъезжал с этнографами по верховьям Зеравшана; письмо 3 — на Памир, где И.С.-К., в то время студент 5-го курса Восточного факультета ЛГУ, проходил практику, работая учителем русского языка в сельской школе, и изучал бесписьменный ваханский язык; письмо 4 — в Туркмению, где в лагере в окрестностях Красноводска (ныне Туркменбаши) И.С.-К. проходил военные сборы: переводил для афганских офицеров устройство зенитных ракетных установок «Печора».

1.

10.8.1966

Милый Ваня!

На днях я вернулся из Пушкинских гор и нашел твое письмо от 3-го августа. Пытался найти на картах места, где ты был, и кое-что нашел. Наверно, очень интересные места. Интересно было, наверно, разбираться в названиях старого дома. Такие дома меня в свое время поразили, как исключительно самобытная архаика. К старым крепостям у меня тоже слабость. Про одну такую крепость мне как-то рассказывал Сандрик (он там когда-то был).

Про Пушкинские Горы тебе, наверно, писала мама, которая осталась там до 22 августа. Дворянские усадьбы в натуральную величину и классический средне-русский пейзаж пожалуй нигде больше не увидишь, кроме как там. Но пушкинисток там многовато (в частности поймала нас там одна занудная библиотечарша). Она не позволяла громко говорить вблизи мест, где жил Великий Поэт....

Мы с Наташей собираемся в Армению числа 26–27 августа...

В Ленинграде был позавчера сильный шторм. Перед нашими окнами повалило столб и поломало дерево. В парках много сломанных деревьев...

Смотрел сегодня «Берегись автомобиля». Юмор несколько беззубый, но смотреть можно. Очень понравился нам польский фильм «Загадочный пассажир».

М.С.-К.

2.

19.8.1966

Дорогой Ваня!

Получил твою телеграмму с просьбой выслать 30 рублей и выслал сразу же телеграфом 50 рублей (как премию за скромность просьбы). Сколько тебе еще нужно будет на обратную дорогу, без запроса? Боголюбов мне сегодня сказал, что картошка¹ непременно будет с 1 сентября по 10 октября, но пока неизвестно, понадобится ли посылать

4-ый курс... Факультет должен выставить определенное число студентов, которое пока неизвестно...

Я подбираю себе студентов в шведскую группу. Набрал пятерых мальчиков, из которых трое какие-то старые морские или сухопутные волки. Но девушку (шестое место) не могу подобрать себе по вкусу.

26-го мы с Наташей вылетаем в Ереван, а оттуда в Гагру.

Книги твои тоже получили.

nana.

¹ «Картошка» — сельскохозяйственные работы, на которые каждую осень посылали студентов.

3.

19.9.1967

Милый Ванюша!

Большое спасибо за очень обстоятельные письма...

Отвечаю на твои вопросы. Если твои наблюдения верны, то видимо у тебя там говорят по-вахански, используя таджикский вокализм. Т.е. это креолизованный или «контактный» язык (т.е. смешанный). Зиндер говорит, что он нечто подобное наблюдал у немцев Поволжья, которые были двуязычны, но имели общую для двух языков фонетику. Явление само по себе интересное и неизученное. В таком смешанном языке некоторые различия должны пропадать (некоторые минимальные пары сливаются), так что это как бы язык, упрощенный в целях общения между разноязычным населением. Но вероятно где-то есть и некреолизованный ваханский (возможно, впрочем, что «креолизованный», т.е. упрощенный европейский язык для общения с туземцами, это не совсем то).

Минимальные пары, вообще говоря, вернейший способ определения фонематичности, но надо иметь в виду, что не всегда они есть. Возможно, что нет таких пар слов, которые бы отличались только одним звуком, а есть только слоги (в составе слова), которые отличаются одним звуком. Неграмотные носители языка стихийно могут осознавать фонематические различия даже лучше чем ученые фонетисты, которые не знают понятия «фонема» (понятие это появилось в науке не так давно). Наконец, по-видимому, различие кратких и долгих спонтанно (без смешения языков), если и исчезает в некоторых языках, то всегда заменяется каким-то другим различием (качественным различием фонем, иной структурой слога и т.п.). Так что в твоём ваханском оно исчезло не спонтанно, конечно, а в результате смешения. Все это, безусловно, может быть темой большого исследования.

Я недавно вернулся из Праги, чувствую себя вполне здоровым. Фонетический конгресс в Праге, как вероятно все международные научные конгрессы, был совсем неинтересным сам по себе. Акустика плохая, читают быстро (на доклад полагается 10 минут, не более, а всего докладов 400!), часто на чужом языке, так что даже не поймешь иногда, на каком, а если посмотреть в тезисы, которые опубликованы, то оказывается, что докладчик уже писал об этом раньше. Я больше бродил по Праге, чем сидел на конгрессе. Забавно только было познакомиться с разными известными лингвистами. Один оказывается плюгавым и косноязычным, у другого на лице такая улыбка, как будто он очень доволен тем, что его ненадолго выпустили из убежища для слабоумных, но третий, наоборот, оказывается милейшим человеком. Смешно, как то. А Прагу я все время видел в каком-то кафкианском аспекте (но дома, где Кафка жил, не нашел): было пасмурно, и почти все время шел дождь, спал я плохо (было жарко под огромной периной, капли дождя стучали в окно, завывала водопроводная труба), а днем я блуждал, один или в сопровождении моего верного Либермана, в той части Праги, где много пустынных закоулков, облупившихся фасадов барочных дворцов позапрошлого века, позеленевших черепичных крыш, плакучих ив, низких аркад вдоль улиц, где протекает в ущелье домов узкая Чертовка, на которой сохранились мельницы 17-го века. Очки у меня заплывали от морозящего дождя, карта города намокала, и я попадал на улицы, которых не было на карте, а возможно и вообще нет в природе. Часто ходил я также смотреть на оживающие каждый час фигуры смерти и богача, красотки и ученого, а также двенадцати апостолов на знаменитых курантах готической ратуши, где каждый раз собирается толпа зевак иностранцев. Много в Праге разных за-

мечательных зданий, барочных, ренессансных, готических, даже романских, но на меня наибольшее впечатление произвело средневековое еврейское кладбище. На нем, между прочим, есть могила раввина Лева, который сделал из глины живого человека, и Оппенхаймера, отца знаменитого изобретателя атомной бомбы. Пиво в Праге тоже отличное.

Про Наташу и ее мотороллер тебе напишет мама. Целую тебя, сынок.

Папа

4.

28.11.1976

Милый Ванюша!

Спасибо за поздравление и письмо! Очень приятно было узнать, что ты поживаешь хорошо и еще не спился. А я уже третью неделю не брал в рот спиртного и наверно не придется его больше брать в рот (медицина запрещает!). Сижу дома и усердно перевожу «Круг земной¹». Решил пока больше книжек не писать, а только переводить. Последнюю мою книжку («Древнескандинавская литература»), которую я написал в этом году, недавно сдал в издательство «Высшая школа», и они обещают года через два ее выпустить². А переводить очень приятно: углубляешься в интересный текст, он наводит на разные мысли, роешься в словарях (но очень часто это Ушаков или Даль, так как все время убеждаешься в том, что плохо знаешь русский язык, к сожалению, и это несколько портит удовольствие от перевода). А «Земного Круга» хватит еще больше, чем на год.

В день моих и Мишиных именин были в цирке. Миша во время представления смотрел не на арену, а то на потолок, то в разные стороны, то бегал через два стула сказать что-то Агаше. Видно, смотря телевизор, он привык, чтобы в поле зрения было только одно освещенное место (экран), а если его нет, то не может сосредоточить внимание. Карандаш нам не понравился: пищит что-то непонятное и халтурит, а может устал быть клоуном (ему много лет), но двугорбые верблюды очень красивы.

Белки мои поживают хорошо³. Усердно закапывают орешки, благо снега до сих пор почти нет, выпадет и сразу тает (все время пасмурно и тепло). А у вас там, наверно, лучшее время года.

Сандрик поживает плохо: носит передачи дочери в больницу (она повредила себе колено, упав в магазине)... а при этом и сам плохо себя чувствует (сердце).

Был у нас Лихачев с Лихачихой перед отъездом в какой-то санаторий, где он собирается укрыться от своего юбилея (сегодня ему

исполняется 70 лет). Читал ему твою пьесу и прошлогодние стихи. А вчера у меня долго сидел Ознобишин (секретарь редколлегии «Литературные памятники» и большой прохвост и болтун). Он приехал в Ленинград, чтобы вручить Лихачеву адрес. Он обхаживает всех членов редколлегии, вербуя их в свои сторонники, и приходится его принимать, так как он вертит всеми издательскими делами, и ссориться с ним никак нельзя. Он сплетничал про разные академические дела, рассказывал, в частности, как был угроблен Конрад и т.п. Выяснилось также, что уязвимое место Лихачева — это то, что его патриотизм неправильный. Прошлое должно мирить народы, как правильно у Сулейменова, а у Лихачева получается наоборот: половцы и прочие народы плохие, а русские хорошие и т.п. Оказывается, что у Сулейменова политически более правильная линия, и в печати были намеки на это.

До сих пор нет саги о Греттире¹, но говорят, что она давно отпечатана (100 тысяч почему-то).

Крепко целую,

пана.

---

¹ Снорри Стурлусон. Круг земной. Издание подготовили: А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука («Литературные памятники»), 1980. М.И. Стеблин-Каменский был ответственным редактором книги, а также автором «Предисловия» и статьи «“Круг земной” как литературный памятник», а также примечаний. Кроме того, им выполнен перевод тринадцати из девятнадцати саг и Пролога.

² М.И. Стеблин-Каменский. Древнескандинавская литература. М.: Высшая школа, 1979.

³ Имеются в виду белки в парке на Крестовском о-ве (Ленинград), неподалеку от которого М.И. жил и где он любил гулять. Статья «Звери, боги, герои» (М.И.Стеблин-Каменский. Историческая поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978) «Посвящается белкам, которых автор наблюдал, обдумывая эту статью.»

⁴ Сага о Греттире. Издание подготовили О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. Новосибирск: Наука («Литературные памятники».

**ОТРЫВКИ ИЗ
«ВОЕЙКОВСКОГО ДНЕВНИКА»***

---

* Пояснения и комментарии И.С.-К. в косых скобках.

21 ноября (1959). Приехали в 5 ч. вечера. Снег еле покрывает землю. Ходили на лыжах в сумерки в сторону Черных гор. Ваня 3 раза упал. Наблюдали луч прожектора, направленный на Пятачок /круглое здание Воейковской обсерватории/. Ваня чинил лыжные палки. Температура -3° . Пасмурно и ветрено. Воют волки. После ужина ходили гулять до первого волка. Дошли до Зеленой балки и обозрели огни на горизонте.

22 ноября. Снег тает, 0° . Ветер от Кирполья. Пасмурно. Ходили гулять пешком к Малькову озеру. У Зеленой балки видели огромные ящики с рюмками и зонтиками, наверно для жителей Воейкова. У полян Козырева встретили много лыжников, которые мчались по траве. Мы им позавидовали. У одного лыжника видели сломанную лыжу. Он шел пешком, обогнав лыжников на 3 километра.

5 декабря. Приехали в начале первого. Солнечный день, тонкий слой снега, поземка (или мелкий снег из безоблачного неба?). Ходили на лыжах, сначала через кустарник к Черному лесу, потом мимо Горского озера к Лосиному. На нем — традиционные гонки. Лучший Ванин результат в беге поперек озера — 17 секунд, папин 18 секунд. В беге вдоль озера Ваня — 52 секунды.

Оттуда по Заячьей тропе домой. На Лосином озере много заячьих следов и один человеческий (но не лыжный). В 16 часов было -14° . Ультрафиолетились на солнце в продолжении $2\frac{1}{2}$ часов. Сейчас будем жрать селедку в горчичном соусе, вареную картошку и биточки.

Гуляли вечером за Зеленую башню и вокруг пруда. — 18° . Ясно, молодой полумесяц на западе. Рассказывал Ване детективные истории. Видели самолет и большого медведя с медвежонком в небе.

Опрокинул сваренную картошку в помойный таз, а Ваня опрокинул помойный таз.

12 декабря. Приехал в начале шестого. -15°. Юго-восточный ветер. Гулял в сторону Синагоги, дошел до Моей Дачи /названия холмов/. Пасмурно, луна. Встретил Рыбакова и пошел с ним в их котельш /так местные жители прозвали коттеджи сотрудников Воейковской обсерватории/. Пил у них чай и еле смылся от них. Пошел снег, теплеет. Сейчас уже -12° и снег валит во всю.

13 декабря. -12°, слабый ю.-в. ветер, пасмурно. Сначала шел мелкий снег, а потом повалил покрупнее. Весь день шел снег, и было тихо. Все же по распаханному еще нельзя пройти на лыжах. Ходил к Коркинскому озеру, вперед — через бывшее озеро (там свежие следы лосей), а назад через Кирполье, по дороге. У Коркинского озера лес оцеплен красными флажками, и слышны выстрелы и крики охотников. Наверно, кого-то поймали. На озере двое рыбаков у прорубей и собака. Снежок все время, все — мягкое, белое, уютное. Читал *Þjóðviljinn* /Исландская газета/.

1 января 1960 г. Приехали в 2 1/2 часа, и впервые в мировой истории приехала мама. — 10°, пасмурно. Ходил с Байкалом /хозяйский пес/ в сторону Черных гор. Снегу стало еще меньше, после оттепели, и он подмерзший и очень неровный. Байкал чуял волков и прятался за меня, лоджав хвост и твякая. Мама с Ваней пошли в кино на «Его поколение».

.....

5 января. Пошел один в сторону Черных гор. Я спустился по овражку в сторону Бывшего озера. Как только я спустился вниз и вышел из-за кустов, я увидел метрах в 200 ст меня (я потом смерил, оказалось 190 шагов) лосиху и лосенка, которые стояли у западной окраины Бывшего озера на опушке кустарника. Как только что они увидели меня, они побежали к лесу. Я попробовал было пойти им наперерез, но они огромными шагами перебежали Бывшее озеро и открытое место за ним, и вскоре на фоне леса мелькнули их белые зады и скрылись. Лосиха была огромная, она бежала впереди, лосенок (ростом с большую корову) — сзади. Было около 12 ч. дня.

Почти сразу же после этого из кустарника, где стояли лоси, выбежала собака и побежала туда, куда скрылись лоси, и за ней из кустарника вышел охотник и пошел ко мне. Он спросил меня как пройти в Колтуши. Оказывается, лосей он не видел, хотя вероятно это он спугнул их. На том месте, где стояли лоси, как я потом обнаружил, было сильно натоптано, лежало много свежих говешек, и следы шли

внутри кустарника. Итак, 5 января 1960 г. в 12 ч. дня в Воейкове наконец увидены лоси!

.....

27 января, среда. Приехал в 12 ¹/₂ ч. Пасмурно, -5°, (северо-)восточный ветер, очень мелкий снежок. После трех дней оттепели крепкий обмерзший наст, лыжи почти не оставляют следа. С гор несет как по льду, и очень трудно вскарабкиваться. Ходил через Черные горы на Бывшее озеро и оттуда по опушке Черного леса в тундру (болотистый залив в Черном лесу против Лимонадного завода). Много лосиных следов, особенно у Бывшего озера и Черных гор. Варю макароны и читаю... Сейчас уже -8° (16 ч.).

28 января. -19°, ветер восточный, солнце, легкие перистые облака, никакого инея. Пошел в 11 ¹/₄ ч. к Зеленой башне, слетел стрелой с Заднезаячьего спуска, потом к Моей даче, оттуда далеко углубился в болотные поляны к востоку от Моей Дачи (кажется, впервые был там). Дошел до огромного открытого места (верно, болото). Оттуда по просекам и дороге вышел к Горскому озеру. Оттуда прямо по просеке к Черным горам и назад. Всюду крепчайший наст. Лыжи оглушительно грохочут по снегу. По лыжням плохо ходить, а с гор совсем невозможно (несет, как по льду). Но по опушкам и полянам, защищенным с востока, — дивно. Сейчас (15 ч.) -16°.

В 23 ч. было -22°, ясно.

29 января. В 9 ч. было -25°. Барашки на небе, восточный ветер. Вышел в 12 ч., было -22°. Ветерок слабый. Солнце чуть проглядывало сквозь барашки, но так и не выглянуло совсем. Над лесом дымка тумана, и на деревьях тонкий налет инея. Наст крепчайший! Пошел прямо через тундру к Черному лесу. Масса лосиных следов! Оттуда по опушке к Бывшему озеру. Оттуда вглубь Черного леса, вдоль бывшей канавы по прогалинам. Оказывается, эта канава и прогалины вдоль нее выходят прямо к Ладожской дороге, там где бывшее торфяное болото и когда-то горел торф. Очень уютные прогалины и на них масса лосиных следов. Оттуда через Бывшее озеро, в Долину лыжного блаженства, а по ней назад. На вершинах там еще торчит земля. Когда я вернулся (15 ч.), было -21°. Варю макароны и читаю Трубецкого.

За все три дня не встретил во время прогулок ни одного человека.

30 января. В 9 ч. было -20°, восточный ветер, облачно.

Вышел в 10ч.30м. Дымка почти рассеялась, барашки. Но солнце еще в дымке. Пошел через тундру в Черный лес, углубился в болот-

ный залив против Лимонадного завода. Искал там дорогу вглубь леса, по которой мы когда-то ходили с Сандриком к Ладожской дороге, но не нашел. Оттуда по просеке вышел прямо к Черным горам. Тут выглянуло солнце. Ходил по зарослям вдоль Бывшего озера в сторону Коркинского. Дошел до просеки, где я у столба всегда греюсь на солнце. Оттуда низом вдоль гор домой. Сейчас на солнце -10° .

Опять никого не встретил. Звериных и прочих звериных следов масса.

Жду Ваню.

Ваня, увы, не приехал. Сейчас (20 ч.) -18° . Ясно.

Ваня все-таки приехал после 20 ч. Ходили с ним гулять и обозревали огни на горизонте и звезды.

4 февраля, четверг. Приехал в 12 ч. -13° . Солнце сквозь перистые облака, потом солнце, потом опять оно скрывается. Сильный иней, так что лыжи идут мягче, не так грохоча, и с гор можно съезжать безопасно. Гулял $3\frac{1}{2}$ часа к Бывшему озеру, потом по прогалине вдоль канавы к Ладожской дороге, и далеко за нее по полянам, до сих пор еще не исследованным. Рядом с солнцем на возвратном пути все время маячило радужное солнце(?). А по дороге туда видал лисицу. Я подошел к Американским горам и остановился. Вдруг на соседнюю горку (ближе к Черным горам) выбегает собаковидный зверь с пушистым хвостом и острыми ушками, рыжебурый, но не такой рыжий, как обычно изображают лисиц, гораздо темнее. Лисица останавливается и оглядывается вокруг. Увидев меня (ветер сегодня западный, т.е. от нее), она бросается в кусты. Долго исследовал ее следы. Лапы собачьи, следа от хвоста нет.../рисунки и схемы следов/ Я пошел по следам, но лисица так крутила по кустарникам и склонам, что я вскоре бросил.

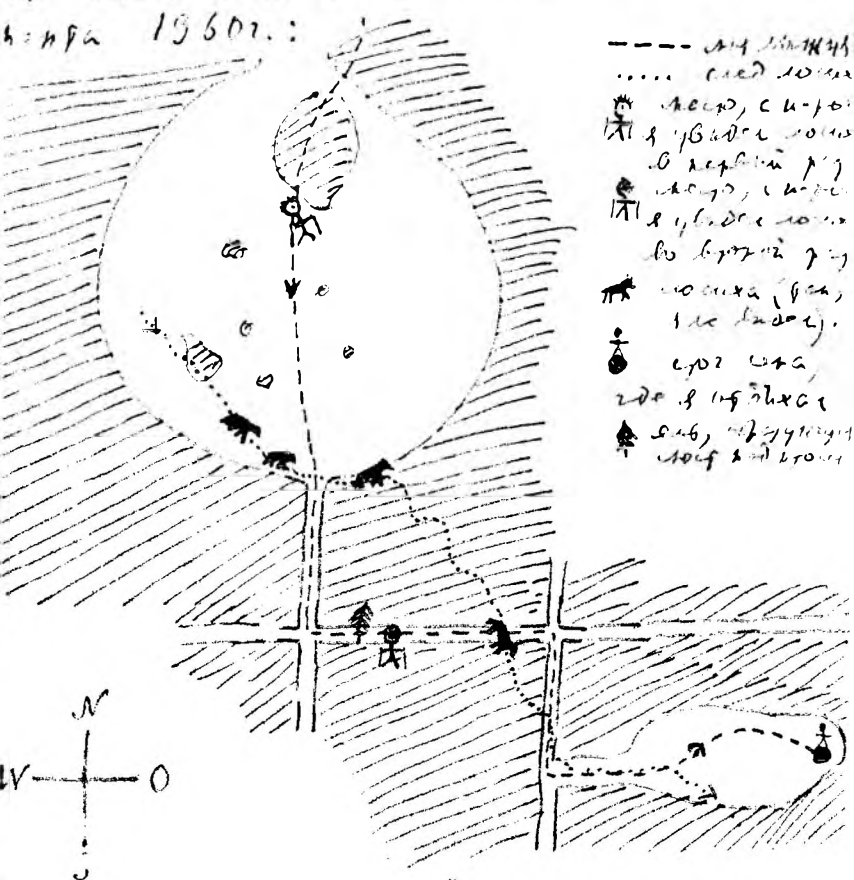
Сейчас (18 ч.) -15° . Не принесет ли западный ветер оттепель? Что-то небо заволакивается.

.....

5 марта, суббота. Приехал один в 11ч. 10м.

Яркое солнце, тихо, 0° на солнце! Погода потрясающая! На деревьях иней. В 11.30 ухожу. Пошел через березняк к сарайчику в конце просеки, оттуда по опушке в сторону Бывшего озера. У Черных гор посидел на сосенках. Затем пошел по прогалине вдоль большой канавы к Круглому болоту. Перейдя Ладожскую дорогу, углубился в поляны за ней. По полянам всюду ход превосходный, и еще сохранились немного мои старые лыжи (от начала февраля?). Выйдя на

шв. Луна $5\frac{1}{2}$ разов. Стальной градусе! 27
 сейчас (187.) в баше луна -70° , есть на
 луна слабо киниф с трещинами. Восток
 и лунный ветер с южной в 137. 30 м.
 марта 1960г.:

Впервые изобретены и изобретены Точнее. Луна-17

Страница воейковского дневника
 (к письму от 5 марта)

последнюю из цепи полян, я вдруг увидел на противоположной, теневой опушке поляны большого бурого зверя, который шагал по снегу, немного скрывааемый деревцами, растущими посреди поляны и плохо различимый против солнца на фоне бурых кустов и деревьев (см. план). Он был от меня метрах в 100 с небольшим. Как только что я увидел зверя, он побежал вдоль опушки, глубоко проваливаясь и поднимая снежную пыль, но очень легко и быстро. Он скрылся в лес налево, показался снова между деревьев и окончательно исчез в лесу. Я быстро пошел к тому месту, где он был, когда я его увидел, и затем пошел не влево за ним, а прямо по просеке, по которой была хорошая лыжня. Вскоре эту просеку пересекла другая, по которой влево тоже была хорошая лыжня. Я побежал по этой лыжне влево по просеке. По обоим краям просеки были большие сугробы. Просека была как бы широкой канавой. Но даль просеки передо мной закрывала вырванная с корнем ель, нависшая мостом над просекой. Миновав эту ель, я вдруг увидел уже совсем недалеко, метров в 50 от меня, не больше, великолепную, огромную, лохматую, бурую лосиху, которая торопливо спустилась с сугроба слева, поднялась на сугроб справа и скрылась в лесу. Это была та же самая лосиха, как я потом установил по ее следу. Я перерезал ей отступление! Я побежал дальше по просеке, и вскоре открылась просека вправо. Я побежал по ней, там лыжни уже не было, и были свежие лосиные следы, но лосихи я больше не видел. Полежав на стог сена на поляне, я пошел назад той же дорогой. Полежав в березняке у просеки у Черных гор, я вернулся в 17 ч. Все время было совершенно безоблачно и тихо. Гулял 5 1/2 часов. Страстей забвенья! А сейчас (18 ч.) в тени уже -10° , хотя на солнце сильно капает с крыши. Вот план моей встречи с лосихой в 13 ч. 30 м. 5 марта 1960 г.: /следует рисунок в страницу общей школьной тетради с обозначениями лыжни, следов лосихи и т.п./.

Перевариваю макароны и читаю Тоупбеа. Уже -17° .

6 марта, воскресенье. -18° , легкие барашки, слабый северо-западный ветер. Ночью просыпался от холода: поддувало с боков. Снилось, что еду голый, завернувшись в одеяло, на крыше троллейбуса. На заворотах было трудно удержаться на крыше (не за что схватиться) и, главное, одеяло и простыня слетали.

Солнце сегодня так и не показалось, оно было за барашками, и был все время сильный туман и очень тихо. Когда я вернулся было -9° . Ходил по ветру на Черные горы, оттуда по прогалине на Круглое болото, обошел его всего кругом, оно огромное, оттуда к Лосихиной Поляне, которая, как оказалось, имеет много ответвле-

ний, островков и заливов. На одной полянке нашел скелет шалаша (отшельника?). Слушал как дятел долбит сосну. Ходил 4 часа, почти не останавливаясь. Еду на автобусе 15 ч. 30 м.

12 марта, суббота. Приехали в 17 ч. -7°, западный ветер, пасмурно. Пошли через кусты на Широкую просеку, затем по просеке на опушку у Черных гор. Идя вдоль опушки, я увидел впереди двух лосей, метров 100 с лишним перед нами в просвете между березками. Ваня, который шел впереди, не сразу их заметил, и я ему два раза крикнул, и тогда он увидел их. Лоси сразу же убежали влево за деревья. Мы бросились за ними и затем по прогалине в сторону Круглого болота. Вскоре впереди прогалину перебежал один из тех же лосей. Мы пытались перерезать им путь по просеке, но больше их не видели. Открыли в лесу большую прямоугольную поляну, которую раньше не видели. Вернулись через Бывшее озеро, Черные горы и мимо Американских гор....

2 апреля, суббота. Приехали в 18 ч. Ясно. -5° в тени, на солнце еще тает. Снег необыкновенной белизны, свежее выпавший (вчера), но уже покрывшийся настом, похожим на сахарную глазурь. Ход совершенно сказочный, особенно с гор. Наст всюду совершенно одинаковый, сверху уже припорошенный инеем. Совсем не проваливается, и ходить можно всюду без лыжни. Помчались вниз в Радарный овраг, потом влево с горы прямо в кусты и по кустам на Широкую просеку. Подходя к концу просеки, увидели большого лося, который перебежал просеку вправо, сверкая белым хвостом и белым загривком. Ваня бросился за ним в кусты и увидел там совсем близко еще двух лосей, которые стояли там на поляне, усыпанной свежими говешками. Все они убежали от Вани, но, как выяснилось, в разные стороны. Одинокий лось побежал вправо, и я видел его (вернее только его зад, так как я не сразу повернулся в его сторону), когда он перебежал просеку в сторону Черного леса. После долгих препирательств Ваня повел меня на Черные горы, и мы оттуда увидели тех же лосей внизу в овраге, откуда они побежали, останавливаясь, и снова медленно убегая в сторону Черного леса. Ваня помчался за ними вниз и еще раз увидел их совсем близко на Широкой просеке. Я же застрял в кустах и опоздал. Съехали дивно в Радарную долину с длиннейшего северного спуска. Вернулись в 20 ч. Розовая заря, сумерки, молодая луна справа, -12°.

.....

24 апреля. воскресенье. Приехали с мамой на машине за вещами. Я остался и ходил на Черные горы. Там лежал голый, читал *Sigrid Undset* и любовался шухаем /море леса по-китайски/. Солнечный и тихий день. Кое-где на крутых северных склонах и на дне глубоких оврагов еще есть островки снега. Кустарник пышно цветет — сережки, покрытые желтым пухом вербы итд. Сверху он весь с зеленым или рыжим отливом. Трава еле-еле пробивается кое-где. На деревьях большие почки, но листьев нет совсем. В Черный лес не мог пройти, ручей огромный течет в Бывшее озеро. Гулял до 5 часов, взбирался на все горки и оттуда любовался видом на леса.

.....

25 февраля (1961). суббота.

ПО ЛОСИНЫМ СЛЕДАМ

(из записок охотника)

Я приехал в село, куда я обычно ездил охотиться на лосей, под вечер в субботу. Моего обычного спутника — пастушка Ивана из соседней деревни — со мной не было. Он пас в тот вечер коров у своего помещика. Когда я приехал, жители села мыли ноги и пекли пироги, готовясь к воскресенью. Молодежь толпилась у помещицьеи усадьбы, где должны были показывать кинофильм «Муму». Я надел лыжи и отправился в лес. Снег был подтаявший, грязный и не проваливался. Было тихо. Небо было покрыто лиловато-серовато-темновато-дымчатыми облаками. Я шел по просекам и опушкам, зорко осматриваясь. Вдруг, меньше, чем в ста шагах влево, я увидел в просвете между молодыми сосенками двух лосей. Один из них сразу скрылся. Другой же стоял и смотрел на меня. Я тоже застыл на месте, выжидая. Лось стоял боком ко мне и повернув ко мне голову. У него были совершенно белые задние ноги и светлая холка. Я стал считать, довольно медленно, в такт моему дыханию. Лось стоял совершенно неподвижно. Он видимо может стоять так часами. Это было на подходе к Бывшему озеру, на опушке большого леса, там где опушка заросла молоденькими сосенками. Я насчитал 320. Наверно, прошло около пяти минут. Лось только изредка поворачивал голову. Наконец, он отвернулся от меня и наполовину скрылся за сосенкой. Тогда я пошел к нему. Он мгновенно сорвался с места и, взбрасывая снег копытами, помчался в лес. Я пошел к Бывшему озеру. Подходя к нему, я увидел, что далеко от меня, мчатся по Бывшему озеру другие два лося. в сторону леса. Их маленькие черные фигурки были мне четко видны на фоне леса. Я побежал наперерез. Но когда я выбежал на место, откуда открывалось все Бывшее озеро, они уже исчезли.

Охота была удачная. Вскинув ружья на плечо, я отправился домой. Наступали сумерки. Вдали лаяла собака и какой-то мальчишка кричал: «Антропка! Пошли в кино!». Небо темнело.

И.С.Тургенев.

Воскресенье, 26 февраля.

-4°, ясно, ветер юго-западный, сильный.

Из записок лоселогической экспедиции

Хожено по лесам 5 часов. Найден северо-восточный проход. Он идет от поляны в начале Лисьей просеки по ряду полян, маленьких и больших, и кончается у поляны со священным камнем и землянки. Спасен заблудившийся в лесу солдат. Он с утра ходил по лесу, ища дороги в Янино. Наблюдено — 0 лосей.

Начальник лоселогической
экспедиции

М.И.Лось-Лосинский.

.....

Среда, 26 апреля. Приезжали с мамой и Сандриком. Мама уехала на такси с вещами, а я с Сандриком ходил гулять к Черным горам. Была дивная погода: тихо, солнечно, тепло. Кусочки снега только кое-где на северных склонах оврагов. Ивы цветут, осины отцвели, почки на деревьях почти распустились, трава пробивается. Обсуждали подшерстковую теорию и перспективы холодной войны. Зашли к Рыбаковым, но Евг. Тим. встретили только, когда мы уже садились в автобус.

25 июля, воскресенье. Видал лося по дороге к Сандрику из окна электропоезда между Комаровым и Зеленогорском. Он стоял спиной к поезду и жевал кустарник рядом с полотном.

.....

1 января (1962), понедельник. /папино подражание «Старшей Эдде», которую тогда переводил с А.И.Корсуном:/

*В ту ночь
год прочь!
Сельдь жрем
вдвоем.
В ней дух
протух,
но Жан
Вальжан
сельдь жрет
Как скот.*

Приехали исключительно для того, чтобы здесь лопать атлантическую сельдь и клубничное варенье. Идет дождик! В городе было +2°. Ваня привез новые лыжи, но зачем -- неизвестно.

*Хоть я
не рыж,
но я
без лыж!*

.....

10 марта, суббота. От Колтуши шли пешком, шофер автобуса не пожелал дальше ехать. Дорога немного занесена поземкой. -5°, сильный ЮЗ ветер, днем было солнечно, но сейчас небо подернуто облаками.

11 марта, воскресенье. Ходили в Залив Снегомера и потом обследовали просеки: Лосиную и Куничью. В конце Куничьей я видел лося. Ваня не уверен, что он видел. На возвратном пути по этой просеке я видел черного зверька, который перебежал просеку. Он был меньше лисы, но больше белки. Куница? Рядом с Лосиной просекой Ваня видел лося в 10 метрах справа от просеки. Лось сразу убежал с треском. Возвращаясь по Лосиной, за Заливом Снегомера, видели большого лося, который пересек медленно просеку. Итого 3 лося и одна куница! -3°, пасмурно, сильный ЮЗ ветер, ход плохой. Значит, лоси еще не перевелись в Воейкове! Правда, странно, что я не видал Ваниного лося, а он моего... Но одного лося мы видели вместе.

.....

3 декабря /1962 г./, понедельник. Возвращаясь из Университета, перешел через Петровский мост и повернул влево по пляжу в сторону стадиона. Когда я уже подходил к спасательной станции, я услышал позади громкий всплеск, как будто человек вынырнул из воды. Я стал смотреть туда и увидел, как там вынырнула большая рыба, длиной с мою руку, и снова ушла. Так она выныривала 9 раз, показывая мне то голову с разинутой пастью, то спину с большим плавником, то хвост. /На странице две зарисовки пасти и плавника рыбы/ После девятого выныра я долго ждал, но она не показалась. На пляже никого не было, и никто кроме меня ее не видал. Что это была за рыба? Лосось? Акула?

15 декабря, суббота. Наконец снова приехали. Все не было снега и было тепло. Сегодня снег есть, но очень тонкий (сантиметры)

Университета, паралич через карповый нос
 и лобную впадину до мозга в сторону
 фронтона. Когда я уже подхожу к
 спасательной фланже, я замечаю впереди
 прогнивший винтик, как будто человек
 вынул его из воды. Я уже стою в воде
 у входа, как гит Ватергейт Львица
львица, длинной с мою руку, и слова ушла.
 Так она ватергейт 3 раз, пока ушла
 мне по поводу и ружью по поводу,
 по поводу дьявола наводило, по
 поводу. home
 делала ватергейт и было дело, но она
 не показывала. На лобной впадине
 было, и много крови там же и вода.
 Но по два по львице? Но сав?
 Ария?

15 декабря из Г.Р.Р. Написаны слова
 красная. Но не было слова и Лина
 была. Словом, слово сав, но не
 ружьи (савушник 5). Я обидеть
 слово сав нос. На слово выучить.
 Вружке поведенье, есть закон кс ма.
 - 4°. Везде, но только 600-... (

Страница воейковского дневника
 (к письму от 3 декабря 1962 г.)

метров 5). За обедом сегодня ели лося. Он очень вкусный. Вкуснее говядины, хотя похож на нее. -4°. Ветер, по-моему, юго-западный (но до сих пор не установлено, как ориентирован наш дом). Легкие облака.

Покатался немного один, не спускаясь в овраг, к пяточку, вдоль оврага итд. Ход чудесный, но, конечно, там только, где ровно...

16 декабря, воскресенье. В окне еще отражается электрическая лампочка, хотя уже 10½ часов...

Съезжая в овраг, я свалился и сильно ушиб плечо. Все время ходил, опираясь только на одну палку...

Когда мы шли садиться в автобус, на площади против магазина стоял плюгавый и мертвецки пьяный человек, у ног которого лежала голова лоса, с закушенным языком и налитыми кровью глазами. Великолепная голова царя леса лежала у ног жалкого и отвратительного *homo sapiens*¹. В тот день, как рассказала кондукторша в автобусе, их приехало утром 14 человек с разрешением на отстрел одного лоса. То-то в лесу было столько человеческих следов! Плюгавый *homo sapiens* рассказал нам, что они увидели 5 лосей, и он убил второго. Тушу его тащат его товарищи. Убили они его где-то в лесу. *Sic transit gloria mundi*².

22 декабря, солнцестояние, суббота. Приехали в 8 ч. Уже дней пять стоят большие морозы (до 25°). Деревья густо покрыты инеем. Пунцовая стужа, скрипучий сумрак. «Трещал мороз, деревья вязли в кружке...». /Борис Пастернак/ Сейчас -14°. Ясно. Тихо. Снега мало. По дороге в автобусе я скандировал:

*Зима вступила в Кол — туши,
Зима забила гол души...*

Сегодня ходил на стрелку Крестовского острова. Финский залив замерз. Пенсионеры проложили по нему тропку куда-то к горизонту, где двигаются или сидят неподвижно черные фигуры на снегу.

Сейчас будет Валтасаров пир: вареная картошка, атлантическая сельдь, кислая капуста (Лиза дала), пиво, молоко и деликатесная копченая колбаса.

Перед сном ходили гулять. Уже было -10° и звезды скрылись. В комнате так натопили, что Ваня выходил голый на двор.

¹ Человек разумный (*лат.*)

Так проходит мирская слава (*лат.*)

2 января 1963, среда. Пасмурно, западный ветер, снег, -3° . Пока варилась картошка, я ходил на лыжах вокруг дома. Предполагаем, что завтра у лосей будет профсоюзное собрание с докладами: 1) Борьба с браконьерами в свете выступления Н.С.Хрущева на Московской выставке художников. 2) США на пороге лосиного кризиса. 3) Моральный облик советского лося. 4) Безрадостное положение лосей в ФРГ (по личным впечатлениям). 5) Кризис в Карибском море и лосиное поголовье. 6) Лоси на Венере (новые открытия астронома Н.А.Козырева). 7) Разное.

.....

6 января, суббота. -5° , пасмурно, идет снег, ветер южный...

... Оставляю Ваню одного в качестве Воейковского анахорета и завещаю ему писать дневник анахорета (Анахорет-наме) в поучение отцу (обычно пишут наоборот, в поучение сыну, но это недоразумение, так как поучать надо старых, а не молодых, молодым поучения все равно не в прок, а старые сумеют использовать поучения).

.....

19 января, суббота. В прошлое воскресенье мы с Ваней не приехали, так как все время стояли морозы около или больше -20° . Сегодня наконец мороз спал, и весь день была метель и -8° . Ваня приделывает крепления к новым лыжам (старые он сломал), а я читаю книгу К.Сhапman`a¹, готовясь схватиться голыми руками со всей машиной американского империализма, не чувствуя за собой никакой поддержки советской власти.

Двустиишие, сочинение на конкурс «К исчезновению лосей в Воейкове»:

*В лесах воейковских — увь!
Лоси все были таковы!*

(nana)

Ваня представил стишки настолько недоброкачественные, что я их не записываю.

¹Возможно имеется в виду работа: *Chapman K.G. Icelandic-Norwegian linguistic relationships. // Norsk tidsskrift for sprogvidenskap. 1962. 7 (suppl.)*

Отношение ее к «схватке с машиной американского империализма» остается неясным, как, впрочем, и смысл записи в целом.

.....

26 января, суббота. -22° , ясно, ю-в. ветер... Ходил гулять один без лыж. Потрясающей ясности звезды. Мороз не чувствуется совсем.

Орион в небе в одном поясе. Андромеда совсем голая, не говоря уже о медведицах. Вдали воют волки. Снег хрустит добросовестно. Чудесная погода.

2 февраля, суббота. -8°. Облачно. Всю неделю было от -20 до -15, не меньше. Только сегодня иней с деревьев стал осыпаться. Ветер восточный. Гулял один до Зеленой башни и видел там привидение.

.....

2 марта, суббота. ...необычайное явление природы: гало вокруг луны. Луна сейчас только наполовину освещена, но круг от нее совершенно ровный и очень большой. /рисунок гало/

Стихотворный конкурс на гало вокруг луны.

Ваня: *Гало увидев в небеси,
Знай: размножаются лоси.*

Папа: *Объявлен конкурс на гало!
И сидя с пузом наголо,
Хотя я вовсе не трепло,
Придумал Ване я назло,
Стишок сей с рифмами на «ло».*

.....

11 марта, воскресенье. -18°, ясно, перистые облака, ветер западный. Вышли в 10 ч. Ходили 5½ часов... Все время было солнце сквозь перистые облака и легкий ветерок, так что снег не прилинал (он был совсем чистый и без следов). Вокруг солнца было гало (как вокруг луны в прошлый раз)... Лосиных следов видели мало...

Стихотворный конкурс на гало вокруг солнца:

Папа: *Гуляя как-то в Фонтенбло¹,
Сказал леснигему Лало²:
«Вкруг солнца³ вижу я гало,
И это предвещает зло».*

Ваня: *Гало увидя вкруг солнца,
Зимы жди скорого конца.*

¹ Пригород Парижа.

² Французский композитор.

³ Король солнце — Людовик XIV.

28 ноября (1963). Гуляя с Ингвильд Брок у стрелки Крестовского острова, мы увидели в кустах маленького длинного белого зверька с черным хвостом. Зверек этот быстро бегал по хворосту и дорожке взад и вперед и в конце концов исчез в какую-то нору. Судя по картинке в Советской энциклопедии, это был горноста́й. Пройдя дальше по дорожке в кустах там же на стрелке, мы увидели огромную крысу, которая бежала по дорожке. Обогнув нас, она побежала дальше прямо по дорожке, никуда не сворачивая, видимо считая, что это ее дорожка. Потом она остановилась посередине дорожки, а мы пошли дальше. Там на стрелке видимо происходило какое-то звериное мероприятие (крыса побежала в сторону горноста́я).

1 декабря, воскресенье. Сезон открыт! Ездили с Ваней в Воейково и катались там 3½ часа на лыжах. С утра было -10°. Весь день ясно и тихо. Ходили на Бывшее озеро, Круглое болото и вернулись через залив Мертвого лося. Из-под снега кое-где торчит земля и травы, покрытые инеем...

По дороге в Воейково из автобуса сразу за Янином влево метрах в 150 от дороги видали лося, который совершенно спокойно шел по полю в сторону Янина. Так он все время шел, пока мы ехали мимо. На автобус он не обращал никакого внимания...

Когда мы ходили в лесу раздавались выстрелы и слышен был лай охотничьих собак. Видимо идет отстрел лосей.

Закат был необыкновенно пышный, яркий и долгий...

15 декабря, воскресенье. Племя лыжников отправилось на Лошиное озеро справлять обряд, связанный с культом солнца. Обряд этот заключается в том, что по озеру проделывается ровная лыжня в направлении тени, падающей от человека, и потом по этой лыжне лицом к солнцу все племя идет с закрытыми глазами на лыжах, пока не попадет в тень леса на берегу озера. Говорят, что этот обряд связан с мифом об эпониме племени — Лыже, мифическом родоначальнике племени, который подкрался к солнцу с закрытыми глазами, чтобы усыпить его внимание, и проглотил его, отчего он забеременел и родил потомство, откуда пошло племя лыжников. Но другие говорят, что Лыж придуман для объяснения слова «лыжа», а на самом деле такого героя не было, а третьи говорят, но это мало вероятно, что название ясно «лыжники» произошло от

слова «лыжа». Мороз был около 10 15° и ясно весь день и довольно ветрено...

10 января (1964), суббота. Новоселье! Впервые приехали ночевать в новую комнату. Неуютно: печки нет, от пола не дует, со стен и потолка не каплет. Съели традиционную селедку с картошкой, но гулять не пошли. Погода отвратительная: около нуля, сыро, временами идет дождь, сильный северо-западный ветер, гололедица. Идти в сапогах очень трудно — скользко, а в лыжах совсем невозможно...

8 февраля, суббота. Целый месяц была то гололедица, то оттепель. Снег выпал только на этой неделе, но последние дни опять таяло. Сегодня -7°, глубокий рыхлый снег, пасмурно, ветер восточный...

Конкурс имени Омара Хайяма

Папа: *Зачем в Воейково приехал ты?
Затем, что ты дошел до той черты,
Когда не можешь в городе ты жить,
И хочешь отдохнуть от суеты.*

Папа: *Пей водку и селедку ешь,
Воейковских красавиц нежь.
Опомнись ты не успеешь, как
На голове твоей уж будет плешь.*

9 февраля, воскресенье. Мороз, но идет густой снег!...

Подошли к нашему бывшему дому и, как мы и предчувствовали, мы увидели, с изумлением, в нашем бывшем окне свет и за столом меня и Ваню, такими как были несколько лет тому назад. Ваня ел гору картошки и давился, а я наливал себе чай. На столе была банка с вареньем, хлеб, сушки и колбаса. Мы постояли у окна с минуту, но вдруг в окне потух свет и оказалось, что там никто не живет: окно было замерзшим и у двери никаких следов.....

Сегодня была странная погода. С утра валили большие снежинки из чистого неба, и солнце вставало сквозь снежинки, оранжевое и тусклое. Потом было совсем безоблачное небо и солнце, но снежинки все сыпались время от времени. К двум часам опять все заволокло снегом, но на небе были только легкие белые облачки.

Ходили по Заячьей... вернулись по Радарному оврагу мимо нашего бывшего дома, откуда, когда мы проходили мимо, выскочил Ваня маленький и кормил Байкала хлебом...

.....

6 ноября (1964). Я ездил договариваться о комнате и долго слушал сетования Лизы. Холодно, днем в городе шел снег, а вечером все покрыло снегом. Ходил к Лосиному и Малькову озеру. На деревьях ни листика, но масса рябины. Местами лес совсем красный. Пасмурно, ветрено и холодно.

.....

6 мая (1967). Ездил отвозить Лизе шерсть. Ночью была гроза. Солнце пробивалось сквозь несущиеся облака, а потом стало совсем солнечно. На ивах желтые шары. На березках чуть виднеются зеленые почки. Травы много. Кукушка кукует. Желтые бабочки. Много разных птичек. Тепло. Был на Лосином и Мальковом озерах, на Вороньей вершине, бродил по лесу. А в городе кое-где начали сегодня распускаться тополя. Березовый лес издали еще оливково-черный.

.....

27 февраля (1968), вторник. Ездил один на такси. В Воейкове — большие дни. По улице у автобусной остановки — толпы ряженных (девки в волочащихся по снегу сарафанах и тулупах, парни в лаптях, мужички с приклеенными бородами в зипунах, скоморохи). Скорая помощь и милиционер у съемочной площадки.

А в лесу тихо и уютно. Около -3° . Солнце проглядывает сквозь предвесенние облачка. Свежий сахарный снег мерцает. На нем следы зайчат. Ходил по своей же запорошенной лыжне по лесу и потом по болоту. Катался $3\frac{1}{2}$ часа. Лиза, захлебываясь, рассказывала про киносъемку (кажется, «Снегурочка»).

.....

11 марта, понедельник. Ездил один на такси. Впервые за эту зиму оказался наст, а сверху слой свежего белейшего и мерцающего снега. Почти все время проглядывало солнце, как сквозь туман, и почти все время сыпался снег. -7° . Небольшой западный ветерок.... Катался $4\frac{1}{2}$ часа, чудный ход по лыжням и без лыжни.

У Лизы бегает по комнатам поросенок Борька и кусает у всех сапоги.

17 марта, воскресенье. Ездили с Ваней на такси. С утра было солнце сквозь белые облака. -7° . Западный ветер. Ходили вниз по Радарному оврагу по опушке Черного леса (здесь очень хорошо жа-

рило солнце)... Стало пасмурно и очень ветрено. Заяц перебежал перед нами просеку...

.....

3 февраля (1969), понедельник. Больше месяца не был в Воейкове. Болел гриппом, потом лежал с «жестким дыханием» и субфебрильной температурой после вылазки 10 января на заседание кафедры ит.д., потом большие морозы.

-4° пасмурно, пороша, свежий рыхлый снег, но хорошие лыжни повсюду. Ходил по Заячьей, по болотам влево... Там никого не встретил, но много следов каких-то зверушек. Обдумывал 2-ую главу книги. Чудесно погулял 3 часа. Лиза, как каменная баба, сидит толсто и прядет. В кухне у нее козленок.

.....

21 марта, пятница.

Ездили с Ваней. Чудесный солнечный день. С утра -7°. Днем было тихо, солнечно, тепло и хороший ход, но только по лыжням. Без лыжни лыжи проваливаются довольно глубоко. Я почернел от загара. Ходили по Заячьей, Медвежьей, а потом по болотам... Ваня фотографировал для очерка «Профессор Стеблин-Каменский на прогулке». Нигде никого не встретили. Много заячьих и еще каких-то следов. Пороша!

.....

7 апреля, понедельник. Утром было -2° и солнце. Ездил один и дивно покатался, наверно, в последний раз. Ходил по Заячьей, потом по болотам... На открытых местах было ветрено, но на просеке тепло и чудесно: набухшие почки, кустарник ярко рыжий издали. Наст был слабый, но по старым лыжням всюду можно было пройти. С утра они обледенели, а потом на них был мягкий, зернистый снег. Нигде не прилипало. Возвращался мимо Синагоги /название холма/ и видел там большую темнорыжую лисицу. Увидел ее, когда она уже убегала от меня в сторону Синагоги и в лес. На просеке вспугнул стаю каких-то глупых толстых птиц: они несколько раз снова садились впереди по моему пути, и я их снова вспугивал. Весь день солнце.

И весь март, и почти весь апрель солнце.

Конец сезона!

.....

6.11.1969, четверг. Ездил на такси, открыл сезон. Утром было -8°. Весь день солнце. Ходил по Заячьей, на Мою Дачу /название холма/.

Там деревья в инее, красная рябина кое-где еще висит. Оттуда мимо Горского озера, через болото к Черному лесу. Где-то намочил лыжи, пришлось их скрести ножом.

Вернулся через Черные горы. Снегу вполне достаточно, есть хорошие лыжни, но болота еще не замерзли.

.....

29 февраля (1970). суббота. Поехали я, Ваня, Наташа и Агаша. Было все время солнечно, тихо, на солнце очень тепло, но не таяло. Ходили по Заячьей, по полянам на Большое болото, а оттуда вышли на просеку вдоль новой линии электропередачи и шли назад все время против солнца. Масса заячьих следов, много старых лосиных. Снег сверху рыхлый, насту нет, но лыжи проваливаются не глубоко. Чудесная погода, чудесный ход.

.....

24 декабря 1970. среда. Открыл сезон! Наконец лег более или менее приличный снег! Ездил на такси. Слушал рассказы Лизы об автомобильной катастрофе, в которой погибло 5 воейковцев. Было чуть ниже нуля, с утра шел снег, потом он перестал, на небе появились барашки, проглядывало голубое небо. Тихо. Пороша! Следы зайцев, каких-то зверюшек, но лосей не видно. Ходил по Заячьей, Лисьей, потом на Рысьи вершины и за них. Всюду отличная лыжня. Зашел на Мальково и Мою Дачу и вернулся мимо Синагоги. Все время надо мной летал самолет, как будто и он тоже лесной житель. Наверно он считал лосей. Но душевного покоя не было. Катался 3 часа. Ход отличный.

.....

8 ноября 1971. Накануне выпал снег, поехал один на такси. Проглядывало солнце и было немного ниже нуля. Чудесная погода и чудесный снежок повсюду, но очень неглубокий, и под ним еще не замерзшая земля, так что ход плохой — земля прилипает. Ходил по Заячьей... но тут попал в воду, лыжи никак невозможно было отскоблить, и снег стал прилипать (теплее стало). Местами шел, неся лыжи на плечах. Поднялся на Мою Дачу и оттуда вернулся мимо Синагоги. Никого не встретил. Лиза жаловалась на зятя Виктора, что он заставил продать корову. У нее теперь нет никакого животного! (кроме кота).

Итак, сезон открыт!

2 января (1972). воскресенье. Ездил с Ваней на такси от автобусной петли. Утром -7°, солнце весь день. На горах ветерок (СВ или В?). Ходили в Долину Лыжного Блаженства, потом по Прямой прогалине на Круглое болото, там полежали на опушке на лапнике. Вернулись по той же прогалине и по горам. Видели много лосиных следов (на горах и на болотах). На открытых местах — наст. Снег очень неглубокий, но довольно его. Ход превосходный. С гор так и несет. Уже есть вербы, и кустарник на солнце ярко рыжий.

.....

1 февраля, вторник. Большие морозы были, не ездил долго. Поехал один на такси. Утром было -12°, солнце, ветер западный. Целый день было безоблачно, на солнце в улье даже жарко. Ходил к Горскому озеру, оттуда по болоту к Черному лесу (наст крепкий и очень неглубокий снег), вдоль него и дальше по просеке вышел на Ладожскую дорогу, по ней назад, свернул в лес и вышел снова на Бывшее озеро. Вернулся так же, как шел вперед. На болотах масса лосиных, заячьих и прочих следов. Вербы много. Часа 3½ катался без отдыха.

Лиза рассказала о том, как 2 врача разрезали на куски и сварили третьего (вот врачи! То ли дело ворожея из Колтушей, которая вылечила ее внучку).

.....

1 марта, среда. -10°, солнце, тихо, ночью выпал снег, пороша! Свежих следов очень мало: только мышка, заяц, лиса и какие-то еще мелкие зверушки. Приехали на такси с Наташей. Пошли так же, как я ходил в прошлый раз, т.е. от Горского озера к Черному лесу, потом по его опушке. Потом обошли Бывшее озеро, поднялись на Черные горы, съехали в Долину Лыжного блаженства, потом еще два раза съехали с самого длинного спуска в долину у самого Воейкова. Можно было ехать с любой горы: снег притормаживает. Местами, на южных склонах, он даже начал прилипать к лыжам. Все время безоблачно и тихо. Солнце жарило здорово. Идеальное лыжное катание! Нигде никого не встретили.

5 марта, воскресенье.

Ездил один на такси. -5°, безоблачно, западный ветерок. Сверху наста иней как толченая слюда, ход бархатный, лыжи будто смазаны маслом. Снег тает на солнцепеке, но совсем не прилипает. Бесподобное катанье с гор. Ходил примерно как прошлый раз, но с варьяциями. Вышел на болота не через Горское озеро, а прямо

через горы мимо садоводства нового. Потом ходил по Заливу Мертвого лося и вышел к Черным горам по просеке с передачей. С Ладожской дороги доносился грохот каких-то не то тракторов, не то танков. Раз шесть съехал в Долину Лыжного блаженства с самых длинных спусков и потом еще с самого длинного спуска в долину у Воейкова. Все время было безоблачно. Несколько раз встречал лыжников. 4 часа катался.

.....

19 января 1973 г., пятница. Первый раз в этом году в Воейкове. Ок. -10° , днем было почти совсем ясно, но солнце в дымке. Утром выпал снежок и все припорошило, а то почти совсем не было снега, а до начала января и совсем не было. Ходил по Заячьей, долго ходил по Малькову озеру и по Лосиному озеру. На нем совсем свежие лосиные следы. Ездил и туда и назад на трамвае и автобусе.

.....

11 февраля, воскресенье. -18° , солнце, тихо, иней на деревьях, дивная погода, дивный ход, снег не глубокий, всюду можно пройти по рыхлому неглубокому снегу. Ездил один на такси. Ходил мимо Синагоги, по Наташиной и по Большому болоту. Назад вышел к Моей Даче. Все время солнце в лицо! Много лосиных следов.

.....

1 марта, четверг. Ездил один. -9° . Солнце, тихо. Иней на деревьях. Пороша.

Алмазный снег. Дивный ход. Неописуемая красота! Ходил так же как в прошлый раз, по Широкой просеке к Черным горам, против солнца, по старой нашей лыжне. Но дальше вышел прямо через болото к Воейкову, около плодоягодных участков.

Лиза в слезах. Гриша /покойный муж/ ей сказал, что он поступил на работу и поэтому не приходит, но ему «йисти не носят». Она собирается в церковь, поэтому.

14 марта, среда. Ездил один на такси. -2° , с утра безоблачно, в середине дня солнце скрывалось за облаками. Ветерок. На снегу довольно крепкий наст. Лыжи грохочут, и с гор съезжать страшно-вато. Ходил мимо Синагоги, по Наташиной (к-рая вся изрыта какой-то огромной машиной, прошедшей по ней), потом по Широкой просеке к Черному лесу и по Заливу Мертвого лося к Горскому озеру. Идя к автобусу, обнаружил, что потерял свое золотое кольцо.

Страшное уныние напало на меня. Но дома кольцо вдруг выкатилось из мешка! На солнце было чудесно.

.....

21 ноября (1973 г.), среда. Открыт зимний сезон. Поехал на такси, таксер ворчал, но все же поехал. -5°, снег, вьюга. И так весь день. Снег настолько глубокий и рыхлый, что еле дошел без лыжни до Малькова озера. Там была кое-какая лыжня, и встретилось 2 лыжника (за озером). Походил часа 3½ и совсем запарился. Но в лесу отлично: белое безмолвие итд. Когда я уезжал, Лиза кормила толстого бора в хлеву.

Вечером идем к Асе (сегодня мои именины).

.....

17 декабря, понедельник.

Ездил один на трамвае туда и назад. Ок. -5° или даже теплее. Пасмурно. Часто снег. Ход превосходный, но без лыжни трудно. Ходил по Заячьей, Суфической, Наташиной, по болоту и назад мимо Синагоги...

Понял, почему приятно кормить белок орехами. Они садятся на руку потому, что принимают за дерево. Инстинктивно они знают, что орехи водятся на дереве, а дерево не опасно. А вообще они очень пугливы. Приятно чувствовать себя деревом!

.....

23 марта 1974 г., суббота. Накануне шел снег, так что все белое, но слой снега очень тонкий, и на болотах сразу же проступает из-под снега вода. Утром было -2, потом сильно таяло. Весь день было безоблачно, яркое солнце, хорошая видимость (*шухай* / море леса по-китайски / весь до горизонта без дымки). Попробовал пойти по Заячьей, но там сильно прилипал снег. Тогда я вышел через Горское озеро на болото и ходил все время по Заливу Мертвого Лося. Там масса сережек на ивовом кустарнике и в конце залива -- большие лужи (но по ним на лыжах можно пройти, под водой -- плотный лед). Вообще, на открытых местах снег не прилипал (то ли прибило его ветром, то ли он уже крупитчатый). По дорогам бегут ручьи. Пахнет весной.

/Позднейшая приписка:/ Последняя прогулка на лыжах!

Приложения

Так говорил Михаил Иванович*

О человеческой памяти Михаил Иванович как-то сказал, что она похожа на скверно и своенравно работающий фотоаппарат, который время от времени сам по себе делает снимок, далеко не всегда важный — и притом неточный, пропуская гораздо более значительные сюжеты и моменты.

Здесь приводится ряд эпизодов, значительных и более или менее случайных, из тех которые сохранила память автора этой публикации, знавшего М.И. Стеблин-Каменского на протяжении тридцати пяти лет.

В.П. Берков

В первые годы существования скандинавского отделения на Филфаке М.И., помимо чтения лекций, вел и практические занятия по норвежскому языку. И здесь он отходил от шаблонных методов преподавания. Так, вместо не запоминаемых студентами банальных предложений типа «в саду растут высокие деревья» он предложил нам, первокурсникам, перевести на норвежский фразу «большой идиот играет с маленьким зверем».

***

Как-то в начал 1960х годов мы с М.И. и моей ныне покойной женой решили совершить путешествие на машине по Прибалтике. Конечной целью поездки была Калининградская область, когда-то Восточная Пруссия. Путь наш лежал через Латвию и затем по Куршской косе. В Латвии, обратив внимание на какой-то убогий домишко, М.И. сказал:

— А вот дом бедного латышского сапожника.

Таких домишек оказалось, естественно, немало, что последовательно отмечалось М.И. Под конец он резюмировал:

— Как много в Латвии бедных сапожников.

* Из статьи В.П.Беркова «Несколько штрихов к портрету М.И.Стеблин-Каменского».

Когда мы добрались до косы, выяснилось, что гостиниц на ней нет, и единственное место, где теоретически можно остановиться — это бывшая дача Томаса Манна (местные жители называли ее без затей «Томас Манас»). Правда, нас предупредили, что туда могут и не пустить. Чтобы все же переночевать в «Томасе Манасе», я предложил М.И. испробовать проверенный мной однажды способ (ему научил меня факультетский коллега) — с достоинством произнести:

— Я профессор из Ленинграда.

И с небрежным кивком в сторону спутников добавить:

— А эти люди со мной.

М.И. это явно было не по душе, но более чем реальная перспектива ночевать в машине (а было довольно прохладно) сыграла свою роль сыграла свою роль, и он согласился. Как ни странно, сработало. Выяснилось, однако, что надо перенести со второго этажа две кровати. М.И. с таким демократическим энтузиазмом участвовал в перемещении их, что на лицах служительниц Томаса Манаса явно читалось сомнение, действительно ли этот шустрый человек ленинградский профессор.

***

Машина стояла довольно далеко, и мы с женой отправились перегнать ее поближе к даче. Когда мы минут через двадцать вернулись, М.И. сказал:

— Пока вы там ходили, я сочинил роман. А сюжет у него следующий:

Немолодой профессор, уставший от преподавания в университете и научной работы, решает хотя бы на время бросить все это и поселиться где-нибудь в сельской глуши, чтобы осуществить свою заветную мечту — написать роман. И вот он приезжает в небольшую литовскую рыбацкую деревню (естественно, на Куршской косе). Там он встречает очаровательную молодую рыбачку и сообщает ей что приехал в эту деревню писать роман, и рассказывает ей его сюжет. А сюжет таков:

Немолодой профессор, уставший от преподавания в университете и научной работы, решает хотя бы на время бросить все это и поселиться где-нибудь в сельской глуши, чтобы осуществить свою заветную мечту — написать роман. И вот он приезжает в небольшую литовскую рыбацкую деревню (естественно, на Куршской косе). Там он встречает очаровательную молодую рыбачку и сообщает ей что приехал в эту деревню писать роман, и рассказывает ей его сюжет.

А сюжет таков:

Немолодой профессор и т.д.

***

Во время поездки выяснилось, что М.И. коллекционировал города, в которых побывал. Названия их он аккуратно заносил в специальную записную книжечку. Нередко возникала проблема, считать ли данный населенный пункт городом. Чаще всего он такого статуса удостоивался, и к тому времени, помнится, число городов в книжечке перевалило за двести.

***

На обратном пути мы ехали вдвоем (жена моя улетела из Калининграда). Чтобы не запутаться в расчетах, мы выделили особый кошелек — «каассу», куда клали равные суммы. Всякий раз, когда нам надо было выложить деньги, М.И. спрашивал меня по-литовски: «Каса дирбас?» («касса работает?») с вариантами типа «Ну как, наша касса еще дирбас?».

***

В одном сельском литовском ресторане, где меню было напечатано только по-литовски, мы оказались в затруднении. Однако было решено обойтись без помощи официантки-переводчицы. Хотя М.И., насколько мне известно, литовским никогда не занимался, он превосходно справился с задачей, привлекая для расшифровки множество языков, включая, помнится, санскрит. Слушать его трактовки было истинным удовольствием. (Официантка не была в восторге: меню мы изучали чуть ли не час.) Нам, надо признаться, так и не удалось сообразить, что такое «цеппелинай», кроме того, что это — множественное число от «цепеллинас» 'цепеллин'; мы, конечно, их заказали: оказалось, что это что-то вроде больших клецок.

***

Около 1960 года М.И. наконец получил высочайшее разрешение поехать в Исландию. Поездка была без всякого преувеличения триумфальной: его хорошо знали заочно по его работам.

В Исландии один из любимых жанров — рассказы о привидениях. Рассказы эти бывают самые разные, от весьма прозаических до совершенно фантастических. Трудно сказать, верят ли в привидения современные исландцы. М.И. утверждал, что не верят, но считается хорошим тоном делать вид, что верят: это соответствует национальным традициям.

Раз в одном обществе, естественно, заговорили о привидениях. М.И. тут же рассказал свою историю. Он, поведал М.И., вовсе не профессор Михаил Иванович Стеблин-Каменский, а привидение. Самого М.И., как и следовало ожидать, не выпустили из Ленинграда (по более поздней версии, он умер в Ленинграде). Он брался доказать это. Когда его не видели, он снимал свою голову и брал ее под мышку. Однажды он в таком виде прошеествовал по пустынному почному Рейкьявику до своей гостинице на окраине. Много лет спустя исландцы с восторгом пересказывали в деталях запомнившуюся им «сагу о привидении» М.И.

***

Выступая оппонентом по одной фонологической диссертации, где в частности, на основании сравнения древнего и современного состояния одного языка, делались выводы о его фонемном составе в средние века, М.И., отвлекшись от текста своего официального отзыва, сказал:

— Вполне возможно, что это и так. Возьмем, однако, другой случай. Я живу примерно в пяти километрах от университета. От меня туда ходит троллейбус. Я вышел из дому за полтора часа до заседания ученого совета. Расчет времени, затраченного на путь, должен показать, что я ехал на троллейбусе. На деле же, я встретил знакомого, заболтался с ним, а потом, спохватившись, взял такси. Так что скорость моего передвижения по городу была совсем не такая, как можно предполагать, исходя из скорости движения троллейбуса. — Так же обстоит дело с развитием языка: оно не идет равномерно.

***

Когда в члены-корреспонденты АН СССР одновременно выдвинули М.И. и В.Н. Ярцеву (тогда уже, кажется директора Института языкознания в Москве), М.И. снял свою кандидатуру. Объяснял он это так (я запомнил дословно):

— Выберут Викторнию Николаевну, наступит благоденствие для всей нашей лингвистической науки. А если вдруг выберут меня, станут спрашивать: «Чем подлец взял?».¹

¹Конечно М.И. и себе цену прекрасно знал, и своим конкурентам, но не хотел участием в недостойном фарсе как бы объективного избрания, где все заранее было задано, придавать ему видимость легитимности и опущивался.

На юбилее Т.И. Поздранковой, любимой всеми филологами старейшей преподавательницы английского языка, был предложен конкурс на самый короткий тост в честь юбиляра. Его выиграл М.И. провозгласив: «Будьте!».²

***

В 1973 году у М.И. случился инфаркт. В это время он увлеченно работал над статьей, которую потом считал одной из своих лучших. Рассказывал он об этом так:

Я работаю, а тут вдруг, видите ли, инфаркт. Но я уже не могу остановиться. Меня кладут в карету скорой помощи, а я пишу. Укладывают в палату, я все пишу. Писал, пока не закончил.

- Существует еще один (фольклорный) вариант этой истории:
- Будьте здоровы! – провозгласил один из присутствующих.
- Будьте! — предложил другой.

Встал М.И. и сказал:

- Будь!

Ознакомившись с ним, В.П. Берков, который присутствовал на юбилее Т.И. Поздранковой, заметил, что «он неправильно «улучшен» редактором (выказывание М.И. о редакторах я приводить не хочу)».

Соглашаясь, что «лучше» не обязательно значит «правильнее», мы, тем не менее, решили привести этот вариант, как образец «устной традиции» и того самого «неосознанного авторства», теорию которого создал М.И. Стеблин-Каменский. (*Ped.*)

М.С-К.. Наташа, Иван, Ольга Сергеевна Стеблина-Каминская.
Ленинград. 1950-е годы

М.С.-К., Наташа, Иван, О.С.Стеблина-Каминская.
Саблино. 1950 г.

М.С.-К., А.И.Сидорова, Наташа, Иван.
Май 1950 г.

В.В.Исаева, М.С-К., Ваня, Наташа
выпускают птиц на Елагином острове. 1950 г.

На лыжак в Воейково.
М.С-К., О.С-К., М.А.Болдырева, В.С.Гарбузова. 15 февраля 1953 г.

М.С.-К. с А.Н.Болдыревым. Саблино. Июнь 1950 г.

М.С.-К. с А.Н.Болдыревым.
1960-е г.

М.И.С.-К.
и Хальдорф Лакснесс.
1965 г.

М.И.С.-К.
и Стефан Андрессини.
Рейкьявик. 1965 г.

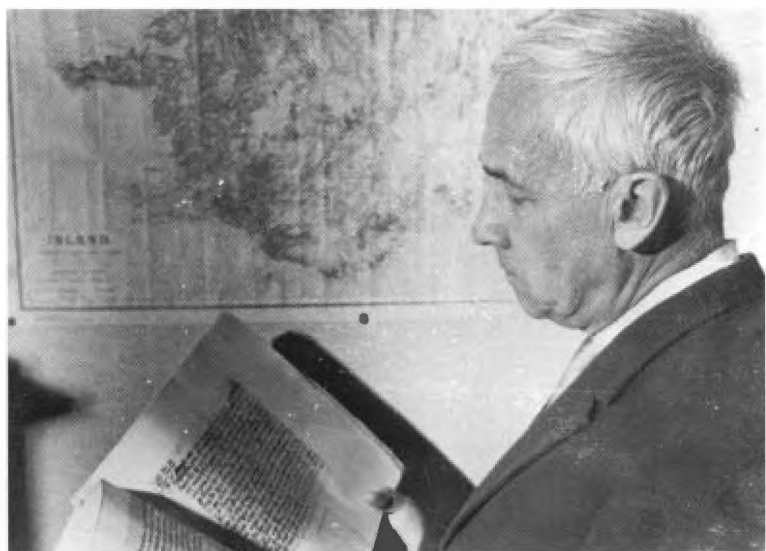

М.И.С-К. Рейкьявик.
1965 г.

На вручении
почетного доктора
Стокгольмского университета.
1970 г.

М.И.С-К.
Ушково,
дача А.Н.Болдырева.
70-е годы

М.И.С-К. у карты Исландии.
1970 г.

М.И.С-К., И.М.Михайлова, И.Б.Братусь на занятиях. 70-е годы

М.И.С-К. и В.П. Берков. 70-е годы

М.И.С.-К. 70-е годы

М.И.С.-К. 1979 г.

Норвежская группа Филологического факультета ЛГУ, выпуск 1950 г.
 Нижний ряд, сидят слева направо: И.С.Разумовская, С.Н. Анненкова,
 М.П. Ганзен-Кожевникова, Э.Р. Полонская, А.Я. Гушина, Л.Е. Ярнатовская,
 Т. Логунова.

Верхний ряд, стоят слева направо: К. Шиганова, И.Д. Смирнова, С.Д.
 Кацнельсон, С.П. Самострелова-Смирнитская, М.И. Стеблин-Каменский,
 С.В. Кручковская, В.И. Видонова

М.И. Стеблин-Каменский в Минске после защиты
 кандидатской диссертации Валентины Федоровны Руцкой (справа от него).
 Слева: В.И. Тур, А.С. Либерман (второй оппонент)
 и Г.С. Клычков (первый оппонент)

М.И. С.-К. с Э. Бредсдорфом (в центре) и А.Я. Гуревичем (справа) на V скандинавской конференции (первая скандинавская конференция с участием иностранных ученых). Москва, 1971 г.

М.И. С.-К., Хельги Харальдссон (рядом), Харальдур Йоунссон и Д.Я. Шабакеева-Харальдссон. Рейкьявик, 1971 г.

М.И. С.-К. и Хельги Харальдссон. Рейкьявик, 1971 г. На столе «Мир саги»

Хельги Харальдссон с женой, Д.Я. Шабакеевой-Харальдссон и дочерьми Анной (справа) и Аустой (слева). Осло. 1997 г.

Учебный год 1917-18 годъ	У О П Ъ Х И										Всего						
	Учение	Описание	Поведение	Хорошо	Удовл.	Хорошо	Удовл.	Хорошо	Удовл.	Хорошо	Удовл.	Учение	Поведение				
1	3	4	5	4	5	5	4	5	5	4	4	4	5				
2	4	4	5	5	4	4	5	5	5	4	4	4	5				
3	5	4	5	4	5	5	4	4	4	5	5	4	5				
4	4	4	5	4	5	4	4	5	4	4	4	5	5				
Среднее годовое	4 4 5 4 4 5										4	4	5	4	4	5	5
В классе											Полное реальное уч.						
В школе											Курсовый по классу						
В городе											Итого						
Всего											Всего						
Подпись учителя	Иванов Иван Иванович										Подпись						
Подпись ученика	Михаил										Подпись						

Срочная ведомость

об успехах, внимании, прилежании и поведении ученика 4а класса
Петроградского третьего реального училища Стеблин-Каменского
Михаила за 1917/18 учебный год

Возвращаюсь из Университета, перешёл через Петровский мост и повернул влево по пляжу в сторону стадиона

(«Воейковский дневник», понедельник, 3 декабря 1962 г.)

Большой Петровский мост через Малую Невку,
ведущий от Крестовского острова к Петровской площади и кольцу троллейбуса № 7, на котором Михаил Иванович ездил в Университет, ср. *Я живу примерно в пяти километрах от университета. От меня туда ходит троллейбус* («Так говорил Михаил Иванович...»).

Под мостом — «Тигровый остров». Так его называли внуки Михаила Ивановича. Он рассказывал, что на этом острове живут тигры. Внуки верили и недоумевали только, почему никто, кроме дедушки не видит тигров

*Посвящается белкам, которых автор наблюдал, обдумывая эту статью
(«Звери, боги, герои»)*

Крестовский остров

Здесь, в парке, недалеко от своего дома Михаил Иванович любил гулять. Тогда на Крестовском острове во множестве водились белки. Потом они почему-то ушли. Видимо, предвидя это, Михаил Иванович и включил в свою статью пример: *Белки здесь больше не водятся*

Подковырова ул. 25

В этом доме в кв. 6 (окно справа от балкона) Стеблин-Каменские жили до 1957 г. В этой квартире жила сестра Михаила Ивановича, к которой он переехал с Моховой улицы в конце 1920-х гг. Соседкой их была скульптор Вера Васильевна Исаева (ей принадлежала комната с балконом).

На этот адрес приходили письма, которые Ольга Сергеевна Стеблин-Каменская посылала с фронта Михаилу Ивановичу и маленькой Наташе

Наб. Мартынова 12,
с окном кабинета М.И. Стеблин-Каменского
(в кв. 63, второй этаж)

Могила Стеблин-Каменских
на Серфимовском кладбище
в Петербурге.
Тут же похоронена
Н.М. Стеблин-Каменская.
Рядом – могила В.В. Исаевой
(фото Т.Б. Сидоровой,
правнучки М.И. С.-К.)

Три блокадных открытки со штампом
«ПРОСМОТРЕНО военной цензурой».
Ленинград. 1943 год

Картина с м. берега Ладожы
и Аса?

10.VIII.1949

Милая Аня, где ты находишься, про
милые тебе Химки или Давид. Не знаю, какой
лучше вариант уручидна, но я прир алово и
Давид и сестры. Хотел бы
много карикатур не
и все равно вид, верну
сестры Давида. Милая
сестры Давида. Выше
для замечательных
сестры Давида
сестры Давида спрашива
сестры Давида и сестры
сестры Давида. Сестры
сестры Давида. Милая, вы
сестры Давида, вы
сестры Давида, вы

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

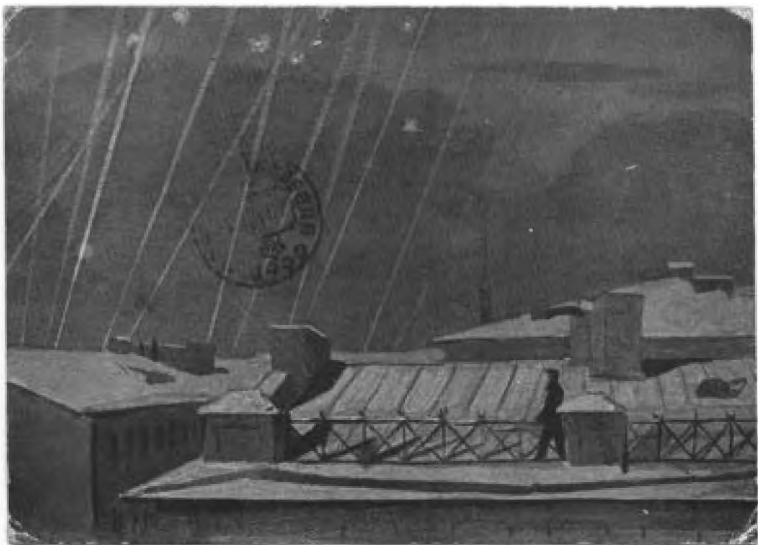
ПОЧТОВОЙ КАРТОЧКА

5333

Куда Коловая улица 02501-В

Кому Кашенский
Ольге Сергеевне

Ленинград подварава 25.886
М.И. Кашенский
Редактор П. Е. Коржиков. 0872 "Искусство"
1948 г. Тир. 25 000 экз. ЛТ УН-3. Зап. 001.

Алина! на ДРХ Вавскад кајмина зграда. Она работи:
 дојт на викајте седе
 новострајна ^{кајмина зграда} ^{кајмина зграда} ^{кајмина зграда}
 Карпурајев, а факте првобуд ^{кајмина зграда}
 к кокаш дурци Вакрво втврдува Р ^{кајмина зграда}
 реба на совесуане. Ј
 потиван превосходно.
 Внаклиця рибко гро в бане ^{кајмина зграда}
 с 7 минци. Броба лан ^{кајмина зграда}
 правецит, то нона еуге н ^{кајмина зграда}
 топки н: кодд прикметув ^{кајмина зграда}
 лелку. Цорвлитов к свену ^{кајмина зграда}
 учр си в редвие Вера ^{кајмина зграда}
 еуге се сованитоврелатв: ^{кајмина зграда}
 Це ную крепко. Алина.

МЕСТО
 ЗА
 ПИСМА
 ЦЕНА
 10+321
 СССР
 РАЙОН
 ДЗЕРЖИНСКИЙ

Кудс Полевая курья
 СМОТРЕТЬ № 29501-13
 Секция Ленинград
 00192
 Ком. Канцелярия
 Далеко Севера
 Ленинградская область
 25, 286, А. Н. Кавалерский

12 BAK

19 Kojul

Биринчи караманов
Ташкент

18 Kuzov

Казань

7

Ташкент
Олест хозиро

Казань - 3 ул.

Шарифовларга
"Ташкент"

13¹⁵ Suvchi
b. Alovchi

Биринчи б
Биринчи улус

16 alle ganyon
Kazan

Казань / Казань
Душанбе
Казань к

12 BAK

У И. П. (карантин)
у рас.

МАРТ

76³⁰ shapd colot

76³⁰ shapd colot

С. Агаев
Б. Бегматов

12 BAK

18³⁰ Kuzov

Das alle Island
Kuzov

С. Агаев
(by 1930)

18³⁰ Chernykh
Kuzov

Биринчи улус

15³⁰ Kuzov
Kuzov

12 BAK

18³⁰ Chernykh
Kuzov

САМ

18³⁰ Chernykh
Kuzov

О.Н. Стеблин-Каменская.
М.И. Стеблин-Каменский». Кукла.
К пьесе Апрельская ночь в гостинице «Сага».
Исп. М.И. (Маша) Стеблин-Каменская

О.Н. Стеблин-Каменская.
А.С. Либерман. Кукла.
К пьесе Апрельская ночь в гостинице «Сага».
Исп. М.И. (Миша) Стеблин-Каменский

И.М. Стеблин-Каменский

АПРЕЛЬСКАЯ НОЧЬ
В ГОСТИНИЦЕ «САГА»

Действующие лица:

М.И.Стеблин-Каменский, профессор ЛГУ

Торлейв, привидение (из первой половины XIII в.)

А.С.Либерман, профессор из США

11 сентября 1976 г.

Михаил Иванович входит в номер на шестом этаже гостиницы «Сага» в Рейкьявике. Радио передает очередную сводку погоды.

М.И. /выключая радио/.

Я выключаю радио.

Зачем мне знать погоде б.

Остановившись у окна,

Взгляну теперь закат я на.

О да, недаром говорят

Все про рейкьявикский закат.

Порою кажется, что он

Воображением рожден...

М.И. чувствует, что за его спиной возник кто-то. Отвернувшись от окна, он видит в глубине комнаты, около стены, какую-то странную фигуру с печальными глазами на бледном лице, седой бородой и в длинном широком одеянии.

Торлейв.

Хви эр гулл каллат сад крака?

Я сам собой возник из мрака.

Меня зовут Торлейв, сын Торда,

Хальберры, Торкеля и проч.

Да, нынче никакая морда

Не знает, бабушка чья дочь.

Могилу мне сломали грубо,

Когда под землю клали трубы.

Вот с осени и до апреля

Брожу по номерам отеля.
А сам ты как сюда проник?
Не со страниц старинных книг?

М.И. Да, я родился на бумаге
В своей же книге, в «Мире саги».

Т. Читал книженцию такую
И с этих пор всегда тоскую.
Какие ты свершил грехи,
Что пишешь столько чепухи?

М.И. А положительных рецензий
Ты на нее читал поток?

Т. Уж лучше утопиться в Темзе,
Чем глянуть на один листок.
Читать весь ваш ученый бред
Не может ни один скелет.
Ученичок твой, Либерман,
Открыл глаза мне на обман.

М.И. Ты служишь этому субъекту?

Т. У нас на Западе гнилом
Что хочешь купишь ты рублем.
Добавишь доллары, фунты
И ад, и рай получишь ты.
А привидений всех времен
Накупишь целый батальон.
Прочтут они все йероглифы,
Расскажут все тебе про мифы...

М.И. Теперь-то понял я, зачем
Он к вам уехал насовсем.

Т. Конечно, здесь твои идейки
Он живо превратит в статейки.
За них получит песов, лир,
Но он на них не купит кир.
Да ты же с ним давно знаком
И помнишь случай с коньяком...

Накупит скальдов привидений,
Еще нашлепает статей.
Благополучье строит гений
На груди трупов и костей.

М.И.   Что это там шуршит в камине?

Т.   Он очень легок на помине.

/возникает Либерман/

Либерман.   Михал Иваныч, я в восторге,
Что вижу вас живым, не в морге.
Скажу без всякого обману:
Мне призрак ваш не по карману.
Рад видеть вас в свободном мире
У привидения в квартире!

М.И.   Здорово. Как идут работы
В универстете Миннесоты?

Л.   Михал Иваныч, там студенты –
Лишь беглецы и диссиденты.
Все это воспитанье Споком
Американцам вышло боком.

М.И.   Так чем же я могу помочь?

Л.   Отдайте Торлейва на ночь!
Статью в какие-нибудь «Акта»,
В «тидскрифт» или в какой «цайтшрифт»
Состряпать я смогу из фактов,
Которые он сообщит.

М.И.   Но вы же можете за кроны
Его и так себе купить?

Л.   Увы, но есть у них законы
Вранье за деньги говорить.

Т.   Ты не получишь откровений
За денежки у привидений.
Любовь нельзя купить за франки –
За франки купишь лишь полбанки.

М.И. Ну что ж, берите мертвеца.

Т. Не буду тешить беглеца.
За род свой я погиб в бою.
Он предал родину свою.
Изгоем он в чужой стране
Живет при детях и жене.
Хотящий денег или славы
Окончит жизнь на дне канавы.
Наука, как и все занятия,
Для совершенствования душ.
Ему не буду отвечать я
Или опять сморожу чушь...
/начинает исчезать/

М.И. Куда ты, Торлейв?

Л. Уж светает,
Наверно, призрак просто тает.

М.И. Вас еле слышно, Либерман!

Л. Я превращаюся в туман...
/исчезает/

М.И. Прощайте!
Стоя у окна,
Теперь смотрю рассвет я на...
Рейкьявик спит. Лучи косые
Легли на площади пустые...
И горы белые у фьорда...
Сказал бы так Торлейв, сын Торда:
Исчез мертвец.
Исчез беглец.
На этом действию конец.

К О Н Е Ц

Комментарий. Эта пьеса была представлена на день рождения отца в виде кукольного спектакля (куклы частично сохранились) голосами внуков 11 сентября 1976 года, и очень ему понравилась.

А.С.Либерман
Из воспоминаний

Он был учителем этих молодых, и они уважали его и часто обсуждали, находя в нем лично слабости, как и подобает ученикам.

(Евгений Шварц «Живу беспокойно... Из дневников». Л. 1990, с. 325)

Большинство людей моего поколения прожило бурную и очень скучную жизнь. Редко кому из нас есть что вспомнить в старости. М.И.Стеблин-Каменский был самым ярким человеком, с которым мне посчастливилось встретиться. Разговоры с ним не забылись и через тридцать с лишним лет. Невозможно себе представить, чтобы я написал даже самые короткие воспоминания о нем без эпитафия, ибо М.И. довел выбор эпитафиев к своим работам до уровня высокого искусства, и это искусство — неотъемлемая часть его наследия. В отрывке, процитированном выше, Евгений Шварц рассказывает о Б.М.Эйхенбауме и его школе.

В 1973 г. вышел номер «Скандинавского сборника» (XVIII) в честь М.И. В нем, на стр.15, можно прочесть следующее: «Люди, связанные с ним по работе, становятся близкими ему, только если он убеждается в их способности сделать что-то заслуживающее внимания. Но точно так же он и теряет интерес к коллегам. «Мне понравились его статьи, — заметил он однажды об одном нашем общем знакомом, — я его везде хвалил и всюду рекомендовал, а то, что он сейчас делает — просто безобразие». Как-то он встретил этого человека на набережной и поздоровался, а потом сказал: «Я его с трудом узнал; у него ведь, кажется, раньше была борода». Но у того никогда не было ни бороды, ни усов; просто человек сделался до такой степени безразличен М.И., что ему даже стоило усилий припомнить его».

Увидев меня после выхода сборника, М.И. засмеялся и сказал: «Я помню этот эпизод. Ничего подобного я не говорил, но получилось вполне правдоподобно, даже лучше, чем на самом деле. Так и надо писать воспоминания». Я не догадался спросить его, как же он

связал эпизод с реальностью, если его ответ я с начала и до конца выдумал. Но здесь все, как в саге: не вымысел, а синкретическая истина. Сам он, хотя и вел дневник, читать воспоминания не любил, и, как рассказывала мне О.А. Смирницкая, делал исключения только для мемуаров Бенуа и «Некрополя» Ходасевича.

***

Я впервые увидел М.И., будучи студентом Герценовского института, в 1958 г. Из сносок я уже знал его фамилию и с любопытством пошел на защиту, где он выступал оппонентом. Диссертация была самая что ни на есть средняя, и я не помню ни его похвал, ни его замечаний, но я, наверно, не запомнил бы их, даже если бы сам де Соссюр защищал свой "*Mémoire*", настолько меня поглотил М.И. Много лет спустя я прочел, что старые петербуржцы давно заметили исчезновение из города красивых людей: их расстреляли, выслали или заморили голодом. И вдруг я оказался лицом к лицу с человеком удивительной красоты. Он показался мне неотразимым; нечто подобное я испытал в юности, впервые увидев портрет Блока. Даже легкое заиканье шло ему, а несколько театральный жест не производил впечатления манерного. Я слышал, что М.И. стал так красив лишь после того, как поседел. Может быть. К 55-и годам он, несомненно, имел лицо, которое заслуживал.

***

Усилиями И.П. Ивановой я был зачислен соискателем на кафедру английской филологии. Сдавшие кандидатский минимум как раз тогда получили право поступать в аспирантуру без экзаменов. Получив диплом учителя, я с 1959-го до 1962-го года работал в сельской школе-интернате между Мгой и Волховстроем, и именно эти три года ушли у меня на путь от Вульфилы до последнего пленума ЦК. И вновь благодаря настойчивости Ирины Петровны меня приняли заочным аспирантом на ее кафедру. Я надеялся, что она согласится руководить моей диссертацией, но она сказала: «Вам будет лучше писать работу у М.И.». Я был разочарован: «Разве М.И. не скандинавист?» И.П. заверила меня, что М.И. знает совершенно достаточно, чтобы быть моим руководителем. Оба они сравнительно недавно начали заниматься исторической фонологией; в фонологию же шли и многие их аспиранты. Я очень нервничал перед нашей первой встречей. М.И. спросил меня, что я читал по общему языкознанию, и я выложил ему обычный джентельменский набор тех лет: Соссюр, Сепир, Вандриес. Кроме того, за лето я прочел Трубецкого. «А Мартине вы читали?» — спросил он. Я ответил, что не читал. «Прочтите

поскорее». Нервничала, как выяснилось, и И.П.: ей хотелось, чтобы ее протезе не ударил в грязь лицом. Видимо, М.И. решил, что я не хуже тех, кого ему подсовывали до сих пор, и, выйдя в коридор, тут же, при мне, доброжелательно отозвался о моей начитанности. И.П. удовлетворенно закивала головой.

М.И. не считал, что должен знать материал диссертации лучше своего аспиранта, и был, по-моему, глубоко прав. Руководители, как я заметил, делятся на две группы. Одни (типа Хомского) знают ответ заранее и поручают все новым ученикам³ подтверждать его правильность. Другие (типа М.И.) с интересом ждут, что получится у их молодых сотрудников. Этот интерес необычайно возвышает аспиранта в собственных глазах. М.И. действительно хотел у меня узнать, что произошло со среднеанглийскими гласными в открытом слоге, а мне не терпелось его просветить. Ему были небезразличны результаты, полученные его аспирантами — качество, почти не встречающееся у других профессоров, настолько они уверены, что не прочтут у своих учеников ничего для себя нового. Поэтому он читал главы и параграфы приносимых ему диссертаций с непостижимой быстротой. Он мог взять очередной раздел в четверг и, услышав через неделю звонок по телефону с вопросом, успел ли он посмотреть работу, воскликнуть: «Куда вы пропали? Я уже в субботу прочел вашу главу. Приезжайте скорее, а то я все забуду. В Университет? Нет, лучше на дом». Воспоминания В.П. Беркова, проходившего аспирантуру значительно раньше меня, почти дословно совпадают с моими.

Заканчивая диссертацию, я дал ему последнюю (и очень большую) главу в июне. «К сожалению, до отпуска я уже не успею ее прочесть, — сказал он, — так что приходите в сентябре. Впрочем, у меня сейчас заседание, и я, может быть, немножко почитаю на нем». Через два часа он пришел на кафедру и обрадованно сказал: «Вы еще здесь? Вот и прекрасно. Я дошел до 30-й страницы, там вы рассказываете о Бергсоне. Так интересно! Теперь уж я дочитаю. Позвоните мне вечером». И действительно, к вечеру он прочитал все.

Некоторых аспирантов М.И. раздражало именно то, что было в нем наиболее привлекательно. Как сказано, он давал своим ученикам темы, решения которых не знал: он лишь представлял себе направление поиска. Поэтому, запутавшись в системе среднеанглийских фонем, не имело смысла спрашивать его, была ли релевантным признаком долгота открытых гласных. «Вот это надо выяснить непременно», — отвечал он с энтузиазмом и мог посоветовать, что почитать для прояснения мыслей, а то и дать какую-нибудь из своих книг (в шестидесятые годы он уже стал записывать, кому что дал, и

всегда говорил извиняющимся тоном: «Вы не обижайтесь»; легко себе представить, сколько книг у него зачитали). На моей памяти сердобольные руководители говорили своим подопечным: «Ну, садитесь, подумаем вместе», — или сообщали первое пришедшее им на ходу решение. К категории пестунов М.И. не принадлежал. Но, прочитав готовый раздел, он все понимал мгновенно, замечал слабости (которые и надлежало устранить) и радовался находкам. Правил он и язык, которым написана научная работа. «Перестаньте ставить тире и употреблять риторические вопросы, — сказал он мне, прочитав первую главу диссертации. — Такой синтаксис бывает только у влюбленных девиц», — и подробно развил мысль о синтаксисе любовных писем. Он тщательно выверял деление на абзацы и всерьез разволновался, когда увидел, что в библиографии я расположил пять работ одного автора не по хронологии, а по алфавиту названий. Уже когда я был на лестнице, он крикнул мне вслед: «Так не забудьте поменять порядок названий!»

***

Когда я стал аспирантом, ввели правило, что для защиты нужны две статьи, «в достаточной степени отражающие содержание диссертации», причем опубликованы они должны были быть загодя, чтобы «научная общественность» имела в случае необходимости время подвергнуть их критике. Некоторые люди годами ждали этих публикаций. Я очень хотел закончить аспирантуру вовремя и сразу стал писать статьи. Как и все студенты, изучившие фонетику по Витомской-Торсуеву-Дикушиной, я знал, что английские гласные бывают долгими и краткими, а кто так не думает, тот либо идеалист, либо агностик. Но вдруг выяснилось, что дело обстоит сложнее. Я прочел столпов Пражской фонологии и написал страниц пятнадцать о том, почему общепринятая точка зрения (то есть точка зрения Витомской-Торсуева-Дикушиной) ошибочна. Тогда было принято разделять лингвистику на отечественную (от Востокова до Виноградова) и зарубежную, или буржуазную (от Панини до Ельмслева). Вот я и решил избавить отечественную лингвистику от рокового заблуждения. Когда я встретил его в следующий раз, он вынул мою рукопись из портфеля и сказал: «Все грамотно, но в вашей статье нет новых идей. Вы просто присоединились к одной из существующих теорий. Такую работу может написать профессор, но для аспиранта она недопустима. Не спешите печататься». «Ему-то что», — с подумал я с тоской.

Как рассказано в анекдоте о лингвисте, не носившем бороды, М.И. проникался интересом к человеку, лишь когда тот начинал производить некие интеллектуальные ценности. Тогда же он дога-

дывался, что у его знакомого есть жизнь за пределами науки. Эту его особенность я хорошо изучил на себе. Я был заочным аспирантом и работал на кафедре иностранных языков Политехнического института. Первые полтора года я сидел в библиотеке и ничего, кроме «профессорских» статей, не писал. Соответственно и М.И. ничего обо мне не помнил (незачем было). По вторникам и пятницам, особенно по вторникам, я работал почти до ночи; в Институте же языкознания как раз в эти дни происходило «присутствие». М.И. при встречах регулярно сообщал мне о докладах и очень советовал ходить на них (хотя сам он, как я убедился впоследствии, почти нигде без нужды не ходил), а я каждый раз объяснял ему, что по вторникам у меня восемь часов и большое окно посередине. В принципе, он знал, что я преподаю в Политехническом, так как по забавному совпадению и сам работал там в молодости (одна дама, оставшаяся с тех времен, хорошо помнила его: «Стеблин-Каменский? Как же! Очень симпатичный молодой человек»), но от раза до раза забывал. «Вы не сможете прийти? У вас часы? Где? Ах, да, конечно».

С поздней осени второго года я начал носить ему главы диссертации, к которым он отнесся с большим одобрением, и все, касающееся меня, сразу переместилось в светлую точку его сознания. Он по-прежнему звал меня на заседания сектора, но добавлял сокрушенно: «Как жаль, что вы по вторникам заняты». Мое расписание успело измениться; теперь самым тяжелым днем стала среда, и я постоянно говорил об этом М.И., но ему было приятно, что мою жизнь он знает в деталях. Детали устарели, однако он предпочитал помнить первый вариант: суть была не в моих часах, а в идее: я пишу достойную работу, вошел в его круг, и то, что со мною происходит, в какой-то мере касается и его.

Еще один пример торжества синкретической истины.

***

Зимой 1965 г. я получил от М.И. открытку: «Срочно позвоните мне, нам надо встретиться». Телефона у меня не было, чем и объясняется конспиративный, на первый взгляд, текст послания. Незадолго до этого из Швеции (первого своего вояжа за границу) вернулся Хрущев. Долгие годы он представлял себе жизнь на Западе по собственным речам и теперь глазам не поверил, решив, что такие чудеса не происходят нигде, кроме Швеции. Переполненный впечатлениями, он приказал Академии наук изучить «скандинавский опыт». Получил такой приказ и Институт языкознания. Михаила Ивановича попросили возглавить скандинавскую группу. Он согласился, но предъявил ряд условий. В частности, он хотел привести

ассистента, которого бы не зарезал отдел кадров, и аспиранта. Что касается аспиранта, то выбор пал на Ю.К. Кузьменко; на место же младшего научного сотрудника он хотел предложить меня. К тому времени я кончил, но еще не защитил диссертацию. М.И. принял меня, как обычно, в кабинете, на кресле-качалке. «Соглашайтесь, — уговаривал он меня. — Это исключительная для вас возможность бросить преподавательскую работу». «Как же я смогу заниматься скандинавистикой? Я же знаю только английский и немецкий», — удивился я. «Языки вы выучите, — ответил М.И. — Это даже хорошо, что вы англист. Скандинавистика очень провинциальна и нуждается в людях с широким взглядом на вещи. Я и сам пришел в скандинавистику из английской филологии. А экзаменовать вас никто не станет». Так я сделался скандинавистом. В первый же присутственный день ко мне подошел И.М. Тронский и стал расспрашивать об истории грамматического рода в норвежском. Холодея от ужаса, я отвечал на его вопросы. Когда я рассказал об этом М.И., он довольно равнодушно заметил: «Ну, вот видите, я же вам говорил, что ничего страшного».

***

В конце шестидесятых годов в Индоевропейском секторе работало много знаменитых профессоров. Молодежь относилась к ним с величайшим пиететом. Их же, естественно, не могло особенно притягивать наше общество: еще одна гениальная теория, еще одна диссертация. «Чтобы составить себе представление о диссертации, которой я должен оппонировать, — сказал мне один из корифеев тех времен, — мне достаточно знать фамилию руководителя и тему». На заседаниях они чутко спали, то есть, сквозь сон слышали доклады и могли (иногда с блеском) принять участие в прениях. Существовал строго установленный порядок, кто за кем засыпает. Порядок этот был основан не на возрасте и не на сравнительной ценности засыпавших, а на традиции. Когда я однажды задремал на профсоюзном собрании (я всегда приходил первым, чтобы занять место в заднем ряду, у стенки), моя коллега толкнула меня в бок и прошептала: «Вам еще рано». В этом зачарованном царстве М.И. составлял исключение и, как во всем, что он делал, искал единомышленников. «Вы заметили, — спросил он меня однажды (и в голосе его прозвучало искреннее восхищение), — Соломон Давидович [Кацнельсон] никогда не спит! Что бы ни происходило, он само внимание. Молодец!» Сам М.И. использовал заседания более творчески. Если дело не касалось его лично, то почти всегда читал (потому мне и повезло с последней главой диссертации). В Университете он ухитрялся чи-

тать, даже когда председательствовал на ученом совете. Книгу он держал под столом, как мы когда-то держали под партами разодранного на отдельные странички и передаваемого от человека к человеку Мопассана (но у М.И. обычно была для этих случаев книга исландских анекдотов), и старался придать своему лицу заинтересованное выражение. Но так как он следил не за речами, а за сюжетом, то его мимика лишь изредка, и то случайно, соответствовала происходившему в зале.

***

В 1967 г. было объявлено, что желающие принять участие в международном лингвистическом конгрессе в Бухаресте и в фонетическом конгрессе в Праге могут подать заявления (это называлось научный туризм) и им не будут чинить препятствий. Так и случилось. Не было даже райкомовских напутствий, о которых мне рассказывал М.И.: «Товарищи, пожалуйста, не вытирайте в гостинице ботинки портьерами. Они ничего не скажут, но нам приплюют счет». М.И. решил поехать в Прагу, и я последовал его примеру. Безвалютных гостей из братских стран поселили в общежитии, и мы с М.И. попросились в один номер. Это обстоятельство и оказалось для меня важнейшим событием VI-го международного конгресса фонетических наук. Общежитие было далеко от центра, и каждое утро за нами приезжал автобус, так что целый день мы поневоле проводили вдалеке от дома. В противоположность большинству людей, вырывавшихся ненадолго из-за кордона, М.И. не делал ни малейших усилий завязывать знакомства, организовывать себе приглашения и вообще как бы то ни было полезно использовать время, а делал только то, что доставляло ему удовольствие. Удовольствие же ему доставляло обсуждать на приемах хитросплетения исландской академической жизни с исландцами и гулять по Праге.

Советская делегация была весьма представительной. Кормили нас в огромном общем зале, и за нашими столами царило непрекращающееся веселье. Тут же сидел Л.Р. Зиндер с двумя сотрудницами кафедры фонетики: Л.В. Бондарко и Л.А. Вербицкой. Тридцать пять лет тому назад это была счастливая молодая компания.

И наши учителя были еще нестарыми людьми. Нас немного водили по городу, и мы с любопытством наблюдали, как некоторые экскурсоводы осторожно, но ясно давали понять, что их культура рано отошла от православия, а другие из кожи вон лезли, подчеркивая свою любовь к старшему брату. Во второй категории особенно выделялся один, который замечательно говорил глупости. Однажды, упомянув Гете и его возлюбленную, он объяснил нам: «Она его

ценила как поэта, а он ее любил как девушку». Встречаясь после этого за столом, мы непременно спрашивали друг друга, кого из нас сегодня оценили как поэтов, а кого любили как девушек, и прочее в таком же роде. М.И. с увлечением принимал участие в этой игре. Но однажды он не присоединился к обедающим. Я увидел, что он идет не свойственной ему напряженной походкой вдоль противоположной стены зала за человеком небольшого роста и не смотрит по сторонам. Я помахал ему рукой, но Лев Рафаилович (Зиндер), который, если не ошибаюсь, не раз бывал в Праге и которого тамошние фонетисты хорошо знали и очень чтили, объяснил нам, что маленький человек — это Бохумил Трнка, который, видимо, пригласил М.И. обедать подальше от толпы. Имена первых пражцев значили очень много не только для фонологов моего поколения, но и для М.И. Трнка же шел в табели о рангах сразу за Трубецким и Якобсоном. В его обществе даже у М.И. сделался официальный вид. Я уверен, что спросил М.И., о чем они разговаривали, но едва ли узнал что-нибудь интересное, так как ответа не помню. Наверно, речь шла о нейтрализации фонем. Между прочим, М.И. никогда без необходимости на профессиональные темы не говорил. Помню только, что однажды, позвав кафедру и нас с Кузьменко в гости, чтобы отметить выход сразу двух книг, и узнав, что на первое подан язык, заметил: «Для лингвистов это блюдо самое подходящее».

Конгресс имел основную тему «Слово как речевой сигнал». По этому поводу не только мне, но и М.И. сказать было нечего, и мы оба поехали без докладов. Не искушенные в подобных делах, мы не знали, что тема-девиз ни к чему не обязывает и что каждый говорит, о чем хочет, ибо слово — оно слово и есть, то есть речевой сигнал, как на него ни посмотреть. После первого же пленарного заседания М.И. сказал мне: «Я должен с вами поговорить. Я ходить на доклады не собираюсь. Я впервые в Праге и вряд ли попаду в нее еще раз. Доклады же будут напечатаны, и я смогу прочесть их в БАН'е. Я привез подробный план Праги и хочу обойти ее, насколько хватит времени. Но вы не берите с меня пример. Вы человек молодой, и вам надо делать карьеру. Если вы хотите составить мне компанию, я буду рад вашему обществу, но повторяю: лучше ходите на заседания».

Так получилось, что я почти неделю прогулял с М.И. по городу. Его план и в самом деле оказался необычайно подробным, и он каждый раз удивлялся и радовался, что мы попадали именно на те улицы, которые были помечены на карте. Архитектуру он чувствовал глубоко и почти инстинктивно. Все здания он, как и я, видел впервые, но мгновенно угадывал их назначение и историю: окна,

характер кладки, перестроенные фундаменты — все говорило на понятном ему языке. Эта непредсказуемость больше всего поражала меня в нем. Вдруг выяснялось, что в молодости он вместе с Ильишом и Соллертинским был членом *Brückner-Mahler Verband*'а и прекрасно знает симфонии Брамса, хотя никогда музыке не учился. Или что, хотя злая судьба забросила его на рабфак, по-французски он говорит с детства. Или что он знает на память массу стихов на нескольких языках: и Шекспира, и Бодлера, и Иннокентия Анненского, не говоря уже об исландцах и «Беовульфе».

Через два дня после начала конгресса он мне сказал: «Знаете ли вы, что недалеко от Праги есть замок? Завтра туда экскурсия, но только для сопровождающих лиц. Может быть, попробуем? Хотя я забыл: вы ведь собирались на доклад о гортанной смычке. Сходите, сходите, заодно и мне потом расскажете». Я предложил встречный план: первым заберется в автобус М.И., а я изображу сопровождающее лицо. На худой конец, его высадят, и он пойдет на гортанную смычку, а вечером расскажет мне.

Поездка в замок Кармитейн памятна мне одним эпизодом. В ту сторону мы ехали автобусом с народом, пожертвовавшим заседаниями или не нуждавшимся в них. Члены нашей делегации сопровождающих лиц, естественно, не имели, и никто среди пассажиров по-русски не говорил. Чтобы не выделяться, и мы с М.И. говорили по-английски. Кстати, в Праге 1967 г. в ответ на звук русской речи вырастала непробиваемая стена отчуждения. Люди постарше охотно говорили по-немецки, и казалось почти неправдоподобным, что немцы, которых чехам после войны тоже вроде бы любить было не за что, ни у кого не вызывали протеста, а владение русским языком (в славянской стране) приходилось тщательно скрывать. Когда наш автобус подъехал к полотну железной дороги, опустился шлагбаум. «Как будет по-английски шлагбаум?» — спросил я М.И., но и он не помнил. Я стал вспоминать слова, более или менее соответствующие ситуации. «Может быть, *turnpike*?» «Как вы сказали?» — переспросил М.И. Не расслышал он меня потому, что, куда бы нас не возили, он самозабвенно, неотступно смотрел в окно. Мелькающие за стеклом картины оказывали на него гипнотическое воздействие. «*Turnpike*», — повторил я громче. «Вряд ли», — ответил М.И. (я и сам знал, что вряд ли: *turnpike* — это застава, особенно для взимания пошлины), и тут же на нас с интересом оглянулся человек, сидевший впереди. Автобус остановливался перед шлагбаумами еще два раза, и оба раза я говорил: «Если не *turnpike*, то как же?» При этих разговорах человек на переднем сидении оборачивался к нам с явно возрастающим любопытством. «Что ему от нас надо? — спросил М.И.,

когда мы вышли из автобуса. Почему он оборачивается, когда слышит *turnpike*?» И тут меня осенило. «Это, наверно, Kenneth Pike [известный американский фонетист]. Когда я говорил *turnpike*, он слышал 'Turn, Pike!' и оборачивался». М.И. нашел мою гипотезу вполне убедительной и перестал нервничать. На обратном пути мы опоздали на автобус и вернулись в Прагу поездом, который останавливался не перед шлагбаумами, а перед семафорами, так что мы добрались без приключений. А шлагбаум по-английски будет *gate*.

На одно заседание М.И. все-таки пошел. Из Грайфсвальда на конгресс приехал Бруно Кресс. В 1937 г. он выпустил книгу по исландской фонетике и с тех пор не печатал почти ничего, но М.И. считал нужным его поддержать. В отличие от М.И., который был очень доволен конгрессом (он не переставал повторять, что никогда не видел города прекраснее Праги), я горевал, что не делаю доклада, и жаждал оставить след в истории. Кресс обсуждал заимствования в современном исландском, все было абсолютно ясно, но я решил принять участие в прениях. М.И. слушал меня с непроницаемым лицом и, когда я вернулся на свое место, сказал только: «Длинно говорили». По вечерам он вел дневник, но не тот, который стал частично известен публике после его смерти, а в рисунках. Неожиданно (как всегда) выяснилось, что М.И. хорошо рисует. Картинки в его записной книжке остроумно и изящно отражали впечатления от прожитого дня.

Перед отъездом на конгресс нам поменяли по сто рублей на кроны. Важнейшим делом было потратить эту сумму как можно разумнее. М.И. терпеть не мог ходить по магазинам и предпочитал доставать красивые вещи, минуя толкотню у прилавков. Например, из Парижа он вернулся в ярком, очень шедшем ему свитере и всем рассказывал, что не то купил его в магазине для бедных, не то нашел в гуде выброшенного тряпья. Но в Праге 1967 г. не было еще таких куч, а тут вдобавок выяснилось, что *Philologica Pragensia* должна ему солидный гонорар за статью о ротацизме. К счастью, он имел заказ от Ольги Сергеевны (жены) купить ей плащ. Вскоре он нашел дорогой плащ и вздохнул с облегчением. Мы сомневались, что его теория ротацизма, в которой столько дыр, может кого бы то ни было защитить от дождя, но, избавившись от денег, М.И. смотрел победителем и был неуязвим для наших стрел. Я хорошо помню доклад М.И. о ротацизме, который он сделал на третьем семинаре по диахронической фонологии германских языков. В аудитории сидело человек пятнадцать (в основном участники), и впечатление сошло такое, что в турнир третьеразрядников случайно затесался гроссмейстер. Я уверен, что тот пражский плащ не пропустил ни одной капли.

Незадолго до отлета домой М.И. спросил: «У вас остались чешские деньги? Впрочем, в баре, кажется, принимают и рубли. Пойдемте выпьем чинзано». Слово чинзано вызвало у меня какие-то смутные воспоминания не то о Хэмингуэе, не то о Ремарке. Или там пили кальвадос? Рядом с нами пил что-то крепкое осевший после войны в Восточном Берлине исландский фонетист Свейтн Бергсвейнссон. М.И. был наверху блаженства: чинзано, исландец, и не спешат объявить рейс.

***

Любя покрасоваться, М.И. никогда не приписывал себе заслуг, которых не имел. Придя в скандинавистику поздно, он научился вполне хорошо говорить по-норвежски и сносно по-исландски и никогда не скрывал, что к нему домой раз в неделю ездит норвежка, с которой он разговаривает для практики, а когда появился Хельги Харальдссон, то начались регулярные встречи и с ним. Хельги Харальдссона М.И. особенно ценил. «Вы еще не познакомились с нашим новым аспирантом-исландцем? — спросил он меня — на редкость симпатичный человек. У него и почерк хороший, и дикция ясная. Обычно у исландцев каша во рту». В то время М.И. уже вроде бы не очень хорошо слышал, но и при идеальных условиях язык, в котором нет звонких согласных и даже *л, м, н, р* могут быть глухими, а в каждом третьем слове встречается преаспирация, не самый звучный среди языков мира. К тому же М.И. не зря жаловался в одной из своих статей, что исландские краткие дифтонги, которые на бумаге выглядят вполне импозантно (две половинки, пусть и краткие), вовсе и не дифтонги. Я однажды спросил его, как он оценивает свое активное владение исландским, и он ответил: «В случае необходимости я могу написать по-исландски письмо, но на это уходит масса времени». В другой раз я поинтересовался, сам ли он написал свою статью по-норвежски. «Нет, — сказал он — мне перевели. Так вышло лучше». А ведь он заведовал скандинавской кафедрой, и ему вроде бы полагалось безукоризненно говорить на всех языках. Но настолько значительны были все его дела и так много он знал, что ему и в голову не приходило выдавать себя не за того, кем он был. Мало кто на его месте вел бы себя подобным образом. Кстати сказать, пассивно он владел не только норвежским, но и исландским великолепно: от него не ускользал ни один каламбур, и он мгновенно замечал любую тонкость. Он, по-моему, никому никогда не позавидовал ни в науке, ни в быту. Характерно его шутовское замечание на одном диссертационном банкете после моего тоста: «Теперь все подумают, что если ученик может так сказать, то руководитель может еще луч-

ше» (но, заметив, что я, незаметно, как я думал, отодвигаю от него коньяк, иронически спросил: «Вы, кажется, взялись меня опекать?»). Его, беспартийного и независимого в своих суждениях, конечно, не избрали в член-корры (к чему он стремился: «Детишкам на молочишко», как он это называл), и о многих член-коррах он говорил без энтузиазма, но повторяю: никогда в его комментариях не проскользнула завистливая нота.

В своих привычках М.И. тоже был демократичен, и в нем никто бы не обнаружил ни малейшего снобизма. Он иногда приходил в ярость, но я не представляю себе, чтобы он кому-нибудь когда-нибудь сказал грубость. Его отличало великодушие, нечасто встречающееся в научной среде. На конференциях время от времени выступали ученики его коллег, которых он откровенно недолгоблывал. Ничего не стоило (особенно ему) вышутить их доклады, обычно не блиставшие ни мыслью, ни красноречием, но он ни разу не поддался искушению так поступить. Скорее всего, он и не испытывал такого искушения, и ему не пришло бы в голову унижить новичка за грехи его руководителя. Напротив, именно для этих людей, которые, несомненно, с трепетом ждали его критики, он всегда находил несколько ободряющих слов, а потом и сам начинал верить, что ему понравился доклад. Робкие провинциалы быстро успокаивались в его присутствии, а нагловатые выскочки, сами того не замечая, сбавляли тон. «Истинный аристократ особенно вежлив именно с гардеробщиком», часто повторял он, но ничто в его поступках не вытекало, как мне кажется, из продуманной системы. Он был слишком импульсивен и страстен, чтобы рассчитывать свои слова и жесты. Он мог быть щедрым на комплименты и несправедливым, доверчивым и подозрительным, лояльным и капризным, но все это шло изнутри. Не избалованный талантами вокруг себя, он загорался от самого скромного проявления мысли и нередко переоценивал успехи как своих аспирантов, так и незнакомых ему людей. Полемики он не любил. Он ответил критикам «Мира саги», но спорить ему было неинтересно. «Появились первые ругательные отзывы на мою книгу, — сказал он однажды, зайдя в Институт. — Я, конечно, знал, что они появятся, но почему-то мне было приятнее, когда меня хвалили». Его фраза о том, что если люди согласны с тобой, то твое мнение кажется им само собой разумеющимся и тривиальным, если же не согласны, то объявят это мнение ошибочным, а третьего не дано (из предисловия к «Очеркам...»), не словесный выверт, а символ веры. Он знал, что переубедить никого нельзя и, может быть, еще и поэтому хорошо себя чувствовал среди молодых, готовых слушать и открытых для живого слова.

Речь М.И. не сверкала бесконечными островами, но неожиданные повороты мысли, отличавшие все, что он делал, с лихвой заменяли записное остроумие, и то, что он говорил, часто бывало очень смешным. «Что вы включили в план на следующие три года?» — спрашивает он. Услышав мой ответ, он искренне удивляется: «Но ведь вы даже не начинали заниматься этой темой. Вставлять в план надо только законченные работы, а потом делать, что хочешь. Да и как можно планировать научную работу? Это все равно, как женщине предсказать, кто у нее родится». Однажды он пришел в Институт в большом огорчении. Надо куда-то ехать, а тут, как назло, сломался зуб. «К щербатому человеку какое же доверие?» — повторял он. На конгрессе в Праге я услышал французскую речь, прочел имя говорившего и ахнул: «Мартине». Я бросился к М.И.: «Смотрите, Мартине!» «Да, действительно», — ответил он. — Но когда приходишь в новое место, самое главное — узнать, где уборная, а Мартине никуда не денется. Да и сам туда придет. Вот, кстати, почему лучше не встречаться со знаменитостями лично». М.И. очень хорошо писал по-английски. Однажды редактор из Кембриджа вернул ему статью с обещанием поместить ее в ближайший номер, но с обширной языковой правкой. Правка поразила нас своей неочевидностью: *can* было исправлено на *may*, *may* — на *can* и т.п. «Сразу видно, что редактор — настоящий англичанин. Вот поэтому мы ничего и не понимаем», — прокомментировал М.И.

В 1973 г. М.И. попросил меня написать предисловие к его книге «Спорное в языкознании». Я с радостью согласился и сочинил несколько страниц в стиле его очерков. М.И. остался моей работой доволен, но вскоре смущенно рассказал, что редактор Университетского издательства наотрез отказывается печатать столь легкомысленное введение. Потом я и сам говорил с этой дамой, смотревшей мимо меня и едва цедившей слова. И.П. Иванова тоже осудила меня, пояснив, что негодно клоунадой предварять концерт классической музыки. *Quod licet Jovi, non licet bovi*. В утешение я получил экземпляр его книги с такой надписью: «Дорогому Анатолию Симоновичу эта книжка о зебрах и тюленях с благодарностью за, к сожалению, неопубликованное предисловие, в котором были и другие звери. М.Стеблин-Каменский. 26.3.1974».

М.И. имел устойчивую репутацию остряка. В последние годы, которые я его знал, он уже сознательно высмеивал тех, кому оппонировал, и издевался над претенциозностью так называемых новейших методов в языкознании и литературоведении, и ему все чаще изменяло чувство меры. «Вечно меня заносит, — сказал он мне как-то. — Я вошел в несимпатичную мне роль человека, от которого

постоянно ждут потехи, а стягнуть эту роль не могу». Впрочем? эпатаж он любил всегда. Для него не было большего удовольствия, чем расхвалить доклад за нетривиальность, ибо «в науке важнее заявить, что дважды два — пять, чем повторять, что дважды два — четыре», закончить церемониальную академическую конференцию шутейной речью или собственным докладом (на конференции по машинному переводу, где он радовался, что *порося* — это возвратная форма глагола) стихом: «Но тех, кто меня уничтожит», посвятить статью белкам с Крестовского острова и, наконец, заявить на научном заседании, что не имеет значения, какую теорию предпочесть, так как наука — в сущности, игра.

Многие всерьез думали, что М.И. — позер, скрывающий свою легковесность за парадоксами. На самом же деле любовь к эпатажу, хотя и определяла многое в его поведении, не отражала ни его взглядов на жизнь, ни его отношения к делу. Не случайна его убежденность в том, что у лингвистической задачи всегда есть одно-единственное правильное решение. К тому, во что он верил, он относился без тени иронической улыбки. Я хорошо помню нашу жестокую размолвку, кажется, в 1968 году. Я сказал ему, что Ильиш прав: если аллофон — это позиционный вариант фонемы, то он не может сохраниться с исчезновением позиции, породившей его, а должен уйти вместе с ней. М.И. пришел в бешенство. Его оскорбило, что я мог согласиться с доводами Ильиша, никогда фонологией не занимавшегося, но еще больше его возмутил бунт на корабле. Впоследствии он спокойно, даже дружески отнесся к моей теории оглушения исландских сонантов, заметив только: «Я думаю, что можно и помоему», — и без всякого раздражения принял критику Хрейтном Бенедиктссоном некоторых его хронологических выводов, однако к умлауту и фонологизации аллофонов у него было глубоко личное отношение. С умлаута, то есть со статьи Туодделла, этого почти гениального этюда, будто специально написанного для соблазна малых сих, начался расцвет исторической фонологии. С него же начался триумфальный путь самого М.И. в фонологию. Посягнуть на фонологизацию было совсем не то, что расхваливать возвратного или медиопассивного поросю.

Оказалось, что наука не игра и не безразлично, какое решение выбрать. Он стоял на площадке верхнего этажа того здания, где внизу располагалась ЛАХУ и где над Алтайским сектором была комната индоевропеистики (там и помещался мой стол), и почти кричал: «Делайте, что хотите, пишите, что хотите. Вы самостоятельный человек и в руководителе не нуждаетесь. Но я вас предупреждаю, что если вы напечатаете такую статью, я напечатаю опровержение.

То, что вы говорите, смешотворно. Для вас звуковое изменение — мяч, на который нажал пальцем: опустил палец — мяч снова круглый. Речь ведь идет не о единичном случае, а о сотнях слов». Я так и не понял, причем тут сотни слов, но зато я понял, что поссорился с М.И. Я сделался ненавистен ему, и он не скрывал этого: официально здоровался, перестал заходить на верхний этаж и придирался по каждому поводу. Потом обида как-то забылась, да и я делал героические усилия замазать трещину; к вопросу о фонологизации мы разумеется, никогда больше не возвращались. А ведь что такое аллофон? Звук пустой... Но за ним стоял принцип, а о том, чтобы жертвовать принципами, не могло быть и речи. Я думаю, что впоследствии М.И. с такой яростью отказался от фонологии из-за разочарования в самой глубинной ее идее. Он расстался с ней, как расстаются с обманувшей, но еще любимой женщиной. Недаром он сказал в одной из своих последних работ, что несмотря на претензии, которые он имеет к Трубецкому и особенно Якобсону, он на всю жизнь остался структуралистом.

***

Читал, председательствуя, М.И. только на Ученом Совете. На конференциях же он был необычайно активным и безжалостным председателем. Соблюдение регламента превратилось под его руководством в объект культа. В начале заседания он предупреждал, что каждому предоставляется двадцать минут и ни секунды больше. Через пятнадцать минут он громогласно объявлял: «У вас есть еще пять минут». Следующее объявление делалось за две минуты до конца. Заставить говорящего покинуть трибуну ровно через двадцать минут стало для него чем-то вроде изгнания торгующих из храма. Однажды какой-то несчастный, не прошедший этой школы и не внявший предупреждениям, посмел задержаться и пояснил, что ему еще надо прочесть полстраницы и заключение. «Мне очень жаль, но ваше время истекло. Все остальное вы доскажете в перерыве», — возразил М.И. и, обратившись со своей самой светской улыбкой к следующему докладчику, объявил его тему и пригласил его начать, не обращая внимания на захлебывающийся голос говорившего. Впрочем, допускался товарообмен: можно было затянуть выступление, если кто-нибудь согласится пожертвовать своими минутами. Я не помню ни одного случая подобной благотворительности. Он шумно хвалил тех, кто не полностью использовал отведенное им время, и я однажды спросил его, не лучше ли было бы всем нам остаться дома: образовались бы часы неиспользованного времени. «В этой идее что-то есть», — ответил он невозмутимо.

Начиная прения, он говорил: «Пожалуйста, вопросы: сначала последнему докладчику, потом предпоследнему и т.д., но прошу всех помнить: вопросы не должны быть возражениями, а ответы — дополнительными докладами». Как только начинало казаться, что вопрос расплывается в туманностях, раздавалось роковое: «Что вы хотите спросить?» Столь же свирепы бывали его комментарии. Эта свирепость была вызвана не желанием уничтожить докладчика, а требовательностью к процессу доказательства, высокой культурой мышления. Он был особенно блестящ на небольших собраниях, как, например, на фонологических семинарах. «Отвечайте на мой вопрос прямо. — заявил он одному участнику. — Да, нет или не знаю». «Не знаю», — выдавила из себя его жертва.

Обсуждая со мной мой первый аспирантский доклад (беседа происходила на набережной, и мы несколько раз прошли от Менделеевской линии до Ростральной колонны и обратно), он дал мне совет, которому я неукоснительно следовал всю жизнь. «Имейте в виду, — сказал он, — доклад — это не статья, и не всякий интересный материал подходит для устного сообщения. Доклад должен содержать одну не слишком сложную мысль, вокруг которой и надо строить всю аргументацию». Свои доклады, обычно выдержанные в соответствии с этим правилом, он читал, но читал так выразительно и хорошо, что создавалась иллюзия свободного говорения. Обидно только было выступать после него: на больших конференциях с последним словом М.И. половина слушателей уходила из аудитории.

Административная работа, столь ненавистная многим ученым, не раздражала М.И., если он находил ее нужной. Он чувствовал ответственность за кафедру, которую основал и которой заведовал, и был польщен, когда его назначили членом ВАК'а. Он не соглашался с моими доводами о вредности и постыдности этой организации и повторял, что делает полезное дело. Он любил летать в Москву на самолете, но однажды они столкнулись с гусем и чуть не потерпели аварию. Потом его спрашивали, понравился ли ему grágás («Серый гусь» — название исландского свода законов): видимо, не очень понравился, потому что впоследствии он обычно ездил на заседания ВАК'а поездом.

***

Мне не пришлось быть студентом М.И., и я не знаю, как он вел занятия и читал лекции, хотя слышал, что за подсказку на экзамене он мог выгнать провинившегося. Принимая кандидатский минимум, он тоже не всегда бывал снисходительным. Без осуждения рассказывал он мне о том, как Щерба (с сыном которого М.И. дружил в

молодости), поставил ему четверку, хотя и восторга по этому поводу не выразил. Самое смешное, что не согласился Щерба с ответом М.И. по фонологии, но не по теории, а в связи с применением фонологии к преподаванию английской фонетики. Зато я знаю, что он высоко ставил популяризацию науки. Впервые он сказал мне об этом, когда я готовил библиографический обзор исландской фонетики и было не ясно, войдет ли он в «Скандинавский сборник». «Надо их уговорить, — повторял он, — дельный обзор куда полезнее очередной статьи, которую и читать-то никто не будет». Он настойчиво советовал мне издать мои лекции о великих датских лингвистах, потому что такая книга заинтересует и людей, далеких от наук, и я помню начало первого очерка, которое я ему предложил: «В пасмурный осенний день по улице Копенгагена шел молодой человек, закутанный в плащ. Он был погружен в свои мысли и не услышал голоса девушки: «Расмус, Расмус...» Мы оба пожалели, что в ту пору не было машин и нельзя добавить: «Противно заскрипели тормоза», — но кучер-то, несомненно, мог обругать задумчивого Раска.

Не помню, в какой связи М.И. сказал мне: «Хорошую популярную книгу может написать только специалист». Впоследствии я повторял эту фразу своим студентам десятки раз. В море околонучного ширпотреба почти не найти свежей мысли, потому что поставляют эту продукцию халтурщики. Что такое настоящая популярная литература в филологии и областях смежных с ней, люди из окружения М.И. поняли, когда вышли в свет его книги «Культура Исландии» и «Мир саги». Без всякого нажима большой мастер и несравненный знаток вопроса рассказывал о вещах, о которых думал всю жизнь, и так как он ясно мыслил, то ясным был и его язык, образный, но полностью лишенный аффектации. То же относится к его итоговой книге по истории древнескандинавской литературы. Она адресована любому культурному читателю и захватывает кажущейся очевидностью выводов. Быть может, «Миф» потому и не стал событием, сравнимым с «Миром саги», что мифологией М.И. никогда вплотную не занимался и подстроил особенности мифологического миропонимания к общей концепции авторства, то есть написал популярное изложение того, что не апробировал для более профессиональной аудитории.

Когда С.Д. Кацнельсон выпустил «Сравнительную акцентологию германских языков», труд, в котором блестящие идеи перемежаются с рискованными обобщениями, и очень сложный для чтения, М.И. заметил: «Нельзя печатать такую книгу, не подготовив публику» (книге С.Д. предшествовало лишь несколько столь же сложных статей), — и был, по-моему, прав. С другой стороны, высоко ста-

вя жанр популяризации, рецензирования М.И. не любил и рецензии, которые написал, написал по долгу службы, откровенно кляня свою судьбу («Неудобно отказать»). Знал он и издержки популяризации и жаловался (наверно, не мне одному), что много нового сказал в «Норвежской грамматике», но никто этого не понял, так как даже подготовленный читатель подобной книги воспринимает все, сказанное там, как само собой разумеющееся. Узнав, что есть на свете остров, где много кур, лиса спросила Маленького принца: «А охотники там есть?» Маленький принц заверил ее, что охотников там множество. «Ничто в мире не совершенно», вздохнула лиса. Против этого заключения нечего возразить.

Авторитет М.И. был огромен, во многих областях даже непрерываем, но он совершенно не осознавал своей убойной силы. Когда собирались скандинависты или фонологи, всем было интересно только его мнение. Если он отзывался о докладе критически, для докладчика конференция была безнадежно испорчена. Увидев, какую реакцию вызвали его замечания, он страшно огорчился и всем говорил в перерыве: «Я же не собирался обидеть его (ее). Скажите, разве я так резко выступил? Как нехорошо! На следующем заседании непременно объясню, что меня неправильно поняли».

Испытал его убойную силу и я. Занимаясь палатализацией, я заметил, что различительные признаки фонем можно выявить по поведению звуков в сандхи, и сделал об этом доклад в секторе. Фонологов в Институте было очень мало, и тонкости сандхиальных позиций никого не тревожили. Я, конечно, попросил М.И. прийти на заседание, и он пришел. Он же первым выступил в прениях и сказал, что моя мысль интересна, но легко опровергается поведением ретрофлексных согласных в шведском и норвежском. Многие одобрительно заулыбались; видимо, и им сразу же пришли в голову ретрофлексные согласные в скандинавских языках. Было и выступление, поддержавшее М.И. Я темпераментно защищался, но меня слушали с насмешливым сожалением. Часа через два я зачем-то пошел в Университет и на полпути встретил М.И. Он весело помахивал портфелем и лизал эскимо. «Знаете, — сказал он, — я все время думаю о вашем сандхи. Пожалуй, вы правы, а скандинавские *rd*, *rt* как раз подходят под ваше правило». «О, Господи! — воскликнул я горестно. — Почему бы вам было не сказать так на секторе, а усомниться потом?»

Дело происходило в июне, а осенью мы вместе полетели в Минск, где защищала диссертацию аспирантка М.И. Я был оппонентом, а он, по его собственному выражению, — свадебным генералом. Нас принимали как номенклатурных работников (мне очень понравив-

лось; Михаилу Ивановичу, по-моему, тоже), а перед отъездом нам еще вручили сетки с яблоками, грибами и прочими дарами земли: Михаилу Ивановичу — очень большую, мне — поменьше. Но в Минске оказалась нелетная погода, и мы долго просидели на аэродроме. «Расскажите-ка мне еще раз про сандхи», — попросил М.И. Часа четыре я рисовал формулы и витийствовал о различительных признаках на стыке фонем. «Не все вроде бы так, как вы говорите, но по сути дела верно. — сказал он. — Давайте напечатаем совместную статью или еще лучше две статьи: вы — о своем правиле, а я — вроде постскриптума о шведско-норвежских ретрофлексных. В Москве собирают фештшрифт Реформатскому. Вы не участвуете?» М.И. любил задавать вопросы типа: «Следующий фонетический конгресс в Мюнстере. Вы не едете?» Я ответил, что в сборнике не участвую. До дому мы добрались поздно вечером. У М.И. уже тогда были неполадки с сердцем, и я проводил его до самой квартиры. Дверь открыла Ольга Сергеевна. Я вручил ей пакет, принадлежавший М.И., и сказал, что сам я прошел по другой сетке. «Не расстраивайтесь, — засмеялась она. — В вашем возрасте М.И. не проходил еще ни по какой сетке». Меньше чем через неделю, мы получили приглашение в фештшрифт. Книга называется «Фонетика. Фонология. Грамматика» (1971), и наши статьи напечатаны в ней одна за другой.

***

Мы практически никогда не говорили о политике. Лишь изредка прорывались какие-то фразы то о Кюстине, то о Солженицыне, то о Галиче. В одном французском фильме, из которого я не помню ничего, был кадр: утром дети-подростки сбегают из своих спален в столовую, где родители ждут их к завтраку. Не запомнил бы я и этого места, если бы не комментарии М.И.: «Вы не думайте, это не красивая жизнь для кино: они действительно так живут». К тому времени М.И. уже переехал из коммунальной квартиры на Крестовский (только там я у него и бывал), но тоска по человеческим условиям, которые обыкновенные люди воспринимают на Западе как само собой разумеющееся, осталась.

Накануне моей кандидатской защиты, когда отношения между нами были еще далеко не такими близкими, как впоследствии, он сказал: «Будьте готовы, что могут быть один-два голоса против... по экстралингвистическим причинам». Едва ли он имел оформленную систему политических взглядов. Главным было само собой разумеющееся презрение к режиму. В остальном он видел не дальше других.

За несколько дней до Первого скандинавского конгресса в Рейкьявике, куда, несмотря на многочисленные персональные пригла-

шения. не пустили не только меня, но даже и его. Хрейтл Бендихтссон, председатель конгресса, прислал нам билеты на самолет с указанием, как пересаживаться в Копенгагене. М.И. долго не мог успокоиться и говорил о неспособности Запада понять, что у нас творится, но стоит прочесть его очерк «На 'Коне Золотая Грива' -- в страну саг» («Новый мир», 1961, № 4), чтобы понять, какими забытыми и несветскими людьми мы сами были в те времена, когда разразилась над нами первая, хрущевская, оттепель. Несколько позже его не выпустили в Лунд за получением почетного доктора. Антисоветская кампания достигла своего апогея, и Первый отдел «боялся провокаций». М.И. отнесся к этим соображениям вполне серьезно. Поверил он и тому, что стал после 1975 г. невыездным из-за моей эмиграции, и рассказал об этом Э. Бредсдорфу, который повторил версию М.И. в своих мемуарах, а потом и мне.

Подвижничество не было свойственно М.И. Он охотно принимал услуги от человека, о котором говорил беззлобно: «Я знаю, что он сомнительная личность, но он так хорошо ко мне относится». Над своим миром он царствовал деспотично и всеело, но с той наивностью, которая была одной из наиболее привлекательных его черт. Так, например, он искренне верил, что на его кафедре царит ничем не нарушаемая гармония: все всех любят и желают друг другу добра. Органически не способный принять участие в склоке (хотя сам себе он казался опытным политиком), он не распознавал интриганов и, когда узнавал правду, не вполне верил ей. Но ему лично все, кажется, и в самом деле были преданы.

В Институте мы выпускали стенную газету «Глокая куздра» (я писал текст, а А.П. Володин оформлял). Газета пользовалась большим успехом; ее приходили читать со всей набережной. Корифеи реагировали на «Куздру» по-разному. В.М. Жирмунский, по-моему, так и не заметил ее. С.Д. Кацнельсон читал, когда думал, что его никто не видит. М.И. шел к газете как только она появлялась и веселился от души. Узнав себя в одной пародии, он смущенно сказал: «Ну, зачем же вы так?» — но я заверил его, что, не зная фактов, разгадать адресатов невозможно (так и было). И только один раз, прочитав не то о Спец. Храме, не то о тов. Волки Ярви (оба места пропустил наш добродушнейший цензор А.М. Мухин), вдруг перестал смеяться и сказал: «Смотрите, плохо кончите». Его любимой фразой было: «Не надо дразнить гусей», — хотя сам он именно этим всю жизнь и занимался — правда, в науке, а не в политике.

Когда я подал документы на отъезд (в начале 1975 г.), мне полагалось получить характеристику (!) от своего учреждения. Для этого созывалось собрание, на котором мои коллеги должны были за-

клеить меня позором. На кафедрах и в институтах также собрания проходили по утвержденному сверху сценарию: речи от администрации, от парткома, от профкома, от друзей, учителей, учеников (если таковые имелись) и от остающихся евреев. Находились и добровольцы. Накануне собрания я поехал к М.И. домой, так как боялся, что его попросят выступить, и не хотел, чтобы подобное приглашение застало его врасплох. М.И. стал мрачнее тучи: «Я всегда думал, что вы можете подобное выкинуть. Я не хуже вас понимаю, что Советская власть — самая бесчеловечная власть в истории, но имейте в виду: вы уже никогда не будете заниматься научной работой; там и своих некуда девать». Конечно, он сказал что-то еще (я провел у него около получаса), но остальное я забыл.

Как ни странно говорить подобное в томе, посвященном эпистолярному наследию М.И., писем он, по-моему, писать не любил и, во всяком случае, не рассматривал их как литературный жанр. Не вдохновляли его и новогодние открытки, но корреспондентом он был аккуратным. Как сказано, он считал себя ловким политиком и однажды с гордостью сообщил мне, что, когда получает чью-нибудь статью или книгу, отвечает немедленно, обещая прочесть, а потом не читает. Он думал, что он первым изобрел эту хитрость. Но скорее всего, он ничего не ставил на полку, не прочитав.

Поскольку мы жили в одном городе и встречались очень часто, между нами, естественно, не было переписки. Из Америки я несколько раз писал ему, и он отвечал, хотя, как знают все, читавшие «Мир саги», возвращаться с того света не стоит. Писал я ему в связи с рецензиями на его книги, которые я печатал в журнале *Scandinavian Studies*. Один раз я спросил его, удовлетворен ли он моей рецензией, и он ответил, что удовлетворен. Позже я написал резко отрицательную рецензию на всеобщую библиографию по германской лингвистике за все века. Составить такую библиографию немыслимо (по одной английской филологии ежегодно выходит толстый том названий), но меня возмутило, как бедно представлены в книге даже самые выдающиеся русские германисты. М.И. отреагировал в духе: «Так его!»

В последний раз я писал ему после выхода «Мифа». Письмо получилось на много страниц и содержало ряд критических замечаний. Я спросил М.И., хочет ли он, чтобы я напечатал разбор его книги, в котором, хотя и в более мягкой форме, будут высказаны мои соображения по поводу его теории, и добавил, что если он этого хочет, то пусть ответит, а если ему это будет неприятно, то достаточно промолчать. Он промолчал, и рецензия не появилась. До английского выхода «Мифа» он не дожил. Если бы даже была между нами

переписка после 1975 года, она бы не имела никакой ценности, так как вся заграничная корреспонденция перлюстрировалась, и ни с кем он не выходил за пределы исторического языкознания, погоды и состояния здоровья. На последние две темы явно не стоило тратить время и марки, а о первой нам к тому времени сказать друг другу было почти нечего. Он, как я слышал, радовался, что его предсказание о конце моей научной карьеры не сбылось и что его ученик преподает скандинавскую филологию в Миннесоте, самом скандинавском штате Америки, где телефонная книга мало чем отличается от телефонных книг Осло или Стокгольма. К 1981 году из моей старой записной книжки осталось лишь двое человек, которые поддерживали со мной контакты. 17-го сентября оба они дали мне телеграммы о смерти М.И., и я еще успел добавить лист к своей «Германской акцентологии»: «Памяти моего учителя Михаила Ивановича Стеблин-Каменского».

***

Как всякий выдающийся человек, М.И. знал себе цену и был весьма неравнодушен к признанию, но похвалы в лоб только смущали его. Вскоре после того, как я поступил в аспирантуру, вышел второй том «Сравнительной грамматики германских языков». Я полистал его и оставил до лучших времен. Меня оглушили количество сносок и мнимая значительность формулировок. Нужна, казалось, вся жизнь, чтобы добраться до таких высот. Лишь глава М.И. об умлауте, которая впоследствии чуть не сделала нас врагами, привела меня в восторг. «Что вы думаете о втором томе?» — спросил меня при встрече М.И. Я пробормотал что-то об антропофонике, сбился и в отчаянии выпалил, что больше всего мне понравилась его глава. На его лице появилась гримаса раздражения: «Ну, о моей главе не будем. Я написал ее в три вечера, и все это я уже говорил раньше. А вообще должен вам сказать, что книга чрезвычайно слабая». Искусный льстец без данных к науке никогда бы не сделал у М.И. карьеры. Он с ужасом говорил о грозящем праздновании своего семидесятилетия и по-детски радовался, что уедет в Крым и всех перехитрит. Не юбилеи притягивали его. Ему страстно хотелось оставить глубокий след в науке. Он как будто опасался, что сделавшийся привычным в последние годы хор похвал — одна видимость, и искал все новых подтверждений своей теории литературы. Он переиздавал старые статьи и подготовил для печати свой дневник. Мысль о смерти следовала за ним неотступно. Он стремился не только сберечь идеи, волновавшие его, но и быт своего дома.

Когда в город приезжали исландцы, то, по словам М.И., они сначала

ла шли в Зоопарк, а потом к нему. Кто-то из таких визитеров подарил ему гостевую книгу, и он всех просил делать в ней записи. Попросил он об этом и меня. Книга появилась вскоре после Скандинавской конференции в Кяэрику (под Тарту), где по вечерам, после заседаний, мы опять собирались вместе, много пили и играли в кеннинги. Я запомнил только кеннинг, который сам сочинил о боготворившей Михаила Ивановича И.В. Каллистовой («Ольха профессора»), и кеннинг, сочиненный обо мне: «Лебедь пота шипа бумаги» (Шип бумаги — перо; пот пера — чернила; лебедь чернил — секретарь. Дело в том, что М.И. произвел меня в секретари, то есть поручил мне написать отчет о лингвистической секции для «Филологических наук»). На вечерних сборищах сочиняли еще шуточные стихи, в которых постоянно фигурировало слово ром, хотя потребляли в основном коньяк. Все это я рассказываю для того, чтобы пояснить начало записи, которую я сделал в гостевой книге М.И.

*В чаду сигар, под звуки твиста
Проходит жизнь скандинависта.*

*Скандинависту нужен ром.
Он в роме ищет рифму даме.
А после, осенясь пером,
Он, как коней на ипподром,
Выводит кеннинги стадами.*

*Скандинавист не рвется ввысь,
Он говорит себе: «Куда мне?»
И прост его земной девиз,
Он прост, как строки старых вис, —
Нетленный стебелек на камне.*

Указатель имен*

Агаша см. Стеблин-Каменская О.Н.

Адмони, Владимир Григорьевич (1909–1993) – филолог-германист, профессор, сотрудник ЛО ИЯ АН СССР.

Айтматов, Чингиз (1928) – русский/киргизский писатель.

Алексеева, Елизавета Алексеевна (Лиза) – хозяйка дома в Восейкове.

Аля – *Стеблин-Каменская О.С.*

Андерсен, Ханс-Христиан (Hans Christian Andersen; 1805–1875) – датский писатель.

Андрессон, Кристин¹ (Kristinn E. Andr sson; 1901–1973) – исландский литературовед, автор книги «Современная исландская литература» (Москва, 1957).

Анна – см. Хельгадоухтир, Анна

Анлунд, Кнут (Knut Ahnlund; 1923) – писатель, литературовед, член Шведской Академии, член Комитета по Нобелевским премиям.

Анненкова (впоследствии Лебедева), Светлана Николаевна. Выпускница норвежского отделения Кафедры германской филологии (1950 г.). Работала переводчицей в Военно-медицинской Академии.

Анненский, Иннокентий Федорович (1855–1909) – поэт, драматург, переводчик.

Анохин, Генрих Иосифович (1925) – историк Скандинавии.

Аста – см. Хельгадоухтир, Ауста

Ася, тетя Ася – см. Сидорова А.И.

Атнарссон, Ингоульвюр (Ing lfur Atnarsson) – первый поселенец в Исландии.

Аудисардоухтир, Ингунн/Ингюнн (Ingunn  sdisard ttir) – исландская студентка, учившаяся в Ленинграде в 1975 г.

Барабаш Юрий Яковлевич (1931) – литературовед, доктор филологических наук (1969), профессор (1971).

Баудур, «Бурфелдский Баудур» (B rfells-B dur) – персонаж романа Йона Торордсена «Юноша и девушка» (“Piltur og Stulka”, 1850)

Бахтин, Михаил Михайлович (1895–1975) – филолог.

Безрукова, Мирослава Ивановна (1929–1999) – искусствовед.

* Выделены курсивом – члены семьи, родственники и свойственники М.И. Стеблин-Каменского; **полужирным** – лица, упомянутые только в статьях или комментариях к произведениям М.И. Стеблин-Каменского.

«То, что иностранцы принимают за исландские фамилии (Эйнарсон, Ауртнасон или Эйнаредоухтир, Ауртнадоухтир) – на самом деле отчества и поэтому они разные у отца и сына или у отца и дочери («сон» значит «сын», «доухтир» – «дочь») (*Стеблин-Каменский М.И.* Культура Исландии. Л.: Наука, 1967. С. 8–9). Однако в соответствии с общепринятой практикой мы помещаем в указателе **имя** после отчества, которое в этом случае рассматривается в качестве **фамилии**.

Беккер-Нильсен (Hans Bekker-Nielsen; 1933) — датский историк; издатель журнала "Mediaeval Scandinavia".

Белый, Андрей (Борис Николаевич Бугаев; 1880—1934) — русский писатель, поэт.

Бенедиктссон, Хрейти (Hreinn Benediktsson; 1928—2005) — исландский лингвист.

Бенедиктссон, Якоб (Jakob Benediktsson, 1907—1999) — исследователь исландских саг.

Бенуа, Александр Николаевич (1870—1960) — русский художник.

Бергманн, А(у)р(т)ни (Árni Bergmann; 1935) — писатель и журналист; учился в Москве.

Бергсвейнссон, Свейти (Sveinn Bergveinsson; 1907—1988) — исландский фонетист.

Бергсон, Анри (Bergson, Henri; 1859—1941) — французский философ.

Бердяев, Николай Александрович (1874—1948) — русский философ.

Берков, Валерий Павлович (1930) — скандинавист, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой скандинавской филологии (1978—1997) филологического факультета СПбГУ, ученик М.И. С.-К.

Берковский, Наум Яковлевич (1901—1972) — литературовед, историк зарубежной литературы и театра, профессор ЛГПИ им. А.И. Герцена.

Бё Улав (Olav Bø; 1918—1998) — норвежский фольклорист.

Блок, Александр Александрович (1880—1921) — русский поэт.

Блок Марк (Marc Bloch; 1886—1944) — французский историк.

Богораз (Тан), Владимир Германович (1865—1936) — этнограф и писатель.

Бодлер, Шарль (Charles Baudelaire; 1821—1867) — французский поэт.

Боголюбов, Михаил Николаевич (1918) — иранист-востоковед, профессор, декан Восточного факультета СПбГУ (1960—1995), академик РАН.

Болдырев, Александр Николаевич (1909—1993) — филолог-иранист, профессор Восточного факультета, ближайший друг М.И.С.-К. со времен блокады.

Болдырева, Мария Александровна — востоковед, сотрудник Института востоковедения, дочь А.Н.Болдырева.

Бондарко, Лия Васильевна (1932—2007) — лингвист, профессор, зав. кафедрой фонетики Филологического факультета СПбГУ.

Борис, см. Кондойди Б.

Боулю-Хьяульмар (Bólu-Hjálmar по месту рождения — Була; = Хьяульмар Йоунссон (Hjálmar Jónsson); 1796—1875) — исландский фермер и поэт.

Боян (XI в.) — древнерусский певец-сказитель.

Боянус, Семен Карлович (1871—?) редактор англо-русских и русско-английских словарей, эмигрировал в начале 1930-х гг. С ним М.И. С.-К. сотрудничал в 1920-е гг.

Брамс, Йоханнес (Johannes Brahms; 1833—1897) — немецкий композитор.

Бредсдорф, Элиас (Elias Bredsdorf; 1912—2002) — датский филолог, главный редактор журнала "Scandinavica".

Братусь, Игорь Борисович (род. 1943) — филолог-нидерландист, к.ф.н., доцент кафедры скандинавской филологии.

Брежнев, Леонид Ильич (1906—1982) — советский государственный и партийный деятель, генеральный секретарь ЦК КПСС (1964—1982)

Брок, Ингвильд (Ingvild Broch) — студентка-русистка из Норвегии, занимавшаяся в 60-е гг. норвежским языком с М.И. С.-К. В настоящее время профессор в университете Тромсе (Норвегия).

Бьёрнсон, Бьёрнстjerne (Vjørnstjerne Vjørnson; 1832–1910) — норвежский драматург и общественный деятель.

Вагинов, Константин Константинович (1899–1934) — поэт, писатель, с которым М.И. С.-К. встречался в 1920–30-е гг.

Вакхилид (505–450 до н.э.) — греческий поэт.

Вандриес, Жозеф (Joseph Vendryes; 1875–1960) — французский лингвист.

Ваня — см. *Стеблин-Каменский П.М.*

Вера, Вера Васильевна — см. Исаева В.В.

Вербицкая, Людмила Алексеевна — лингвист, профессор, зав. Кафедрой общего языкознания Филологического факультета СПбГУ, ректор, а с 2008 г. Президент СПбГУ.

Видонова (впоследствии Тур), Валентина Ивановна — выпускница норвежского отделения Кафедры германской филологии (1950 г.). После окончания ЛГУ жила в Минске и работала в Минском государственном университете.

Виноградов, Виктор Владимирович (1894/5–1969) — российский лингвист.

Витомская, В.П. — фонетист, автор книги «Основы английской фонетики».

Володин, Александр Павлович (1935) — лингвист, научный сотрудник ИЛИ РАН (ИЯ АН СССР), профессор Филологического факультета СПбГУ.

Волохова (Волохова-Крамова, урожд. Анцыферова), Наталия Николаевна (1878–1966) — драматическая актриса.

Востоков, Александр Христофорович (1781–1864) — русский языковед.

Галич, Александр Аркадьевич (1919–1977) — русский поэт, драматург.

Ганзен-Кожевникова, Марианна Петровна (1889–1974) — дочь переводчиков П.Г. Ганзена и А.В. Ганзен, первый преподаватель датского языка в России. Преподавала датский язык на Филологическом факультете ЛГУ в 1947–1963 гг.

Гарбузова, Виктория Степановна (1914–2002) — востоковед-тюрколог, профессор Восточного факультета, жена А.Н. Болдырева.

Гарман, Даглас (Douglas Garman) — английский поэт, приехавший с женой в Ленинград, знакомый М.И. С.-К. в 1920–30-е гг.

Гаспаров, Михаил Леонович (1935–2005) — литературовед, сотрудник ИМЛИ, академик РАН.

Гвудйоунесон, Оддур (Oddur Guðónsson; 1906–1991) — посол Исландии в Москве.

Гедда Габлер — героиня одноименной пьесы Г. Ибсена (см.).

Геродот (484–425 до н.э.) — греческий историк.

Герцен, Александр Иванович (1812–1870) — русский писатель и философ.

Гёте, Иоганн Вольфганг фон (Johann Wolfgang von Goethe; 1749–1832) — немецкий поэт и драматург.

Глазунов, Александр Константинович (1865–1936) — русский композитор и дирижер.

Глазунов, Илья Сергеевич (1930) — русский художник.

Глинка, Владислав Михайлович (1903–1983) — историк, писатель, сотрудник Эрмитажа, приятель М.И. С.-К. со времени блокады.

Глинка, Михаил Сергеевич (1936) — писатель, племянник В.М. Глинки.

- Гоголь, Николай Васильевич (1809–1852) – русский писатель.
- Голль, Шарль де (Charles de Gaulle; 1890–1970) – французский политический деятель, президент Франции (1945–1946; 1959–1969).
- Гомер – греческий поэт, имя которого связывается с героическим эпосом, прежде всего, «Илиадой» и «Одиссеей».
- Гонецкий, Николай Степанович (1815–1904) – генерал, воевавший на Кавказе (опубликованы письма жене: «Звезда» 2003, №8), командующий войсками Виленского военного округа, член Государственного Совета – дед, отец матери М.И. С.-К.*
- Гранин, Даниил Александрович** (1919) – писатель, составитель «Блокадной книги».
- Гримм, Якоб (Jakob Grimm; 1785–1863) – немецкий языковед и фольклорист.
- Гросс, Евгений Федорович (1897–1972) – физик, профессор Физического факультета ЛГУ, член-корр. АН, муж А.И. Сидоровой («тетя Аси»)*
- Гумилев, Лев Николаевич (1912–1992) – историк, географ, доктор исторических (1961) и географических (1974) наук.
- Гумилев, Николай Степанович (1886–1921) – русский поэт.
- Гуннхила/Гунилла (шв. Gunilla) (1568–1597) – вторая жена шведского короля Юхана III.
- Гуннар – персонаж «Старшей Эды».
- Гуревич, Арон Яковлевич (1924–2006) – историк-медиевист, скандинавист, автор исследований по древнескандинавской литературе.
- Гуревич, Елена Ароновна – филолог-скандинавист, автор исследований по древнескандинавской литературе, дочь А.Я. Гуревича.
- Гушина (впоследствии Глазкова) Антонина Януарьевна – выпускница норвежского отделения Кафедры германской филологии (1950 г.).
- Гюннес, Эрик (Erik Gunnes; 1924–1999) – известный норвежский меди-евист, один из авторов «Истории Норвегии» (1976).
- Дельмас (Андреева, урожд. Тишинская), Любовь Александровна (1879–1969) – оперная актриса, адресат произведений А.А. Блока.
- Десницкая, Агния Васильевна (1912–1992) – лингвист, доктор филологических наук (1946), профессор, директор ЛО Института языковедения АН СССР (1963–1976), член-корр. АН СССР (1964).
- Дикушина О.И.** – фонетист, автор книги «Фонетика английского языка».
- Дина – см. Шабакеева-Харальдссон Д.Я.
- Диоклетиан, Гай Аврелий Валерий (245–316) – римский император.
- Достоевский, Федор Михайлович (1821–1881) – русский писатель.
- Дьяконов, Игорь Михайлович (1915–1999) – востоковед, историк и языковед, сотрудник Эрмитажа, Института востоковедения РАН.
- Евгений Федорович – см. Гросс Е.Ф.*
- Ельмслев, Луи (Hjelmslev, Louis) (1899–1965) – датский лингвист.
- Жирмунский, Виктор Максимович** (1891–1971) – германист, языковед и литературовед, профессор ЛГУ, сотрудник ЛО ИЯ РАН, академик АН СССР.
- Жуков, Евгений Михайлович (1907–) историк, академик АН СССР (с 1958).
- Землячка (Залкинд), Розалия Самойловна** (1876–1947) – большевичка, организатор красного террора в Крыму.

Зиндер, Лев Рафаилович (1904–1995) — лингвист, профессор, заведующий кафедрой фонетики (1966–1976) Филологического факультета СПбГУ.

Ибсен, Генрик (Хенрик) (Henrik Ibsen: 1828–1906) — норвежский драматург.
Иван — см. *Стеблин-Каменский И.И.*

Иванова, Ирина Петровна (1904–1993) — филолог-англист, профессор ЛГУ/СПбГУ, заведующая кафедрой английской филологии (1958–1971), дружила с семьей М.И. С.-К.

Ильин, Борис Александрович (1902–1971) — филолог-англист, профессор, заведующий кафедрой английской филологии (с 1956) Педагогического института им А.И. Герцена.

Ингольдссон, Кристьяун (Kristján Ingólfsson) — исландец, посетивший Ленинград в 1973 г.

Исаева, Вера Васильевна (1898–1960) Вера — скульптор, автор монумента Матери-Родины на Пискаревском кладбище, подруга Матчи (Марии Ивановны С.-К.), многолетняя (с 20-х гг. по 1957 г.) соседка М.И. С.-К. по коммунальной квартире (ул. Подковырова, д.25, кв.6).

Ита, Хинес Перес де (Ginés Pérez de Hita; 1544? 1619?) — испанский писатель

Йоунссон, Харальдур (Haraldur Jónsson; 1901–1975) — школьный учитель. Отец Хельги Харальдсона.

Калаушин, Матвей Матвеевич (1904–1968) — член Пушкинской комиссии, научный сотрудник, позднее директор Литературного музея Пушкинского дома АН СССР, который оставался там во время блокады Ленинграда.

Каллистова, Ирина Вячеславовна (1927–1971) — доцент кафедры скандинавской филологии Филологического факультета ЛГУ, ученица М.И. С.-К.

Каминский, Иван Станиславович, польский шляхтич, в 1690 г. перешел в Малороссию, родоначальник Стеблин-Каменских.

Карл Великий (742–814) — франкский король.

Кассирер, Эрнст (Ernst Cassirer; 1874–1945) — немецкий философ.

Кацнельсон, Соломон Давидович (1907–1985) — языковед, германист, доктор филологических наук, профессор, сотрудник ИЯ АН.

Клыкков Георгий Сергеевич (1932–1987) — д.ф.н., профессор МГУ

Козырев, Николай Александрович (1908–1983) — астроном-астрофизик, приятель А.Н. Болдырева, приезжавший кататься на лыжах в Воейково.

Кондойди, Борис Петрович (1920–1987) — двоюродный брат А.И. Сидоровой.

Кондойди, Зоя Всеволодовна (1886–1969) — тетка А.И. Сидоровой, в семье которой (после расстрела родителей в 1920 г.) выросла О.С. Стеблин-Каменская.

Косминский, Евгений Алексеевич (1886–1959) — доктор исторических наук, профессор, действительный член АПН РСФСР (с 1945).

Кресс, Бруно (Bruno Kress; 1907–1997) — немецкий скандинавист.

Кроль, Александра Ефимовна (1899–1978) — сотрудница Эрмитажа, хранительница коллекции английского искусства.

Кручовская (впоследствии Эльберг), София Владимировна — выпускница норвежского отделения Кафедры германской филологии (1950 г.). После окончания ЛГУ жила в Минске и работала Минском государственным институте иностранных языков

- Ксенофонт (430–425 – после 355 до н.э.) – греческий историк.
- Кузьменко, Юрий Константинович (1941) – лингвист, германист, сотрудник ЛО ИЯ АН СССР (ИЛИ РАН), профессор Университета Гумбольдта (Берлин, ФРГ), ученик М.И. С.-К.
- Кумбель (Kumbel) – см. Хейн, Пит
- Кутузов, Михаил Илларионович (1745–1813) – русский полководец, фельд-маршал.
- Кьярваль, Йоуханнес Свейнссон (Kjarval, Jóhannsson Sveinsson; 1885) – исландский живописец.
- Кюстин, Астольф де** (1790–1857) – литератор и публицист, автор книги «Россия в 1839 году» (1843).
- Лакснесс, Хауллтур (Halldur Kiljan Laxness; 1902–1998) – исландский писатель, лауреат Нобелевской премии.
- Лапицкий, Игорь Петрович (1920–1998) – преподаватель Филологического факультета ЛГУ
- Лебедев, Глеб Сергеевич (1943–2003) – историк, археолог, профессор Исторического факультета СПбГУ.
- Лёв, раби (XVI в.) – ученый и философ, раввин Старо-Новой синагоги в Праге, по преданию, создатель искусственного человека «Голема».
- Леви-Стросс, Клод (Claude Lévi-Strauss; род. 1908–2009) – французский этнограф и философ.
- Ленин, Владимир Ильич (1870–1924) – основатель советского государства.
- Лённрот, Ларс (Lars Lönnrot; 1935) – историк литературы, профессор Гетеборгского Университета (Швеция).
- Леночка – см. Гуревич Е. А.
- Либсман, Анатолий Симонович (1937) – филолог-германист, сотрудник ИЯ АН (до 1975 г.), профессор Университета Миннесоты (Миннеаполис, США), ученик М.И. С.-К.
- Лидочка* – см. Свешникова Л.Н.
- Лиза – см. Алексеева Е.А.
- Линдаль, Сигурдюр (Sigurdur Lindal) – исландский юрист и деятель культуры; был деятелем литературного общества *Hid Íslenska Bókmenntafélag*. Намеревался издать перевод «Мира саги» Хельги Харальдссона, но обещания не сдержал. Книга *Heimur íslendingasagna* вышла в другом издательстве уже после смерти М.И. Стеблин-Каменского.
- Линден/Людден, Сирн Свердруп (Siri Sverdrup Lunden; 1920–2003) – норвежская славистка, профессор Университета Осло. Вместе с Терье Матиассеном (см.) была консультантом В.П. Беркова при составлении «Русско-норвежского словаря» (М., 1987).
- Лифшиц, Михаил Александрович (1905–1983) – философ.
- Лихачев, Дмитрий Сергеевич (1906–1999) – литературовед, сотрудник Пушкинского Дома, академик, приятель М.И. С.-К. со времен студенчества.
- Логунова, Таисия – выпускница норвежского отделения Кафедры германской филологии (1950 г.).
- Лорд, Альберт Бейтс (1912–1991) – эпосовед, профессор Гарвардского университета (Кембридж, Массачусетс, США), создатель (вместе с Милэном Пэрри – см.) формульной теории сложения эпоса, автор книги «Сказитель» (“*The Singer of Tales*”, 1960), рекомендованной М.И. Стеблин-

Каменским для издания на русском языке. М.И. С.-К. должен был стать ответственным редактором книги, но перевод был опубликован только в 1994 г.

Лотман, Юрий Михайлович (1922–1993) – литературовед, профессор Тартуского университета.

Людовик IX Святой (1214–1270) – король Франции (1226–1270).

Макаев, Энвер Ахмедович (1915–2004) – филолог-германист

Маккиавелли, Никколо (Niccolò Machiavelli; 1469–1527) – итальянский политический деятель.

Мануйлов, Виктор Андронникович (1904–1987) – литературовед, сотрудник Пушкинского Дома, приятель М.И. С.-К. со времени блокады.

Мария Александровна – см. *Сидорова М.А.*

Мария Ивановна, Маша – см. *Полторак М.И.*

Мария Михайловна – см. *Михайлова М.М.*

Маркс, Карл (Karl Marx; 1818–1883) – немецкий философ.

Марр, Николай Яковлевич (1864/65–1934) – языковед, академик, создатель «яфетической теории» и «Нового учения о языке», господствовавшего в советском языкознании до 1950 г.

Мартине, Андре (André Martinet; 1908–1999) – французский лингвист, автор книги *“Economie des changements phonétique”* (1959; рус. перев.: «Принцип экономии в фонетических изменениях», 1960), оказавшей значительное влияние на диахроническую фонологию, большой вклад в развитие которой внес М.И. С.-К.

Матиассен, Терье (Terje Mathiassen; 1938–1999) – профессор русского языка в Университете Осло, автор большой русской грамматики и учебника литовского языка. Вместе с Сири Свердруп Люнден (см.) был консультантом В.П. Беркова при составлении «Русско-норвежского словаря» (М., 1987).

Махно, Нестор Иванович (1888–1934) – анархист, командир повстанческой армии на Украине.

Маша – см. *Стеблин-Каменская, Мария Ивановна.*

Мелетинский, Елеазар Моисеевич (1918–2005) – фольклорист, эпосовед, сотрудник ИМЛИ АН.

Мельникова, Елена Александровна – специалист по древнегерманской истории и филологии, сотрудница ИИ РАН.

Мендельсон, Феликс (Felix Mendelsohn; 1809–1847) – немецкий композитор.

Мешерский, Никита Александрович (1906–1987). филолог, в 1963–1978 гг. профессор и заведующий кафедрой русского языка Ленинградского государственного университета.

Микельанджело Буонаротти (Michelangelo Buonarroti; 1475–1564) – итальянский скульптор, художник и архитектор.

Миша – см. *Стеблин-Каменский М.И.*

Михайлова, Ирина Михайловна – филолог-германист, доцент, зав. нидерландского отд. кафедры скандинавской филологии Филологического факультета СПбГУ, дочь А.И. Сидоровой, племянница и крестница М.И. С.-К.

Михайлова, Мария Михайловна (1953) – дочь А.И. Сидоровой.

Мольер, Жан-Батист (Jean-Baptiste Molière; 1622–1673) – французский драматург.

Морген, Аарон Михайлович (1900–1960) - уполномоченный Управления уполномоченного ЛГУ в г. Ленинграде, организованного 4 марта 1942 года для охраны и сохранения материальных ценностей, организации противовоздушной обороны и руководства деятельностью всех оставленных в Ленинграде работников факультетов и институтов.

Мосберг, Хильда Ивановна (1903–1985) – историк, профессор Тартуского университета, член-корр. Эстонской АН, организатор Скандинавских конференций в 60–70-е годы XX века; ответственный редактор скандинавского сборника.

Муравьева, Мария Михайловна (урожд. Родзянко, 1909–1982) – мать О.Н. Стеблин-Каменской.

Мухин, Анатолий Митрофанович (1922) – лингвист, сотрудник ИЛИ РАН.

Мюкле, Агнар (Agnar Mykle; 1915–1994) – норвежский писатель, известный своими романами, содержащими откровенные описания эротических сцен, «Лассо вокруг госпожи Луны» (*Lasso rundt fru Luna*, 1954) и особенно «Песнь о красном рубине» (*Sangen om den røde rubin*, 1956).

Миоллер, Владимир Карлович (1880–1942) – редактор англо-русских, русско-английских словарей, с которым М.И. С.-К. сотрудничал в 1920-е – 30-е гг.

Мятлев, Иван Петрович (1796–1844) – русский поэт-юморист.

Наг, Мартин (Martin Nag, род. 1927) – норвежский литератор и переводчик.

Наполеон – Наполеон I Бонапарт (Napoleon I Bonaparte; 1769–1821) – французский император (1804–1815).

Наталья, тетя Наташа – см. Стеблин-Каменская Н.И.

Наташа – см. Стеблин-Каменская Н.М.

Неусыхин, Александр Иванович (1898–1969) – советский историк, профессор МГУ.

Ницше, Фридрих (Friedrich Wilhelm Nietzsche; 1844–1900) – немецкий философ.

Нордаль, Сигурдюр (Sigurdur Nordal; 1907–1988) – исландский филолог.

Обер, Кеннет (Kenneth H. Ober; 1930–2003) – филолог и переводчик. Перевел для Odense University Press «Мир саги».

Ознобишин, Дмитрий Владимирович (1916–1990) – ученый секретарь серии «Литературные памятники»

Окладников, Алексей Павлович (1908–1981) – историк, археолог, академик АН СССР, директор Института истории и экономики Сибирского отделения АН СССР.

Олафссон, Фридрик (Fridrik Ólafsson; род. 1935) – исландский шахматист.

Олеша, Юрий Карлович (1899–1960) – русский писатель.

Ольга Александровна – см. Смирницкая Ольга Александровна.

Ольдерогге, Дмитрий Алексеевич (1903–1987) – востоковед-африканист, профессор Востфака ЛГУ, член-корр. АН СССР.

Оппенгеймер, Дж. Роберт (J. Robert Oppenheimer; 1904–1967) – американский физик, руководитель «Манхэттенского проекта» создания атомной бомбы.

Оускарсон, Бальдюр (Baldur Óskarson) – исландец, посетивший Ленинград в 1973 г.

Пайк, Кеннет Л. (Kenneth L. Pike; 1912–2000) – американский лингвист.

Панченко (V–IV вв. до н.э.) – древнеиндийский грамматист.

Панченко, Александр Михайлович (1937–2002) – литературовед, сотрудник Пушкинского Дома, академик РАН.

Паульссон, Херманн (Hermann Pálsson; 1921–2002) – исландский лингвист и переводчик.

Петров, Сергей Владимирович (1911–1988) – поэт, прозаик, переводчик.

Пизани, Витторе (Vittore Pisani; 1889–1990) – итальянский лингвист.

Пиндар (522?–443) – древнегреческий лирический поэт.

Полонская (Кнудсен) Эльвира Рангвальдовна (1891–1956) – преподавательница норвежского языка (1945–1956) ЛГУ.

Полторацкая Мария Ивановна (урожд. Стеблин-Каменская; 1966) – внучка М.И. С.-К. Иконописец.

Принцип, Гаврило (1894–1918), убийца австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда (см.)

Пропп, Владимир Яковлевич (1895–1970) – фольклорист, профессор Филологического факультета ЛГУ.

Пруст, Марсель (Proust, Marcel; 1871–1922) – французский писатель.

Пушкин, Александр Сергеевич (1799–1837) – русский поэт.

Пэрри, Милмэн (Milman Parry; 1902–1935) – эпосовед, профессор Гарвардского университета (Кембридж, Массачусетс, США), учитель А.Б. Лорда, создатель формульной теории сложения эпоса.

Пьетурссон, Магнус (Magnús Pétursson; 1940) – исландский фонетист.

Рабле, Франсуа (François Rabelais; 1494?–1553) – французский писатель.

Разумовская, Ирина Александровна (1927–2009) – выпускница норвежского отделения Кафедры германской филологии (1950 г.). Впоследствии сотрудница Государственной публичной библиотеки (в наст. вр. Российская национальная библиотека). Член Союза писателей РФ (Союза писателей Санкт-Петербурга) и Гильдии «Мастера литературного перевода». В соавторстве с С.П. Самостреловой-Смирницкой перевела роман Юнаса Ли «Майса Юнс» (Юнас Ли «Майса Юнс» под ред. В. Беркова. Изд. «Художественная литература» 1961 г.) и несколько сказок Г.Х. Андерсена, вошедших в двухтомник (Г.Х. Андерсен. «Сказки и истории». Изд. «Художественная литература» 1969 г.).

Райкин, Аркадий Исаакович (1911–1987) – артист эстрады, народный артист СССР (1968).

Раск, Расмус Христиан (Rasmus Christian Rask; 1787–1832) – датский лингвист.

Ревзин, Исаак Иосифович (1923–1974) – российский лингвист.

Ремарк, Эрих-Мария (Erich Maria Remarque; 1898–1970) – немецкий писатель.

Репин, Илья Ефимович (1844–1930) – русский художник.

Рублев, Андрей (XIV в.) – русский художник-иконописец.

Руцкая Валентина Федоровна – аспирантка М.И. Стеблин-Каменского. Автор диссертации «Развитие системы гласных в нортумбрийском диалекте древнеанглийского языка». Минск, 1969.

Рыбаков, Борис Александрович (1908–2001) – историк, археолог, академик РАН, директор Института археологии АН СССР.

Рыбаков, Евгений Тимофеевич – сотрудник Воейковской геофизической обсерватории, с которым М.И. С.-К. встречался, катаясь на лыжах в Воейкове.

Рылзевская, Елена Александровна (1890–1941) – историк-скандинавист.

Саксон Грамматик (Saxo Grammaticus; ок. 1140 – после 1208) – датский хронист, автор «Деяний датчан» (*"Gesta Danorum"*).

Самарин, Роман Михайлович (1911–1974) – литературовед, историк зарубежных литератур, зав. кафедрой истории зарубежных литератур (с 1947).

Самострелова-Смирницкая, Светлана Петровна – выпускница норвежского отделения Кафедры германской филологии (1950 г.). Переводчица. Член Союза писателей РФ (Союза писателей Санкт-Петербурга) и Гильдии «Мастера литературного перевода». В соавторстве с И.А. Разумовской перевела роман Юнаса Ли «Майса Юнс» (Юнас Ли «Майса Юнс» под ред. В. Беркова. Изд. «Художественная литература» 1961 г.) и несколько сказок Г.Х. Андерсена, вошедших в двухтомник (Г.Х. Андерсен. «Сказки и истории». Изд. «Художественная литература» 1969 г.).

Санд, Жорж (George Sande псевд. Авроры Люси Дюпен, баронессы Дюдеван; 1804–1876) – французская писательница.

Сандрик – см. Болдырев А.Н.

Сахаров, Андрей Дмитриевич (1921–1989), физик, общественный деятель, академик АН СССР (1953), Луреат Нобелевской премии (1975),

Свейнссон, Эйнар Оулавюр (Einar Ólafur Sveinsson; 1899–1984) – исландский филолог.

Свердлов, Михаил Борисович (род. 1939) – советский/российский историк, доктор исторических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

Сверрир (впервые упоминается в 1177) – норвежский конунг.

Свешникова, Лидия Николаевна (Лидочка) – родственница А.И. Сидоровой.

Свифт, Джонатан (Jonathan Swift; 1667–1745) – английский писатель.

Сёдерберг, Яльмар (Hjalmar Söderberg, 1869–1941) – шведский писатель.

Сепир, Эдуард (Edward Sapir; 1885–1939) – американский лингвист.

Сибелиус, Ян (Jean Sibelius; 1865–1957) – финский композитор.

Сигурд – персонаж «Старшей Эдды».

Сигурдссон, Йоун (Jón Sigurðsson; 1811–1879) – руководитель движения за независимость Исландии.

Сигурдссон, Иоунас (Jónas Sigurðsson) – шофер, возивший по Исландии группу, в которой находился М.И. Стеблин-Каменский

Сигурдссон, Пауль (Páll Sigurðsson) – исландский стажер (1975 г.)

Сидорова, Анна Ивановна (1910–2002), Ася, тетя Ася – двоюродная сестра жены М.И. С.-К., физик, доцент физфака ЛГУ.

Сидорова, Мария Александровна (18??–1947), тетя Маишюра – мать А.И. Сидоровой.

Скаллаgrimссон, Эгиль (Egill Skallagrímsson 910–ок. 990) – исландский скальд.

Смирницкая, Ольга Александровна – филолог-германист, профессор МГУ, много лет сотрудничала с М.И. С.-К.

Смирнов, Иван Дмитриевич – выпускник норвежского отделения Кафедры германской филологии (1950 г.). После окончания ЛГУ работал в VII отделе ПУ ЛенВО в звании лейтенанта. Умер.

Солженицын, Александр Исаевич (1918–2008) – русский писатель, лауреат Нобелевской премии.

Соллертинский, Иван Иванович (1902–1944) – историк музыки, театра и литературы. М.И. С.-К. был знаком с ним в 1920–30е гг.

Сологуб (Тетерников), Федор Кузьмич (1863–1927) – русский поэт, писатель.

Соссюр, Фердинанд де (Ferdinand de Saussure; 1857–1913) – швейцарский лингвист.

Сталин (Джугашвили), Иосиф Виссарионович (1879–1953) – генеральный секретарь ВКП(б)/КПСС (1922–1953), председатель Совета Министров СССР (1941–1953).

Стеблин-Каменская, Мария Ивановна (1894–1943), Маша – старшая сестра М.И. С.-К., вместе с которой он жил с 30-х гг., историк, сотрудница Института истории АН.

Стеблин-Каменская, Наталия Ивановна (по мужу Шагал, 1897–1989) – старшая сестра М.И. С.-К., с 20-х гг. жила во Франции.

Стеблин-Каменская, Наталия Михайловна (по мужу Шедова, 1939–2006), Наташа – дочь М.И. С.-К.

Стеблин-Каменская, Наталия Николаевна (урожд. Гонецкая, 1865–1940) – мать М.И. С.-К.

Стеблин-Каменская, Ольга Никитична (урожд. Муравьева, 1949), Агаша – жена И.М. Стеблин-Каменского, художница.

Стеблин-Каменская, Ольга Сергеевна (урожд. Шидловская, 1913–1985), Аля – жена М.И. С.-К., доцент Географического факультета ЛГУ.

Стеблин-Каменский, Егор (Георгий) Павлович (1815–1882) – дед М.И. С.-К., Виленский гражданский губернатор.

Стеблин-Каменский, Иван Егорович (1857–1919) – отец М.И. С.-К., юрист-консульт Морского министерства.

Стеблин-Каменский, Иван Егорович (Георгиевич) (1887–1930) – двоюродный брат М.И. С.-К., морской офицер, священник, священномученик о. Иоанн (Воронежский).

Стеблин-Каменский, Иван Иванович (1895–1944) – брат М.И. С.-К., морской офицер, после революции жил во Франции, во время Второй мировой войны переводчик германского вермахта.

Стеблин-Каменский, Иван Михайлович (1945), Ваня – сын М.И. С.-К., иранист, профессор Востфака, академик РАН.

Стеблин-Каменский, Михаил Иванович (1970), Миша – внук М.И. С.-К., бакалавр богословия.

Стеблин-Каменский, Ростислав Андреевич (1857–1894) – двоюродный дядя М.И. С.-К., революционер-народник.

Стеблины, Стеблинские – семья в Малороссии

Стендаль (Stendhal; псевд. Мари-Анри Бейль (Marie-Henri Beyle); 1783–1842) – французский писатель.

Стефаунссон, Стефаун (Stefán Stefánsson; 1863–1921) – исландский поэт.

Стефаунссон, Халльдоур (Halldor Stefánsson; 1892–1979) – исландский писатель.

Стурлусон, Снорри (Snorri Sturluson; 1179–1241) – исландский писатель, ученый и политик.

Сулейменов, Олжас (1936) – писатель, поэт.

Теккерей, Уильям Мейкпис (William Makepeace Thackeray; 1811–1863) – английский писатель.

Тетя Зоя – см. Кондойди З.А.

Тито, Иосип Броз (1892–1980) политический и государственный деятель Югославии, президент (с 1953).

Тито, Йованка Броз (урожд. Будисавлевич; род. 1924) – последняя жена И. Броза Тито.

Тойнби, Арнольд Джозеф (1889–1975) – английский историк, культуролог, автор книги «Постижение истории» (*“A Study of History”*).

Толстой, Лев Николаевич (1828–1910) – русский писатель.

Торлейв – персонаж новеллы М.И. Стеблин-Каменского «Стоит ли возвращаться с того света?», последняя глава «Мира саги».

Торндаль, Виллиам (William Thorndal) – датский славист, многолетний корреспондент М.И. С.-К.

Торродсен, Йоун (Jyn Thoroddsen; 1818 или 1819 – 1868) – писатель, автор романов «Юноша и девушка» (*“Piltur og stúlka”*, 1850) и «Мужчина и женщина» (*“Maður og kona”*; 1876), которые положили начало новой исландской литературе. На основе первого написана комедия, впервые поставленная в Рейкьявике в 1934 г.

Торсуев Георгий Петрович (1908–1984) – фонетист.

Тоурдарсон, Тоурбергюр (Þórbergur Þórdarson; 1889–1974) – исландский писатель и общественный деятель.

Тоурдарсон, Фридрих (Fríðrik Þórðarson; 1928–2005) – специалист по иранским языкам, преподаватель классических языков в Университете Осло.

Трика, Богумил/Бохумил (Bohumil Trnka; 1895–1984) – чешский лингвист, знакомый М.И. С.-К.

Тронский Иосиф Моисеевич (1897–1970) – языковед, сотрудник ИЯ.

Трубецкой, Николай Сергеевич (1890–1938) – лингвист, профессор Венского университета, один из основателей структурализма в языкознании.

Туоделл, Уильям Фримен (William Freeman Twaddell; 1906–1982) – американский лингвист.

Тур В.И. – см. Видонова

Тютчев, Федор Иванович (1803–1873) – русский поэт.

Уайльд, Оскар (Wilde, Oscar; 1854–1900) – английский писатель.

Унсет, Сигрид (Sigrid Unset; 1882–1949) – шведская писательница.

Фафнир – персонаж «Старшей Эдды», убийца, ставший драконом.

Феогнид (2-я пол. VI в. до н.э.) – греческий поэт.

Фидьестёл, Бьярне (Bjarne Fidjestøl; 1937–1994) – профессор Университета Бергена, автор перевода «Мира саги» на новонорвежский язык (*“Íslendingesögene og ví”*), высоко оцененного М.И. Стеблин-Каменским.

Франц-Фердинанд фон Эсте (1863–1914) – австрийский эрцгерцог, убийство которого Гаврилой Принципом (см.) в Сараеве (Босния) 28 июня 1914 г. послужило поводом к началу Первой мировой войны.

Хайле Селассие I (1892–1975) – последний император Эфиопии (1930–1974),

Халипов, Сергей Григорьевич (1936) – филолог, к.ф.н., доцент, известный полиглот; с 1970 по 1996 г. преподавал на Кафедре скандинавских языков ЛГУ/СПбГУ.

Халльберг Петер (Peter Hallberg; 1916) – шведский филолог.

Хальворсен, Эйвин Фьельд (Eivind Fjeld Halvorsen;) – скандинавист, профессор Университета в Осло.

Харальдссон, Хельги (Helgi Haraldsson, 1938) – исландец, славист, учившийся в Ленинграде и занимавшийся с М.И. С.-К. исландским языком в 1960-е гг.

Хафстад, Сигурдур (Sigurdur Hafstad; 1916–2003) – первый секретарь исландского посольства в Москве.

Хейзинга, Йохан (Johan Huizinga; 1872–1945) – нидерландский историк.

Хейн, Пит, «Кумбель» (Piet Hein; 1905–1996) – датский ученый, писатель, изобретатель, художник и инженер; известен своими стихотворными афоризмами, которые он называл «груки» (*gruki*).

Хельгадоухтир, Анна (Anna Helgadóttir; род. 1971) – дочь Хельги Харальдсона. Ее М.И. С.-К. видел еще в ленинграде.

Хельгадоухтир, Ауста (Ásta Helgadóttir; род. 1972) – дочь Хельги Харальдсона. С ней М.И. С.-К. встречался в Исландии.

Хельгасон, Йоун (Jón Helgason; 1899–1986) – исландский ученый и поэт.

Хемингуэй, Эрнест (Ernest Hemingway; 1899–1961) – американский писатель.

Хенриксен, Вера (Vera Henriksen; 1927) – норвежская писательница, автор «Женщины саг» (*Sagaens kvinner*, 1981).

Ходасевич, Владислав Фелицианович (1886–1939) – русский поэт.

Хойслер, Андреас (Andreas Heusler; 1865–1940) – швейцарский/немецкий филолог-германист.

Хокон VII (Christian Frederik Carl Georg Valdemar Axsell; 1872–1957) – король Норвегии (1905–1957)

Хольберг, Людвиг (Ludvig Holberg; 1684–1754) – поэт-сатирик, драматург, создатель датского национального театра, ученый; автор «Описания Дании и Норвегии» (*Beskrivelse af Danmark og Norge*, 1729)

Хомский, Ноам (Noam Chomsky; 1928) – американский лингвист.

Храпченко, Михаил Борисович (1904–1986) – советский литературовед, академик.

Хрушев, Никита Сергеевич (1894–1971) – генеральный секретарь ЦК КПСС (1953 – 1964), председатель Совета министров СССР (1958–1964).

Чахоян, Людмила Павловна (урожд. Шипулина; 1932–2006) – филолог-англист, профессор ЛГУ/СПбГУ; зав. кафедрой английской филологии (1982 – 1988) и кафедрой английской филологии и перевода (1988 – 1997) Филологического факультета ЛГУ/СПбГУ.

Чернышевский, Николай Гаврилович (1818–1889) – публицист, революционный демократ, писатель.

Чехов, Антон Павлович (1860–1904) – русский писатель.

Шабакеева-Харальдссон, Дина Якубовна – жена Хельги Харальдссона.

Шавловская, Ольга – родственница О.С. Стеблин-Каменской

Шахнович, Михаил Иосифович (1911–1992) – доктор философских наук, профессор СПбГУ, историк философии и религии.

Шварц, Евгений Львович (1896–1958) – драматург.

Шекспир, Вильям (William Shakespeare; 1564–1616) – английский поэт и драматург.

Шиганова (впоследствии Чайка) Клара — выпускница норвежского отделения Кафедры германской филологии (1950 г.).

Шидловская, Ольга Павловна (урожд. Тыртова, 1891–1920) — мать О.С. Стеблин-Каменской.

Шидловский, Сергей Александрович (1886–1920) — отец О.С. Стеблин-Каменской, жены М.И. С.-К.

Шифман, Эсфирь Израилевна (1922–1997) — историк-медиевист, жена А.Я. Гуревича.

Шинмарев, Владимир Федорович (1874–1957) — филолог-романист, академик.

Штраус, Йоганн (Johann Strauss; 1804–1849) — австрийский композитор, дирижер и скрипач.

Шумков, Андрей Александрович (1956) — историк, генеалог.

Щерба, Лев Владимирович (1880–1944) — лингвист, профессор Филологического факультета ЛГУ, академик.

Эйнарссон, Бьярни (Bjarni Einarsson; 1917–2000) — исландский филолог.

Эйхенбаум, Борис Михайлович (1886–1959) — российский филолог.

Энгельс, Фридрих (Friedrich Engels; 1820–1895) — немецкий философ.

Эрлингссон, Тоурстеин (Þórsteinn Erlingsson; 1858–1914) — исландский поэт.

Эстербю, Мадс (Mads Østerby) — датский славист.

Эсфирь Израилевна — см. Шифман Э.И.

Якобсон, Роман Осипович (Roman Jakobson; 1896–1982) — российский/американский филолог.

Ярнатовская (впоследствии Кошечая), Людмила Евгеньевна — выпускница норвежского отделения Кафедры германской филологии (1950 г.).

Ярцева, Виктория Николаевна (1906–1999) — филолог, сотрудник, директор ИЯ, член-корр. АН.

*Михаил Иванович
Стеблин-Каменский*

**Из записных книжек.
(1958–1981)**

**Дневники. Письма.
Проза. Стихи.**

Оформление, оригинал-макет
Татьяны Николаевой

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. 21 п.л.
Тираж 800 экз.
Заказ № 18382.

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
Тел./факс: (812) 579-08-33, e-mail: evrodom2006@list.ru

Отпечатано по технологии СТР
В ОАО «Печатный двор им. А.М. Горького»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

Михаил Иванович Стеблин-Каменский (1903–1981) — выдающийся филолог, скандинавист, основатель Кафедры скандинавской филологии Ленинградского (ныне Петербургского) государственного университета, автор многочисленных трудов по языкознанию и литературоведению. В переводах и под редакцией М.И. Стеблин-Каменского были изданы такие выдающиеся памятники древнеисландской литературы, как «Старшая Эдда», «Младшая Эдда», скальдическая поэзия, баллады, а также ряд самых известных в древнеисландской традиции саг.

Впервые публикуемые «Записные книжки» — своего рода дневник, который в течение многих лет вел М.И. Стеблин-Каменский. В книгу включены также его письма, прозаические сочинения, стихотворение, написанное осенью 1942 г. в блокадном Ленинграде, а также воспоминания о М.И. Стеблин-Каменском двух его старейших учеников, В.П. Беркова и А.С. Либермана. Публикация «Записных книжек» была задумана сразу после смерти М.И. Стеблин-Каменского его вдовой, О.С. Стеблин-Каменской (1913–1985), которая начала подготовку книги к изданию, осуществленному И.М. Стеблин-Каменским и Ю.А. Клейнером.